ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСОВ

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Samara National Research University
Faculty of Philology

Department of English Philology
Department of German Philology

EVOLUTION AND TRANSFORMATION OF DISCOURSES

Issue 1

Collection of Linguistic Papers

Samara University Publishing House
Samara 2016

ISSN 2414-5882

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
КАФЕДРА НЕМЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСОВ

Выпуск 1

Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве сборника научных статей

Самара
Издательство «Самарский университет»
2016

УДК 43
ББК 81.2 Англ.-Нем.
Э15

Р е ц е н з е н т ы :
д-р филол. наук, проф. М.М Халиков,
д-р филол. наук, проф. Е.Г. Вышкин

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы :
д-р филол. наук, проф. С.И. Дубинин,
д-р филол. наук, доц. В.Д. Шевченко

Р е д а к ц и о н н а я коллегия :
д-р филол. наук, доц. Н.К. Данилова,
д-р филол. наук, доц. Г.В. Кучумова,
канд. филол. наук, проф. А.А. Харьковская,
д-р филол. наук, проф. Л.Г. Викулова,
канд. филол. наук, доц. Э.П. Васильева

Э15 **Эволюция и трансформация дискурсов**: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин и В.Д. Шевченко. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. Вып. 1. – 423 с.

В сборник включены материалы (статьи и тезисы) участников III научной конференции с международным участием «Эволюция и трансформация дискурсов», проходившей на филологическом факультете 1–2 апреля 2016 г.

Материалы сборника предназначены для филологов-дискурсоведов, а также специалистов в сфере иностранных языков и литературоведения.

УДК 43
ББК 81.2 Англ.-Нем.

© Авторы, 2016
© Самарский национальный исследовательский университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

I. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Wolf N.R. Von der Sprache des Abschieds 11
Бутылов Н.В. Особенности аргументативного дискурса парламентских выступлений 33
Морозова А.Н. Дискурс как объект лингвистического исследования и как единица метаязыка 42
Рассоха М.Н. Языковые сообщества и дискурс о языке 49
Сулейманова О.А. К вопросу о роли лингвистической семантики в дискурсивном анализе 64
Трофимова Ю.М. Паремиологический дискурс в аспекте его эволюционных свойств 72
Шевченко В.Д. Событие в разных дискурсах

II. ТИПЫ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Slatinska A. Socio-cultural aspects of the Irish language revitalization 81
Абрамова И.Е. Взаимодействие дискурса и социума: социофонетический подход 87
Балашова Е.С. Функционирование абстратных имен существительных в англоязычном рекламном дискурсе 92
Борботько Л.А., Костромина Э.А. Критерии взаимовлияния вербальных и невербальных компонентов театральной афиши 97
Викулова Л.Г. Издательский дискурс, или как рекламирует себя книга 104
Иноземцева Н.В. Англоязычный научно-методический дискурс: категории и функции 113
Кривченко И.Б. Эволюция средств языковой репрезентации эмоций в драматургическом и смежных видах дискурса 117
Плотницкий Ю.Е. Специфические характеристики песенной лирики саундтрека как компонента кинотекста (на материале песенной лирики саундтрека к сериалу «Настоящая кровь») 124

Толстова Т.В. Культурная специфика жанровых конвенций аннотации к научной статье в англоязычных и русскоязычных журналах 132
Харьковская А.А. Трасформация англоязычного коммуникативного пространства в эпоху медийных технологических инноваций 137
Чертоусова С.В. Экономический медиа-дискурс и его характеристики 145

III. КОГНИТИВНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА

Jesenská P. A few notes on analysis of *word* definition 153
Štulajterová A., Balaško R. Models and functions of ellipsis in spoken and written discourses 159
Безбородникова Е.В. Особенности представления ситуативных моделей в художественном дискурсе (на материале романа И. Макьюэна «Суббота») 172
Безрукова А.А. Новые семантические и синтагматические характеристики лексемы *Майдан* в политическом дискурсе XXI века 180
Беспалова Е.В. Концепт «Wald» в дискурсе немецкой народной песни 189
Гринштейн А.С. Buzz words в английском газетном дискурсе 198
Денисов Н.В. Антропоцентрические структуры в медиадискурсе англоязычной публицистики 208
Дубинин С.И. «Солдат вермахта» как модельная личность в милитаристском дискурсе (на материале двуязычных словарей и кратких разговорников) 214
Ейкалис Ю.А. Лексико-морфологические особенности вербального текста современного немецкоязычного комикса 227
Пичкур А.И. Языковая рефлексия в дискурсе толерантности (на материале немецкоязычных СМИ) 235
Плисов Е.В. Язык религии как объект дискурсивной лингвистики 244
Тузлаева Е.А. Отражение грамматических особенностей языка *скотс* в современной шотландской литературе 248

IV. ВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДИСКУРСАХ

Pecnikova J., Slatinska A. Socio-cultural discourse of competencies and barriers in intercultural communication 255
Šavelová J. Current trends in teaching English with CAT tools for translation purposes 262
Васильева Э.П. Коммуникативные стратегии женских персонажей в конфликтных ситуациях в драмах Шекспира 270
Герасимова С.А. Эпистемические (предметные) стратегии методической записки как аппарата учебного издания 278
Голубкова И.В. Дискурс справочников по подаче заявлений: мультифункциональный текстотип как транслятор знания 285
Гончарова М.А. Трансформация типа текста «кулинарный рецепт» в Интернет-дискурсе 294
Данилова Н.К. Маркеры когнитивной перспективы в нарративе 303
Копшукова Е.В. Структурные параметры и функциональный потенциал демоверсий сертифицированных экзаменационных материалов по английскому языку 311
Кострова О.А. Языковые признаки личности Интернет-эпохи в романе К. Крахта “Faserland” 320
Никитин В.Н. Интеренференция в экзаменационном дискурсе (на примере модуля «Говорение» международного экзамена по немецкому языку TestDaF) 327
Сычёва М.А. Представленность национального наследия Франции в путеводителе как одном из жанров туристического дискурса 332

V. КОНСТАНТЫ И ВАРИАЦИИ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Javorčíková J. Synchronic and diachronic of dramatic genres 338
Воротникова А.Э. Дискурс литературы и кино (на материале романа «Пианистка» Э. Елинек и одноименного фильма М. Ханеке) 350
Евграшкина Е.Е. Tod im Rom: Über einen biographischen Mythos und seine literarischen Erscheinungsformen 358

Котелевская В.В. Медицинский дискурс и его дискредитация в повести Томаса Бернхарда «Племянник Витгенштейна» 368
Кучумова Г.В. Дискурс травмы: Меморизация травматического опыта (на материале немецкоязычного романа) 375
Стефанский Е.Е. Бинарная оппозиция «Klasická hudba» ‘классическая музыка’ – Pop music», ‘поп-музыка’ в художественном дискурсе романа М.Кундеры «Книга смеха и забвения» 387
Хорошевская Ю.П. Мотив искупительной жертвы как дискурсоформирующий элемент в тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона» 392
Цветков Ю.Л. Культурно-исторический дискурс немецкоязычного модерна (Die Moderne) 400
Шарышова Н.В. Социокультурные аспекты формирования песенного дискурса музыкального направления «готический рок» 408
Шевченко Е.С. Эволюция и трансформация театрального дискурса Вс. Мейерхольда 413

Сведения об авторах 419

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ставшая традиционной конференция «*Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты*», которая проводится в третий раз кафедрами английской и немецкой филологии, собирает широкий круг отечественных и зарубежных лингвистов, методистов и литературоведов. Кроме самарских филологов свои публикации представили коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Нижнего Новгорода, Иваново, Тулы, Оренбурга, Петрозаводска, Саранска, Тулы. Среди них немало статей молодых ученых и аспирантов. В их работах нашли отражение как общие вопросы дискурсоведения, типологии и моделирования, так и результаты исследования конкретных дискурсивных практик и вербального поведения коммуникантов, базирующиеся на различных типах русско- и иноязычного дискурсивного пространства.

Материалы конференции 2016 года рубрицированы в данном сборнике в пяти разделах: *Проблемы теории дискурса, Типы дискурсивных практик в современном социуме, Когнитивное и языковое моделирование дискурса, Вербальное поведение коммуникантов в дискурсах, Константы и вариации смысла в художественном дискурсе.*

Следует особо отметить блок статей наших зарубежных коллег. Так, профессор Норберт Рихард Вольф (в 1976-2008 гг. заведующий кафедрой немецкого языкознания университета г. Вюрцбург) представляет известную школу германистов нашего многолетнего вуза-партнера в ФРГ. Традиционно активное участие в конференции коллег-англистов из Словакии, представляющих кафедру англистики и американистики Университета им. Матея Бела в г. Банска Быстрица: А. Стулайтеровой, Я. Яворчиковой, П. Есенской, Я. Пецниковой, А. Слатинской, Я. Савеловой, Р. Балашко.

Статьи зарубежных коллег публикуются в авторской редакции.

Свои изыскания представили наши молодые ученые-германисты, работающие, в частности, в исследовательских проектах в ФРГ:

аспирантка И.В. Голубкова (кафедра германского языкознания университета г. Эрфурт) и к.ф.н. Е.Е. Евграшкина (институт славистики университета г. Трир).

По результатам конференции 2016 года был проведен круглый стол, наметивший перспективы наших изысканий.

По итогам конференций пополняется созданный в 2013 году «*Поволжский портал Интернет-ресурсов по дискурсивным исследованиям*» (http://engphil.samsu.ru/laniuscms/). В видео-архиве и трех разделах «Типология дискурсов», «Вопросы инновационной методики преподавания иностранных языков», «Литературоведческие исследования по дискурсу» помещены материалы преподавателей кафедры английской филологии, кафедры немецкой филологии, кафедры русской, зарубежной литературы и связей с общественностью нашего университета, коллег из других вузов, представляющие дискурсоведческие изыскания.

Ждем Ваших отзывов на кафедральных Интернет-страницах
и приглашаем к сотрудничеству!
http://engphil.samsu.ru/ http://germanistik.samsu.ru/

Редколлегия

I. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Norbert Richard Wolf
(Würzburg, BRD)

VON DER SPRACHE DES ABSCHIEDS[1]

Es werden die semantischen und grammatischen Merkmale sowie Textausprägungen (Abschiedsvorlesung, dichterische Formen) der Konzepts „Abschied" diachronisch analysiert

Schlüsselwörter: *Abschiedsvorlesung, Diskurs des Abschieds, Deutsch*

Das Substantiv *Abschiedsvorlesung* ist ein Kompositum, das aus den beiden substantivischen Konstituenten *Abschied* und *Vorlesung* besteht. Historisch gesehen, sind beide Konstituenten Ableitungen: *Abschied* ist eine implizite Ableitung vom Verbum *abscheiden*, das im Frühneuhochdeutschen die Bedeutung ‚weggehen' hat. Das Substantiv begegnet seit dem 15. Jahrhundert im Deutschen [Kluge 2011: 9], *abscheiden* ‚weggehen' kann im frühen Deutsch ebenso wie die Substantivierung *Abschied* auf verschiedene Bereiche referieren [nach DWb[2] 1983: 792ff.; Paul 2002: 42]:

- Zunächst auf den Tod: So ist in der Bibelübersetzung von Martin Luther (1545) zu lesen: *ABer der Gerechten seelen sind in Gottes hand / vnd kein qual rüret sie an. 2Fur den Vnuerstendigen werden sie angesehen*

[1] Der Aufsatz beruht auf der Abschiedsvorlesung, die der Autor als Gastprofessor der Universität Opava 19.02.2016 gehalten hat. Man unterscheide dabei zwischen der ‚Abschiedsvorlesung', einem akademischen Ritual, und der ‚Abschiedsrede', einer epideiktischen rhetorischen Gattung, die in erster Linie Persönliches ausspricht. Aus diesem Grund enthält der Aufsatz sowohl Objektives (es sind sprachwissenschaftliche Beobachtungen) und Subjektives (das auf eigenem Erleben beruht). Die Vortragsform ist gekürzt beibehalten.

/ als stürben sie / Vnd jr ***Abschied*** *wird fur ein pein gerechnet* [Luther 1545, Weish 3,1-2]. In der Text-Revision von 1984 steht statt *Abschied* der Euphemismus *Heimgang*: *Die Seelen der Gerechten sind in Gottes Hand / und keine Qual kann sie berühren. In den Augen der Toren sind sie gestorben, / ihr* ***Heimgang*** *gilt als Unglück* [Luther 1984, Weish 3,1-2].

Dazu vermerkt in interlinearer Kommentar: „Der Verfasser vermeidet für die Gerechten die Ausdrücke ‚Tod' und ‚sterben'; nur die Sünder lässt er vom Tod und Sterben der Gerechten sprechen (2,20). Der Tod, der durch den Neid des Teufels in die Welt gekommen ist, ist für den Verfasser zwar der leibliche Tod, aber nur insofern er zum ewigen Tod führt (4,19f; 17,20), also der Tod der Sünder (2,24)."

H. Paul führt als Beispiel für die Bedeutung ‚Tod' die Luther-Stelle Apg. 20,29 an [Paul 2002: 42]: *Denn das weis ich das nach meinem* ***Abschied*** *werden vnter euch komen grewliche Wolffe / die der Herde nicht verschonen werden.* (Luther 1545). An dieser Stelle setzt Luther 1984 *Weggang* anstelle von *Abschied*: *Ich weiß: Nach meinem* ***Weggang*** *werden reißende Wölfe bei euch eindringen und die Herde nicht schonen* [Luther 1984]. Es ist dies ein Teil einer Rede des Apostels Paulus, von dem vor diesen Worten mehrfach gesagt worden war, dass er abreisen werde.

- Mit der Bedeutung ‚Tod' hängt eng zusammen: „mit gewissen Zeremonien (Gebärde, Gruß) verbundenes Auseinandergehen" [Paul 2002: 42]. Diese Bedeutung, allgemein als „Aufbruch, Trennung" paraphrasiert, begegnet geradezu prototypisch in Liebesdichtung [DWb2 1983: 793].
- Bis ins 18. Jahrhundert gibt es eine dritte, rechtsprachliche Bedeutung „Beschluß, Vereinbarung, Entscheidung" [DWb2 1983: 792]. In einer Regensburger Chronik heißt es zum Jahr 1541: „*auf das groß clagen u. schreien gefiell dem pfaffen zu abschid von einen erwern rath* (traf der Rat gegen den Pfaffen den Entscheid)" [DRW online]. Diese Bedeutung lebt noch in der Kollokation *ein Gesetz verabschieden* weiter.

In der Gegenwartssprache hat sich die Situation etwas vereinfacht. Das Wahrig-Wörterbuch kennt drei Lesarten von *Abschied* [Wahrig 2012]:

Ab|schied ⟨m. 1; meist unz.⟩

1. *Trennung*; 2. *Lebewohl;* 3. *Entlassung*

● den ~ bekommen od. erhalten (Beamte, Offiziere) *entlassen werden*; jmdm. den ~ geben *jmdn. entlassen*; ~ nehmen (von) *sich verabschieden*; die Familie nahm vom Verstorbenen ~ *versammelte sich ein letztes Mal um den V.*; seinen ~ nehmen, einreichen *um seine Entlassung ersuchen.*

Allerdings ist für die Lesart „Lebewohl“ kein Beispiel angeführt. Im Gegensatz zu Wahrig kennt das Duden-Universalwörterbuch nur zwei Bedeutungen:

Ạb|schied, der; -[e]s, -e [zu abscheiden]:

1. <Pl. geh.> *Trennung von jmdm., etw.:* der erste A. von zu Hause fiel ihm sehr schwer; ein A. für immer; jmdm. zum A. winken;

☆ **A. nehmen** (geh.: 1. *sich vor einer längeren Trennung verabschieden:* von den Freunden, von der Heimat A. nehmen. 2. *einem Toten den letzten Gruß entbieten:* die Bevölkerung nahm A. von dem Verstorbenen).

2. <Pl. selten> (veraltet) *Entlassung (bes. von Offizieren, Beamten):* den A. erteilen, geben; als Major seinen A. nehmen; seinen A. *(sein Entlassungsgesuch)* einreichen.

Es scheint sinnvoller und der Sache angemessener zu sein, nur die beiden Bedeutungen bzw. Lesarten ‚Trennung‘ und ‚Entlassung‘ anzunehmen. Außerdem ist eine semantische Beziehung zum Verbum *abscheiden* nicht mehr festzustellen, sodass *Abschied* als demotiviert und als Simplex anzusehen ist. Implizit verweisen die Wörterbücher darauf, dass es keine intransitive verbale Ableitung von *Abschied* gibt. In diese Lücke tritt eine funktionsverbähnliche Fügung wie *Abschied nehmen* ein. Wohl aber kennt die deutsche Gegenwartssprache die transitive Präfixkonversion *verabschieden* und die reflexive Konstruktion *sich verabschieden*. Von diesem Verbum kann das Nomen actionis *Verabschiedung* abgeleitet werden. Soweit einige Beobachtungen zur ersten Konstituente des Kompositums *Abschiedsvorlesung*.

Nun zur zweiten Konstituente, zu *Vorlesung*. Eine *Vorlesung* ist eine Lehrveranstaltung an einer Universität, eine spezielle „Form des Unter-

richts an Hochschulen u. Universitäten ohne Unterrichtsgespräch u. Diskussion“ [Wahrig 2012]. Rein formal ist dieses Substantiv eine Suffixableitung vom Substantiv *Vorlesen*, das allerdings mit der akademischen Lehrveranstaltung nichts mehr zu tun hat [Wahrig 2012]:

vorlesen; vor|le|sen ⟨V. t. 178; hat⟩ jmdm. etwas ~ *vor od. für jmdn. laut lesen* ● jmdm. einen Brief, einen Zeitungsartikel ~; Kindern Märchen, Geschichten ~; jmdm. aus der Bibel ~; vorgelesen, genehmigt, unterschrieben ⟨Abk.: v., g., u.⟩ *(Formel unter gerichtl. Protokollen).*

Das Grimm'sche Wörterbuch liefert für die Mitte des 16. Jahrhunderts einen Beleg [DWb 1937], dass das Verbum *vorlesen* die Basis für das akademische Substantiv war: *vom akademischen Lehrvortrage* (*s.* Vorlesung): erstlich ward er (*Hraban*) in der hohen schul zu Parisz für einen lerer auffgeworffen, da hatte er etliche zeit vorgelesen. HEROLD *chron. aller ertzbischove zu Maintz* (1551). Heute aber ist das Substantiv *Vorlesung* ebenfalls demotiviert. Allerdings kann das Simplex *lesen* die Bedeutung „Vorlesungen halten“ haben, z.B. *über deutsche Literatur lesen* [Wahrig 2012].

Wie dem auch sei, das Kompositum *Abschiedsvorlesung*, das heute den Anlass der Veranstaltung bezeichnet, ist voll motiviert, eine Paraphrase ist leicht herzustellen: ‚eine Vorlesung, die zum Abschied stattfindet‘. Gleichzeitig beobachten wir, dass jede Wortbildung, sobald sie von der Sprachgemeinschaft angenommen worden ist, dazu tendiert, sich zu demotivieren. Eine *Abschiedsvorlesung* ist keine „Form des Unterrichts“, wie es das Wahrig-Wörterbuch definiert, sondern vielmehr ein wesentlicher Teil der „Zeremonien“, die mit dem „Auseinandergehen“ [Paul 2002: 42] verbunden sind. Ein Abschied ist nicht ein leises Davonschleichen, sondern

ein gesellschaftlicher Akt. Eine Abschiedsvorlesung ist demnach ein spezieller Akt gesellschaftlichen Handelns oder eher des gesellschaftlichen Sprachspiels: es bedarf bei einem ordnungsgemäßen Abschied spezieller Rituale, die sprachlich oder nicht-sprachlich vollzogen werden. Nichtsprachlich wäre etwa ein Abschiedskuss, ein Handschlag oder eine andere Geste. Sprachliche Rituale im Alltag sind Grußformeln, aber auch ausführliche Abschiedsreden oder Abschiedsvorlesungen.

Der Abschied findet immer am Ende einer Interaktion statt. Die Gesprächslinguistik [Mroczynski 2014: 120ff.] gliedert ein Gespräch in drei Phase: die Eröffnungsphase, die Kernphase und die Beendigungsphase. In der Eröffnungs- und in der Beendigungsphase sind Grußformen und Grußformeln wichtige Elemente, darauf werden wir noch zurückkommen.

Auch die Beendigungsphase – die beiden anderen Gesprächsphasen lasse ich außer Betracht – ist nicht ein einfaches, sondern ein relativ komplexes Ereignis. Zunächst müssen die Gesprächspartner damit einverstanden sein, dass das Gespräch beendet wird. Wenn dem nicht so ist, dann kommt es entweder zu einem mehr oder weniger abrupten Gesprächsabbruch; oder es „kann aus einem Beendigungsversuch schnell neuer Gesprächsstoff werden“. Im positiven Fall kann die Beendigungsphase in 4 „Sequenzen“ unterteilt werden [Mroczynski 2014: 130]: „Resümeesequenz“, „Danksequenz“, „Wunschsequenz“, „Verabschiedungssequenz“.

Es ist jetzt nicht von Belang, ob in jedem Dialog alle diese Sequenzen realisiert werden. Hinweisen möchte ich aber, dass „Wunschsequenz“ nicht heißt, dass man sich vom/von den Gesprächspartner/-n etwas wünscht, sondern dass man gute Wünsche ausspricht, z.B.: *alles Gute; gute Besserung; einen schönen Tag*; *mach's gut; mach keinen Unsinn/Quatsch/Mist*; *lass dich's nicht verdrießen*. Und dann erst folgt die Verabschiedung im engeren Sinn, bei der Grußformeln und Grußformen eine wichtige Rolle spielen. Wir sagen zu einer Person, die wir nie mehr wieder sehen wollen *Auf Wiedersehen*. Wenn wir die Person besser kennen, dann sagen wir *tschüss*. In Franken sagt man oft auch *ade*, und das passt für jede Person. In Bayern und Österreich gibt es unter Freunden den

Abschiedsgruß *pfiadi*. Für Sprachwissenschaftler/innen sind solche Grußformeln von besonderem Interesse.

Ich beginne mit einer Anekdote aus meinem Leben. 1970 war ich als Gastprofessor in Texas. Ich hatte mir im New York einen gebrauchten VW-Käfer gekauft, war damit nach Texas gefahren. In der Stadt Lubbock, wo meine Universität war, war ein häufig geäußerter Abschiedsgruß der Imperativ *come back*. Einmal musste ich das Auto in die Werkstatt bringen, und als ich es wieder abholte, bezahlte ich, wie es auch in Texas üblich ist, die Rechnung und verabschiedete mich mit *Good bye*, wie ich es in der Schule gelernt hatte. Die Frau in der Werkstatt sagte das für sie übliche *come back*, worauf ich ganz erschrocken und in der Situation völlig falsch mit dem Satz *I hope not* antwortete.

Das ganze kann nur einen Sinn haben, wenn man solche Aktionen als Sprachspielerei verstehen will. Wenn man dies nicht tut, kann es zu gefährlichen Missverständnissen und Störungen der Interaktion kommen. Dazu noch eine biographische Anekdote. 1986 fuhr ich zum Zentralinstitut für Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften der DDR. Als ich dort ankam, begegnete ich einem Kollegen, den ich für den ‚Chefideologen' des Instituts hielt. Ich war von der Reise nach Berlin etwas müde und begrüßte den Kollegen wider besseres Wissen mit der süddeutsch üblichen Formel *Grüß Gott*. Der Kollege schreckte zurück und fragte mich, nahezu verängstigt: „Grüßen Sie auch Atheisten so?" Worauf ich antwortete: „Diese bevorzugt." Diese harmlose Situation wurde deshalb peinlich, weil das Wort *Gott* den Kollegen dazu veranlasste, die süddeutsch übliche Grußformel nicht als Teil eines Rituals, sondern als religiöse Verpflichtung zu sehen. Und das ist falsch und sollte einem Sprachwissenschaftler nicht passieren.

In Würzburg hört man hin und wieder auf den Gruß *Grüß Gott* die Reaktion „Wenn ich ihn treffe, werde ich es ihm sagen." Die Form *Grüß* wird da als Imperativ verstanden und *Gott* als Akkusativobjekt. Dabei wird nicht erkannt, dass die Grußformel zumindest teilweise demotiviert ist. Die ursprüngliche Bedeutung war *‚Dich grüße Gott', ‚Dich möge Gott grüßen'*. Der religiöse Bezug ist auf alle Fälle heute noch erkennbar.

Fälle wie das englische *Good-bye*, das sich immer weiter ausbreitende *Tschüs* oder das bairische *Pfüadi*/*Pfiati* sind nicht mehr so einfach durchschaubar, sondern es bedarf etymologischer Studien: *Good-bye* < *God be with you* [Onions 1974: 406]; *Tschüs* < wallon. *adjuus* < frz. *adieu*, lat. *ad deum* [Paul 2002: 48, 1028; Kluge 2011: 16]; *Pfüadi* < *Behüte dich (Gott)* [Schmeller 1872: 445]. Die etymologische Rekonstruktion des heute nicht mehr erkennbaren Grußkonzepts führt in diesen Beispielen in den religiösen Bereich: Gott möge eine Aufgabe übernehmen, die der sich Verabschiedende nicht übernehmen kann. Auf diese Weise fallen auch Wunsch- und Verabschiedungssequenz zusammen.

Es ist eine gesellschaftliche Norm, jede Interaktion nicht einfach zu beenden, sondern auf irgendeine Weise sich zu verabschieden. Je nach Situation und Sprecherintention kommt es zu ganz verschiedenen Formen des Abschieds. Dies entspricht auch unseren Alltagserfahrungen. Ein besonderer und deutlich markierter Abschied ist die Trennung ohne Abschiedsformel. Diese Form ist meistens der Ergebnis einer gestörten oder konfliktbehafteten Interaktion. In der belletristischen Literatur werden Begrüßungs- und Abschiedsszenen häufig weggelassen, weil sie im Alltagsleben der Menschen, zumindest im deutschen Sprachraum, selbstverständlich sind. Wenn allerdings Abschiedsszenen in der Belletristik ausgeführt werden, haben sie immer eine spezielle Textfunktion.

Der Wiener Autor Johann Nepomuk Nestroy (1801-1862) führte 1837 sein Lustspiel ‚Das Haus der Temperamente' auf. Der erste Satz der Regieanweisungen vermerkt: „Die Handlung spielt zu gleicher Zeit in zwei Zimmern des ersten und in zwei Zimmern des zweiten Stocks in einem und demselben Hause" [Nestroy o.J.: 9]. In jedem Zimmer wohnen Vertreter eines Temperaments; diese Figuren haben sprechende Familiennamen. Also:

- Links oben wohnen die Choleriker, und zwar Herr von Braus mit Tochter Walburga und Sohn Robert;
- Rechts oben wohnen die Phlegmatiker, und zwar Herr von Fad mit Tochter Agnes und Sohn Edmund;
- Links unten wohnen die Melancholiker, und zwar Herr von Trüb mit Tochter Irene und Sohn Guido;

• Rechts unten wohnen die Sanguiniker, und zwar Herr von Froh mit Tochter Marie und Sohn Felix.

Nestroy spielt hier mit der Lehre von den vier Temperamenten, die auf die antike Medizin zurückgeht. Um die Frage zu beantworten, was Nestroy von dieser Lehre hat wissen können, um also diesen Aspekt des Textes zu kontextualisieren, wie wir es immer in der ‚Troppauer Schule der sprachwissenschaftlichen Textanalyse' getan haben [vgl. Wolf 2012], versuchen wir, Texte, Textteile, Fragmente des Textwissens in die jeweilige historische Situation zu stellen. Mit anderen Worten, wir wollen und müssen herausfinden, was Nestroy zu seiner Zeit hat wissen können.

Ich bediene mich dazu eines ‚Conversations-Lexikons' von Pierer, das auch Nestroy gekannt haben kann [Pierer 1863]. Das Lexikon ist in der 1-en Auflage zwischen 1824-1836 in 26 Bänden erschienen. Mir steht es in elektronischer Form (Transkription und Faksimile) in der 4-en Auflage, die zwischen 1857-1865 in 19 Bänden herausgekommen ist, zur Verfügung. Das Stichwort „Temperament" befindet sich im 17. Band und wird so definiert:

Temperament (v. lat.), […] die durch den körperlichen Organismus mitbedingte, also physiologisch zu erklärende individuelle Disposition in Beziehung auf die Gefühlsweise, die Affecte u. Leidenschaften sammt der daraus hervorgehenden Art des Handelns. […] Hippokrates u. dessen Nachfolger namentlich Galenos u. seine Schule, beriefen sich zur Erklärung der T-e auf das Vorherrschen der vermeintlichen vier Hauptflüssigkeiten des menschlichen Körpers: der gelben Galle (Cholos)[> **Choleriker**], der schwarzen Galle (Melas cholos)[> **Melancholiker**], des Blutes (*Sanguis*) [> **Sanguiniker**] u. des Schleimes (Phlegma) [> **Phlegmatiker**], u. daher rühren die seitdem gebräuchlich gewordenen Namen der vier T-e […] [Pierer 1863].

In der Alltagssprache, nicht aber in der psychologischen Charakterkunde, ist diese Typologie in der Gegenwartssprache noch lebendig [Wahrig 2012]:

• Choleriker: „aufbrausender, jähzorniger Mensch", Nestroy: Herr von **BRAUS;**

- Melancholiker: „schwermütiger, zu Trübsinn u. Traurigkeit neigender Mensch“, Nestroy: Herr von **TRÜB;**
- Phlegmatiker: „träger, nicht leicht erregbarer Mensch“, Nestroy: Herr von **FAD;**
- Sanguiniker: „Mensch von heiterem, lebhaftem Temperament“, Nestroy: Herr von **FROH**.

Damit zurück zu Nestroys Lustspiel ‚Das Haus der Temperamente‘. Wie in den meisten Stücken Nestroys geht es vordergründig um Liebesprobleme. Die vier Väter wollen ihre Töchter an alte Jugendfreunde und Temperamentspartner verheiraten, die da heißen: Sturm, Schlaf, Schmerz und Glück. Die Töchter hingegen sowie die Söhne auch streben hingegen zu entgegengesetzten Temperamenten und setzen sich letztendlich damit auch durch.

Im ersten Akt kommen die Söhne nach längerer Abwesenheit wieder einmal nach Hause. Die Väter empfangen ihre Söhne je nach Temperament ganz unterschiedlich, und danach verlassen die Söhne das Haus. Die Verabschiedungsszenen fallen temperamentadäquat aus:

- ***Cholerisch***

ROBERT: Das ist zu arg – dieser Empfang –

WALBURGA: O, es gehört sich wirklich meine Sanftmut dazu, um es auszuhalten mit dem Papa [Nestroy o.J.: 43f.].

Robert und Walburga sind über den Vater erbost, der seinem Sohn nicht glauben will, dass die Postkutsche so lange gebraucht habe. Sie äußern deutlich ihre Erregung: Robert formuliert zuerst seinen Ärger in einer *ist*-Prädikation, das Subjekt dazu ist nach rechts in die ‚Eindrucksstellung‘ gestellt, am Anfang steht nur ein kataphorisches Demonstrativpronomen. Die Gedankenstriche vor und nach dem Syntagma *dieser Empfang* signalisieren Pausen, die die Erregung des Sprechers noch deutlicher machen. Walburga beginnt ihre Reaktion auf den Wutausbruch ihres Bruders mit einer Interjektion. Diese Wortklasse ist prototypisch zum Ausdruck von Emotionen geeignet. Der *Papa*, sowohl Subjekt als auch Objekt der Verärgerung ist ausgeklammert, wodurch er ebenfalls in die ‚Eindruckstellung‘ rückt. Dass damit sowohl *dieser Empfang* als auch *mit dem Papa* in dieser

Position begegnen, ist kein Zufall, sondern emotionales Kalkül des Autors, der bekanntlich sehr gut mit der Sprache umgehen konnte. Angesichts dieser Erregung denkt Robert gar nicht daran, dass er eigentlich weggehen will. Die Erregung verhindert auch, dass ein Abschied überhaupt erwähnt wird.

- ***Phlegmatisch***

EDMUND: Agnes!

AGNES: Edmund!

EDMUND: Wenn der Vater um mich fragen sollte, ich bin gleich wieder hier. (*Geht langsam, jedoch ohne Karikatur, zur Mitteltüre ab.*)

AGNES: Schon recht!

Der Empfang des heimkehrenden Sohnes Edmund wird ganz ruhig ausgeführt. An einer Stelle äußert der Vater [Nestroy o.J.: 42]:

FAD (*sehr ruhig*): Na, mich g'freut's recht, daß ich dich nach drei Jahren so gesund wiederseh'.

AGNES (*zu Fad*): Er ist g'sund, aber Sie werden krank werden, wenn Sie sich so der ungestümen Freud' überlassen.

Die Äußerung des Vaters enthält zwar das Emotionsverb *gefreuen*, das typisch für den bairisch-österreichischen Dialekt ist. Doch der Regiehinweis „sehr ruhig“ macht klar, dass der väterliche Begrüßungssatz ziemlich emotionslos geäußert wird. Im Gegensatz dazu steht die Einschätzung der Tochter, die ihrem Vater geradezu „ungestüme[] Freud'“ attestiert – ein schönes Beispiel von Emotionsparodie. Für den Abschied der Geschwister reicht die jeweilige Namensnennung, alles Andere, vor Allem emotionale Äußerungselemente wären emotionale Kraftvergeudung. Auch der weitere Hinweis Edmunds wird von seiner Schwester ohne jede Gefühlsregung zur Kenntnis genommen. Die Verabschiedung unter Phlegmatikern läuft – zumindest in diesem Lustspiel – „sehr ruhig“ ab. Dass der Sohn die Szene verlässt, erfahren wir aus der Mitteilung, dass er „gleich wieder hier“ sein werde. Das phlegmatische Temperament lässt keinen harten Konflikt mit dem Vater zu.

- ***Sanguinisch.***

FELIX: Sag du, was du willst; wenn ich ihr auch einen Verdruß bereite, ich kann nicht anders, mir brennt der Boden unter den Füßen, das Herz springt mir aus der Weste heraus, ich muß zu ihr! (*Eilt zur Mitteltüre ab.*)

MARIE: Du wirst wieder schöne G'schichten anfangen.

Felix, ein sanguinischer Verliebter, sagt nicht, dass er weggeht, sondern drückt seine Emotionen, seine Liebe „zur ihr“ aus. Der Satz „ich muß zu ihr!“, mit einem Rufezeichen versehen, ist der emotional begründende Ersatz der nicht explizit formulierten Verabschiedung. Die mitfühlende temperamentgleiche Schwester Marie kommentiert das verliebte Verhalten ihres Bruders, das nach dessen Aussage schon zu manchem „Verdruß“ geführt hat.

- ***Melancholisch***

GUIDO (*für sich*): Wie werd' ich sie wiederfinden? (*Zu Irene.*) Schwester, mir steht ein schwerer Augenblick bevor. Lebe wohl! (*Geht zur Mitteltüre ab.*)

IRENE: Lebe wohl!

Guido ist der Melancholiker, der nur das Schlimmste erwartet. Er bezweifelt, dass er seine Geliebte „wiederfinden“ wird, und er drückt seinen Zweifel in einer *wie*-Frage aus. Danach wendet er sich seiner Schwester zu, reformuliert seine Angst und verabschiedet sich als Einziger mit der Grußformel *Lebe wohl!*, die dann seine Schwester replizierend wiederholt. Nur der Melancholiker verabschiedet sich formgerecht, weil es sonst möglicherweise noch schlimmer kommt.

Und dann werden die Choleriker, die sich ja nicht verabschiedet, sondern nur ihren Ärger über den Vater ausgedrückt haben, wieder aktiv:

- ***Cholerisch***

ROBERT: Ich muß fort.

WALBURGA: Wohin?

ROBERT: Aber wie kannst du nur so albern fragen?

WALBURGA: Sei nur nicht gleich grob!

ROBERT: Zu meiner Agnes geh' ich. Weh' ihr, wenn sie mich nicht mehr liebt! (*Zur Mitte ab.*)

Jetzt endlich verlässt auch der Choleriker Robert das Haus. Nach einem nicht ganz erfreulichen Dialog mit seiner Schwester drückt auch er aus, dass er Zweifel an der Liebe seiner Agnes hat. Dich für ihn ist das nur der Anlass, eine Drohung auszustoßen, und da bleibt für ihn keine Zeit, sich ordnungsgemäß von der Schwester zu verabschieden. Mit anderen Worten: Das Fehlen jeglichen Abschiedsrituals ist ein deutliches emotionales Signal.

Nestroy demonstriert auf seine Weise mit seinen Mitteln, wie unterschiedlich eine Trennung ablaufen kann und welche Rolle Gruß- bzw. Abschiedsformeln haben können. Sie sind im gesellschaftlichen Leben obligatorisch, doch sie bleiben oft unausgesprochen.

Gerade in Liebesbeziehungen, wenn wir der Liebesdichtung und Liebesliteratur vertrauen dürfen, spielt die Verabschiedung als vorläufiges oder endgültiges Ende eines Beisammenseins eine wichtige Rolle. Liebesdichtung lebt von der Spannung zwischen Wunsch und Erfüllung. Deshalb sind zwei prototypische Realisationsformen möglich: Entweder schildert der Text das Begehren einer Person oder auch zweier Personen, oder nach der Erfüllung der Wünsche wird das Ende des Beisammenseins proklamiert und beklagt.

Ein sehr bekanntes Beispiel geht noch einen Schritt weiter, es schildert aus der Erinnerung des lyrischen Ichs das Beisammensein und die Trennung von der Geliebten. Es ist das Lied ‚*Lili Marleen*' des Hamburger Schriftstellers Hans Leip (1893-1983). Die ersten drei Strophen dieses Liedes waren 1915 während des Ersten Weltkriegs entstanden, wurden dann noch um zwei Strophen ergänzt. „Die Erfolgsgeschichte des Liedes", das ursprünglich den Titel ‚Lied eines jungen Wachpostens' hatte, begann im Jahre 1941. Damals kam die Aufnahme mit der Sängerin Lale Anderson „mit einer Kiste voller Schallplatten aus dem Funkhaus Wien an den […] Wehrmachtssender Belgrad" und wurde „dort ab August 1941 täglich zum Sendeschluss als eine Art Erkennungsmelodie des Senders ausgestrahlt" [Wicke 2003]. Da das Lied auch nach dem Zweiten Weltkrieg gespielt wurde und wird, ist es „das bekannteste deutschsprachige Lied der Gegenwart" geworden, das auch in viele Sprachen übersetzt wurde. Wir sehen

uns die ersten drei Strophen (das ursprüngliche Lied) an [Conrady 2008: 623]:

Lied eines jungen Wachpostens
Vor der Kaserne,
vor dem großen Tor
stand eine Laterne,
und steht sie noch davor,
so wolln wir uns da wiedersehn,
bei der Laterne wolln wir stehn
wie einst, Lili Marleen.
Unsre beiden Schatten
sahn wie einer aus,
daß wir so lieb uns hatten,
das sah man gleich daraus.
Und alle Leute solln es sehn,
wenn wir bei der Laterne stehn
wie einst, Lili Marleen.
Schon rief der Posten:
Sie blasen Zapfenstreich;
es kann drei Tage kosten! -
Kamerad, ich komm ja gleich. -
Da sagten wir auf Wiedersehn.
Wie gerne wollt ich mit dir gehn,
mit dir Lili Marleen!

Die erste Strophe situiert das Lied in die Nähe einer Kaserne, wo eine junge Frau namens Lili Marleen stand. Die Syntax des 4-en Verses der 1-en Strophe *und steht sie noch davor* ist etwas verquert, denn *und* ist eine Konjunktion und kann als solche nicht im Vorfeld des Satzes stehen. Genauso wie die Laterne immer noch an derselben Stelle steht, will das Ich mit Lili Marleen wiederum dort stehen. Die 2-te Strophe schildert die Liebe zwischen dem Ich und Lili Marleen, und heute noch soll diese Liebe für Alle sichtbar sein.

In der 3-en Strophe kommt es zur Trennung: Es wird der *Zapfenstreich*, das „Signal am Abend, bei dem die Soldaten in den Unterkünften,

bes. in der Kaserne, sein müssen“ [Wahrig 2012] geblasen. Wenn ein Soldat nicht rechtzeitig in der Kaserne ist, wird er ziemlich streng bestraft: *es kann drei Tage kosten!* Das Rufezeichen signalisiert, dass das Ich diese Drohung mit dem Zapfenstreich verbindet, sie ist keine Äußerung, sondern gewissermaßen internalisiert, d.h. in sich aufgenommen, innerlich angeeignet, als richtig erkannt [vgl. Wahrig 2012: „in sich aufnehmen, sich innerlich aneignen, als richtig erkennen u. in sich verarbeiten“, s.v. *internalisieren*]. Die beiden Gedankenstriche deuten einen Rednerwechsel an: Das Ich ruft seinem Kameraden zu, dass er gleich komme. Der Abschied wird mit der ritualisierten Formel *Auf Wiedersehn* vollzogen. Danach spricht das Ich Lili Marleen an, dass es gerne mit ihr gegangen wäre. Hier also wird die Trennung schmerzlich empfunden, doch sie ist unvermeidlich – mithin eine typische Situation der Liebesdichtung. Die letzten beiden Verse der 3-en Strophe deuten überdies an, dass Lili Marleen es ist, die weggeht: sie geht weg, weil ich der Freund sie verlassen muss. Der Gruß *Auf Wiedersehn* ist Ausdruck eines Wunsches von beiden Liebenden, der Text lässt an dieser Stelle offen, ob der Wunsch je erfüllt worden ist oder nicht.

Das Lied ‚Lili Marleen‘ erfüllt eine Doppelfunktion. Es erzählt von einem Abschied, und es reflektiert über den Abschied, dies besonders in den beiden zusätzlichen Strophen, mit denen das Lied zum ‚Schlager‘, einem „Lied, Musikstück, das für eine bestimmte, meist kürzere Zeit einen hohen Grad an Beliebtheit erreicht“ [Duden 2011] geworden ist. Gerade von Sängern und Sängerinnen, die sich als tiefsinnig oder nachdenklich darstellen, wird der Abschied gerne als Thema für einen ihrer Texte gewählt.

Dies trifft in hohem Maße auf einen zweistrophigen Text des britischen Sängers Roger Whittaker zu. Hier wird die 1-te Strophe geboten, die 2-te bietet kaum Neues [URL 1]:

1 Abschied ist ein scharfes Schwert, das oft so tief ins Herz Dir fährt.
2 Du bist getroffen und kannst Dich nicht wehren,
3 Worte sind sinnlos. Du willst sie nicht hören,
4 Weil, einmal geht auch die schönste Zeit vorbei, ooh.

5 Stunden der Liebe, Du hast sie besessen, Stunden so zärtlich, Du musst sie vergessen,

6 Denn das Leben geht ja weiter.

In der Online-Enzyklopädie Wikipedia ist über Roger Whittaker zu lesen: „In Deutschland ist er seit 1979 besonders mit Schlagern in deutscher Sprache bekannt, obwohl er selbst kaum Deutsch spricht“ [URL 2]. Wenn wir diese Information weiterdenken, so drängt sich der Verdacht auf, dass Roger Whittaker Lieder singt, die er nicht oder zumindest nicht ganz versteht. Ich möchte diesen Gedanken nicht weiter verfolgen.

Das sechszeilige Lied richtet sich an ein Du, das mit großem Anfangsbuchstaben geschrieben wird. Das erinnert an die frühere orthographische Briefnorm. Gleichzeitig wird deutlich, dass das Personalpronomen in dieser orthographischen Form nicht als Variante des Indefinitums *man* [vgl. die Beispiele aus Duden 2011: *daran kannst du nichts ändern*; *du kannst machen, was du willst, es wird nicht besser*]. Welches Geschlecht dieses Du hat, bleibt ungesagt.

Die Verse 1 und 5 sind länger als die übrigen, und sie sind durch Binnenreime gekennzeichnet: *Schwert – fährt*, *besessen – vergessen*. Zeile 6 hat keinen Reimpartner; die allgemeine Sentenz, die dieser Vers formuliert, wird deutlich herausgestellt, indem er nicht mit einem anderen Vers durch einen Reim verbunden wird. Diese drei Verse begegnen auch in der 2-en Strophe wörtlich gleich. Die Verse 2 und 3 sind durch einen zweisilbigen Reim miteinander verbunden, wobei negierte Infinitive in Reimposition stehen: *nicht wehren – nicht hören*; beide Infinitive werden von Modalverben regiert. Zeile 4 enthält ebenfalls kein Reimwort, sie endet mit der Interjektion *ooh*, die mit zwei *o* und einem Dehnungs-*h* geschrieben ist und auf diese Weise überlange phonische Realisierung ausdrücken soll. In den gegenwartssprachlichen Wörterbüchern [Duden 2011; Wahrig 2012] ist die Interjektion *o(h)* ein „Ausruf der Ablehnung, der Zurückweisung“. Sie steht nach dem Satz *Weil, einmal geht auch die schönste Zeit vorbei*. Dieser Satz wird mit der Subjunktion *weil* eingeleitet und scheint ein kausaler Nebensatz zu sein. Doch nach *weil* steht ein Komma, das eine Redepause signalisiert, und darauf folgt ein Haupt mit dem finiten Verb in Zweitstellung. Mit anderen Worten, am Anfang dieses Satzes steht *weil*

nicht als Subjunktion, sondern als Konjunktion, was im gesprochenen Gegenwartsdeutschen ziemlich häufig begegnet. Es wird begründet, warum das Du sinnlose Worte nicht hören will. Die Erklärung für diesen Sachverhalt in Vers 4 wird mit der ablehnenden Interjektion *ooh* kommentiert und bewertet.

Der Text beginnt mit einer *ist*-Prädikation, die eine Metapher enthält: *Abschied ist ein scharfes Schwert*. Der Abschied wird mit einer Waffe verglichen, die aufgrund ihrer Schärfe leicht verletzen kann. Die Prädikativergänzung *ein scharfes Schwert*, wird mit dem Relativsatz *das oft so tief ins Herz Dir fährt* attribuiert. Der Inhalt des Attributsatzes überrascht: Zwar ist ein Schwert eine „Hieb- und Stichwaffe" [Duden 2011, Wahrig 2012], doch wird es selten in ein Herz gebohrt. Im Lied *fährt* das Schwert mehr oder weniger selbsttätig *so tief ins Herz*, und das noch *oft*; wessen Herz hier betroffen ist, wird durch den Pertinenzdativ *Dir* deutlich gemacht. Normalerweise wird ein Schwert von einer Person als Angriffs- und Verteidigungswaffe geführt. Wenn wir dieses Sachwissen auf diesen Text anwenden, das ist der Abschied eine solche Waffe, die nach *Stunden der Liebe,* […]*, Stunden so zärtlich* in die Hand genommen und verwendet wird.

Das Substantiv *Stunden* ist beide Male mit einem nachgestellten Attribut versehen. Adjektive, die als Attribute nachgestellt werden, bleiben unflektiert, was oft in älterer Lyrik vorkommt. Solche *Stunden der Liebe* kann man *besitzen*, was auch eine ungewöhnliche Kombination darstellt. Es sei noch erwähnt, dass die beiden Syntagmen mit *Stunden* als Kernen nach links versetzt werden und dadurch außerhalb des syntaktisch Rahmens stehen, was die Aufmerksamkeit des Hörers lenken und zudem eine große Emphase ausdrücken soll. Dem gleichen Ziel dient die zweimalige Steigerung eines Adjektivs mit der Partikel *so*: *so tief* (1) und *so zärtlich* (5).

Der Texter des Liedes nutzt mehrere sprachliche Mittel, um Emotionen auszudrücken. Das will ihm nicht immer glücken, vor Allem am Ende der 2-en Strophe folgt auf die Zeile 6 *Denn das Leben geht ja weiter* ein Vers 7 mit dem ernüchternden Inhalt: *Und jemand, der Dich liebt, warten schon auf Dich*. Also muss das Schwert gar nicht *so tief* ins Herz fahren.

Nach diesem tröstenden Hinweis kommt noch ein Abgesang, in der Sprache der Dialoganalyse die Verabschiedungssequenz oder, wie ich lieber sagen möchte, die Trennungssequenz [URL 1]:

Nananana …
Abschied ist ein scharfes Schwert, das oft so tief ins Herz Dir fährt.
Ooh... (FADE OUT)

Lautfolgen wie *Nananana*, im schriftlichen Text versehen mit 3 Pünktchen, und *Ooh*, ebenfalls von 3 Pünktchen gefolgt, haben in erster Linie emotionalisierende Funktion, wie die letztmalige Wiederholung der 1-en Zeile.

Wie angedeutet, könnte die *Schwert*-Metapher besagen, dass das Ich in diesem Text der geliebten Person den Abschied gibt und ihr gleichzeitig sagt, wie es ihr ergeht. Eine solche Deutung ist indes irrelevant, denn es geht in erster Linie um Emotionalisierung, an deren Aufbau schiefe Metaphern und merkwürdige Syntagmen gemeinsam mit anderen sprachlichen Mitteln beteiligt sind.

Wie dem auch sei, spielen Abschied und Verabschiedung im gesellschaftlichen Leben eine wichtige Rolle. Wir haben am Beispiel Nestroys gesehen, dass es außergewöhnliche Situationen sind, in denen keine Verabschiedung stattfindet. Ein ‚Abschied' ist eine bestimmte Form der Trennung, während die ‚Verabschiedung' das Ritual ist, das häufig sprachlich realisiert oder zumindest begleitet ist und das den Abschied ausdrückt und in gesellschaftlich akzeptierte oder auch in stigmatisierte Formen lenkt. Das Verb *sich verabschieden* hat dementsprechend die Bedeutung „mit einer Geste, einem Gruß von jmdm. Abschied nehmen" [Wahrig 2012].

Die deutsche Sprache ist eine Sprache, die die Möglichkeiten der Komposition in reichem Maße nutzt. Das Duden-Universalwörterbuch [Duden 2011] bucht eine Reihe von substantivischen Zusammensetzungen mit *Abschied* als erster Konstituente: *Abschiedsbrief, Abschiedsgruß, Abschiedskuss, Abschiedsrede, Abschiedsschmerz, Abschiedsspiel, Abschiedstournee, Abschiedsvorstellung, Abschiedswort.* Nicht enthalten in dieser Zusammenstellung ist die *Abschiedsvorlesung*. Sie ist im akademischen Leben ein ganz spezielles Ritual: Eine Lehrperson, meist ein Professor,

hält eine letzte Vorlesung, diesmal öffentlich, und er zeigt damit und darin, was vom Fach, dass er vertreten hat, für ihn wichtig und bedeutsam ist.

Zurück zur Kompositaliste. Mit Ausnahme von *Abschiedsschmerz* bezeichnen alle diese Komposita ein rituelles Element im Zusammenhang mit dem Abschied. Das bestätigt, dass der Abschied im gesellschaftlichen Leben eine wichtige Funktion hat. Es überrascht daher nicht, dass sich in der europäischen Tradition schon früh die Rhetorik mit der Verabschiedung bzw. mit Abschiedsritualen befasst hat. Im 1-en Band des großen ‚Historischen Wörterbuchs der Rhetorik' findet sich ein Artikel, der sich mit der ‚Abschiedsrede' befasst [Bremerich-Voß 1992: 5]:

Die A. ist eine in der Regel selbständige Gelegenheits- oder auch Festrede, in der jemand sich selbst oder im Namen eines anderen von jemandem verabschiedet, einen direkten Kontakt beendet. Es handelt sich um eine mehr oder weniger zeremoniell gestaltete Unterart der epideiktischen Rede, deren Zweck vor allem die Bestätigung und Verstärkung der bestehenden sozialen Beziehungen ist. Im Rahmen der Amplifikation bemüht man sich darum, die Bedeutung des Adressaten als groß, die eigene Person gering erscheinen zu lassen, bedankt sich insbesondere (vergangenheitsbezogen) für eigentlich unverdiente Wohltaten, greift womöglich auf weitere Topoi aus dem Arsenal des Lobs von Personen und Orten zurück, wünscht alles Gute, drückt aus, daß man sich (zukunftsbezogen) verpflichtet fühlt und auf ein Wiedersehen freut.

Damit wird es klar:

(1) Eine Abschiedsrede soll die soziale Beziehung zwischen dem Redner und den Adressaten seiner Rede festigen. Eine Abschiedsrede ist demnach nicht der Schluss der Beziehungen, sondern ein weiterer positiver Höhepunkt dieser Beziehungen und in diesen Beziehungen.

Es sei mir daher gestattet, dass meine Tätigkeit an der Schlesischen Universität in Opava zu den erfreulichsten Teilen meines beruflichen, aber auch meines privaten Lebens gehört. Aber wenn eine berufliche Tätigkeit zu wunderbaren persönlichen Freundschaften führt, dann ist das ein Geschenk, das man in seiner Fülle nicht verdient hat, das man aber dankbar und gerne annimmt.

(2) Die Bedeutung der Adressaten wird hervorgehoben. Die „Resümeesequenz“ der Dialoganalyse zu formulieren, fällt mir nicht allzu schwer. Ich war 2002 das erste Mal an der Schlesischen Universität. Wenn ich das Damals mit dem Heute vergleiche, dann wird der große Fortschritt, den die Germanistik hier genommen hat, deutlich und eindrucksvoll sichtbar; dies zeigt sich schon beim Personal. 2005 habilitierte sich die damalige Abteilungsleiterin Iva Kraochvílová an der Philosophischen Fakultät der Julius-Maximilians-Universität in Würzburg; habilitierten sich Veronika Kotůlková und Gabriela Rykalová, sodass die Troppauer Germanistik nach dem Weggang von Frau Kratochvílová (jetzt Frau Zündorf) über zwei junge, qualifizierte und hoch motivierte Kolleginnen verfügt. Mit dem Institut für deutsche Philologie der Universität Würzburg, insbesondere mit dem dortigen Lehrstuhl für deutsche Sprachwissenschaft besteht eine überaus lebendige Partnerschaft, Lehrkräfte von beiden Institutionen lehren an der jeweils anderen, was beiden Einrichtungen zum Vorteil gerät. Der Würzburger Lehrstuhl für Didaktik der deutschen Sprache und Literatur kann nicht die Didaktik des Deutschen als Fremdspreche vertreten, hier hilft Opava aus und leistet wertvolle Entwicklungsarbeit. Es gibt an der Schlesischen Universität ein überaus attraktives Promotionsstudium zur ‚Korpuslinguistik‘, das zur Zeit die Anglistik und die Germanistik umfasst. Es gibt ein gemeinsames Promotionsverfahren, dass die Germanistiken beider Universitäten einschließt. Würzburg und Opava sind zwei gleichwertige und gleichrangige Partner geworden. Auch die wissenschaftliche Gemeinschaft der tschechischen Germanisten hat dies anerkannt, indem der nächste Tschechische Germanistenkongress in Opava (05.2016) stattfinden wird.

(3) Der Abschiedsredner bedankt sich für erwiesene Wohltaten. In meiner „Danksequenz“ möchte ich den schon erwähnten Punkt hervorheben: Die germanistische Abteilung in Opava ist gekennzeichnet durch eine offene und deshalb auch sehr freundschaftliche Atmosphäre. Alle Mitglieder der Abteilung haben dasselbe Ziel und, was mich besonders freut, in Vielem dieselbe wissenschaftliche Auffassung. Aus diesem Grund bzw. auf dieser Basis haben wir die ‚Troppauer Schule der sprachwissenschaftlichen Textanalyse (TSST)‘ installiert. Das heißt, dass für uns jede Sprachwissenschaft ein Baustein zu einer wie immer gearteten Textlinguis-

tik ist. Alle sprachlichen Einheiten dienen dem Aufbau größerer Einheiten, diese wieder dem Aufbau von Texten.

Der Text ist die größte sprachliche Einheit, die aber kein Selbstzweck ist, sondern der, der Gestaltung des menschlichen Lebens und Zusammenlebens dient. Wir sprechen nicht, um schöne grammatische Strukturen zu generieren, sondern wir sprechen, um Inhalte zu transportieren und intersubjektiv verständlich zu machen. Wir planen ein Projekt, dass wesentliche Kapitel der Sprachwissenschaft, vor Allem der Grammatik als methodische und sachliche Grundlage der Textanalyse darzustellen versucht, wobei wir auch bei diesem Projekt korpuslinguistisch vorgehen wollen und werden.

Dass ich das Alles mitbegleiten durfte, dass ich dabei sein durfte, das erfüllt mich mit großer Freude und Genugtuung, und dafür möchte ich der Troppauer Germanistik ganz herzlichen Dank sagen.

(4) Der Redner „greift womöglich auf weitere Topoi aus dem Arsenal des Lobs von Personen und Orten zurück, wünscht alles Gute, drückt aus, daß man sich (zukunftsbezogen) verpflichtet fühlt und auf ein Wiedersehen freut“.

Wir sind bei der Verabschiedungssequenz angelangt. Wir alle haben es schon erlebt oder gehört, dass Personen, die im politischen oder im universitären Leben tätig sind, nicht aufhören können. Sie wollen nicht zur Kenntnis nehmen, dass Alles einmal ein Ende haben muss. Ich selber habe mehrfach erlebt, dass Kollegen nicht mehr imstande waren, eine kohärente Vorlesung zu halten, dies aber nicht zur Kenntnis nehmen wollen. Man hat mir mehrfach gesagt, dass dies bei mir noch nicht der Fall sei. Ich möchte aber die Mühen und die Peinlichkeiten, die es dann macht, eine solche Person in den wohlverdienten Ruhestand zu verabschieden, sowohl der Abteilungsleitung als auch mir selber ersparen. Und ich will, dass einerseits zumindest eine Person sagt: „Schade, dass er aufhört.“ Und ich möchte, dass sich zumindest eine Person gerne an mich erinnert. Wenn dies der Fall ist, dann habe ich viel erreicht.

Wir müssen und sollen zur Kenntnis nehmen, dass niemand unersetzlich ist. Ich habe erwähnt, dass die Troppauer Germanistik über habilitierte Kolleginnen verfügt, die das Fach, Deutsche Sprachwissenschaft‘ in allen Punkten vertreten und garantieren können. Das heißt, dass ich überflüssig

geworden bin, ich bin nicht mehr notwendig. Es freut mich, dass ich dies feststellen kann. Ein Abschied ist nicht ein Ende aller Kontakte. Mein Abschied heute soll nur signalisieren, dass ich keine regelmäßigen Lehrveranstaltungen hier halten werde. Alle anderen Kontakte bleiben bestehen.

Ich wünsche der Troppauer Germanistik wie der gesamten Schlesischen Universität weiterhin ein Blühen, Wachsen und Gedeihen und schließe mit der altrömischen Abschiedsformel *Curate ut valeatis*,, Sorgt dafür, dass es euch gut geht', oder mit der mittelhochdeutschen Grußformel: *Varet wol iuwer strâzen*, ‚Alles Gute auf eurem Weg!'

Quellen

Conrady (2008): Der Große Conrady. Das Buch deutscher Gedichte von den Anfängen bis zur Gegenwart / Hg. von K.O. Conrady. – München.

Luther (1545): Die Luther-Bibel. Originalausgabe 1545 und revidierte Fassung 1912. – Berlin, 2000.

Luther (1984): Quadro Bibel 5.0. Die fünf wichtigsten deutschen Bibelübersetzungen und drei Bibellexika auf CD-ROM. – Stuttgart, 2010.

Nestroy, Johann (o.J.): Gesammelte Werke. Bd. 3. – Wien.

URL 1: Abschied ist ein scharfes Schwert von Roger Whittaker. www.songtexte.com/songtext/roger-whittaker/abschied-ist-ein-scharfes-schwert-43c3bb3b.html [Zugriff 01.12.2015].

Literatur

Bremerich-Voß, A. (1992): Abschiedsrede // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hg. von G. Ueding. Bd. 1. – Tübingen.- Sp. 5-11.

DRW (1932): Deutsches Rechtswörterbuch. Wörterbuch der älteren deutschen Rechtssprache. Bd. 1. URL: http://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/ drw-cgi/zeige?term=abschied&index=lemmata

Duden (2011): Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 7. Aufl. CD-ROM-Ausgabe. – Mannheim.

DWb (1937): Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 12/II. Von R. Meiszner. Leipzig / Der Digitale Grimm: CD-ROM-Ausgabe. – Frankfurt, 2004.

DWb^2 (1983): Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Neubearbeitung. Bd. 1. – Leipzig.

Kluge, Fr. (2011): Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 25. Aufl. von E. Seebold. – Berlin/Boston.

Mroczynski, R. (2014): Gesprächslinguistik. Eine Einführung. -Tübingen.

Onions, C.T. (1974): The Oxford Dictionary of English Etymology. With the assistance of G. W. S. Friedrichsen/R. W. Burchfield. – New York/Oxford.

Paul, H. (2002): Deutsches Wörterbuch. 10. Aufl. von H. Henne, H. Kämper, G. Objartel. – Tübingen.

Pierer, P. (1863): Pierer's Universal-Lexikon. 4. Auflage 1857–1865. DVD-ROM-Ausgabe. – Berlin 2005.

Schmeller, J.A. (1872): Bayerisches Wörterbuch. 2. Ausgabe. Bd. 1. Sonderausgabe. München 1985.

URL 2: Roger Whittaker // Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/ Roger_Whittaker [Zugriff 15.02.2016]

Wahrig G. (2012): Deutsches Wörterbuch. 9. Aufl. CD-ROM-Ausgabe. Gütersloh/München.

Wicke, P. (2013): Lili Marleen (Lale Andersen) // Songlexikon. Encyclopedia of Songs / Hg. von M. Fischer, F. Hörner, Chr. Jost. URL: http://www.songlexikon.de/songs/lilimarleen. 12/2011 [überarb. 10/2013].

Wolf, N.R. (2012): Texte lesen heißt Texte analysieren heißt Texte verstehen. Oder: Die Sprachwissenschaft als die grundlegende Textwissenschaft // V. Kotůlková, G. Rykalová (Hg.): Perspektiven der Textanalyse. –Tübingen.- S.323-329.

Н.Р. Вольф
(ФРГ, Вюрцбург)

О ЯЗЫКЕ ПРОЩАНИЯ

В статье рассмотрены исторический фон и способы вербализации концепта «Прощание», дискурсивные формы прощания в художественном тексте, в академической и повседневной среде. В качестве примеров приводится обороты речи, т.н. «прощальная лекция», «прощальная речь», данные нормативных словарей.

Ключевые слова*: *лексика, немецкий язык, концепт «Прощание», речевые формулы, «прощальная лекция», «прощальная речь»

Н.В. Бутылов
(Россия, Москва)

ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В статье даются различные определения понятия «дискурс», а также рассматривается все многообразие существующих в современной науке концепций и подходов. В настоящее время наиболее существенными подходами к описанию дискурса являются когнитивный и прагматический. В данной статье подробно рассматриваются особенности аргументативного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, аргументативный дискурс, социокультурное взаимодействие, политический дискурс, парламентский дискурс

В связи с характером исследуемого материала, нам представляется необходимым, прежде всего, дать дефиницию самого понятия «дискурс» и рассмотреть многообразие существующих в современной науке концепций и подходов к исследованию данного термина.

Теория дискурса берёт свое начало в трудах Э. Бенвениста, который писал: «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир языка как средства общения, выражением которого является речь» [Бенвенист 1974: 139]. Он одним из первых разграничил план повествования и план дискурса – и придал слову «discours», которое во французской лингвистике означало речь вообще, терминологическое значение, обозначив им речь индивидуальную, речь говорящего. Дискурс, по мнению ученого, представляет собой согласованную последовательность предложений или речевых актов [Бенвенист 1974: 100].

Позднее, понятие дискурса стало междисциплинарным. При этом представители различных дисциплин при изучении толковали этот феномен с разных точек зрения, что и обусловило его полисемичность. Проведенный нами ретроспективный анализ показывает,

как трактовка данного понятия менялась на протяжении трех десятилетий.

В отечественной традиции в самом широком смысле дискурс понимается как «связный текст в его совокупности с лингвистическими и экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими – факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания»; речь, «погруженная в жизнь» [Цит. по: Макарова 1994: 311]; коммуникация посредством текста [Сусов 1988: 9]; как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов 1989: 8]; «как категория речи, материализуемая в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершенного в смысловом и структурном отношении» [Арутюнова 1990: 24]; «всякое значимое средство в общении, независимо от того, является ли оно словесным или визуальным»; как «процесс, протекающий при наличии как минимум двух участников, интерпретирующих высказывания друг друга» [Кубрякова 1997: 23].

В зарубежной традиции прослеживается несколько иное определение, согласно которому дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия. Он «включает в себя говорящего, адресата, их личностные и социальные характеристики, а также понятия социальной ситуации» [ван Дейк 1989: 122].

В широком смысле этот феномен интерпретируется как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте. Дискурс в узком контексте есть текст или разговор.

В настоящее время наиболее существенными подходами к описанию дискурса являются когнитивный и прагматический. При когнитивном анализе под ним понимают процесс коммуникативного взаимодействия индивидов, представляющих одну или разные социо-

культурные общности, включающий в себя помимо процессов порождения и восприятия семантически когерентных отрезков речи механизмы функционирования и интерпретации прагматических характеристик [Кубрякова 1997: 23]. С точки зрения прагматической теории дискурс рассматривают как последовательность речевых действий (речевых актов), уместность которых детерминируется условиями коммуникативной ситуации. Рассмотрение в этом аспекте позволяет выдвинуть в дискурсе на первый план социальные и антропологические параметры коммуникации: тип социального контекста, ситуативно-ролевые, статусные и дистантные отношения, социально значимые ценностные установки коммуникантов. Для некоторых ученых, прагматический подход к дискурсу является приоритетным, поскольку сама природа вербального общения требует от коммуникантов не только понимания того, что говорится, но и того, что делается в процессе дискурсивной интеракции [Бутылов 2015: 45]. Тем самым, дискурс определяется не просто как вербальный объект, а как форма социального взаимодействия.

Мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые полагают, что дискурс не ограничивается рамками конкретных языковых высказываний, а включает в себя также и прагматические составляющие [ван Дейк 1989; Караулов 1989; Макарова 1994; Бутылов 2015; Дубинин 2015; Шевченко 2015]. Обобщая опыт исследователей и современные подходы, следует отметить, что дискурс — это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя речевое произведение (текст, совокупность речевых актов) в его социальной и прагматической дистрибуции, подразумевающей знания о мире, накопленный опыт, установки, цели адресата, эффект воздействия и степень его достижения.

В данной статье основное внимание сосредоточивается на аргументативном дискурсе, выделение которого стало возможным на основании вычленения аргументации как вида коммуникативной деятельности и способа речевого воздействия. Поскольку аргументация предполагает наличие разных точек зрения на одну проблему и возможна только на текстовом уровне, то аргументативный дискурс бу-

дет всегда состоять более чем из одного предложения и являться результатом речевого взаимодействия коммуникантов, то есть в качестве основного отличия характеризоваться диалогичностью, как универсального свойства человеческого мышления, именно на это обстоятельство указывает Ф. Еемерен: «Если теорию аргументации рассматривать как систему дескриптивных и/или нормативных правил для выражения комплексного коммуникативного акта спора и коммуникативного акта согласия, то тогда диалогическая структура будет наиболее приемлемой для такой теории» [Eemeren 1988: 506]. Мы считаем, что в условиях двусторонней аргументации при наличии обратной вербальной связи чаще всего можно констатировать факт диалога. Однако следует подчеркнуть, что не все виды аргументативного дискурса отвечают данному принципу.

Аргументативный дискурс можно определить как «целенаправленную речь в социально детерминированной ситуации с целью создания когнитивного и аксиологического унисона» [Белова 1997: 88]. По мнению А.Н. Баранова, аргументативный дискурс включает «в качестве основного компонента тексты на естественном языке, призванные повлиять на сознание одного или нескольких участников коммуникации в нужную для говорящего сторону» [Баранов 1988: 105].

Придерживаясь мнения этих ученых, под аргументативным дискурсом мы будем понимать монолого-диалогическую речь в устно-письменной форме, проходящую в социально детерминированной ситуации с целью убеждения кого-либо (в правильности / ошибочности, приемлемости / неприемлемости мнения, выбора, точки зрения и действия).

Мы считаем, что прагматическая обусловленность аргументативного дискурса заключается в подчиненности всех коммуникативных стратегий определенной теме и основной интенции посредством целеустановки на убеждение. Являясь текстообразующими факторами, глобальная цель и общая тема объясняют контекстуальную обусловленность аргументативноto дискурса и связывают речевые ходы коммуникантов между собой при помощи тематических средств (когезии). В этом плане аргументативный дискурс представляет собой

иерархически организованную, связанную последовательность речевых ходов, которая способствует достижению основной цели под контролем заданной стратегии. На наш взгляд, такая интерпретация соответствует пониманию аргументативного текста дискрса, рассматриваемого и узко, и обобщенно. В широком понимании, последним является «монолого-диалогический» текст, в котором реализуется коммуникативная задача: по обоснованию взглядов и представлений, убеждению/разубеждению партнера по коммуникации в истине, либо в прагматической приемлемости определенных высказываний, предложений, предположений и т.д.». Мы считаем, что «аргументативный текст отражает обычно конфликтную ситуацию, ее истоки, мотивацию коммуникантов, целеустановки и способы аргументации». Если же рамки данного термина сужаются, то он предстает как часть аргументативного дискурса (микротекст), в которой реализуется прагматическая деятельность инициирующей стороны. Как правило, в условиях конфликтной ситуации аргументативному микротексту противопоставляется контраргуменгативный текст, продуцируемый реагирующим лицом.

Таким образом, мы установили, что основанием для выделения аргументативного дискурса как особого типа послужило вычленение аргументации как вида коммуникативной деятельности с главной для нее задачей убеждения адресата в правильности своей и нецелесообразности чужой позиции. Однако к аргументации люди прибегают в различных ситуациях: в сфере медицины, политики, права, торговли, различных консультативных и бюрократических служб, а также в быту и на производстве. В результате изучения аргументативного дискурса были выделены следующие его виды: политический, юридический, академический, рекламный, производственный и бытовой. Следует подчеркнуть, что ядром, объединяющим все виды аргументативного дискурса, является его направленность на убеждение реципиента в период речевого взаимодействия, а дифференцирующим оказывается соотношение параметров логического и психологического, рационального и эмоционального, вербального и невербального, которые меняются с преобладанием в одних и нехваткой в других видах.

Политический же дискурс, на наш взгляд, представляет собой совокупность речевых актов и правил, используемых в политических дискуссиях, и в публичной политике, выполняющей, прежде всего, персуазивную (убеждать, агитировать, пропагандировать) и аргументативную . Так как «публичные выступления базируются в первую очередь на агитационной интенции, идеологической заданности на убеждение, опору на ключевые ценностные ориентиры» [Белова 1997: 172], можно утверждать, что ценностная ориентация аргументации есть главное отличие политического аргументативного дискурса от других его видов, а частичная коррекция ценностной системы адресата является целью парламентского дискурса. Апелляция к ценностям общества при аргументации основана на пропозициональных и оценочных способностях реципиентов и направлена на приобретение комплементарных знаний [Кубрик 1991: 63]. Ценностная ориентация, на наш взгляд, предполагает убедительную аргументацию, которая в свою очередь представляет собой синтез риторики, психологии, логики и опирается, чаще всего, на эмоции.

Мы считаем, что главными противоречиями современной политической реальности являются разрыв между репрезентативной сферой политической коммуникации, в которой принимаются собственно решения, «делается» политика (парламент, публичные программные выступления политиков), и представительской, освещающей как эти события, решения, действия показывают, как о них сообщается в СМИ, в какую они облекаются форму. В связи с переходом от парламентско-представительской (репрезентативной) системы к медийно-презентативной политическая коммуникация часто становится политическим спектаклем, инсценированным СМИ и носящими относительно развлекательный характер. Если мы признаем такой ход развития, то это будет означать, что парламентское представительство и политические институты начинают утрачивать свое значение и уступают место СМИ в плане публичности и публичной ориентации.

Как нам известно, публичные выступления политиков традиционно относят к устной форме политического дискурса наряду с парламентскими дебатами, интервью, пресс-конференциями, блокадами политических новостей. Письменная форма охватывает, при этом, не

только обширную документацию, но и прессу, а также политическую рекламу.

Однако мы считаем, что на наш взгляд, публичные выступления политиков относятся больше к устно-письменной форме политического дискурса, так как, чтобы уложиться в жесткие временные рамки, парламентарий прибегает к зачитыванию заранее подготовленного, продуманного, письменно зафиксированного текста.

Следует также учитывать, что политика, помимо всего прочего, есть еще и особое употребление языка. Арсенал используемых здесь средств включает в себя очень широкий диапазон. Мы полагаем, что в политическом дискурсе могут быть представлены все функциональные стили языка: официально-деловой, за счет таких характеристик, как клишированность и формульность, научный, за счет наличия обширного собственного терминологического фонда, разговорный, за счет сниженной лексики, пословиц, поговорок, просторечий, диалектов, стиль художественной литературы, за счет синкретичности, гетерогенности, открытости словаря, эстетической нагруженности лексики.

Мы также считаем, что отраженные в стенограммах, аудио- и видеозаписях тексты-выступления в парламенте выступают как самостоятельный жанр политической коммуникации и представляют собой особую устно-письменную форму аргументативного дискурса, диалого-монологическую коммуникацию оратора, выступающего с речью депутата и аудитории парламента.

На наш взгляд, цитирование является важным элементом аргументативного дискурса и рассматривать его следует с позиций интегративного подхода, основанного на сочетании собственно - лингвистического, аргументативного и функционального аспектов анализа цитирования.

Мы считаем, что следует разграничивать такие понятия как цитирование, цитата и цитация, понимая под цитированием процесс воспроизведения отрезка исходного текста в новом контексте. Под цитатой мы подразумеваем результат данного воспроизведения или точное воспроизведение в новом контексте отрезка из иного текста,

обособленного на тексте графически. Термин «цитация», в отличие от двух предыдущих, рассматривается нами более широко, как явление, включающее не только воспроизведение чужой речи, т. е. цитирование, но и отношение цитаты с новым текстовым окружением.

Значимым в аргументативном плане оказываются, на наш взгляд, структурно-семантические характеристики конструкций с цитированием, включающие в себя набор сведений, сообщенных о ситуации начального высказывания, и выбор цитируемого сегмента чужого высказывания и его синтаксическую оформленность.

В структуре аргументации дискурса парламентских выступлений цитирование реализует основную функцию аргументации - убедить аудиторию, задействуя при этом механизмы доверия: слушатели доверяют больше авторитету, чем автору.

Придерживаясь психосоциолингвистического подхода, как наиболее всеобъемлющего и комплексного, позволяющего учесть вербальные/невербальные и экстралингвистические характеристики ситуации общения, под аргументацией мы понимаем комплексный речевой акт, состоящий из ряда высказываний, который направлен на убеждение кого-либо в правильности/ошибочности, приемлемости/неприемлемости мнения, выбора, точки зрения или действия.

В структурном отношении простейшая аргументация состоит из тезиса, аргументов и выводов, причем вывод часто дублирует тезис.

Краткий обзор различных точек зрения на определение аргументации позволил нам рассмотреть аргументацию двояко: не только как процесс приведения аргументов в поддержку какого-то положения, но и саму совокупность таких аргументов.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что свое вербальное воплощение аргументация получает на уровне дискурса. В XXI веке этот термин применяется в разных смыслах, но одно совершенно очевидно, что всякий текст, помещенный в социальное пространство и получивший интерпретацию, представляется нам как дискурс. В своей статье мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые полагают, что дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее речевое произведение (текст, совокупность речевых ак-

тов) в его социальной и прагматической дистрибуции, включающей в себя: знания о мире, накопленный опыт, установки, цели адресата, эффект воздействия и степень его достижения.

Одной из наиболее устоявшихся разновидностей аргументативного дискурса является парламентский дискурс. Сам парламентский дискурс в зависимости от коммуникативной ситуации может проявляться в различных формах – парламентские слушания по какому-либо вопросу, деловой доклад, торжественные речи разного характера, принесение присяги и т.д.

Библиографический список

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. – М., 1991. – 346 с.

2. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

3. Бутылов Н.В. К вопросу структурно-прагматических особенностей дискурс // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. – С. 76-81.

4. Баранов А.Н. Естественно-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М., 1988. – С. 104-130.

5. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации. – М., 1997. – 300 с.

6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

7. Ван Дейк Т.А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 268-283.

8. Дубинин С.И. Дискурс завоевателя (на материале «Немецко-русского словаря для солдата» 1941 г.) // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сборник научных

статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. – С. 29-34.

9. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-11.

10. Кубрик А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога / А. А. Кубрик. – М.: Прогресс, 1991. – 288 с.

11. Макарова Е.Л. Обучение средствам метакоммуникации в аргументирующем дискурсе. – М.: Наука, 1994. – 311 с.

12. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин: Изд-во Калин. гос. ун-та, 1988. – С. 9-16.

13. Шевченко В.Д. Дискурсивные свойства цитат // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. – С. 155-162.

14. Eemeren F. H. Handbook of Argumentation Theory. – Dordrecht: Providence, 1988. – 328 p.

N.V. Butylow
(Russia, Moscow)

SPECIAL FEATURES ARGUMENTATIVE DISCOURSE OF THE PARLIAMENTARY PRESENTATIONS

The article contains various definitions of the concept of "discourse" as well as considered the diversity existing in modern science concepts and approaches. Currently, the most important approaches to the description of discourse are the cognitive and pragmatic. Also, this article details the features of argumentative discourse.

Keywords: discourse, argumentative discourse, socio-cultural interaction, political discourse, parliamentary discourse.

А.Н. Морозова
(Россия, Самара)

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И КАК ЕДИНИЦА МЕТАЯЗЫКА

В лингвистических исследованиях последних лет термин «дискурс» используется как метаязыковое обозначение различных объектов изучения речевых произведений и / или научного подхода, направленного на изучение речевой деятельности в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов. В статье делается попытка оценить эту ситуацию с методологических позиций.

Ключевые слова: дискурс, речь, методология

В метаязыке отечественного языкознания термин «дискурс» стал чрезвычайно популярным. Широкое и повсеместное использование этого термина может стать поводом для обсуждения вопроса о результативности проводимых в последние годы исследований дискурса, в частности, о том насколько само понятие обогатило наши представления о языке и речевой деятельности. Одним из аспектов этой проблематики является рассмотрение «дискурса» как терминологической единицы с позиции методологии изучения языка и речи.

В этой связи интересно, на наш взгляд, обратиться к контекстам употребления термина в названиях диссертационных исследований последних лет. Достаточно частотные словосочетания «английский дискурс», «англоязычный дискурс» свидетельствуют о том, что многие авторы трактуют «дискурс» как абсолютный синоним термина «речь». В названиях многих работ фигурируют фразы, свидетельствующие о том, что «дискурс» равнозначен терминам «текст», «функциональный стиль», «жанр»: дискурс интервью / телеинтервью; поэтический / художественный / научно-популярный / военный / юмористический / учебный деловой (и пр.) дискурс. Говоря о терминологической синонимии, мы имеем ввиду тот факт, что замена «традици-

онных» для отечественного языкознания терминов на англоязычный не всегда оправдана объектом, предметом, материалом, методами и процедурой исследования. Данный термин используется не только в отношении функционально-стилистических, но и функционально-смысловых типов речи, т.е. способа изложения, например: «аргументативный дискурс в сфере политической полемики» (в противовес нарративному типу дискурса). Включаемые в названия диссертаций фразы «компьютерный дискурс», «профессиональный компьютерный дискурс», очевидно, свидетельствуют о том, что тип дискурса выделяется на основе канала распространения информации.

Мы намеренно не делаем ссылки на источники, поскольку, во-первых, перечень контекстов, в которых фигурирует слово «дискурс» – не только обширный, но и открытый список, достоверность которого легко проверить. Во-вторых, негативная оценка касается лишь целесообразности использования иноязычного слова для именования языковых феноменов, которые в русском языке имеют вполне определенный терминологический статус (язык, функциональный стиль, жанр и пр.), но не актуальности, новизны и значимости проведенных исследований.

В работах, связанных с изучением речевой коммуникации в сфере политики, введение понятия «дискурс» оказалось вполне оправданным тем, что здесь текстовый массив, как правило, исследуется в соответствии с учетом экстралингвистических факторов (личность говорящего, адресат речевого акта, цель сообщения, контекст и ситуация общения) [Эпштейн 2010], коммуникативных стратегий и тактик, позволяющих описать коммуникацию в событийном аспекте [Левенкова 2011]. Однако, понимание того, что только рассмотрение этих факторов оправдывает введение термина в метаязык исследования, прослеживается далеко не всегда.

Вопрос о многозначности термина «дискурс» неоднократно рассматривался в трудах авторитетных ученых, составивших перечень значений этой метаязыковой единицы [Серио 1999: 26-27], систематизировавших эти значения в терминах формальной, функциональной, ситуативной интерпретации [Макаров 1998: 68-75]. Сопос-

тавление различных трактовок термина предлагается уже и в учебной литературе [Актуальные проблемы современной лингвистики 2009: 107-112]. Многозначность свойственна большинству лингвистических терминов; в сфере терминологии полисемия – явление естественное, неизбежное и, более того, привычное для лингвистов. Однако существует принципиальное различие между использованием одного слова для именования разных языковых единиц и тем, что разные смыслы получает слово, призванное отразить суть научного подхода. Здесь возможна ситуация, когда употребление метаязыковых единиц связано с различиями в методологии.

Д. Кристал так определил понятие discourse analysis: «The systematic study of stretches of language, whether in speech or writing, to discover the regularities which govern them». Суть данного подхода ученый раскрывает, противопоставляя его тому, который обозначается как «conversation analysis» (real-life conversation) [Cambridge Encyclopedia 1994: 347]. В традициях отечественного языкознания словосочетанию stretches of language соответствует, скорее, термин «произведение речи», но не «языковой отрезок». Обратим внимание также на фразу «whether in speech or writing», наглядно демонстрирующую тот факт, что термин «речь» относится лишь к одной из форм существования языка – устной, и здесь терминологическое (и методологическое) расхождение между различными традициями в изучении языка и речи также принципиально.

В традициях отечественного языкознания речь – материальная основа и форма существования языка – понимается как процесс, развивающийся во времени, как нечто создаваемое человеком в конкретных условиях общения, «поток неисчислимых и неограниченно разнообразных актов речи, т.е. отрезков речи, имеющих определенную целевую направленность» [Смирницкий 1956: 12]. В этой связи кажутся несколько странными отдельные, относящиеся к понятию дискурса, замечания. Так, в кандидатских диссертациях часто цитируется высказывание, в котором дискурс определяется как «речь, “погруженная в жизнь”». При всей образности этой фразы, и с учетом того, что авторской метафоре предшествует разъяснение, что под дискур-

сом подразумевается речь как целенаправленное социальное действие, рассматриваемое с учетом прагматических, социокультурных, психологических и др. факторов, цитируемое высказывание позволяет допустить существование речи, оторванной от жизни, не связанной с человеческой деятельностью. Вызывает недоумение фраза «коммуникативно-прагматический аспект дискурса» [Арутюнова 1990: 137]: дискурс по определению обращен к прагматической ситуации. Другим примером может быть суждение о том, что дискурс это «*текучая* речевая деятельность… и возникающие в результате этой деятельности речевые произведения» [Шейгал 2004: 11] (курсив наш – А.Н.). Речевая деятельность по определению процессуальна, а использование слова «текучая» предполагает существование некоего статичного, «мертвого» вида речи.

Возможно, здесь мы вновь сталкиваемся с недостаточно последовательным разграничением объекта исследования (языка) и научного подхода, предполагающего рассмотрение объекта как реальности, существующей в речи и через речь, а значит, реализуемой в определенном (и очень важном) виде человеческой деятельности, в деятельности, которая не может быть в полной мере раскрыта без учета социально-культурных, психологических, индивидуально-личностных и прочих экстралингвистических аспектов речевого акта и его участников.

В зарубежной лингвистике введение понятия discourse analyses было вызвано неудовлетворенностью тем положением дел, которое возникло в результате засилья формально-логических методов изучения языка. Речь как способ существования языка оставалась вне поля зрения, и лингвистическая мысль ушла в сторону логики и философии, подменив описание речевой действительности созданием абстрактных схем, математических формул, дедуктивных умозаключений. Если в отношении зарубежной – прежде всего, американской – лингвистики можно было говорить о резком изменении стратегического курса, то для отечественной науки вопрос состоит в развитии давно уже сформулированных теоретических положений.

Трактовка речи как определенного вида деятельности впервые была предложена именно в нашей стране, в 1920-х – 30-х годах про-

шлого столетия [Леонтьев 1969: 25]. Конечно, сейчас ставятся новые задачи – раскрыть модель речевой деятельности человека; понять, что определяет форму и содержание высказывания в конкретной ситуации его осуществления; изучить разнообразные факторы, управляющие речевым процессом, функционально-прагматические модификации речи, закономерности соотношения речевого действия и общепсихологических характеристик деятельности, влияние личностных особенностей на речевую деятельность, индивидуальные стратегии речевого действия. Однако для плодотворного решения этих, новых, задач требуется глубокое осмысление сути дискурсивного анализа и внимание к избираемой терминологии. В противном случае «дискурс» останется лишь «модным» вариантом давно известных и не менее важных для изучения речи терминов-понятий, таких как текст, речевое произведение, функциональный стиль, жанр и пр. Либо же возникнет ситуация, когда включение в сферу исследования социопсихологических характеристик высказывания, данных антропологии, этнографии и других смежных с лингвистикой дисциплин приведет к тому, что с одной стороны, в центре внимания находится конкретное высказывание, соотнесенное с его функциональными характеристиками, принадлежностью к той или иной форме речи, социальными и личностными условиями общения, а, с другой стороны, собственно языковой аспект речевой коммуникации остается на периферии исследования вследствие использования тех методов, от которых и отказались лингвисты в пользу нового подхода к изучению языка.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.

2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С.136-137.

3. Левенкова Е.Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США. автореф. дисс. … доктора филол. наук / Е.Р. Левенкова. – Самара, 2011. – 41 с.

4. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 212 с.

5. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1998. – 420 с.

6. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С.26-27.

7. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1956. – 159 с.

8. Смирницкий А.И. Объективность существования языка / А.И. Смирницкий // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия / Сост. Березин Ф.М. – М.: Высш. школа, 1981. – С. 64-71.

9. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 368 с.

10. Эпштейн О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка): дисс…. канд. филол. наук / О.В.Эпштейн. – Самара, 2010. – 209 с.

11. Cambridge Encyclopedia / edited by David Crystal. – 2nd ed. – Cambridge University Press, 1994. – 1356 p.

A.N. Morozova
(Russia, Samara)

DISCOURSE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSES AND A UNIT OF METALANGUAGE

The term discourse nowadays is used both as a metalinguistic expression of various objects of speech analyses and as an approach aimed at describing speech events in terms of linguistic and extralinguistic factors of communication. Different uses of the term are discussed in the paper from methodological viewpoint.

Keywords: discourse, speech, methodology

М.Н. Рассоха
(Россия, Владивосток)

ЯЗЫКОВЫЕ СООБЩЕСТВА И ДИСКУРС О ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются вопросы конструирования и выражения языковой идентичности в дискурсе о языке. В зависимости от того, как соотносятся язык и национальная культура, анализируются три основных типа языковых ситуаций, связанных с формированием данного дискурса в рамках процессов лингвокультурной идентификации.

Ключевые слова: дискурс о языке, языковая идентичность, языковые сообщества

Любое языковое сообщество или группа обладают коллективной языковой идентичностью, содержание которой определяется тем, как говорящие относятся к своему языку, как рефлексируют над ним в процессе его использования. Эти операции по присвоению языка отражаются в дискурсе о своем языке. Являясь идентифицирующим дискурсом, он, как правило, содержит также сопоставление с языком других языковых коллективов, который выступает в качестве языка Другого. Данный тип дискурса необходим, чтобы обозначить границы своего языка, осознать себя в качестве пользователя языка и определить свою лингвокультурную принадлежность.

В целом, возможно развитие разных сценариев, моделирующих взаимоотношения языка, говорящих на нем людей и порождаемый ими дискурс о языке. Тем не менее, представляется целесообразным выделить три основных типа в соответствии с тремя языковыми ситуациями:

- один язык соотносится с одной национальной культурой;
- один язык соотносится с несколькими национальными культурами;
- одна национальная культура обслуживается более чем одним языком.

Данные типовые языковые ситуации стоит кратко прокомментировать, поскольку они представлены очень неравномерно в многоязычном контексте языков мира. Так, в литературе неоднократно указывалось, что две трети населения планеты с точки зрении языкового существования живет в условиях диглоссии [Svartvick and Leech 2006: 12]. И только 4% стран характеризуется наличием лишь одного языка [Вахтин, Головко 2004: 41]. Таким образом, отмечает Д. Грэддол, для абсолютного большинства народов планеты мультиязыковая ситуация – наиболее привычная [Graddol 2000: 26]. Разные ситуации бытования языка не могут не отразиться на той роли, которую играет дискурс о языке в конструировании коллективной языковой идентичности.

Как можно предположить, наименее актуален дискурс о своем языке в условиях, когда одна национальная культура соотносится с одним языком. Такая моноязычная ситуация – «один язык – одна национальная/этническая культура» на уровне коллективного сознания обуславливает достаточно *латентную* языковую идентичность. Слабая степень выраженности языковой идентичности проявляется в том, что дискурс о своем языке в данном коллективе репрезентирован незначительно среди других видов дискурса. Абсолютное большинство осознает связь «мой народ – мой язык» как единственную и естественную. Языки соседей (других сообществ) служат лишь для понимания этой связи и становятся маркером идентификации только в ситуациях межкультурной коммуникации. Р.Э. Миллер указывал, что «нормальное отношение к языку – не замечать его; мы все настолько заняты, что не можем терять время, обращая внимание на собственный язык» [Miller 1982: 3-4, цит. по: Алпатов 2009].

В то же время, соглашаясь в целом с тем, что ситуация «один язык – одна национальная/этническая культура» и соотносимая с ней латентная языковая идентичность характеризуются относительной стабильностью, следует признать, что и в этих условиях возможна актуализация языковой идентичности и, соответственно, дискурса о языке.

Пример японской моноязычной культуры в этом отношении крайне показателен. Сейчас признается, что среди стран мира Япония

выделяется массовым интересом своих жителей к вопросам языка. Дискурс о своем языке стал весьма разнообразен и проникает на телевидение, в рекламу, в газетные публикации, среди массового читателя популярна лингвистическая литература [Алпатов 2009: 102-103].

Среди условий, стимулировавших трансформацию языковой идентичности японцев и активизацию дискурса о своем языке, можно назвать появление первой национальной школы ученых *kokugaku* XVII-XVIII вв., закрепившей статус японского языка в качестве исконного компонента национальной культуры. Но особенно, как отмечает Р.Э. Миллер [Miller 1982: 364, цит. по: Алпатов 2009], важнейшее значение вопросы языка приобрели в годы американской оккупации. Следовательно, можно достаточно точно определить историко-культурный контекст, вызвавший сдвиги в языковой идентичности японцев и становление дискурса о своем языке. В результате представления японцев о своем языке как национальном достоянии, не имеющем аналогов в мире и недоступном для иностранцев, еще более укрепились [Алпатов 2009: 103]. Подобная ситуация, в которой языковая идентичность актуализируется под влиянием Другого, доказывает тот факт, что она нестабильна и открыта для воздействия. Как очевидно, Другой в японской культуре представлен многолико. Сначала в виде американских оккупантов, несущих угрозу национальному языку и культуре в целом. Затем, уже в наше время – появлением значительного количества иностранцев, желающих освоить японский язык.

Характерно, что в дискурсе о языке японцы употребляют разные лингвонимы. Вообще, лингвоним – название языка – играет важную роль при транслировании языковой идентичности в дискурсе о языке. В лингвокультуре он становится центральным понятием, ассоциированным с разными смыслами, закрепление которых обусловлено языковой деятельностью и языковой политикой данного сообщества. В свете вышесказанного интересно появление и существование в японском дискурсе о языке двух его названий: *nihongo* и *kokugo*. Первое название используется в том случае, если данный язык перечисляется в ряду других языков мира или противопоставляется другим языкам; оно *единственно возможно* (курсив наш – М.Р.), когда говорится об освоении этого языка иностранцами. Если же речь идет о *языке для*

себя, используется термин *kokugo*, буквально означающий «язык страны» [Алпатов 2009: 104]. Интересно, что термин *kokugo* появился тогда, когда Япония *впервые* (курсив наш) включилась в международную жизнь, до того японцам просто не нужно было специально называть свой язык: он был просто язык *(kotoba)* [Алпатов 2009: 104]. Наличие разных названий для национального языка весьма значимый факт с точки зрения содержания языковой идентичности и дискурса о «своем/чужом» языке. Разграничение названия языка собственного пользования и появления специального названия, если им начинают пользоваться Другие (а это акт номинации для отделения «своего» языка от «чужого»), показывает, что в представлении японцев это уже иной язык. Данные термины, как очевидно, начинают соотноситься с разным содержанием дискурса о языке, разграничивая «свое» и «чужое» и, безусловно, коррелируя с разной оценкой.

Очевидно, как и любой дискурс идентификации, дискурс о языке развивается в рамках процессов отождествления и сравнения, при которых ведущая роль в категоризации явлений действительности принадлежит классификации явлений и предметов на «свой» и «другой/чужой». Все конструирование коллективной идентичности основывается на принципе дифференциации «мы/они». В этой связи в ситуациях, когда один язык соотносится с несколькими национальными культурами или одна национальная культура обслуживается более чем одним языком, дискурс о языке будет строиться строго на основании данных базовых моделей восприятия действительности.

Как указывалось выше, для современного языкового ландшафта довольно распространенной является ситуация, когда один язык соотносится с несколькими национальными культурами. Это явление получило распространение в новое время и связано с экспансией английского, французского, испанского и некоторых других языков. Данное соотношение – один язык обслуживает несколько национальных культур – вызывает актуализацию языковой идентичности, ее трансформацию и ускоренные темпы ее формирования в дискурсе о языке. При этом участниками дискурса становятся представители материнской культуры и отсоединившейся от нее производной культуры. Имеющие общее культурное ядро лингвокультуры проходят через

сложные процессы языковой и иной идентификации, в которых зачастую (это наблюдается на примере многих сообществ) вопросы языка и дискурса о нем выдвигаются на первый план.

В качестве примера можно сослаться на дискурсы об английском языке в американской и британской лингвокультурах. Содержание данных дискурсов определяется, прежде всего, тем, что варианты одного языка становятся формой выражения различающихся культур, поэтому основной акцент делается на языковом различии. Британский дискурс об американском английском имеет сильную критическую направленность, акцентируя неправильность американского английского. Американский дискурс, транслируя отличающуюся языковую идентичность, фиксирует право американцев на языковую самостоятельность и нетождественность. Таким образом, в случае американцев и британцев общий язык становится основанием интенсивной лингвокультурной идентификации, и конструирование иной языковой идентичности целиком выполняется дискурсом о «своем» и «чужом» английском языке.

Характерно, что американский вариант английского языка сложился исторически недавно, и можно достаточно определенно зафиксировать появление дискурса о своем языке. Его формирование и становление связано с приобретением собственной государственности и независимости. Естественно, что английский язык в Америке также становится символом нового статуса. Как представляется, дискурс о своем американском английском достиг своего пика с выходом книги Генри Менкена «Американский язык». Автор данного произведения настаивал, что английский в США является отдельным языком, что и отразилось в употребляемом в тексте лингвониме *American language*. Однако отметим, что, несмотря на популярность, данный лингвоним впоследствии официально не закрепился, хотя американский дискурс о языке продолжает определять американский вариант английского языка как обладающий рядом значительных отличий и вербализовать американскую языковую идентичность как уникальную.

В целом в рамках процессов языковой и культурной идентификации англосаксонские культуры создают единое дискурсивное про-

странство, в котором дискурс о языке крайне важен для лингвокультурной идентификации отдельных англосаксонских культур. Однако в отличие от британцев и американцев, между которыми языковой антагонизм достаточно значителен, он не отмечен в дискурсе о своем английском языке в лингвокультурах Австралии или Новой Зеландии.

Как указывалось выше, самыми распространенными являются языковые ситуации, в которых одна национальная культура обслуживается более чем одним языком. Такого рода лингвокультурный контекст порождает наиболее критическую языковую ситуацию и характеризуется высокой степенью актуализации дискурса о языке. Рассмотрим пример Канады. Языковой вопрос в этой стране, как известно, стоит крайне остро. Дискурс о языке занимает ключевое место и нередко сопряжен с политическими и социальными проблемами. Языковая идентичность канадцев – носителей французского языка формируется традиционным Другим, говорящим на канадском варианте английского языка, и наоборот. Дискурсы о языке маркированы лингвонимами канадский английский и канадский французский. Ключевым моментом в лингвонимах *Canadian English and Canadian French* является определение *Canadian* «канадский». Это то, что объединяет обе национальные группы. В то же время, отмечает Б. Феннелл, канадцы имеют тенденцию определять свою идентичность соотносимо с теми, кем они не являются [Fennel 2005: 245].

В связи с тем, что позиции французского в Канаде в последние годы ослабевают, языковая идентичность канадцев претерпевает изменения. Отсюда возникают разные формы языковой идентичности: от «чистых» до «смешанных» или переходных. Содержание языковой идентичности канадцев, таким образом, формируется особым способом. Сюда включается степень рефлексии над своим языком, дискурсивное поведение носителей французского и английского языков – толерантное или, напротив, агрессивное. Огромное влияние на тематику дискурса о языке оказывают также государственное регулирование и современная языковая политика канадского правительства.

Анализируя разные языковые ситуации формирования и бытования дискурса о языке, еще раз подчеркнем, что на содержание дан-

ного дискурса оказывает влияние взаимодействие языка(ов) и национальной культуры. В моноязычной ситуации дискурс о языке, как правило, менее актуален, в то время как в языковых сообществах, пользующихся не одним языком роль данного дискурса в формировании и транслировании коллективной языковой идентичности крайне важна. Содержание дискурсов о языке разных языковых коллективов различается актуализацией своего Другого и степенью дистанцированности от него, в то же время общим является позитивное отношение к своему языку, обусловленное необходимостью дискурсивно отождествить себя с данным языком, признать этот язык своим. Устанавливая связь со своим языком, коллектив дает ему название – лингвоним, который служит смысловым ориентиром дискурса о языке и отражает формирование языкового самосознания представителей каждой отдельной лингвокультуры.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Японские стереотипы в отношении языка // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. Сб. статей /Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С.101 -113.

2. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.

3. Fennell B. A. A History of English. A Sociolinguistic Approach. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2005. – 284 p.

4. Graddol D. The Future of English? The English Company (UK) Ltd. 2000. – 64 p.

5. Svartvik J. and Leech G. English: One Tongue, Many Voices. – Great Britain, Palgrave Macmillan, 2006. – 287 p.

M.N. Rassokha
(Russia, Vladivostok)

SPEECH COMMUNITIES AND DISCOURSES ON LANGUAGE

The paper addresses questions of language identity attribution in the discourse on language ownership. Based on the correlation between language and national culture and the concept of identity construction and presentation three scenarios of formation of such discourse are examined.

Keywords: discourse on language, language identity, speech communities

О.А. Сулейманова
(Россия, Москва)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ДИСКУРСИВНОМ АНАЛИЗЕ

В статье рассматривается динамическое взаимодействие между лингвистической семантикой и практическим дискурсивным анализом (АД). Ключевая роль семантического анализа синтаксических и лексических средств в реализации дискурсивного анализа иллюстрируется результатами исследования автора, устанавливается корреляция между семантическим и дискурсивным анализом, предложены аргументы в пользу предложенной интерпретации корреляции.

Ключевые слова: семантика, семантический анализ, синтаксические модели, дискурсивный анализ

К настоящему моменту дискурсивная лингвистика, оформившись как самостоятельное направление во второй половине XX века, прошла огромный путь, став одной из ведущих парадигм современ-

ной лингвистики. Как и любое научное направление, она предлагает, с одной стороны, свой предмет и объект исследования, с другой стороны – свою собственную методологию исследования (что, собственно, и позволяет рассматривать ее как самостоятельную парадигму).

Методика дискурсивного анализа (далее АД), разработанная в рамках французской школы [Квадратура смысла 2002], в различных вариантах используется в дискурсивной лингвистике и в настоящее время, а именно: в традиционном представлении АД – это трехфокусная модель, комбинация трех составляющих. В дискурсивном анализе, как сформулировано во французской школе АД, участвуют три оси анализа – анализ идеологии текста; анализ интенций говорящего и восприятия реципиента (восходящий к психоанализу) и семантики языковых знаков. При этом в фокус АД попадает в первую очередь то, что не получает прямой экспликации, что не подлежит интерпретации без опоры на широкий фон (например, прецедентные феномены и аллюзивность) и не вводится через значение языкового знака только. Это означает, что фокус АД составляют не только эксплицитные языковые средства, но и «невысказанное», то, что нужно извлекать через сложные процедуры вывода.

Следует подчеркнуть, что АД различных видов дискурса распространен в лингвистической науке, не говоря уже о том, что различные аспекты дискурса постоянно находятся в центре внимания лингвистики – например, при проведении АД академического дискурса внимание уделяется лексикону, причем с учетом коннотативных смыслов; характеристике структуры предложения по активности / пассивности, номинализации, залогу и модальности, теме (профилированию и фону); структуре текста (смена ролей и тому, как отмечены эпизоды дискурса); интертекстуальности и интердискурсивности [Хутыз 2015: 82]. Учет совокупности ракурсов рассмотрения объектов АД и позволяет получить полное представление о данном объекте в дискурсивной перспективе.

Как представляется, АД в настоящее время, вместе с тем, не всегда учитывает семантику языковых единиц и синтаксических струк-

тур в полной мере. Мы полагаем, что системный учет семантики синтаксиса, как и данных семантического анализа дискурсивных слов позволяет уточнить характер репрезентации внеязыковой действительности в дискурсивной перспективе.

Рассмотрим в качестве примера того, как можно анализировать одну из проблем в рамках анализа особенностей академического дискурса – фигуры *Другого*, с опорой на анализ лексической и синтаксической семантики.

1. Академический дискурс

В дискурсивном пространстве академического взаимодействия дискурс вслед за рядом исследователей [Хутыз 2015: 75-76] в работе понимается как разновидность институционального дискурса, как составляющая часть научного дискурса. Академический дискурс раскрывается в различных жанрах – научная статья, монография, диссертация и др. В данной работе в качестве материала исследования выбран текст монографии по лингвистике [Хутыз 2015] – как отмечает С.Х. Карчаева, монографии, статьи, учебники и учебные пособия обладают высоким уровнем дискурсивных связей, тогда как «в научно-информационных, устно-научных и оценочных текстах дискурсивные связи реализуются не так широко» [Карчаева 2010: 22].

Мы полагаем, что академический дискурс принципиально полифоничен (в понимании М.М. Бахтина) и диалогичен – причем в большей степени, чем, например, художественный дискурс, при этом диалогичность реализуется главным образом через взаимодействие с *Другим,* а полифоничность достигается за счет вовлечения в дискурс разнообразных фигур (условных) коммуникатов.

Для определения особенностей представления *Другого* в академическом дискурсе рассмотрим, во-первых, семантику используемых синтаксических моделей, далее семантику ряда лексических единиц, участвующих в идентификации *Другого* в академическом дискурсе, и завершим анализ реконструкцией *Другого*.

2. *Другой* в академическом дискурсе

В академическом дискурсе *Другой* часто получает эксплицитное выражение – *Представители данного направления, Ряд лингвистов,*

Н.Н. Иванов, Автор полагает…, и в дискурсивной перспективе данная фигура не представляет интереса (ср. провозглашенная в АД «смерть субъекта»). В данном случае эксплицированный *Другой* выполняет роль агенса, субъекта высказывания. Субъект может также эксплицироваться структурами типа *Исследователями установлено,* где эксплицированный субъект уже не выполняет роль агенса. Подчеркнем, что в обоих случаях *Другой* «создает» свое дискурсивное пространство, переход в которое эксплицитно маркируется говорящим.

Другой может также эксплицироваться иными способами, ср. *с точки зрения историков*, где *Другой* представлен именной группой, задающей объем множества лиц-участников события, ср. тж.: *С точки зрения автора данной теории / По мнению ученого / Как следует из теории Р.Якобсона.*

Совокупность лиц может определяться также фразами типа *по оценкам / мнению, согласно точке зрения* и др., вносящими информацию о продуктах интеллектуальной деятельности субъектов и тем самым косвенно о *Другом.*

При этом степень известности агенса / субъекта как для адресата, так и для адресанта может варьироваться от потенциального: *При использовании данного метода исследователь может получить валидные результаты* (в этом случае участник события не выбран, однако задано множество, из которого он может быть выбран), до актуального: *Н.Н. Петров опирался на данную методику, что позволило ему получить достоверные результаты*.

Возможно также идентифицировать *Другого* через использование инклюзивного *мы*, которое включает потенциального *Другого* в свое дискурсивное пространство. Нулевое (=имплицитное) инклюзивное *мы*, особенно в форме настоящего времени, «приглашает» академическое сообщество к диалогу: *Рассмотрим Х. Посмотрим на то, какие модели описания приняты в данной работе.*

Эксклюзивное *мы,* напротив, не дискурсивно по своей природе, ср.: *Заметим, что речь идет именно о мульти-, а не билингвизме* (Хутыз. Академический дискурс), где речь идет о действии говорящего

только. При этом инклюзивная vs эксклюзивная интерпретация определяется семантикой предиката, ср. допускающие инклюзивную интерпретацию *рассмотрим, примем во внимание*, и, напротив, эксклюзивные *подчеркнем, заметим*.

Нулевой потенциальный *Другой* реконструируется в высказываниях с предикатами потенциальности типа *можно / нужно / следует* и др. Если сравнить фразы *я могу определить* и *можно определить,* отчетливо видно, что во втором случае имеет место включение (потенциального) *Другого* в сферу своего дискурсивного пространства, это своего рода «приглашение» к объединению, готовность к сотрудничеству, говорящий не закрывается от другого – напротив, он солидаризируется с ним. *Интересные выводы можно сделать на основе анализа впечатлений студентов… Невозможно охватить все эти вопросы в одном издании* [Хутыз 2015].

Имплицитный *Другой* может быть представлен семантическим субъектом неопределенно-личного предложения: *Так* ***думали*** *до тех пор, пока к пирамиде не приехали геологи*. В таком случае субъект может задаваться обстоятельствами, имплицирующими тип множества участников [Сулейманова 1999: 186-195].

Далее, при использовании безличного коррелята модели *В древности считали, что X* – модели типа *считалось, что X* говорящий констатирует принадлежность семантического субъекта к классу людей, не сужая область его референции до какого-либо подмножества. Говорящий при этом «рисует фрагмент некоторой нормативной картины мира, которую разделяет определенный круг лиц и которая включает в себя свойственный ей набор стереотипных ситуаций и суждений» [Сулейманова 1999: 202]. При этом вносится информация о том, что описываемое событие имеет место не в результате проявления волеизъявления отдельного индивиды или группы индивида, а благодаря действию некоторого предписывающего закона, некой общепринятой нормы. В дискурсивной интерпретации семантики данной модели *Другой* репрезентирован «продуктом» деятельности индивида – выработанными нормам и правилами социума: *Среди достоинств академической мобильности отмечается полноценное зна-*

комство с дисциплинами на иностранном языке [Хутыз 2015]. *Всегда считалось, что этой пирамиде две тысячи лет. Некоторые историки относили ее к более раннему периоду*.

Еще одна особая синтаксическая структура, участвующая в дискурсивном диалоге, – это риторический вопрос (это отмечается многими исследователями): *…зачем мы публикуем свои научные открытия, какие качества мы хотим освоить…* [Хутыз 2015]. Он отличается от вопросно-ответного диалога между равноправными субъектами: адресантом и адресатом в том, что в риторическом вопросе *Другой* имплицируется, причем часто маскируется как диалог с самим собой, например: *Как решить эту задачу?,* однако апеллирует и к *Другому*, «приглашая» его к беседе или действию.

Инфинитивная модель типа *Если говорить о X* также «приглашает» в слушатели *Другого*, а императив и средства выражения модальности вообще традиционно относятся к дискурсивно-релевантным средствам: *Если ориентироваться на текст данной эпохи, можно заключить…*

Лексическое значение языковых единиц также оказывается дискурсивно-релевантным – например, слово *напротив*, где говорящий вступает в полемику с *Другим* – причем неясно, с кем – это может быть автореференция к собственным ранее высказанным мнениям (и в этом случае можно говорить о присутствии *Другого* – «прежнего» говорящего), либо к точке зрения Другого – собеседника. Ср.: *В этом случае, напротив, в виду имеется другая модель.* Фраза *в какой-то степени* также апеллирует к другому и предполагает открытость к потенциальной реакции *Другого. В какой-то степени это можно отнести на счет контекста*.

Местоимения отсылают к другому эксплицитно – фактически они характеризуют его роль чисто дейктически. Нулевые местоимения, напротив, создают комплексный образ, отражая сложное взаимодействие с ним говорящего.

Прецедентность и цитации по понятным причинам чрезвычайно частотны в данном типе дискурса *Слово «тиахуанако» в переводе с инкского означает «мертвый город»* (Никонов «Всемирный потоп»); *Центральным положением философии «пограничной ситуации»*

(пользуясь термином Ясперса) является то, что только через факт безнадежного сопротивления человек возвращает себе утраченную связь с Творцом (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима»); *Прометеевская яростная фраза «по правде всех богов я ненавижу» (см. Эсхил «Прометей прикованный») могла бы звучать и в устах Гектора, идущего в бой вопреки фатуму* (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима») или *…в устах Гекубы, приговоренной ахейцами (то есть богами, руководящими ахейцами) к поруганию* (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима»); *…сюжет этот – «срывание одежд» – для Эль Греко приобретал особое значение…* (Кантор «Эмигрант из Третьего Рима»).

Принципиальная особенность академического дискурса состоит в том, что в нем эксплицированное противопоставление *Другому* имеет место в ограниченном числе случаев, а именно, когда *Другой* принадлежит иному интеллектуальному пространству, *Другой* создал свое когнитивное пространство, а также в случаях, когда автор работы дистанцирован от результата, и фокус сообщения составляет результат работы, а не личность исследователя (*в работе Н.Д.Арутюновой*) – и такие высказывания более частотны. Чаще автор фокусируется на диалоге с академическим миром не в прямой, эксплицитной форме, а через имплицитное включение *Другого* в сферу своих концепций, осуществляя естественную связь с научной традицией, защиту своей точки зрения на фоне обязательно иных воззрений – это и делает роль *Другого* чрезвычайно значимой, и часто более значимой, чем роль адресата.

Дискурсивная парадигма позволяет отрефлексировать взаимоотношения участников коммуникации, а также персонажей за кадром, вовлекая их в коммуникацию и создавая полифонию академического дискурса.

Опора на семантическое описание языковых единиц различных уровней – на уровне значения синтаксической модели (например, неопределенно-личного предложения), на уровне лексического значения (например, значения местоимений) позволяет получить описание особенностей данного типа дискурса.

Библиографический список

1. Карчаева С.Х. Дискурсивность научного текста. Автореферат дис. …канд. филол. наук. – Нальчик: 2010.
2. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Сб. научн. ст. – М.: Прогресс. 2002.
3. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Безличные предложения. – М.: Диалог МГУ. 1999.
4. Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. – М.: Флинта-Наука. 2015.

Источники фактического материала

1. Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. – М.: Флинта-Наука. 2015.

O.A. Suleimanova
(Russia, Moscow)

THE ROLE OF LINGUISTIC SEMANTICS IN DISCOURSE ANALYSIS

The paper focuses on the dynamic interaction between linguistic semantics and practical discourse analysis (DA). The crucial contribution of the semantic analysis (SA) of syntactic and lexical means into the final discourse analysis is supported by the research findings of the author, SA-to-DA correlation is specified and followed by practical illustrations.

Keywords: semantics, semantic analysis, syntactic models, discourse analysis

Ю.М. Трофимова
(Россия, Саранск)

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ЕГО ЭВОЛЮЦИОННЫХ СВОЙСТВ

В статье обосновывается правомерность выделения паремиологического дискурса и его подверженность различного рода эволюционным и трансформационным процессам, определяющим его субстанциальные характеристики и функционирование.

Ключевые слова: паремиологический дискурс, паремия, пословица, поговорка, афоризм, трансформация, эволюция

Популярность дискурсивных исследований в современной лингвистике имеет своим итогом в первую очередь выделение самых различных видов дискурса, число которых стало уже практически необозримым. Разнообразные виды дискурса, выявленные на сегодняшний день, имеют, однако, разный возраст с точки зрения времени своего изучения. Интерес вызывают самые молодые дискурсивные исследования, среди которых следует особо выделить паремиологические разработки, имеющие целью осветить своеобразие различных паремий с позиции дискурса.

Формулировка паремиологический дискурс становится уже вполне привычной и встречается в достаточно большом количестве работ. Но здесь необходимы уточнения. Дискурсом, как известно, называют текст, погруженный в жизнь, но то, что относят к числу паремий, однозначно квалифицировать как текст нельзя. К паремиям в широком смысле слова причисляют не только пословицы и поговорки, но также и пословичные выражения, антипословицы, веллеризмы, девизы, слоганы, афоризмы, максимы, загадки, приметы, прозвища, дразнилки и другие аналогичные изречения.

Однако как текст их, тем не менее, квалифицировать можно, если принять точку зрения, согласно которой размер текста не имеет

значения. Как было заявлено, в лингвистике текста проблема длины текста давно снята, и уже вполне серьёзно дискутируется вопрос о том, могут ли однословные надписи типа «Вход» или «Гастроном» квалифицироваться как текст [Кубрякова 2001: 74]. Аналогичным образом можно соотнести с паремиями и понятие дискурса. Согласно самому популярному определению, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их познания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136-137]. Сохраняя неприкосновенность цитаты, покажем ниже, что все перечисленные характеристики дискурса вполне приложимы и к паремиям, и соответственно к паремиологическому дискурсу.

Итак, продолжим считать паремию текстом, поместив который в среду экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других факторов, получим возможность говорить о паремиологическом дискурсе. Особо выделим прагматические факторы. Существенно заметить, что прагматика перечисленных выше единиц неоднородна, часть их озадачивает реципиента когнитивной направленностью (загадки), часть (пословицы, поговорки, антипословицы, афоризмы и некоторые другие единицы) имеют тот характерный признак, что их основным назначением является краткое образное вербальное выражение определенных ценностей и взглядов, иногда с претензией на выражении истины в ее абсолютной форме, что наиболее характерно для пословиц и афоризмов.

На них мы и остановимся. Между пословицами и афоризмами, к тому же, нет четкой границы, и последние имеют свойство приобретать со временем статус первых. Иногда даже прямо заявляется, что авторские пословицы называются афоризмами. Но и традиционные пословицы (народные, имеющие не один век бытования), вполне вероятно, как некое суждение были кем-то однажды высказаны, и в этом смысле тоже имеют автора, хотя и безымянного. Такие высказы-

вания с течением времени варьировались, шлифовались, их авторский компонент выветривался, и они начинали приобретать налет вполне объективного суждения. Красноречивым примером явится афоризм (по разным источникам – то ли Цицерона, то ли Сенеки-старшего) *errare humanum est, stultum est in errore perseverare* «человеку свойственно ошибаться, но глупо упорствовать в своих ошибках», закрепившийся лишь в своей первой части (*errare humanum est*) и уже давно включаемый в состав пословиц.

Пословицы и поговорки испытывают самые разнообразные трансформации, которые весьма затруднительно сгруппировать в типы. Отметим лишь ряд случаев. Например, английская фраза, также приобретшая статус пословицы «*see no evil, hear no evil, speak no evil»* – «не видеть зла, не слышать зла, не говорить зла», обычно в виде надписи сопровождаемая картинкой с тремя обезъянками, закрывающими соответственно глаза, уши и рот. По некоторым источникам эта поговорка – буддистская, иллюстрирующая принцип несовершения зла. Однако в английском языке она употребляется в ироническом смысле, когда с её помощью характеризуют тех, кто закрывает глаза на откровенные беззакония (in the Western world the phrase is often used to refer to those who deal with impropriety by turning a blind eye) [Three Wise Monkeys….]. С трансформационной точки зрения здесь можно констатировать вариабельность её содержания.

Бывают случаи, когда чьё-то высказывание показалось кому-то чрезвычайно привлекательным, и этот человек начинает его активно использовать, содействуя, таким образом, его известности и закрепляя в качестве пословицы. При этом пословица может менять свое языковое обличие и из одного языка переходить в другой. Такого рода преобразование претерпела пословица *Victory has a hundred fathers and defeat is an orphan* (по-итальянски: *La victoria trova cento padri, a nessuno vuole riconoscere l'insuccesso*) (1942). Считается, что она принадлежит итальянскому дипломату графу Галеццо Чано и была популяризирована Джоном Кеннеди. Таким образом, в истории бытования этой паремии существенно выделить вербальную модификацию при её переходе в другую лингвокультуру.

Однако и сам Кеннеди считается автором пословицы (по разным источникам – афоризма) *«a rising tide lifts all boats».* Смысл не сразу доступен человеку, который слышит её впервые, что нехарактерно для паремий в целом, поскольку содержательно они, как правило, прозрачны (за исключением загадок). Приведенная пословица когнитивно усложнена, поскольку её толкование затрагивает лишь одну определенную сферу, а конкретно, положение в экономике в том смысле, что улучшение в экономике в целом принесет выгоду всем тем, кто в ней занят.

Приведенные примеры позволяют вернуться к вопросу о природе паремиологического дискурса, прежде всего, с позиции его эволюционных свойств, как правило, у традиционно выделяемых видов дискурса не обсуждаемых. Как известно, понятие эволюции широком смысле слова предполагает представления об изменениях в обществе, органическом мире, неживой природе, их направленности, порядке, закономерностях. Добавим от себя, что в той же мере позволительно говорить и обо всех остальных явлениях мира, в том числе и о языке. В том, что касается паремиологического дискурса, то следует поставить во главу угла, во-первых, разнообразие изменений у паремий (как формы, так и содержания) и, во-вторых, (по возможности) закономерности этих изменений. Именно такого рода изменения и следует расценивать как эволюционные характеристики паремиологического дискурса.

Приведенные выше примеры акцентируют, в первую очередь, индивидуальность каждого изменения, поддержанного историческими причинами. Для конкретизации этого явления обратимся также к другим примерам, приняв к сведению, что история изменения (эволюции) пословицы может быть очень долгой.

Например, афоризм Гиппократа (в русском варианте – *жизнь коротка, искусство вечно*, а в английском – *art is long and life is short*) прилагался им к трудностям освоения искусства медицины, для постижения которого жизнь коротка. Оригинал этого афоризма Гиппократа выглядит так: *«Ο βίος βραχύς, η τμχμη μακρή, ο καιρός οξύς, η πείρα σφαλερή και η κρίσις χαλεπή» (Жизнь коротка, (медицинское) ис-*

кусство протяженно, случай быстротечен, опыт обманчив, а суждение – трудно). В несколько сокращенной форме эта фраза зарегистрирована и у Чосера: *The lyf so short, the craft so long to lerne.*

Сенека сослался на афоризм Гиппократа в своем диалоге о краткости жизни, и отсюда пошла латинская версия *ars longa, vita brevis. Ars* в латинском изречении, ставшим теперь уже пословицей, стало пониматься иначе. В целом же выражение стало популярным после того, как И. В. Гете повторил его в своей трагедии «Фауст» в такой форме: «Искусство долговечно, а жизнь наша коротка». Новое значение пословицы возникло благодаря тому, что использованное Гиппократом греческое слово *«η τέχνη»* обозначало и «науку», и «искусство», – как и латинское *«ars»* в переводе Сенеки. Сейчас это выражение обычно употребляется в смысле: художник, творец умирает, а плоды его рук, творения его духа, ума, искусства живут вечно.

Процесс варьирования паремий не закончен и поныне, и в художественной литературе можно встретить их самые разнообразные модификации. Именно художественная литература может дать представление о том, как возникает авторство афоризма или пословицы, если такое авторство никем специально не заявлено, что в реальной жизни время от времени имеет место. На страницах художественных произведений И.В. Горбань выявила разнообразные типы подобных трансформаций, осуществленных персонажами, но фактически принадлежащих авторам произведений, например, (1) *«Слыл он [Иван Коноплев] мужиком справедливым, но злым,* ***говорил редко, но едко****»* [Яшин 1988: 26] (исходная поговорка: ***говорил редко, но метко***) [Горбань 2010: 9]; (2) *«Артелью решено было переставить самоловы на самый стрежень – как и всем малоопытным рыбакам им мнилось –* ***чем дальше в реку, тем больше рыбы****»* [Астафьев 1984: 146]. Окказиональная паремическая единица, образованная по структурно-семантической модели синонимична пословице *(чем дальше в лес, тем больше дров)* [Горбань 2010: 12].

Как можно заключить из приведенных примеров, пословицы, явно начинавшиеся с чьего-то удачного высказывания, находятся в устном бытовании и испытывают самые разнообразные модифика-

ции, обнаруживая при этом вполне зримые дискурсивные свойства.

Рассмотрение паремий с дискурсивной точки зрения определенно расширяет границы дискурса как явления. Паремии в этом плане можно типологически сблизить с другим видом дискурса – эпическим дискурсом, сферой функционирования которого является устная передача текста от лица к лицу и от поколения к поколению.

Пословицы XX века обнаруживают и другие эволюционные свойства и, прежде всего, содержательные. Денотативная ситуация, лежащая в основе паремии, все заметнее обретает черты отвлеченности, абстрактности, она все больше включает разнообразных признаков современной жизни. В качестве примера можно назвать следующие паремии, взяв их из краткого оксфордского словаря пословиц [The Concise Oxford Dictionary of Proverbs] и сопроводив собственными *переводами: (1) travelling broadens the mind* «путешествие расширяет кругозор»; *(2) there' s no such thing as a free lunch* «бесплатных завтраков не бывает»; *(3) if you don't speculate, you can't accumulate* (пословица в основе – китайская) «если не спекулировать, то и не скопить»*; (4) any publicity is a good publicity* «любая реклама, хорошая реклама».

Налицо также и продолжающаяся трансформация пословиц, например, *he who laughs last, laughs longest* (традиционный вариант *he laughs best who laughs last* «смеется тот, кто смеется последним»), *an apple a day keeps wrinkles away* (традиционный вариант *an apple a day keeps the doctor away* «яблоко в день и врач не нужен»). В этом случае аллюзия на известную пословицу добавляет в трансформированный вариант дополнительную коннотацию, продуцируя определенный юмористический эффект («яблоко в день и морщин не будет»), что редко встречается у традиционных пословиц. Пословица может быть и окказиональной, созданной по определенному поводу и непонятной вне этого события, например, *What goes up, must come down*. Считается, что эта пословица имеет в виду военные бомбардировки и в таком духе апеллирует к известному закону о земном притяжении.

Особый блок составляют авторские пословицы (или афоризмы), которые часто строятся и с использованием другого паремиологиче-

ского материала и которые нередко создаются с намерением произвести юмористический эффект, возникающий из-за аллюзии, направленной на это материал, например, *“Ветер в голове” — прогноз “погоды” на всю жизнь* (автор Сергей Балашов). Примерно такого же рода и следующие афоризмы указанного автора: *Со здоровьем не шутят: у него нет чувства юмора; Получив подарок от жизни, посмотри, нет ли на нём цены.*

В заключение заметим, что выделение паремиологического дискурса в современной лингвистике следует только приветствовать, поскольку паремии, играющие не последнюю роль в человеческой коммуникации, не могут стоять вне дискурсивной практики. Однако выделение данного явления следует завершить определением его характера и сущности, предпослав ему по возможности дефиницию. Как заметила И.В. Горбань, в лингвистической литературе со словом *паремиологический* обычно согласуют *фонд, материал, корпус* и т.п., подразумевая при этом, как правило, некий объем пословиц, поговорок, присловий, дразнилок и прочих паремических единиц (в широком понимании). В частности, в подобном ключе трактуют русский паремиологический дискурс Н.В. Дранникова и И.В.Тяпкова [Горбань 2010: 23]. Однако имеет смысл заявить, что паремиологический дискурс – это не просто корпус паремических единиц, это процесс их создания, обновления, трансформаций, а подчас исключительно сложного и длительного преобразования в зависимости от тех или иных коммуникативных обстоятельств. Безусловно, основная часть паремий сохраняет в коммуникации свой стабильный облик, но ни одна из них не застрахована от авторских переосмыслений и трансформаций, происходящих совершенно непредсказуемым образом. Именно эти моменты и следует определить как эволюционные признаки паремиологического дискурса, демонстрирующие его постоянное развитие, становление и в итоге – онтогенез.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс //Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Горбань И.В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов 2010. – 26 с.
3. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения //Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.
4. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. – [Электронный ресурс]: https://vk.com/doc3217357_227745817?hash...dl.
5. Three Wise Monkeys. [Электронный ресурс]: bookofthrees. com›three-wise-monkeys-2.

Y.M. Trofimova
(Russia, Saransk)

PAROIMIAS AS A PHENOMENON OF DISCOURSE AND ITS EVOLUTION

The article deals with the problem of recognizing the specific type of discourse – paremiological discourse and its ability to undergo frequent transformations and modifications which constitute the nature of its existence.

Keywords: paremiological discourse, paroimia, proverb, saying, aphorism, transformation, evolution

В.Д. Шевченко
(Россия, Самара)

СОБЫТИЕ В РАЗНЫХ ДИСКУРСАХ

Языковые и социокультурные составляющие дискурсов, а также особенности культурно-исторических эпох оказывают значительное влияние на репрезентацию различных аспектов одного и того же события в разных дискурсах.

Ключевые слова: событие, типы дискурса, цитата, медиа-текст

Жизнь состоит из бесконечной череды событий. Каждое событие, на наш взгляд, представляет собой пересечение и взаимодействие таких несовместимых, на первый взгляд, материальных и нематериальных объектов, как пространство, время, участники, их действия, характеристики и эмоциональные состояния и т.п. Событие представляет собой проявление движения материи, причем каждое событие – это одновременно и результат и причина другого события/других событий. Немаловажна связь между событием и отражением его в языке, ибо язык служит не только неким «хранилищем» события, но и является его «конструктором», создающим события и даже новую дискурсивную реальность.

В.Я. Шабес определяет событие в тексте как «отдельную сложную единицу отражения с многомерной семантической структурой, ядром которой является двуединство признаков “деятель” – “действие”» [Шабес 1989: 16]. Речь здесь, скорее, идет семиотической или, у́же, языковой единице, отражающей событие, происходящее в реальности. Восприятие содержания текста участниками коммуникативного процесса приводит к восстановлению компонентов события в их сознании, восстановлению связи между этими участниками и событием через форму и содержание текста, что является, на наш взгляд, дискурсивным процессом, т.е. созданием дискурса.

Известно, что дискурс представляет собой сложное сочетание текста, ряда ситуаций (коммуникативных и предметно-референтных),

а также других факторов, например, когнитивных. Дискурс оказывает значительное влияние на событие, но и событие влияет на дискурс. Событие – это точка пересечения знаков и материальных компонентов, это конкретное проявление дискурса. Какие-то события являются привычными для тех или иных дискурсов: они порождаются ими и сами служат продолжением дискурса (лекция в академическом дискурсе, беседа друзей в бытовом дискурсе). Интересно посмотреть на события, которые присутствуют в разных дискурсах и находят в них разное отражение, т.к. дискурсы отличаются составом участников, их коммуникативными целями, характеристиками и т.п. (например, действия правительства могут по-разному отражаться в прессе, блогах и анекдотах) [Шевченко 2015: 61-68]. В данной работе мы попытаемся рассмотреть, как коммуникативные, когнитивные и другие аспекты дискурсов влияют на отражение в них одного и того же события. Материалом исследования послужили публицистические статьи, репрезентирующие медиа-дискурс и имеющие в своем составе цитаты, относящиеся к другому типу дискурса.

Рассмотрим пример включения фрагментов дневниковых записей в состав статьи Марка Джонсона ***"The summer of acid rain"***, рассказывающей об извержении вулкана, приведшем к климатическим изменениям во всем мире:

"Around mid-morning on Pentecost, June 8th of 1783, in clear and calm weather, a black haze of sand appeared to the north of the mountains. The cloud was so extensive that in a short time it had spread over the entire area and so thick that it caused darkness indoors. That night, strong earthquakes and tremors occurred."

Thus begins the eyewitness account of one of the most remarkable episodes of climate change ever seen. It was written by a Lutheran priest, Jon Steingrimsson, in the Sida district of Southern Iceland. At nine o'clock that morning, the earth split open along a 16-mile fissure called the Laki volcano. Over the next eight months, in a series of vast belches, more lava gushed through the fissure than from any volcano in historic times – 15 cubic kilometres, enough to bury the whole island of Manhattan to the top of the Rockefeller Centre. <…> "Europeans reacted in different ways. Steingrimsson was in no doubt: the eruption was "the Lord's chastisement".

On the fourth Sunday after Pentecost, with the lava advancing down the valley towards his church "which was shaking and quaking from the cataclysm", he gathered his flock for Sunday service, as usual. "Both myself and all the others in the church were completely unafraid," he writes. "No one showed any signs of leaving during the service, which I had made slightly longer than usual." On emerging, the congregation found that two rivers, blocked by the lava flow, had changed course and poured down, dousing the lava and stopping it yards from the church door. (Two centuries later, Icelanders created the same obstacle by artificial means to save a town threatened by another eruption.) "From this day onwards the fire did no major damage to my parish in any way." "The miracle of the fire sermon" became well known and sermons on the freakish cloud common. "You stare at the sky and at the horizon veiled in dark exhalations," Johann Georg Gottlob Schwarz admonished his audience in Alsfeld, Germany. "The Lord speaks daily to us and reveals in Nature his omniscience".

(The Economist, December 22nd, 2007, p. 123-124)

В рассматриваемом примере включенный и принимающий тексты относятся к одному и тому же событию – извержению вулкана в Исландии в 1783 году, вызвавшему климатические изменения во многих местах планеты. Фрагменты дневниковых записей, включенные в состав публицистической статьи, демонстрируют специфику бытийного дискурса, знаками которого они являются, а именно – характеристику его участников, которая повлияла на их представления, нашедшие отражение во включенных фрагментах. Исходя из языковых данных в примере (***the Lord's chastisement***, ***the miracle of the fire sermon***, ***the Lord speaks daily to us and reveals in Nature his omniscience***), можно сделать вывод, что такой характеристикой является глубокая религиозность общества, поскольку произошедшие природные катаклизмы являлись, по мнению участников, Божьей карой, т.е. им приписывалось божественное происхождение. Произошедшие события (например, то, что лава остановилась в нескольких ярдах от входа в церковь) укрепили взгляды участников. По мнению Я. Яворчиковой, выбор слов и выражений зависит не только от языковых способностей человека, но и от его психологического состояния [Javorčíková 2011: 118]. Следовательно, языковые знаки являются основными показате-

лями значимых характеристик участника коммуникации и дискурса, в котором он пребывает. Преобладание в тексте признаков бытийного дискурса служит доказательством того, что текст принадлежит именно этому типу дискурса. Это такие признаки, как монологический характер повествования о значимых для субъекта событиях (*"Both myself and all the others in the church were completely unafraid," he writes. "No one showed any signs of leaving during the service, which I had made slightly longer than usual*), использование форм речи на базе литературного языка, развернутый, предельно насыщенный смыслами характер коммуникации (*Around mid-morning on Pentecost, June 8th of 1783, in clear and calm weather, a black haze of sand appeared to the north of the mountains. The cloud was so extensive that in a short time it had spread over the entire area and so thick that it caused darkness indoors. That night, strong earthquakes and tremors occurred*) [Карасик 2004: 289], хотя в тексте также присутствуют элементы религиозного дискурса (*the Lord's chastisement*, *the miracle of the fire sermon*, *The Lord speaks daily to us and reveals in Nature his omniscience*).

Кроме того, для того чтобы дать объяснение происхождению их взглядов, автор также приводит фрагменты религиозного дискурса – цитаты из Библии: *"Pentecost is the Christian festival celebrating the appearance of the Holy Spirit to the Apostles with the sound, the Bible says, "as of a mighty rushing wind" and an appearance "like as of fire". But there was nothing metaphorical or festive about the winds and fire of the Laki eruption. It was the greatest calamity in Iceland's history"* (Ibid., p. 123). Соответствие характера катаклизмов, произошедших в религиозный праздник, описаниям, приведенным в Библии, служило дополнительным основанием для приписывания им религиозного характера. Автор публицистической статьи намеренно включает в ее состав фрагменты религиозного дискурса с целью продемонстрировать, что именно «религиозная» интерпретация этого природного явления соответствовала уровню развития общества в описываемый культурно-исторический период.

Как пишут Л. Филлипс и М. Йоргенсен, «способы понимания и представления мира имеют специфику, связанную с историческим и культурным контекстом, *то есть условны, зависимы от обстоя-*

тельств. Наши взгляды и особенности могут отличаться и меняться со временем» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 20]. Исходя из информации, полученной благодаря включенному тексту, и знаний о соответствующем культурно-историческом периоде, мы приходим к выводу о том, что церковь не только была одним из важнейших социальных институтов, но и оказывала существенное влияние на способы понимания и представления мира, приобретавшими благодаря ей религиозный характер.

Однако в состав ситуации, датированной 18 веком, к которой относятся включенные тексты, входили также другие участники, пытавшиеся проанализировать наблюдаемые природные явления с научной точки зрения, т.е. обладавшие иными способами понимания и представления мира: *"In general, though, "the Connoscenti", (Cowper's term) sought rational explanation for the haze, rather than the consolations of religion. A French naturalist was the first to connect the fog to volcanic activity in Iceland in a lecture at Montpellier as early as August 7th. In Paris, meteorologists "desirous of making some observations of the atmosphere, had a sort of kite flown to a great height after which it was drawn in, covered with innumerable small black insects." In an apparent attempt to allay panic, a French astronomer, Jerome de Lalande, wrote a paper arguing the unusual weather was "nothing more than the very natural effect from a hot sun after a long suppression of heavy rain" (he was wrong). Everywhere, educated men left detailed descriptions of the cloud cover; of the unusual appearance of the sun ("ferruginous" said White; "the face of a hot salamander" said Cowper); and of the scorching of leaves and grass and the state of the harvest and livestock"* (Ibid., p. 124). Используемые языковые средства отражают научные представления некоторых участников об описываемом явлении (***rational explanation for the haze***, ***to connect the fog to volcanic activity***, ***nothing more than the very natural effect from a hot sun after a long suppression of heavy rain***). Таким образом, в этом примере мы наблюдаем взаимодействие между четырьмя разными дискурсами: публицистическим, религиозным, научным и бытийным.

Модель 1. Цитата, репрезентирующая религиозный дискурс

Причина события
Грехи, совершаемые людьми → Гнев Божий

↓

Событие

Природный катаклизм (извержение вулкана)

"The flood of fire", Steingrimsson writes, "flowed with the speed of a great river swollen with meltwater on a spring day." It was rather as if the world's largest steelworks had begun pouring molten metal all over the neighbourhood. When the lava stream ran into water or marshes, "the explosions were as loud as if many cannon were fired at one time." When it hit an obstacle, such as older lava fields, great gouts of molten metal were flung in the air, splashing back to earth, he says, "like cowpats" (Ibid., p. 123).

↓

Событие

Природный катаклизм (извержение вулкана)

"The flood of fire", Steingrimsson writes, "flowed with the speed of a great river swollen with meltwater on a spring day." It was rather as if the world's largest steelworks had begun pouring molten metal all over the neighbourhood. When the lava stream ran into water or marshes, "the explosions were as loud as if many cannon were fired at one time." When it hit an obstacle, such as older lava fields, great gouts of molten metal were flung in the air, splashing back to earth, he says, "like cowpats" (Ibid., p. 123).

↓

Последствия события

Изменение условий существования людей

In Iceland, this had horrible results. "The horses lost all their flesh," Steingrimsson wrote, "the skin began to rot off along the spines. The sheep were affected even more wretchedly. There was hardly a part on them free of swellings, especially their jaws, so large that they protruded through the skin… Both bones and gristle were as soft as if they had been chewed." Half the horses and cattle and three-quarters of the sheep on the island died. As famine took hold, social bonds began to fray. <…> Benjamin Franklin, then America's ambassador to Paris, wrote to the Literary and Philosophical Society of Manchester that "[*the sun's*] *effect of heating the Earth was exceedingly diminished. Hence the surface was early frozen. Hence the first snows remained on it unmelted. Hence the air was more chilled. Hence perhaps the winter of 1783-84 was more severe than any that had happened for many years." In speculating upon the cause, he wondered "whether it was the vast quantity of smoke, long continuing to issue during the summer from Hecla in Iceland* [*near Laki*]*". It was* (Ibid., p. 124-126).

Модель 2. Цитата, репрезентирующая медиа-дискурс

Причина события

Вулканическая активность

Effusive volcanic eruptions are different. They simmer with less force, but produce a greater volume of debris. Laki belched out clouds of volcanic gases 80 times greater than Mount St Helens, though Mount St Helens had much greater explosive power. But because Laki was weaker, three-quarters of the gas reached only as far as the lower atmosphere (the troposphere), the level at which rain, ordinary clouds and surface winds are carried. The gases included enormous quantities of sulphur dioxide; at its peak, the eruption produced as much in two days as European industry produces in a year. Part of this dissolved in the vapour of the clouds to form sulphuric acid. Within a few hours, the Laki volcano had produced a vast plume of acid rain, brooding over the skies of southern Iceland.

↓

Событие

Природный катаклизм (извержение вулкана)

At nine o'clock that morning, the earth split open along a 16-mile fissure called the Laki volcano. Over the next eight months, in a series of vast belches, more lava gushed through the fissure than from any volcano in historic times – 15 cubic kilometres, enough to bury the whole island of Manhattan to the top of the Rockefeller Centre.

↓

Последствия события

Изменение условий существования людей

The winters that followed the Laki eruption were freakishly cold. <…> On average, temperatures in Europe during 1784 were about 2°C below the norm of the second half of the 18th century; and the closer to Iceland, the bigger the impact. <…> The eastern United States suffered one of its longest and coldest winters, with temperatures almost 5°C below average. <…> Japan suffered one of the three worst famines in its history in 1783-86, when exceptional cold destroyed the rice harvest and as many as 1m people died (Ibid., p. 126).

Участник современной социокультурной ситуации общения (автор статьи) также дает объяснение описываемым природным явлениям с научной точки зрения: *"Effusive volcanic eruptions are different. They simmer with less force, but produce a greater volume of debris. Laki belched out clouds of volcanic gases 80 times greater than Mount St Helens, though Mount St Helens had much greater explosive power. But because Laki was weaker, three-quarters of the gas reached only as far as the lower atmosphere (the troposphere), the level at which rain, ordinary clouds and surface winds are carried. The gases included enormous quantities of sulphur dioxide; at its peak, the eruption produced as much in two days as European industry produces in a year. Part of this dissolved in the vapour of the clouds to form sulphuric acid. Within a few hours, the Laki volcano had produced a vast plume of acid rain, brooding over the skies of southern Iceland"* (Ibid., p. 123).

Благодаря включению фрагмента бытийного дискурса в состав современного публицистического подчеркиваются особенности социокультурных ситуаций общения, в частности, характеристики участников данных ситуаций, обусловленные их культурно-историческими контекстами. В результате взаимодействия разных дискурсов реципиенту предлагается два способа понимания и представления события: научный vs. религиозный.

В рассматриваемом случае различия между языковыми выражениями в дискурсах демонстрируют разные способы интерпретации одного и того же события участниками различных социокультурных ситуаций общения. Когнитивные модели события, реализованные в текстах, репрезентирующих разные дискурсы, можно представить следующим образом.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что такой компонент модели одной и той же предметно-референтной ситуации, как причина события (извержения вулкана в Исландии) по-разному понимается участниками разных социокультурных ситуаций общения в зависимости от характеристик данных участников, их представлений и взглядов.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
2. Филлипс Л.Д., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.
3. Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая шк., 1989.
4. Шевченко В.Д. Дискурсивные свойства интертекстуальных включений//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. – Вып. 2: Филологические науки. – С. 61-68.
5. Javorčíková J. Slovak Tongue, Canadian Mind: Discourse Analysis of Canadian-English Interference among Slovak Immigrants in Canada // Theories and Practices: Proceedings of the Third International Conference on Anglophone Studies, September 7-8, 2011. – Zlín: Univerzita Tomáše Bati ve Zlíně, 2011. – P. 111-119.

V.D. Shevchenko
(Russia, Samara)

REPRESENTATION OF AN EVENT IN VARIOUS DISCOURSES

The language and sociocultural constituents of discourses as well as the peculiarities of cultural and historical periods exert considerable influence on representation of various aspects of one and the same event in different discourses.

Keywords: event, types of discourse, citation, media-text

II. ТИПЫ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

A. Slatinska
(Slovakia, Banska Bystrica)

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE IRISH LANGUAGE REVITALIZATION

The present paper is devoted to the socio-cultural aspects of the Irish language revitalization. The author analyzes the reasons of Irish language protection. The language acquisition and use of the minority language are considered to be the key elements.

Keywords: the Irish language, language revitalization, culture, language, identity

This article reflects the significant position of the Irish language not only in Irish society, but also from the worldwide perspective, taking into account added value generated by all languages, not omitting minority and lesser-used languages which create an inherent part of world´s cultural heritage.

The Irish language is the first national and official language in the Republic of Ireland, whereas the English language is defined as the second official language according to the Irish Constitution. Although, majority of people in the Republic of Ireland speak the English language, Irish (Irish Gaelic) is considered to be one of the most important elements of Irish national and cultural identity despite its minority position in public sphere and real life.

Currently, the Irish language is being revitalized as a unique cultural element. There are many organizations which support language revitalization (*Conradh na Gaelige, Foras na Gaelige, Údarás na Gaeltachta, National University of Ireland Galway*). We assume that the more people are

exposed to the Irish language through the medium of various Irish language services and cultural activities, the more viable and vivid will be their participation in the Gaelic ethnoculture.

In the Republic of Ireland, Irish-speaking area is called the *Gaeltacht*. There are many of such areas in the country. Most of them are located in the western part, although, nowadays the number of Irish speakers in predominantly English-speaking areas has increased significantly, too. The economic support of Gaeltacht plays crucial role in language revitalization. In addition to this, attention should be also paid to the dissemination of information about benefits of bilingualism. Families should be more supported in bringing up their children through the medium of Irish arising out of the fact that they can play a huge role in language maintenance and reversing the process language shift.

In many Irish-speaking communities there is a tendency to prefer English as the language of communication nowadays. Thus, the role of family as well as education institutions is of utmost importance in order to achieve intergenerational transmission of Irish (Pecníková 2014). Successful transfer of language depends, however, on the positive attitude and more enthusiastic approach to establishment of the Irish language and more bilingual households.

The Irish language was declared as one of the official and working languages of the European Union in 2007 generating new working positions for the prospective translators, interpreters and teachers. Currently, there are many students studying the Irish language, Irish or Celtic studies at universities in Ireland and abroad which is also a sign of interest in the language. The language itself has gained popularity and prestige in comparison with the past. External interest (from other countries) is also very important in the case of minority languages revitalization.

The Irish Language and Identity

It is of utmost importance to view the key attributes of the Irish national identity in reflection with contemporary Irish national identity which is a mosaic of traditional attributes of identity. Therefore, it is crucial to understand coexistence between the past and the present and to perceive contemporary Irish identity through the repertoire of those specific attributes.

We view the Irish language as an important marker in the context of Irish cultural identity. The Irish language nowadays performs more in a symbolical than instrumental way. Although, official language policy is focused on the Irish language revitalization, the fact is that viewing the language as a symbol prevails among predominantly Anglophone inhabitants.

Language can be perceived as a key aspect of cultural and national identity. In the words of Schröder (1995), language creates fertile ground for identification of the individual with the community. Identity expressed through language can be manifested through the means of language communication which anticipates social interaction, maintains interpersonal relationships and creates the feeling of togetherness, solidarity and belonging. In the words of Ripka (2000: 44), *"national language plays invaluable part in preservation and creation of national and cultural identity."*

Nowadays, the issue of language and identity is very topical. One of the reasons may be the negative prognosis about the possible extinction of the majority of world's languages in the future: *"It is estimated that until 2050 there will be approximately 1000 living languages in the world. More than 80% of languages are threatened with extinction"* (Šatava 2013: 38).

In connection with the process of language death prevention we should also be more aware of minority languages revitalization. Languages are conceived as a part of spiritual cultural heritage of mankind which is also perceived by Bitušíková (2007) as a fundamental element supporting and enriching cultural identity. In the similar way, the Irish language is also viewed as one of the key aspects of cultural and national identity of the Irish. It is a unique element which can be used very productively in the future in the sphere of cultural tourism. There are many students nowadays studying the Irish language and having very clear ambitions linked to their future employability through the medium of the Irish language. This gives any minority language a hope in better future and is a prerequisite to its preservation. For many people it is a challenge to learn the Irish language and to use it within the family. Therefore, enthusiasm and effort to protect and use the language in daily life are needed in order to maintain the language for future generations.

Saving the Irish Language

The national renaissance of the Irish language in the Republic of Ireland has become of crucial importance for the national and cultural identification of the Irish. The Irish language can be perceived as an important element in terms of cultural identity enhancement. It means that the language is intended to be transmitted to all parts of Ireland in order not to be confined only to western coastal areas known as Gaeltachts (Schröder 1995).

In the Republic of Ireland there are many significant institutions and organizations which play a pivotal role in Irish language revitalization and normalization, just to mention some of them: *Údarás na Gaeltachta (Gaeltacht Authority), Ealáin na Gaeltachta Teoranta, Conradh Gaelige (Conradh League), Gaillimh le Gaelige (Galway with Irish), National University of Ireland Galway (NUIG), Foras na Gaelige, National Irish Language Theatre (An Taibhdhearc), etc*. The mentioned institutions play a pivotal role in making Irish people more aware about the significance of the Irish language as an invaluable part of cultural identity and history of the Irish nation. This is done through the medium of different activities ranging from the Irish language courses, cultural events and festivals organization (*Seachtain na Gaelige, Fleadh na Gaillimhe, sean-nós, etc.*), translation of international theatre plays into Irish and counselling services offered to all firms and companies that wish to include Irish into their agenda creating an added value to their business. In this way all the subjects participate actively in promotion of the Irish language as a unique element, part of national, European and world's heritage in the context of distinctive identity creation.

Furthermore, the media in minority language situation play another important role in language maintenance. In the Republic of Ireland there is TV channel called *TG4* and *Raidió na Gaeltachta* which try to make the language more popular among the people. Their support is therefore crucial in saving the language for future generations.

Conclusion

It is more than evident that the majority of languages will be threatened, to a greater or lesser extent, by extinction in the period of several

decades. Therefore, the success of revitalization efforts is directly dependent on the particular position of the Irish in the value system of the given community. Furthermore, the question of language selection is clearly multifactorial and it also depends on personal choice of an individual to use the specific language. For the majority of inhabitants residing in Ireland, the Irish language is important as a symbol, while for the minority of active Irish language users, it represents an element important for identification performing demonstrative and instrumental function. The usage of any minority, regional or lesser-used language is connected hugely with the material benefits (in terms of utilitarian point of view) provided to individuals on the basis of minority language acquisition.

The unambiguous relationship between the Irish language and ethnicity is not absolute in the case of the Irish. However, the Irish language still fulfills the role of significant economic and cultural capital, which is used by different organizations and institutions. Regarding the data analyzed, the language as a cultural construct generates the potential to create new working places. However, in order to make this possible, real support and implementation of all officially accepted provisions for the Irish language revitalization are crucially needed.

In spite of the fact that total societal bilingualism is not achievable in Irish society in the long-term horizon, exposing people to Irish and reminding them of its importance within the education system as well as in the form of extracurricular activities and development of new Gaeltacht areas and the Irish language services, can create reasonable conditions for appreciation of Irish culture and history. We have in mind distinctive culture and history expressed through the medium of the Irish language, thus creating the pillars for understanding the past and heading towards the future. That is why the decision to use certain languages is of utmost importance for the conditions of existence.

The Irish language is supported more than any other minority language spoken in the Republic of Ireland. Despite this fact, the very existence of the Irish language speaking communities is still foggy. The case of the Irish language is very peculiar as it is the autochthonous language in the Republic of Ireland which was spoken widely until the second half of

the 19th century by the majority of inhabitants. We hope that this data will spark the interest in the issues such as linguistic ecology and preservation of the huge linguistic heritage not only in European (e.g. Scottish Gaelic, Manx, Welsh, Cornish, Breton, Saami, Basque, Catalan, Flemish languages, etc.) but also in worldwide context (e.g. Maori language in New Zealand, Hawaiian language).

According to Šatava (2013: 23) *"those who describe the language revitalization efforts as a mere waste of time for something that counts only to a few thousands or hundreds people, they reduce the human existence to only one aspect".* The given statement reflects really well the importance and significance of any minority language in the context of cultural identity of the given community. All languages spoken in the world generate immense national wealth and add value making the community distinctive and peculiar. Thus, all languages are crucial and invaluable parts of cultural and linguistic diversity, at the same time being the unique elements of spiritual heritage of mankind.

Bibliography

1. Bitušíková, A. 2007. Trvalo udržateľný rozvoj a diverzita v sociálnych vedách: Mapovanie výskumného priestoru a hľadanie súvislostí. In: *Kultúrna a sociálna diverzita na Slovensku. Štúdie, dokumenty, materiály I.* (Teoretické východiská k výskumu diverzity). Banská Bystrica: UMB, 2007. s. 14-30. ISBN 978-80-8083-345-9.

2. Crystal, D. 2002. *Language Death*. New York: Cambridge University Press. 210 p. ISBN 9780511148965.

3. Ó Riain, S. 2010. Irish and Scottish Gaelic. A European Perspective. In: *Naukovij visnik Volinskogo nacionaľnogo universitetu imeni Lesi Ukrainki.* 2010. s. 262-267.

4. Pecníková, J. 2014. Bariéry a hodnoty v interkultúrnej komunikácii. In*:* Foreign Languages: A Bridge to Innovations in Higher Education. Banská Bystrica: EF UMB, 2014. s. 187-191.

5. Schröder, K. et al. 1995. *What is Europe? Aspects of European Cultural Diversity*. Routledge, 274 p. ISBN 9780415124171.

6. Šatava, L. 2013. *Etnicita a jazyk*. Trnava: Tribun EU, 2013. 108 p. ISBN 9-788026-305170.

Анна Слатинска
(Словакия, Банска Быстрица)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

В статье представлены социокультурные аспекты возрождения ирландского языка. Автор анализирует причины, по которым необходимо сохранить ирландский язык. Обновление и активное использование языка считаются ключевыми элементами для его сохранения.

Ключевые слова: ирландский язык, обновление языка, культура, язык, идентичность

И.Е. Абрамова
(Россия, Петрозаводск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСА И СОЦИУМА: СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье исследуется, как проявляется вариативность при восприятии носителями и неносителями языка акцентной речи. Дается описание фонетического эксперимента, выявившего различия в оценке английскими и русскими аудиторами степени акцента билингвов. Полученные данные трактуются с применением социофонетического подхода к анализу взаимодействия дискурса и общества.

Ключевые слова: социальная перцепция, стереотипы, фонетический акцент, носители языка, билингвы

Современные подходы к исследованию дискурса весьма разнообразны. При изучении дискурса с социолингвистической точки зрения коммуникация и ее результат оцениваются в их соотнесенности с той

или иной социальной группой или категорией. Трудно не согласиться с теми исследователями, которые не только воспринимают дискурс одновременно как процесс и результат коммуникативной деятельности, но и признают способность дискурса формировать социальную действительность [Хабермас 2000]. То, как эта способность реализуется на социофонетическом уровне (на примере социальной перцепции акцентной речи русско-английских билингвов), будет проанализировано в данной статье.

Сложность процесса социальной перцепции обусловлена, прежде всего, тем, что человек неосознанно оценивает все воспринимаемые им объекты. При этом одним из проявлений такого процесса становятся стереотипы, под воздействием которых формируется первое впечатление о собеседнике. Любой социальный стереотип, как вид социальной установки, создается определенной группой людей, и отдельный индивид пользуется им, если относит себя к этой группе [Талайко 2007: 162]. Следует отметить, что специалисты разделились в оценке роли стереотипов: одни считают, что они упрощают процесс познания, будучи схематизированными образами явлений действительности (С.В. Талайко, В.З. Демьянков, Ю.Е. Прохоров), другие доказывают, что «стереотипизация – не упрощающий, а адаптивный процесс» [Сушков 1999: 287], один из механизмов социальной перцепции, помогающий человеку ориентироваться в многообразии характеров людей, с которыми он взаимодействует [Шкуратова 1994].

Если говорить о речевом поведении, то оно обусловлено психическими и мыслительными стереотипами, сложившимися в определенном языковом коллективе [Наумов 2009: 14]. Совокупность стереотипных представлений влияет на всё языковое поведение личности, определяя, как она будет интерпретировать то, или иное сообщение [Прохоров 2009: 165-169]. Далее кратко рассмотрим, как в британском обществе проявляется социальная перцепция различных типов произношения.

Известно, что в британской научной литературе фонетическая вариативность рассматривается в качестве одного из главных социальных маркеров, позволяющих слушателю не только определять социальный статус говорящего, но и описать его предполагаемые лич-

ностные качества. И если дикторов, говорящих с территориальным типом произношения британского варианта английского языка, воспринимают как менее компетентных и образованных людей, не способных иметь высокооплачиваемую работу [Trudgill 1975: 56-57], то произносительная норма (RP) в сознании англичан прочно ассоциируется с престижными профессиями и высоким уровнем образования и культуры.

Однако, как отмечают фонетисты, RP владеют 9-10 % населения Великобритании, по более строгим оценкам – только 3 % (P. Trudgill, P. Roach). Большинство же людей с высшим образованием говорят с небольшим территориальным акцентом («modified RP» или «near-RP»). Демократизация английского общества в конце двадцатого века привела к проникновению в RP некоторых черт территориальных и более низких социальных типов произношения. Так, на BBC стали работать дикторы с региональными акцентами, что невозможно было представить в середине прошлого века; усилилось влияние локального типа произношения Estuary English.

Следует обратить внимание на другое заметное явление общественной жизни современной Великобритании, а именно – значительный приток иностранной рабочей силы. Например, в 2002 году только из стран Европы в Великобританию эмигрировало 64 000 человек [Godoy 2002]. Показательно, что, если в сферах деятельности, требующих низкой профессиональной квалификации, число иностранцев избыточно и превышает количество коренных жителей, то приблизительно равное количество иммигрантов и британцев занимает рабочие места, где нужны высокая квалификация и хорошее образование [Lynch, Simon 2003: 261]. Такие реалии современной экономической жизни страны привели к тому, что помимо местных диалектов и типов произношения, в Великобритании функционируют и иностранные акценты иммигрантов из разных стран, что не может не способствовать дальнейшему ослаблению британской произносительной нормы.

С целью изучения особенностей восприятия носителями английского языка и билингвами иностранного (русского) акцента, сформированного в учебных условиях, в Петрозаводском

университете был проведен аудиторский эксперимент, суть которого заключалась в следующем. Аудиторам предлагалось прослушать записи чтения экспериментального текста 35 студентами гуманитарных специальностей. 14 дикторов изучали английскую фонетику углубленно по методике, разработанной фонетистами СПБГУ (кафедра фонетики и методики преподавания ИЯ), а 21 – в общих группах методом «аппроксимации».

Аудиторов просили оценить степень проявления иностранного акцента в речи билингвов (сильная, средняя, слабая степень). И здесь принципиально важно обратить внимание на состав аудиторов. Так, в качестве русских аудиторов выступили 25 студентов старших курсов гуманитарных специальностей, углубленно изучивших фонетику английского языка и имеющих отличные оценки по предмету (возраст: от 20 до 23 лет). В группу английских аудиторов вошли 25 носителей британской произносительной нормы (mainstream RP). Это преподаватели и менеджеры из языковых школ, проживающие в Лондоне и имеющие высшее образование. По социальному статусу – представители среднего класса. Возраст: 29-46 лет.

Результаты эксперимента по оценке иностранного акцента (количество ответов) представлены ниже в таблице.

Таблица 1

Результаты аудиторского эксперимента

Слабый акцент		Средний акцент		Сильный акцент	
AA	PA	AA	PA	AA	PA
228 (26%)	320 (37%)	393 (45%)	186 (21%)	254 (29%)	369 (42%)

Примечание: AA – английские аудиторы, PA – русские аудиторы

Анализ данных показал, что самой частотной характеристикой фонетического акцента, выбранной английскими аудиторами, является «акцент средней степени» (45% от общего количества ответов). Что касается русских аудиторов, то они строже оценивают говорящих с заметным иностранным акцентом и более одобрительно характери-

зуют речь дикторов с небольшим акцентом. В целом, английские аудиторы весьма терпимо воспринимают акцент иностранцев, что косвенно свидетельствует об усилении тенденций демократизации британского произносительного стандарта в условиях глобального мира. Русские же аудиторы-студенты при оценивании акцентной речи билингвов демонстрируют нетерпимое отношение к сильному акценту (что с точки зрения психологии говорит об их собственном стремлении к преодолению иностранного акцента) и преувеличенно одобрительное отношение к акценту слабой степени (проецируя на эту оценку еще и одобрение своих усилий, затрачиваемых на преодоление акцента). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что оценка степени проявления иностранного (русского) акцента носителями и неносителями языка социокультурно обусловлена и зависит, в определенной степени, от их собственных стереотипов социального восприятия.

Библиографический список

1. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. – М.: URSS, 2009. – 237 с.

2. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта, 2009. – 222 с.

3. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. – М.: Академический проект, 1999. – 448 с.

4. Талайко С. В. Психология высшей школы. – Мозырь: Белый ветер, 2007. – 204 с.

5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

6. Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского пед. университета, 1994. – 156 с.

7. Godoy L. Immigration in Europe: Realities and Policies // Working Paper. – 2002.02-18. URL [дата обращения: 07.02.2013].

8. Lynch J. P., Simon R. J. Immigration the World Over: Statutes, Policies and Practices. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2003. – 289 p.

9. Accent, Dialect and the School. – L.: Edward Arnold, 1975. – 106 p.

I.Y. Abramova
(Russia, Petrozavodsk)

THE INTERACTION OF DISCOURSE AND SOCIETY: SOCIOPHONETIC APPROACH

The article investigates sociophonetic variation in foreign accented speech perception of native and non-native listeners. It gives a brief description of phonetic experiments and their results. Applying a sociophonetic approach to the interacton of discourse and a society we analyze the differences in the judgments of British native speakers and Russian-English bilinguals.

Keywords: social perception, stereotypes, foreign accent, native speakers, bilinguals

Е.С. Балашова
(Россия, Саранск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются функции абстрактных имен существительных в англоязычном рекламном дискурсе. Дается определение дискурса как единства речи и внешних факторов, влияющих на ее особенности, с точки зрения объективного содержания рекламы в современном английском языке.

Ключевые слова: абстрактные имена существительные, рекламный дискурс, эмоционально-оценочные функции

В современной лингвистике особое внимание уделяется различным компонентам теории дискурса. Дискурс – это коммуникативное действие, явление, представляющее собой речь или диалог. Стили

языка, прошедшие через призму экстралингвистических факторов, указывают на культурные традиции, исторические факты, идеологические установки, знание о которых необходимо для полного понимания вышеуказанных речевых норм. Дискурс является единством речи и внешних факторов, влияющих на ее особенности, имеет вербальные и невербальные составляющие. Социальная обусловленность дискурса – это лингвистический аспект, учитывающий всю совокупность обстоятельств его возникновения.

Актуально произнесенный текст (вербальный продукт), включает в себя и его паралингвистическое сопровождение – жесты и мимику, выполняющие в структуре дискурса ритмическую, семантическую, эмоционально-оценочную функции воздействия на собеседника. Контекст дискурса моделируется в форме фреймов или скриптов (типовых ситуаций или сценариев), разработка которых – одна из важнейших частей его теории. Дискурс обращается к психологическим и социокультурным правилам порождения и понимания речи, определяющим ее необходимый темп, степень связности, фиксацию точки зрения говорящего, а также соотношение общего и частного, известного и нового, субъективного и объективного в содержании рекламы в современном английском языке, обозначает завершенность или продолжение коммуникативного действия, его результат, который интерпретируется реципиентами.

Дискурс – это письменный или речевой аспект рекламного действия, создающийся, прежде всего, как особое ментальное пространство или особый ментальный мир, за которым следует определенный отбор языковых средств. Важным признаком является то, что он продуцируется вокруг некоторого опорного концепта. В данном случае концепты отдельных значений абстрактных имен существительных, зависят друг от друга и составляют некоторую целостность [Демьянков 1982: 7; Степанов 1995: 44; Плотникова 2000: 8, 34].

Рассмотрим некоторые примеры воздействия рекламного дискурса на реципиента с помощью смысловых и стилистических структур, которые являются инструментом выполнения различных функций: автор подает сигнал целевой аудитории, привлекает ее внимание,

затем создает образ компании, продукта в сознании реципиента, осуществляет воздействие на него, создавая целостную ментальную картину. Манипуляция сознанием происходит в этом случае с помощью образов, сопровождаемых абстрактными именами существительными и текстом, где он, как правило, имеет притягательные коннотации. Эффект воздействия на аудиторию усиливает также наличие сенсорных компонентов. Как правило, реклама для молодёжи диктует определенный молодежный стиль жизни. В ней отмечается обилие специфической молодёжной лексики. Например:

I' see London. I' see France. I 'see ***a FREE pair of Dress****!*

Just for teens! ***Cool prints****! Awesome* ***styles****! Hanes Her Way Just Wait '11 we get our Hanes Her Way on you,*

(Seventeen 04/97)

Форма рифмовки (*France – dress*; *teens -prints*) рассчитана на молодую аудиторию. Перечислением географических названий (Лондон, Франция) рекламодатель указывает на то, что его товар известен и популярен у молодежи разных стран; словосочетание «***cool prints***» сообщает о многообразии расцветок, фраза «***a FREE pair of dress***», выделенная графически, информирует о бесплатном подарке при покупке товара. Стремление рекламодателя разговаривать на языке реципиента и, тем самым, привлечь его, выражается в использовании разговорной молодежной лексики: *awesome* – потрясающий; с этой же целью использовано обращение от первого лица – *I' see London, I' see France*; наблюдается обилие восклицательных высказываний, что характерно для неофициального, молодежного стиля. Для людей старшего поколения предназначена реклама приводимая ниже, например: *Before You Start Rambling… About the* ***good days****, the Germans, furlined* ***boots****, how your pension's doing, sensible* ***footwear*** *how people must be happy to live in London.* ***Retirement homes****, keeping yourself warm, losing your* ***spectacles****, the youth of today, uneven paving slabs, your lack of visitors, yesteryear and the year before that... Revolutionary lawnmowers, that racket they call* ***music****,* ***electric blankets****,* ***early retirement****,* ***grandchildren****, bonfires and how you never took advantage of the* ***fact*** *that the RAV 4 Giant comes with a free* «*Boulder Shock*» *mountain bike.*

(GQ 10/99)

Рекламодатель стремится добиться симпатии реципиента, затрагивая темы, близкие ему. Указание на рекламируемый объект размещено лишь в последней строчке, что является одним из видов логической уловки. Кажется, что он интересуется жизнью реципиента, больше, чем рекламой автомобиля. Реальному декодированию рекламы способствует сопровождающая дискурс иллюстрация. Для установления связи между ней и текстом реципиенту требуется прочесть весь текст, где в самой последней строчке содержится название рекламного объекта и обещание подарка – в случае приобретения автомобиля. Значительная часть лексических единиц используется с явным нарушением тех или иных норм, что приводит к эффекту языковой игры, стилистическим несоответствиям, отклонениям от стандартных правил коммуникации.

Вместе с тем, важное значение в рекламном дискурсе имеет социальный статус реципиента. Реклама, рассчитанная на людей разного достатка, представляет собой довольно специфический тип, так как играет на амбициях адресата (манипулирование происходит на желании большинства людей принадлежать к элите и необходимости доказать свое положение, если адресат уже достиг определенного уровня материального достатка), указывает на взаимодействие дискурса и социума с точки зрения языковых и социокультурных компонентов, поскольку функционирование языка – это выражение определенных значений и их категорий [Кубрякова 1994: 45].

Современные тенденции исследования дискурса в современном английском языке отражает такую стадию в его развитии, когда разрешение вопросов концептуального анализа функционирования абстрактных имен существительных видится в последовательном изучении языковых проявлений деятельности человека, ориентированной на компонентный анализ, требующий отнесения каждого контекста к одному из выделенных значений. На первом плане находятся системное описание и объяснение механизмов усвоения и принципов структурирования языковых знаний.

Кроме того, существует некая преемственность в рассмотрении связей между языковыми и мыслительными структурами. Внутри этого направления вся номинативная деятельность определяется как

речемыслительная, благодаря чему проведенные исследования по теории дискурса дают интересные данные о том, как формируются определенные языковые формы для объективизации содержания и какие закономерности свойственны этому процессу.

Библиографический список

1. Field J. Psycholinguistics. The Key Concepts. – London and New York: Routledge, 2004. – 366 p.

2. Gvishiani N. Current Issues in Corpus Linguistics // Когнитивная лингвистика; Новые проблемы познания. – Вып. 5. – М. – Рязань: ИЯ РАН; Ряз. гос. ун-т им. С.А.Есенина, 2007. – С. 20 – 30.

3. Moder C.L. Discourse Across Culture, Across Disciplines: An Overview // Discourse Across Languages and Cultures. Ed. by Carol Lynn Moder and Aida Martinovic-Zic, Studies in Language Companion Series, 68. Oklahoma State University / Montgomery College, 2004. – P. 1 – 11.

4. Schmidt S.J. Some Problems of the Communicative Text Theories // Current Trends in Textlinguistics. – Berlin, N.Y., 1978. – P. 47 – 60.

5. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. 2nd ed. [with a new preface] 2003. – XXXVIL – 502 p.

E.S. Balashova
(Russia, Saransk)

OPERATION OF ABSTRACT NOUNS IN ENGLISH ADVERTISING DISCOURSE

The article is aimed at analyzing the abstract nouns' functional peculiarities within the English advertising discourse. The description of discourse in the terms of advertising linguistic units is suggested.

Keywords: abstract nouns, advertising discourse, emotional and evaluative functions

Л.А. Борботько, Э.А. Костромина
(Россия, Москва)

КРИТЕРИИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ТЕАТРАЛЬНОЙ АФИШИ

В рамках данной статьи рассматриваются особенности креолизованного текста театральной афиши, в частности, вербальные и невербальные компоненты. Креолизованные тексты являют собой совокупность вербальных и иконических компонентов, составляющих единое семантическое, структурное и визуальное целое. Театральная афиша понимается как одна из обязательных составляющих театрального дискурса. Статья содержит примеры взаимовлияния вербальных и невербальных компонентов.

Ключевые слова: театральный дискурс, театральная афиша, эпитекстуальное образование, креолизованный текст, вербальный компонент, невербальный компонент

Современная лингвистическая наука в рамках междисциплинарных исследований склонна не только к изучению дискурсивной природы текстов различного жанра, но и к интерпретации дискурсивных образований с культурологических, социальных и других позиций. Соотнесённость различных видов дискурса позволяет также говорить о существовании целостного коммуникативного пространства социума.

Настоящая статья, посвящённая анализу факторов взаимовлияния вербальных и невербальных компонентов театральной афиши, рассматривает вышеупомянутую афишу в её непосредственной причастности к театральному дискурсу.

Под театральным дискурсом понимается «речь, произносимая на сцене и рассматриваемая как театральное и социальное действие, воплощенное актерским составом перед зрительской аудиторией в условиях, изначально предложенных драматургом и адаптированных режиссером-постановщиком для последующей реализации на сцене» [Борботько 2014: 17–18].

В то время как дискурс представляет собой «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме», содержание дискурса «раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2009: 144]. Темой, объединяющей различные компоненты дискурса, ставшего объектом исследования в рамках настоящей статьи, является предметная область «театр».

Предметная область «театр» включает различные аспекты функционирования театрального института: драматургическую основу спектакля, особенности игры актеров, деятельность режиссера-постановщика, подбор музыкального сопровождения, сценографию, а также взаимодействие с дифференцированным зрительским адресатом в лице обывателей, театралов, профессиональных театральных деятелей (критики, драматурги). В свою очередь, театральная афиша также обеспечивает корректную реализацию театрального дискурса в рамках вышеобозначенного социального института. Посредством афиши зритель узнает о «присутствии» конкретного спектакля в репертуаре театра, а также имя драматурга, чьё произведение послужило основой инсценировки, имя режиссера-постановщика, актеров, задействованных в спектакле, и других членов труппы, чья работа необходима для театральной адаптации драматургического произведения. В некоторых случаях афиша также содержит необходимые сведения о датах и времени показа спектакля.

Одной из обязательных характеристик театрального дискурса является то, что он реализуется согласно определенному коммуникативному кодексу, регламентирующему место действия (театр), наличие конкретных участников (драматург, режиссер-постановщик, театральный коллектив, зрители), а также их коммуникативные стратегии, которые определены до начала процесса коммуникации. Наличие афиши, привлекающей внимание потенциальных зрителей к тому или иному спектаклю, впоследствии переводя их в статус участников коммуникативного действия, также есть следствие существования определенного регламента – коммуникативного кодекса.

Специфичность данного вида дискурса состоит в том, что он обладает своим коммуникативным пространством, где осуществляется коммуникация между автором пьесы и зрителем в зале посредством работы режиссера-постановщика и игры актеров на театральной сцене. Таким образом, коммуникативное пространство театрального дискурса понимается как двусторонний процесс, в рамках которого адресант является передатчиком информационного сообщения, в то время как адресат воспринимает и перерабатывает информацию. Подобное коммуникативное пространство обладает определенными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками.

Однако помимо существования двухвекторного понятия *театральное пространство,* а именно – пространства сцены и пространства зрительного зала, необходимо уточнить, что театральная афиша / плакат как составляющая театрального дискурса также функционирует в рамках данного коммуникативного пространства, несмотря на физическое нахождение за пределами театра.

Для дальнейшей характеристики афиши как компонента театрального дискурса необходимо сформулировать определение данного понятия. Театральная афиша принадлежит к эпитекстуальным образованиям, поскольку является периферийным элементом, выходящим за рамки театрального представления [Викулова 2011]. Тем не менее, завершенность и полноценность театральный дискурс получает только при наличии подобного окружения. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть театральные афиши как вид креолизованных текстов

Многими учеными разделяется точка зрения, согласно которой основным определяющим признаком креолизованного текста является наличие вербальных и невербальных компонентов в тексте. В составе креолизованного текста большинства учеными выделяются два основных компонента: вербальный (слово) и невербальный (изображение). По словам отечественных психолингвистов Е.Ф. Тарасова и Ю.А. Сорокина, креолизованные тексты представляют собой «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знако-

вым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин 1990: 178–187]. Отмечается также взаимовлияние компонентов креолизованного текста, за счет чего оказывается воздействие на реципиента и достигается необходимый эффект.

Театральные афиши рассматриваются нами как креолизованные тексты в виду наличия вербальных и невербальных компонентов, составляющих единое неразделимое целое. Вербальный компонент данных текстов составляют такие элементы театральной афиши, как слоган, имена актеров и режиссера, название постановки, даты и т.п. Невербальным компонентом креолизованных текстов театральных афиш выступает изображение на плакате. Таким образом, вербальный и невербальный компоненты образуют единое целое, находясь в отношениях тесной взаимосвязи, в виду того, реципиентом не воспринимаются отдельно тот или иной компонент, а плакат в целом – и изобразительный компонент, и вербальный.

Е.Е. Анисимовой выделяются два вида корреляций между вербальным и иконическим компонентами креолизованного текста: отношения взаимозависимости и отношения взаимодополнения. При отношениях взаимозависимости вербальный компонент выполняет важную роль, так как интерпретация невербального компонента без комментария невозможна. Отношения взаимодополнения подразумевают, что невербальный компонент существует независимо от вербального компонента, которому отводится вторичная функция. Таким образом, из изображения понятен смысл, комментарии действуют лишь как дополнение [Анисимова 2003: 12].

При проведении анализа креолизованных текстов театральных афиш нами были выделены следующие критерии их рассмотрения:

1. по признаку диахронии (афиши к одинаковым произведениям, принадлежащие к разным временным промежуткам);

2. по принадлежности к тому или иному театру (*Royal Shakespeare Company, The National Theatre, Broadway*);

3. афиши разных художников и театров к одному произведению *(«A Midsummer's Night Dream», «King Lear», «Macbeth»*).

Для примера рассмотрим афишу к постановке *«Antigone»* театров The Heights Players (www.heightsplayers.org) и Suny New Paltz

Theatre (https://www.newpaltz.edu/theatre/), относящиеся к 1961 и 2013 годам соответственно. Афиша 1961 года имеет в своем составе вербальный компонент, выраженный названием произведения, театра, датами выступления и информацией о цене на билеты. Невербальный компонент в составе афиши выражен изображением театральной маски персонажа трагедии – лица, искаженного болью и отчаянием, символизирующим гибель главной героини трагедии. Плакат 2013 года также является сочетанием вербальных и невербальных компонентов. Вербальный компонент выражен названием постановки и датами выступлений, расположенными по центру афиши, а также названием театра в верхней части плаката. Невербальный компонент составляет изображение девушки в петле на белом фоне, что также отсылает зрителя к трагической гибели Антигоны. Стоит отметить, что название постановки *«Antigone»* расположено в центре афиши и пересекается с изображением девушки на второй части названия спектакля (*gone*), которая изображена в красном цвете. Что примечательно, одной из коннотаций слова *gone* является *умерший, ушедший, погибший.* Предположительно, художник намеренно изобразил название таким образом для достижения наибольшего эффекта. Стоит отметить, что невербальный компонент присутствует на обеих афишах. Кроме того, количество вербальных элементов на обеих афишах приблизительно равно, что свидетельствует о том, что фактическая информация, выраженная вербальным компонентом, во все времена являлась и остается неотъемлемым компонентом театральной афиши, необходимым для зрителя.

Далее рассмотрим афиши театра *Royal Shakespeare Company* (http://www.rsc.org.uk/).

Эмблема театра *Royal Shakespeare Company* расположена в левом верхнем углу. Стоит отметить, что эмблемы данного театра выполнены в красном цвете. Тем не менее, эмблемы театра не всегда расположены в левом верхнем углу. В некоторых случаях они расположены в верхней части афиши посередине или в левом нижнем углу, что объясняется тем фактом, что афиши к некоторым постановкам относятся к разным временным промежуткам. Соответственно, орга-

низация афиш со временем претерпевала ряд изменений. Иконический компонент в составе афиш театра *Royal Shakespeare Company* являет собой, в большинстве случаев, изображение, выполненное художником. Еще одной отличительной особенностью афиш данного театра является многообразие шрифтов. Шрифты, которыми выполнены названия постановок, соответствуют по стилю афише, тем не менее, они не одинаковы. Кроме того, количество вербальных элементов сведено к минимуму, в то время как изобразительный компонент занимает всю площадь афиши.

Далее рассмотрим афиши разных театров и художников к произведению *«King Lear»* National Theatre (www.nationaltheatre.org.uk/) и The Seagull Theatre Club (www.theseagull.co.uk/). Справедливо отметить, что афиши к данной постановке выполнены в разных цветах. Тем не менее, преобладающими цветами являются черный и серый. Данные два цвета обычно символизируют трагические события и гибель героев пьесы или вызывают соответствующие ассоциации. Таким образом, благодаря невербальным компонентам, настрой пьесы отражен и на афишах. Заметим, что на одной из афиш присутствует цитата из пьесы: *«Come not between the dragon and his wrath».* Использование цитат в организации театральной афиши является весьма выгодным решением в виду того, что цитаты привлекают внимание зрителей и оказывают на него особое воздействие. Что касается основного невербального компонента, то чаще всего на афише изображается главный герой пьесы – Лир, король Британии. Стоит отметить, что выбор художника в пользу изображения главных героев пьесы на афише так же является удачным; подобный подход практикуется художниками довольно часто.

Подводя итог, стоит отметить, что вербальный и невербальный компонент афиши, входящие в состав креолизованного текста театральной афиши, в момент восприятия реципиентом представляют собой единое целое. Справедливо также заметить, что итогом взаимовлияния вербального и изобразительного компонентов зачастую становится комплексное воздействие, оказываемое на потенциального зрителя. Таким образом, благодаря выделенным критериям взаимо-

влияния компонентов креолизованного текста театральной афиши нам удалось показать, что процесс соединения и взаимодействия вербального и невербального компонентов играет существенную роль, в частности, в оказании воздействия на реципиента.

Библиографический список

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов // Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Издательский центр«Академия», 2003. – 128 с.

2. Борботько Л.А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: дисс... к-та филол. наук. – М.: МГПУ, 2015. – 197 с.

3. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: дисс... д-ра филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. – 336 с.

4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия.— М.: Высшая школа, 1990. – С. 180–186.

5. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность // Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность,интердискурсивность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. –248 с.

6. Официальный сайт National Theatre [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: http://www.nationaltheatre.org.uk/

7. Официальный сайт Royal Shakespeare Company [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.rsc.org.uk/

8. Официальный сайт Suny New Paltz Theatre [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: http://www.newpaltz.edu/theatre/

9. Официальный сайт The Heights Players [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: http://www.heightsplayers.org/

10. Официальный сайт The Seagull Theatre Club [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: http://www.theseagull.co.uk/

Л.Г. Викулова
(Россия, Москва)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС, ИЛИ КАК СЕБЯ РЕКЛАМИРУЕТ КНИГА

В статье рассматривается французский издательский дискурс, который представлен особыми жанрами, оказывающими влияние на роль книги в обществе, в том числе на книжном рынке, – имя автора и аннотация на четвертой странице обложки.

Ключевые слова: издательский дискурс; современный автор; имя автора; издатель; четвертая страница обложки

Когда автор обращается к издателям, чтобы напечатать свою рукопись, *a priori* ясно, что он надеется быть прочитанным читательской аудиторией. Но учитывая огромный рынок литературы, какого бы качества она ни была, читатель не получает текст в чистом виде, т.е. просто напечатанный в типографии и переплетенный. Чтобы у написанного произведения был шанс отличиться от прочих текстов, представленных в книжном магазине или в электронной версии, в дело должен вступить издатель, который превратит текст в книгу, придаст ей особую ценность. Только тогда обычный литературный текст станет культурным продуктом – книгой, реализуемой на книжном рынке, при этом издателю предстоит предпринять определенные шаги для валоризации издания, чтобы оно отвечало запросам потенциального читателя-покупателя, которого надо стимулировать купить книгу.

Появление издания на книжном рынке и валоризация книги возможны, как справедливо отмечает Югетта Риго в своей статье «Когда текст становится книгой» (Quand le texte se livre), только при участии издателя, при этом тандем *писатель-издатель* позволяет соединить литературные и меркантильные интересы: писатель создает текст, издатель создает книгу: De ce mariage de raison que contactent éditeurs et auteurs et d'où naissent tous les livres, l'élément fort, dominant,

générateur, est l'éditeur. Cette association d'intérêts mercantiles comme littéraires met donc aux prises deux types de production: l'auteur producteur du texte et l'éditeur producteur du livre [Цит. по: Hache-Bissette 2012: 389].

Издатель эксплицитно вычленяет в структуре книги адресата произведения, который традиционно определяется как «читатель / читательская публика / читательская аудитория». Адресованность в таком случае предстает как подвижная, переменная величина, когда книга обращена к читающей среде, где индивидуальность отходит на второй план: «Книга не знает своего индивидуального читателя, она знает читателя вообще<…>.Равным образом коллективный творец материальной книги (типограф, издатель…) знает лишь 'предложение' и 'спрос', изучает *типичного* потребителя, но не знает потребителя *индивидуального*; книга предлагается как товар, рассчитанный для других, но кто будут эти другие, знать 'не хотят' производители книги: *индивидуальность* их не интересует» [Куфаев 2004: 17; курсив автора. – Л.В.].

В издательском дискурсе *индивидуальный адресант* представлен автором (авторами), создавшим (и) художественное / учебное издание по своей инициативе или по заказу издательства. А *институциональный полиадресант* формируется коллегиальным органом – *издательством*, которое готовит к изданию и распространению книжную продукцию, отвечает за качество ее исполнения. О коллегиальном характере издательства пишет известный библиофил М.В. Рац: «Издатель, редактор, дизайнер, книгопродавец, библиограф, библиотекарь <…> – в конечном счете, все они связаны общим делом – обеспечивают, каждый по-своему, эффективное функционирование книги в системе общения» [Рац 2005: 291-292].

О возрастающей роли издателя писал в свое время французский социолог А. Моль: «раньше издатель был, прежде всего, печатником, сегодня же он хранитель и распространитель культуры, и его роль возрастает вместе с ростом числа его функций. Мысль, написанная или напечатанная, представляет собой один из основных элементов культуры» [Моль 1973: 213]. Французские исследователи пишут об

издателе как «противоречивой, парадоксальной фигуре» (la figure de l'éditeur est une figure paradoxale fréquente et à priori relativement transparente de l'auteur), но при этом постоянно подчеркивается его социальная роль медиатора (l'intermédiaire de la figure de l'éditeur) в коммуникации между автором и читателем посредством предлагаемой книги (en mettant en communication l'homme de lettres et son lecteur par le biais du livre proposé) [Louichon 2004: 31-32].

Для адекватного понимания основного текста произведения издатель ведет диалог с адресатом, а их взаимодействие осуществляется через паратекстовые, информационно-коммуникативные образования (дискурсивные жанры) с целью оптимизации понимания предлагаемого продукта. Коммуникативная удача обеспечивается эффективностью приемов, рассчитанных на возбуждение интереса к сообщаемой информации, поддержанием внимания адресата.

Продуктом институционально обусловленной коммуникации, детерминированной социальными условиями, является издательский дискурс, чья вербальная доминанта отражается в совокупности околотекстовых образований, для которых характерно жанровое и прагмалингвистическое своеобразие. Издательский дискурс неотделим от проблематики книжной культуры, когда одним из наиболее важных факторов, определяющих успех издания, может стать высокая степень совместимости издаваемых книг с конкретными социокультурными ценностями языкового сообщества. А в рамках издательского дискурса сформировалась особая социальная группа по отношению к речи – издатели и книготорговцы (медиаторы между автором и читателем), которая занимается изданием книг, книготорговлей и нацелена на формирование читательской аудитории. Главная забота издателя не авторский текст, а его околотекстовое сопровождение (паратекст), на которое в свое время обратил внимание французский ученый Жерар Женетт: «Le paratexte est <…> ce par quoi un texte se fait livre» [Genette 1987: 7].

Специфика издательского дискурса раскрывается в рамках такого социального института, как издательство – одной из важных форм организации и регулирования общественной жизни. Поскольку в из-

дательском дискурсе доминирует книжное дело, то на первый план в системе (автор ↔ издатель ↔ читатель) выходит *фактор книги* «как носительницы мысли и слова и как специфического явления материальной культуры, существующего в целях общения людей» [Куфаев 2004: 97].

К числу важных проблем издательского дискурса относится вопрос о коммуникативно-прагматическом потенциале *издательского аппарата издания,* который фактически становится в последние годы рекламой издаваемой книги и придает респектабельность изданию [Littérature et publicité 2012: 9]. В книгоиздательской практике этот *аппарат ориентировки* в значительной степени обеспечивает успешность продвижения книжной продукции на потребительском (читательском) рынке и прагматическим подходом издателей к новой ситуации коммуникации (не элитарной, а массовой).

Паратекст включает следующие дискурсивные жанры: обложка (la couverture), суперобложка (la jaquette), аннотация на четвертой странице обложки (le prière d'insérer), реклама (la publicité) и каталог (le catalogue). Ответственность за написание этих жанров лежит на издательстве, а именно – на редакторе и издателе, поэтому в данном случае речь идет об издательском паратексте (le paratexte éditorial). В практике рекламы книг такие паратекстовые элементы называются *packaging* (упаковывание), благодаря чему книгу можно заметить среди множества других. Дизайн обложки, суперобложки, клапан на обложке и проч. в немалой степени способствуют узнаваемости издательства, его серийных выпусков и т.д.

Обратимся к двум важным паратекстовым элементам издательского дискурса, играющим значимую роль в рекламе издательской продукции на книжном рынке, – имя автора и прикнижная аннотация на четвертой странице обложки.

Особую роль в структуре текстового пространства книги играет *имя автора,* которое принадлежит как авторскому, так и издательскому паратексту, и может стать своеобразной торговой маркой издательства (la marque-auteur) [Hache-Bissette 2012: 391-392]. Именно имя известного автора является сильным маркером, повышающим уро-

вень продаж его книг, и даже маркером конкретного жанра. Например, имя писателя *Шарля Перро* несет смысловую нагрузку, поскольку имя *Perrault* закрепляется не только за конкретным лицом, но и за жанром литературной сказки, становясь его жестким десигнатором, а его сборник сказок достигает по всему миру миллионных тиражей [Викулова 2001: 141]. В паратекстовом пространстве книги вплоть до наших дней наблюдаем следующую ситуацию относительно имени автора:

1) автор подписывает произведение своим настоящим именем;

2) автор никак не подписывает произведение, тогда речь идет об анониме;

3) автор подписывается вымышленным именем, заимствованным или придуманным. В таком случае мы имеем дело с псевдонимом.

За счет намеренной анонимности автора издателям иногда удается повысить тираж издания. Например, французское издательство *Sonatine* выпустило в переводе английский триллер в серии *фантастика*, якобы написанный анонимным автором (Le livre sans nom. – Paris: Sonatine Editions, 2010). Рекламный «шум» (*buzz*) вокруг личности предполагаемого автора романа (Тони Блэр, принц Чарльз, Квентин Тарантино?), изначально опубликованного в электронной версии из-за отказа издателей его печатать в бумажном формате, дал свои результаты. Продажи книги после такой рекламы составили по 70 000 экземпляров в Великобритании и во Франции.

Авторское произведение может намеренно печататься под псевдонимом по решению издателя и самого автора. Так, в свое время Шарль Перро поставил автором сборника своих сказок сына Пьера Дарманкура. Для намеренной мистификации читателя он выбрал средство, определяемое в псевдономастике как проксоним (от лат. proximus – близкий), т.е. прибегнул к выбору имени близкого автору человека, имени сына.

В настоящее время писатели охотно прибегают к использованию псевдонимов. Например, французский писатель Даниэль Пеннак (Daniel Pennac), чьи книги переведены на 26 языков мира, «укоро-

тил » свою фамилию – Daniel *Pennac*hioni. Известный ныне французский писатель Мишель Тома (Michel Thomas), лауреат Гонкуровской премии 2010 г., предпочел взять фамилию своей бабушки *Houellebecq* [Hache-Bissette 2012: 391-393].

Великим мистификатором во французской литературе был дважды лауреат Гонкуровской премии *Ромен Гари* (Romain Gary), чье имя при рождении Роман Кацев (Roman Kacew). Его многочисленные псевдонимы Люсьен Брюлар (Lucien Brûlard), Эмиль Ажар (Émile Ajar), Шатан Бога (Shatan Bogat), Фоско Синибальди (Fosco Sinibaldi), Франсуа Мермон (Francois Mermont) связаны с тем, что издатели отказывались печатать молодого автора именно в силу непривлекательности этих имен для продажи изданий, как об этом пишет сам писатель [Ibid.: 393].

Авторитетная топ-компания SOFRES, исследовавшая маркетинг и общественное мнение во Франции в сфере книготорговли (2006 г.), выявила, что имя автора среди читательской аудитории на 38% определяет спрос на книгу. Так, в 2010 г. книги всего 10 французских писателей, лауреатов различных премий, были проданы общим тиражом 8 036 000 экземпляров [Le Figaro 2011]. Издатели рассчитывают, таким образом, на преданность читателей определенным авторам, что и повышает маркетинговый успех на книжном рынке. Как в свое время справедливо заметил С. Кржижановский, «писательское имя, по мере забирания им известности, превращается из собственного в нарицательное, тем самым, участвуя в нарицании, т.е. назывании книги; обжившись среди заглавий, имя как бы получает от них озаглавливающую силу и особый предикативный смысл» [Кржижановский 1931: 4].

Информационно-рекламным стимулом при позиционировании изданий на книжном рынке, без которого не обходится ни одно французское издательство, является традиционное использование для формата книги следующих форм, активно используемых именно издательствами:

● *le premier plat* (первая сторонка переплета книги), где находится графическое представление о книге (чаще всего туда помещают фото или иллюстрацию в целях привлечения внимания читателя, ос-

новные сведения, название, автор и название издательства). Это – лицо «продукта», его коммерческая составляющая;

● *le dos* (обратная сторона), на которой указываются заглавие произведения, имя автора и, возможно, издательство;

● *la quatriume de couverture* (четвертая страница обложки), которая дает сведения о содержании книги и ее авторе. Иногда на эту обложку добавляют фотографию автора, его краткую биографию [http://book-to-the-future.tumblr.com].

Текст на четвертой странице обложки – аннотация – дает значительный маркетинговый эффект. Этот дискурсивный жанр во французской книгоиздательской практике обозначается термином *le prière d'insérer*. Такой жанр не предусматривает прямых действий потребителей, а выполняет, в основном, коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию издания как интеллектуального продукта на книжном рынке [Викулова, Иванова 2014: 16]. В явно коммерческой перспективе некоторые издательские дома начали вводить специальную должность (rédacteur/lecteur), которая предполагает разработку концепции обложки и написание текста, обеспечивающего продвижение книги на читательском рынке. Например, в издательстве *Albin Michel* Анна Колао в этой должности составляет до 40 аннотаций в месяц [http://www.magazine-litteraire.com/actualite]. Думается, что задача таких специалистов сформировать потребительские стратегии: «убедить покупателя в том, что книга с определенными характеристиками будет полезна для него» и «показать, что именно издание с этими характеристиками может удовлетворить ту или другую его потребность» [Павловска 2011: 103].

При продаже книг в цифровом формате некоторые из этих элементов постепенно начинают исчезать. Но утверждать, что *la quatriume de couverture* исчезает, справедливо только отчасти. В электронной версии книг она преобразуется в заметку описательного характера. Информативное содержание, что мы встречаем на четвертой странице обложки традиционных печатных книг, отныне перенесено на сайты интернет-магазинов (например, выбрав книгу на сайте

французского книжного магазина *Gibert Joseph*, читатель переходит непосредственно на страницу с выходными данными книги и видит рубрику *Description* (Описание книги), в которой фактически представлен текст с четвертой страницы обложки). В книжных Интернет-магазинах, где непосредственно продаются книги в электронной версии, аннотация представлена в виде *Fiche descriptive* (Краткое описание книги).

Подводя итог, отметим, что современную книгу трудно представить без издательского аппарата ориентировки издателя, который по сути является по своей характеристике информационно-рекламным продуктом, построенным на товарной и потребительской стратегиях для привлечения целевой читательской аудитории. Проанализированная дискурсивная издательская практика не предусматривает прямых действий потребителей, а выполняет, в основном, коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию книги как интеллектуального продукта на книжном рынке.

Библиографический список

1. Викулова Л. Г. Волшебная французская литературная сказка конца XVII-начала XVIII века: прагмалингвистический аспект. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. – 286 с.

2. Викулова Л. Г., Иванова Н. С. Лингвопрагматические особенности прикнижной аннотации во французском издательском дискурсе // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». – 2014. – № 2. – С. 6-16. – URL: http://elibrary.ru/download/83440530.pdf (Дата обращения 10.01.2016).

3. Кржижановский С. Поэтика заглавий. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 32 с.

4. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – 188 с.

5. Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с франц. В.В. Бирюкова. – М.: Прогресс, 1973. – 405 с.

6. Павловска Е. Электронная книготорговля. – М.: Наука, 2011. – 214 с.

7. Рац М. Воспоминания и размышления (новые страницы) // Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сборник / сост. М.В. Рац. – СПб.: Ретро, 2005. – С. 111–459.

8. Le Figaro – Les dix romanciers français qui ont le plus vendu en 2010 // Le Figaro.– 12.01. 2011.

9. Genette G. Seuils. – Paris : Le Seuil, 1987. – 426 p.

10. Hache-Bissette F. Le paratexte éditorial: quand le livre fait sa publicité // Littérature et publicité. De Balzac à Beigbeder: Actes du colloque international des Arts décoratifs. – Marseille: Éditions Gaussen, 2012. – P. 389–400.

11. Littérature et publicité. De Balzac à Beigbeder: Actes du colloque international des Arts décoratifs. – Marseille: Éditions Gaussen, 2012. – 448 p.

12. Louichon B. Editeurs, correcteurs et autres // Figures paradoxales de l'Auteur (XIX-e–XXI-e siècles). – Grenoble: UFR de Lettres Classiques et Modernes, 2004. – P. 31–42.

13. Book to the Future [Electronic resource]. – URL: http://book-to-the-future.tumblr.com/post/35329262545/la-quatrieme-de-couverture-grande-absente-du-livre, свободный (дата обращения: 11.04.2015).

14. http://www.magazine-litteraire.com/actualite (дата обращения: 11.04.2015).

L.G. Vikulova
(Russia, Moscow)

THE PUBLISHING DISCOURSE OR HOW THE BOOK ADVERTISES ITSELF

The paper focuses on the French publishing discourse, represented by certain genres exerting influence on the role of book in general and book marketing – these are the name of the author and the abstract at the back cover.

Keywords: the publishing discourse, the edition, a contemporary author, the author's name, the priure d'insérer, publisher, to advertise the book

Н.В. Иноземцева
(Россия, Оренбург)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИИ

В статье рассматривается научный дискурс, в частности, речь идет об особом типе институционального дискурса – англоязычном научно-методическом дискурсе. Представлены категории и функциональные особенности данного типа дискурса.

Ключевые слова: дискурс, научно-методический дискурс, категории дискурса, функции дискурса, когезия, когерентность, целостность, завершенность

Англоязычный научно-методический дискурс играет важную роль в использовании языка как средства профессионального взаимодействия. О нем говорят как об особом типе институционального дискурса. Специфика англоязычного научно-методического дискурса заключается в том, что в его рамках английский язык – это одновременно и объект описания с методической точки зрения, и средство коммуникации, и метаязык.

Категории дискурса представляют собой присущие тексту дистинктивные признаки, обеспечивающие его специфику как лингвосемиотического, коммуникативного и речемыслительного образования. Построение исчерпывающей и четкой системы таких дистинктивных признаков представляется достаточно сложным, так как они образуют весьма подвижный каркас, особенности которого зависят от типа и специфики конкретного дискурса.

Принимая во внимание классификации различных авторов, мы выделяем следующие наиболее общие категории англоязычного научно-методического дискурса: 1) структурные (когезия, относительная оформленность, целостность, завершенность, композиция, кли-

шированность); 2) прагматические (полилогичность, информативность, интерпретируемость).

В лингвистике нет единого мнения относительно понятий «когезия» и «когерентность». Изначально под когезией понималась только формальная связность, а под когерентностью – содержательная. На современном этапе под термином «когезия» подразумеваются оба аспекта связности текста: и формальный, и содержательный. Прежде всего, необходимо разграничить понятия "когезия" (cohesion) и "когерентность" (coherence). Когерентность означает связность содержания текста любого объема, тогда как когезия предполагает не только смысловую спаянность внутри сверхфразовых единств или между ними, но прежде всего языковые средства осуществления связи между двумя и более элементами в тексте. Сходной точки зрения придерживается и видный отечественный лингвист И.Р. Гальперин, согласно которому «когезия – это особые виды внутритекстовых связей, обеспечивающие логическую последовательность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. Она задается самой системой текста в ходе его развития и поэтому является неотъемлемым признаком, присущим любому типу текста» [Гальперин 1981: 95].

В.И. Карасик подчеркивает неразрывную связь формально-структурных и семантико-прагматических категорий. Таким образом, формальная связность текста (когезия) соотносится с содержательной связностью (когерентностью) [Карасик 2000]. И.Р. Гальперин делает вывод о взаимообусловленности всех категорий дискурса [Гальперин 1981].

Текстовая оформленность при оперировании языковым материалом устной или письменной разновидности является социально обусловленной характеристикой дискурса, которая воспринимается участниками общения как закрепленная форма. Текстовая оформленность англоязычных научно-методических публикаций – обязательное условие реализации информативной и фатической функций.

Категорию целостности, вслед за В.В. Богдановым, мы склонны трактовать как «сложное структурно-семантическое образование,

представляющее собой соответствие содержания текста его форме в объеме, установленном автором текста и его адресатом для реализации определенных коммуникативных целей» [Богданов 1990]. Целостность носит функциональный характер: она является продуктом взаимодействия адресанта и адресата в процессе общения, осуществляемого посредством определенного текста.

Целостность англоязычного научно-методического дискурса формируется, на наш взгляд, следующими факторами: авторский замысел (донести до коллег полезный личный опыт, новые идеи и методы), осуществляемый в последовательном раскрытии темы. Поддержание единой тематической направленности чрезвычайно актуально для научного текста. Калейдоскопическая смена тем, допустимая в разговорной речи, невозможна в научном общении. Принцип логичности развития тесно связан с тематической направленностью текста; строгое соблюдение стилистического и структурного единства темы, проявляющееся в употреблении стандартизированных языковых средств (общепринятой педагогической терминологии), четкое структурное деление и т. д., свойственное данной функциональной разновидности исследуемого текста; когезийные средства различных языковых уровней (структурные, грамматические, лексико-тематические и т. д.).

Завершенность текста есть исчерпывающее выражение замысла, положенного в основу произведения и развертываемого в ряде форм коммуникативного процесса. Когда, по мнению автора, желаемый результат достигнут самим поступательным движением темы – текст завершен. Категория завершенности научно-методического текста проявляется с достаточной четкостью.

Научный дискурс, будь то публикация в сугубо научном или научно-популярном журнале, – это, прежде всего, направленная речь, адресованная читателям-специалистам в данной сфере деятельности. Обязательная коммуникативная направленность на адресата выдвигает категорию адресованности в число важнейших категорий англоязычного научно-методического дискурса.

Главным актуализатором той или иной дискурсивной категории выступает автор текста. В англоязычных статьях по методике образ

автора складывается из следующих компонентов: 1) национальная ментальность; 2) принадлежность к той или иной научной школе; 3) индивидуальные особенности мышления и стиля изложения; 4) паратекстуальные компоненты (фотография автора статьи, краткая информация о нем, с указанием страны, где и кем работает); 5) внешние (редакционные требования).

Традиционно информативная функция является важнейшей, определяющей функцией научного дискурса. В англоязычном научно-методическом дискурсе можно выделить три определяющие функции: информативную, воздействующую и фатическую, и ряд факультативных, а именно стимуляция интереса коллег-читателей, влияние на их поведение, мнение, предпочтение. Перечисленные функции естественным образом находят свое отражение в характеристиках англоязычных научно-методических публикаций. Характерными особенностями англоязычного научно-методического дискурса являются: оценочность, эмотивность, экспрессивность, наличие терминологического аппарата, авторская субъективность и индивидуальность.

Таким образом, на основе выделения категорий (структурных и прагматических) и основных функций (информативная, воздействующая и фатическая) научно-методического дискурса очевидна констатация их системного взаимодействия.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб, 2001. − С.84.

2. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. − Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – С.95.

4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5−20.

5. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: дис. … канд. филол. наук. − Волгоград, 1999. – 205 с.

N.V. Inozemtseva
(Russia, Orenburg)

ENGLISH SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL DISCOURSE: CATEGORIES AND FUNCTIONS

The paper investigates the scientific discourse, the scientific-methodological one, in particular, its basic categories and functional characteristics.

Keywords: discourse, scientific-methodological discourse, discourse categories, functions of discourse, cohesion, coherence, integrity, completeness

И.Б. Кривченко
(Россия, Самара)

ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ И СМЕЖНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

Статья посвящена вопросам взаимного влияния драматургического и смежных видов дискурса, включая критический и медиа-дискурс. В результате их взаимодействия языковые средства и способы репрезентации эмоций претерпевают значительную эволюцию и влекут за собой трансформацию дискурса в целом.

Ключевые слова: драматургический дискурс, языковая репрезентация эмоций

Драматургический дискурс постоянно находится в фокусе внимания исследователей разных научных областей. Постановка драматургических произведений активно используется в зарубежной практике преподавания. Продолжается лингвистическое изучение англоя-

зычного драматургического дискурса, в частности в аспекте его оценочного компонента [Старостина, Харьковская 2014].

В предпринятых ранее исследованиях под понятием драматургический дискурс подразумевается стилизованная разговорная речь, представленная в драматургическом произведении диалогом персонажей, сопровождаемым авторскими ремарками [Лимановская 2011]. Отмечалось, что англоязычный драматургический дискурс претерпел значительные изменения на протяжении своего развития. Анализ пьес англоязычных авторов продемонстрировал ярко выраженную динамику эмотивности драматургического дискурса. Эволюция данного аспекта представляется весьма логичной и легко прогнозируемой, но неожиданным оказался перенос эмотивности из авторской ремарки в диалог пьесы. Такая трансформация была ранее обоснована собственно языковыми и экстралингвистическими факторами: развитием разговорной речи, а также изменениями, происходящими в театральном искусстве [Кривченко 2015].

Эволюция драматургического искусства в целом повлекла за собой изменение драматургического дискурса, усложнение его структуры, появление новых аспектов. Безусловно, такая динамика потребовала развития профессиональных навыков актеров и работников театра. С другой стороны, появилась необходимость сделать театральное искусство более понятным и доступным для массовой аудитории театралов-любителей. Развивался учебный дискурс: стала издаваться учебная литература, были разработаны учебные программы для подготовки актеров и режиссеров, трансформировалась профессия театрального критика: популярными стали рецензии и афиши на интернет-сайтах, а также любительские интернет-отзывы на пьесы, то есть происходило формирование и развитие критического и медиадискурса в непосредственной близости с его драматургической разновидностью.

Остановимся подробнее на посвященных театральным постановкам критических эссе, интернет-отзывах и афишах, которые представлены, как правило, малоформатными текстами. Критические эссе и рецензии формируют основу профессиональной разновидности

дискурса, в то время как отзывы на форумах и афиши на сайтах театров относятся к медиа-дискурсу; их основными задачами является оценочная деятельность и предоставление информации соответственно. При этом обе разновидности дискурса будут являться смежными по отношению к драматургическому.

Учитывая постулаты теории интерференции дискурсов [Шевченко 2008], можно говорить об определенном взаимовлиянии данных смежных видов дискурса на современном этапе их развития. Маркерами такой интерференции выступают в частности прецедентные имена, которыми изобилует критический дискурс: имена актеров, режиссеров-постановщиков, персонажей и названий пьес, имена драматургов и названия театров. В свою очередь, драматургический дискурс может также содержать аллюзии и реминисценции на деятельность критиков и режиссеров-постановщиков. Достаточно вспомнить сюжет пьесы “Show Must Go On” (представленной в сборнике Plays for Reading: Using Drama in EFL. – Washington D.C., 1994), которая всецело посвящена анализу процедуры постановки пьесы и в некотором роде обладает элементами критического дискурса, указывая на сложности, с которыми сталкивается режиссер и актеры.

Особый интерес представляют трансформации, охватывающие драматургический и критический виды дискурса при их интерференции. Безусловно, критический вид дискурса в отношении к театральной деятельности изначально формировался как профессиональный, а следовательно, стремится к максимальной объективности. Критические статьи, содержащие рецензию на пьесу, имеют достаточно четкую структуру. Критик последовательно разбирает положительные и отрицательные стороны пьесы. Для британской дискурсивной практики будет характерна сдержанная оценочная деятельность. Критик, пишущий для британской газеты, стремится дать максимально объективную оценку, что проявляется на уровне отбора лексических средств и их использования в тексте: *As an actors' director, Grandage obviously deserves credit for the canniness of Law's portrayal. (http://www.theguardian.com/stage/2013/dec/03/henry-v-review-jude-law); If you wanted an understanding of his strengths and weaknesses as an actor… (http://www.telegraph.co.uk/culture/theatre/theatre-reviews/*

11750668/Richard-II-Shakespeares-Globe-review-a-production-for-tourists.html). В первом примере автор стремится подчеркнуть объективность оценки, используя наречие *obviously*. Во втором случае критик противопоставляет полярные по семантике языковые единицы *strengths and weaknesses,* одновременное появление которых в одном контексте предполагает, что оба понятия одинаково важны для автора, следовательно, он постарается дать максимально объективную интерпретацию постановки.

Американские критики также соблюдают определенную структуру рецензии, порой напоминая реципиенту, что критик просто обязан найти и сильные, и слабые стороны: *Now after stating the mandatory critical negatives, this critic can move on and hopefully shed some light onto the elite, jaded, aristocratic opinions of some New York theater goers. (http://www.theatrereviews.com/)*. Тем не менее, в целом американский критический дискурс значительно отличается от британского. Различие прежде всего заключается в эмотивном компоненте.

Театральное искусство призвано выражать и одновременно порождать эмоции. Лингвисты выделяют несколько универсальных эмоций, представленных во всех лингвокультурах: гнев, радость, удивление, грусть, страх [Зайцева 2013]. Такие эмоции находят отражение в различных видах дискурса, проявляясь на языковом уровне в качестве «эмотивов» и «эмотивных кинем» [Шаховский 2008]. Театральные рецензии британских газет обладают высокой степенью эмотивности, несмотря на сдержанность, которая неизбежно ассоциируется с данной лингвокультурой. Для британского критического дискурса, как правило, характерно прямое наименование эмоции, использование соответствующего эпитета, либо комбинация эпитета и наименования эмоции: *anger; troubled; a chilling fervor; a violent rage (http://www.theguardian.com/stage/2013/dec/03/henry-v-review-jude-law); excitement; melancholy (http://www.telegraph.co.uk/culture/theatre/theatre-reviews/11750668/Richard-II-Shakespeares-Globe-review-a-production-for-tourists.html).* Иногда можно встретить эмотивную кинему, которая будет относиться к сценическому действию: *draws a sword (http://www.theguardian.com/stage/2013/dec/03/henry-v-review-jude-law).*

Приведенные примеры относятся к персонажам пьесы и показывают, насколько актер справился с задачей передачи эмоций. Эмотивная составляющая драматургического дискурса в неизменном виде проникает в дискурс критический. Для критика это важный компонент, который он обязательно отметит в выводах: *...and the preview I saw lacked the emotional charge that would set the play alight (http://www.*
theguardian.com/stage/2016/feb/23/betrayal-review-pinter-northcott-exeter).

Для американского дискурсивного пространства на первый план выдвигаются не те эмоции, которые стремится передать актер, а эмоции зрителя. Американские критики фокусируются на эмоциональных переживаниях реципиента, что ведет к повышению общей эмотивности такого критического дискурса. Плотность появления эмотивно-заряженной лексики здесь значительно выше. Часто происходит сращение оценочного и эмотивного компонентов, вследствие чего рецензии изобилуют эмотивно-окрашенной оценочной лексикой с большим количеством интенсификаторов: *with irrepressible talent and energy; an incredibly talented cast (http://www.theatrereviews.com/).*

Проникновение эмотивного компонента в дискурсивное пространство и его трансформация и сращение с оценочным компонентом, кажется, разрушает его изнутри, заставляя постепенно трансформироваться в более субъективную разновидность, доступную восприятию широкой аудитории. Даже афиши театральных пьес на американских сайтах буквально пронизаны эмотивностью. Дискурсивное пространство маркировано эмоционально-окрашенными прилагательными, призванными не столько выразить, сколько сформировать оценку у реципиента дискурса: *hilarious new play (http://www.vineyardtheatre.org/on-stage/now-playing/); an incendiary drama (http://www.vineyardtheatre.org/indecent/); a whip-smart comedy; brilliant and thorny artists; legendary director/writer/producer Garry Marshall (http://www.vineyardtheatre.org/billy-ray/ an ordinary); humdrum workday (http://www.vineyardtheatre.org/gloria/); relationships we hold most dear (http://www.vineyardtheatre.org/upcoming-season/).*

На американских сайтах с афишами, как правило, расположены цитаты разных изданий и журналистов. В целом, такие цитатные включения обладают теми же характеристиками, что и принимающий их дискурс, однако эмотивно-маркированная лексика при этом принадлежит разговорной речи: *TERRIFIC, INTRIGUINGLY STRUCTURED AND SUSPENSEFUL! DON'T MISS THIS! (Elyse Sommer, CurtainUp); DAZZLINGLY DIFFERENT! A DYNAMITE NEW PLAY!'GLORIA' IS JUST PLAIN GLORIOUS. (Matthew Murray, Talkin' Broadway).* В этих примерах языковые средства «экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации» [Шаховский 2008] обладают широким значением и призваны оказать воздействие на обширную аудиторию реципиентов.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что драматургический дискурс вступает в отношения интерференции со смежными видами дискурса, в результате чего происходит эволюция их эмотивного компонента. Критический дискурс пополняется языковыми средствами выражения эмоций. В британской традиции четко прослеживается тенденция к объективному освещению информации, языковая репрезентация эмоций здесь всегда связана со сценическим действием и актерским мастерством. Американский критический дискурс значительно трансформируется под влиянием эмотивного компонента, и вектор языковой репрезентации эмоций смещается из сферы освещения сценического действия в зрительный зал. Американские критики концентрируют внимание на эмоциональном состоянии зрителей в момент просмотра пьесы, что, в свою очередь, влечет за собой дополнительную эволюцию эмотивного компонента. Стремление к интерактивности приводит к более частотному употреблению эмотивов, при этом предпочтение отдается лексемам разговорного, неформального характера. Интересно, что такие языковые средства (чаще всего прилагательные с интенсификаторами и наречия) отличаются довольно широкой семантикой, что, очевидно, позволяет апеллировать к массовой аудитории зрителей-непрофессионалов.

Обозначенная выше трансформация прослеживается также в американском медиа-дискурсе, который взаимодействует с драматургическим дискурсом. В то время, как британские афиши и форумы выполняют прежде всего информирующую функцию, представляя реципиенту возможность сделать собственный выбор, дискурсивное пространство соответствующих американских сайтов трансформируется, приобретая элементы рекламного дискурса. Причины такой трансформации, очевидно, кроются в субъективном характере оценочной деятельности и стремлении сформировать определенное эмоциональное состояние у реципиента.

Способы и средства языковой репрезентации эмоций постоянно эволюционируют не только в рамках англоязычного драматургического дискурса, но и за его пределами. В результате взаимодействия и взаимовлияния смежные виды дискурса, вовлеченные в процесс интерференции, подвергаются значительным трансформациям.

Библиографический список

1. Зайцева В. Особенности мужской и женской речи в русском языке в аспекте лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского: дисс…магистра философии. – Вена, 2013.

2. Лимановская И.Б. Динамика авторских ремарок в англоязычной драме XVI-XXI веков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2011.

3. Кривченко И.Б. Особенности выражения эмоциональных состояний персонажей в драматургическом дискурсе (на материале англоязычных пьес XXI века) // "Educatio" Ежемесячный научный журнал. – № 6 (13). – Новосибирск, 2015. – С. 83-85.

4. Старостина Ю.С., Харьковская А.А. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе. – Прага, 2014.

5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М: Гнозис. – 2008.

6. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография. – Самара: СамГУПС, 2008.

I.B. Krivchenko
(Russia, Samara)

EVOLUTION OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF EMOTIONS IN DRAMATIC DISCOURSE AND ITS ALLIED TYPES

The paper deals with the problem of interaction of dramatic discourse with its allied types including critical and media discourse. As a result of their interaction linguistic means and ways of expressing emotions undergo considerable evolution and cause transformation of the discourse under consideration.

Keywords: dramatic discourse; linguistic representation of emotions

Ю.Е. Плотницкий
(Россия, Самара)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕСЕННОЙ ЛИРИКИ САУНДТРЕКА КАК КОМПОНЕНТА КИНОТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕННОЙ ЛИРИКИ САУНДТРЕКА К СЕРИАЛУ «НАСТОЯЩАЯ КРОВЬ»)

В статье рассматриваются вопросы функционирования песенной лирики кинематографического саундтрека как вторичного вербального компонента кинотекста, понимаемого как креолизованный текст.

Ключевые слова: креолизованный текст, песенная лирика, кинотекст, южная готика, саундтрек

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологических исследований текста, а объектом исследования послужил кинотекст, точнее, его компонент. Подход к рассмотрению кинофильма как текстового единства не является чем-то новым, это вполне устоявшаяся точка зрения, обоснованная в работах Ю.М. Лотмана, Ю.Г. Цивьяна,

Е.Б. Ивановой, У. Эко, Г.Г. Слышкина и других. При всём разнообразии подходов все авторы едины в том, что фильм представляет собой особый (поликодовый, креализованный, мультимодальный) тип текста, где взаимодействуют компоненты различной природы: иконической, вербальной, мелодической и т.д. [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181]. Поскольку ведущими характеристиками текста являются связность и цельность [Гальперин 1981: 139], логично будет предположить, что все его компоненты должны служить достижению общих целей даже при использовании разных средств и приёмов. Иными словами, в песенной лирике саундтрека должны быть элементы, определённым образом связанные с остальными компонентами кинотекста на сюжетном, тематическом и прочих уровнях. В центре нашего внимания будет то, каким образом проявляется в песенной лирике «готичность» и в какой мере песенная лирика способствует созданию готической атмосферы с южным оттенком в её современном варианте.

При таком подходе представляется вполне обоснованным выбор в качестве предмета исследования вербального компонента саундтрека (звуковой дорожки), то есть лирики песен, которые звучат в фильме. Материалом исследования послужили тексты 56 песен, отобранных по критерию доступности в Интернете. Даже тот факт, что при всей «немузыкальности» жанра сериала о вампирах с элементами «южной готики», каждый эпизод содержит от 6 до 12 песен, что свидетельствует о важности песен и их лирики для восприятия фильма как единого целого, то есть текста. Исследование представляется нам актуальным, поскольку ни песенная лирика саундтреков, ни фильмы направления «южная готика», не были, по нашим сведениям, предметом специального исследования. Нам представлялось весьма интересным выяснение того факта, какова роль и функция песенного текста в структуре кинотекста. Так как ведущим вербальным компонентом в кинотексте, разумеется, являются диалоги, вербальная составляющая песни, то есть лирика, может считаться **вторичным вербальным компонентом**.

Следует отметить сам феномен «южная готика», который достаточно подробно описан в отечественной науке на материале художественной литературы, хотя он гораздо шире и включает в себя, поми-

мо литературы, кинематограф и музыку. К характерным чертам «южной готики» обычно относят аграрность, общинность, темы вины, отчужденности и безумия, мистичность и повышенный интерес к религиозности и социальным проблемам (расизму, нищете, алкоголизму, наркомании) [Переяшкин 2010: 3-5]. В сериале «Настоящая кровь» события разворачиваются в маленьком южном городке, где все знают друг друга, а алкоголизм и наркомания не редкость, причём с поправкой на вампирскую тематику: пиво называется «Настоящая кровь», а самый сильный наркотик – «Настоящая кровь вампира».

Важно отметить, что большинство песен, использованных в саундтреке данного сериала, были созданы раньше, чем он появился. Некоторые из них – мировые хиты, в частности, песня «She's not there», сочинённая и исполненная группой «The Zombies» в 1964 году и с тех пор десятки раз перепетая; «Don't let me be misunderstood», ставшая международным хитом в 1965 году благодаря версии группы «The Animals»; «Ain't no grave» была сочинена Клодом Эли как госпел в 1934 году, хотя в фильме звучит «светская» версия. Ряд песен был заказан специально для сериала, хотя они вовсе не обязательно содержат прямые аллюзии на происходящие события и героев. Следует отметить, однако, что некоторые эпизоды называются так же, как и песни, звучащие в финале (так называемые end credits), то есть существует связь между событиями эпизода и финальной песней, которая и была написана специально для сериала. Тот факт, что значительное число использованных в саундтреке песен готической направленности было сочинено и исполнено вне связи с данным сериалом, свидетельствует о значимости готического мироощущения в современной массовой культуре и лишний раз подтверждает актуальность изучения этого феномена.

Прежде чем говорить о связи песенной лирики и происходящего на экране, целесообразно охарактеризовать тематику звучащих в сериале песен. В них преобладает негативная эмоциональная направленность – только 2 из 56 песен (3,6%) могут считаться позитивными по своему эмоциональному тону, что вполне ожидаемо в данном случае. Ведь мир, в котором живут герои, далёк от нормального: здесь

рядом с людьми реально существуют вампиры, феи, оборотни, вервольфы, менады, льётся и пьётся кровь.

Вся лирика условно разделена нами на две большие группы, где в первой представлены тексты, содержащие «готические» элементы (22 песни, или 39% от общего количества текстов), а во вторую вошли песни, тексты которых не содержат явных «готических элементов» (44 песни, или 61% от общего количества). Поскольку в песенной лирике тема любви является превалирующей, отметим, что в первой, «готической» группе песен, к любовной лирике можно отнести 10 песенных текстов (около 18% от общего числа), а во второй, «не готической» группе любовная лирика составляет 17 текстов (около 30%). Тема любовных отношений затрагивается в 27 песенных текстах (около 48%), что несколько меньше, чем в англоязычной песенной лирике вообще. Можно предположить, что причина кроется в специфике саундтрека, песни из которого обеспечивают мелодическое сопровождение разных по своему характеру сцен, необязательно только романтических.

В качестве примера того, как представлена тема любви в «готической» группе лирики, можно привести следующие фрагменты: *your black eyes remind me of the dreaming dead* (Jesse Sykes-«The Dreaming Dead»), *waiting for the black to replace my blue. I do not struggle in your web* (Fiona Apple-«The First Taste»); *now he slips into the darkness while you are standing there alone, as he smells you with his tongue, you must be tasty to the bone, he'll make the kill with no remorse or sympathy* (Vallejo – «Snake In The Grass»). По сравнению с приведёнными выше, данные ниже примеры любовной лирики из «неготической» группы не выглядят зловещими: *and as soon as I fell, you put me down, and now you got 'em talking about me all over this town* (Koko Taylor – «Whatever I Am, You Made Me»); *I don't know what you've done to me But I know this much is true I wanna do bad things to you* (Jace Everett – «Bad Things»); *I broke a heart that's gentle and true I broke a heart over someone like you I'll beg his forgiveness on bended knee* (Plasticines – «You're no good»).

Далее рассмотрим примеры текстов, не связанных с темой любовных отношений в «готической группе»: *You've got bones in your*

closet You've got ghosts in your town Ain't no doubt, yeah, they're gonna come out (Little Big Town – «Bones»); *So meet me Jesus meet me Won't you meet me in the middle of the air, If these wings should carry me, I won't need another pair, Ain't no grave gonna hold my body down* (Crooked Still – «Ain't no grave»); *He's sitting with a toadstool rotting in his mouth In the clearing where the bras hang down from the trees He's capping a coffee can full of teeth Drop down in the swamp blood* (The Legendary Shack Shakers – «Swamp blood»). Второй и третий примеры, с их религиозной тематикой и упоминанием болот, имеют ярко выраженный «южный готический» колорит.

В группе «неготических» текстов не связанная с любовью лирика имеет более приземлённый характер: *And the future's looking bad And the future's looking sad And the future comes along and changes everything (*The Flaming Lips – «Your face can tell the future»); *How can you ask for the truth When you do not truthful live How can you ask forgiveness When you don't forgive* (Donna Fargo – «You can't be a beacon»); *Hitting the ground, hitting the ground And there ain't no friend round, never be found, and there ain't no one there to help you come down* (Gordon Gano – «Hitting the ground»). В этих текстах речь идёт об одиночестве, пессимистическом взгляде на будущее, лицемерии, одним словом, о социальных проблемах, что тоже характерно для «южной готики».

Далее речь пойдет о том, каким образом лирика анализируемых песен связана с героями и событиями сериала. Лирика всех звучащих в фильме песен тем или иным образом связана с тем, что происходит на экране, хотя бы потому, что песни либо были специально написаны для этого сериала, либо подобраны и звучат в каком-то конкретном эпизоде, сцене или в финальных титрах. Целесообразно систематизировать эти тексты по тому, как вербальный компонент песни, при всей его вторичности, о чём говорилось выше, соотносится с темами, мотивами, событиями и персонажами этого сериала.

К первой группе, куда вошли 28 текстов (50 % от общего числа), мы отнесли песни, лирика которых, не включая прямых намёков и параллелей с героями и сюжетом, создаёт скорее атмосферу (мрачную, как это и предполагается в «готическом» сериале), выполняя функ-

цию создания эмоционального фона происходящего на экране. Например, пессимистический взгляд на будущее в песне «Your Face Can Tell the Future» группы «The Flaming Lips»: *And the future's looking bad And the future makes you sad And the future comes along And changes everything*; протестные настроения и нежелание жить как все: *We can lift up our hands to the sky Find all of those strings that they're pulling and keep from falling back …Turning us into machines* (The Darkest Hour – «Demons»); осуждение меркантилизма и вера в божественную справедливость на Страшном суде: *I'm waiting for the place to tumble Waiting for the towns to fall I'm waiting for the cities to crumble Waiting till I hear the call* (Dr. John – «I Don't Wanna Know»). Фоновую функцию может выполнять и песня, лирика которой содержит эпический элемент, например, история о человеке, которого всегда тянуло к озеру Чарльз, где он роковым образом нашёл свою смерть, погибнув в автокатастрофе (Lucinda Williams – «Lake Charles»). Выбор данной песни для саундтрека понятен, поскольку тема рока, предопределяющего судьбу человека, является традиционно «готической». Из других тем, затронутых в лирике этой группы песен, можно упомянуть криминальные разборки, секс, приятие царящей в мире несправедливости, несчастную любовь, греховность человеческой природы, превратности судьбы и зловещие болота Юга. Даже если рассматривать эти песни как фон, нельзя не заметить, что в большинстве из них упоминаются кровь, смерть и боль. При всём их разнообразии, данные образцы песенной лирики работают на создание мрачной, «готической» атмосферы. Поскольку в сюжете, помимо «южно-готических», разработано большое количество тем, в том числе любовная, религиозная и другие, в широком плане эти песни вписываются в контекст фильма.

Ко второй группе (28 текстов, или 50% от общего числа) мы отнесли тексты, содержащие параллели происходящему в фильме на уровне центральных тем, событий и поступков героев, прямые намёки на детали поступков и поведения героев. Главная песня сериала – «Bad Things» – звучит в начале каждого эпизода и сопровождается клиповым видеорядом разнородного характера, хотя смысл песни пе-

рекликается с одной из основных тем фильма – роковой любви вампира к главной героине. Песни, звучащие в конце эпизода, на фоне финальных титров, напоминают основное событие или тему эпизода, – например, «Ain't No Grave», упоминавшаяся выше, звучит в конце эпизода, в котором вампир Билл, избежав смерти, зарывается в землю, чтобы восстановить силы. Песня «The Sun» заканчивает эпизод, где стремящаяся отомстить за свою мучительную смерть ведьма, точнее, её дух, насылает на вампиров проклятье, вынуждающее их вопреки своей воле выходить на солнце и гибнуть. Влияние, которое вампир Билл оказывает на главную героиню Суки, подчёркивается в песне: *Your black eyes remind me of the dreaming dead* (Jesse Sykes – «The Dreaming Dead»).

В контексте данного фильма смысл лирики песен, написанных не для фильма, иногда меняется, в частности, *The Reaper*, которого не надо бояться, уже не смерть, а вампир, так как песня звучит в ситуации, когда Суки знакомится с очередным вампиром, который не выглядит дружелюбным (Heaven 17 – «Don't Fear the Reaper»). Переосмысление мы видим в песне «Don't Let Me Be Misunderstood», где просьба лирического героя быть снисходительнее к его эмоциональным реакциям на какие-то ситуации коррелирует со словами вампира Билла о том, что он не такой вампир, как другие, и Суки не надо его бояться.

Тексты песен, связанные с алкоголем и наркотиками, не нуждаются в переосмыслении и прямо связаны со второстепенными героями, на образах которых разрабатывается тема пагубной зависимости: *The smell of death surrounds you Angel of darkness is upon you Stuck a needle in your arm* (Lynyard Skynyard – «That smell»). В ряде случаев ключевая строка песни (обычно в сильной позиции – начало, конец или припев, или повторяющаяся много раз) буквально повторяет слова героя, относящиеся к какому-либо существенному моменту или ситуации, как в случае с братом Суки Джэйсоном, решившим начать новую жизнь и задающимся вопросом о том, как ему стать хорошим человеком: *Tell me now and show me how To understand What makes a*

good man? (The Heavy – «What makes a good man?»). Особый случай – сцена, где один из жителей Рене, убивающий всех, кто симпатизирует вампирам, предлагает Суки подвезти её домой, чтобы там убить. Во время их поездки звучит песня, ключевая строка которой может быть истолкована как мысли Рене, обосновывающего для себя необходимость убить Суки: *She's a devil in disguise You can see it in her eyes She's telling dirty lies (*The Flying Burrito Brothers – «Christine's Tune»). Песня иллюстрирует навязчивое состояние маниакально одержимого идеей убийства человека. Примерно так же связана с фильмом песня «Authority song» – она звучит в конце эпизода, основной темой которого является стремление одного могущественного вампира низвергнуть власть вампирского «руководства». Песня могла бы, с известными оговорками, звучать из уст этого персонажа: *I fight authority Authority always wins I been doing it since I was a child* (Bosco Del Ray – «Authority Song»).

Такое частичное использование лирики песен объясняется вторичностью саундтрека как компонента креолизованного текста. С другой стороны, т.н. «оригинальный саундтрек» данного сериала выходил отдельно на трёх дисках, и у желающих была возможность детально ознакомиться с лирикой песен саундтрека. Лирика песен саундтрека как компонент кинотекста в данном фильме не только выполняет функцию негативного эмоционального фона, но и создаёт «готический колорит». Связь лирики саундтрека с фильмом осуществляется на уровне тем, сюжетных линий, ходов, деталей поведения, психологических особенностей персонажей, а в некоторых случаях ключевые строки песенной лирики повторяют их ключевые реплики. Песенная лирика не только помогает созданию «готической атмосферы» в этом сериале, но и способствует более полному представлению сюжета и персонажей.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.

2. Переяшкин В.В. Творчество американских писателей II половины XX века в контексте южной литературной традиции. АДД – Пятигорск, 2010. [электронный ресурс: http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo].

3. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.

Y.E. Plotnitskiy
(Russia, Samara)

SPECIFIC FEATURES OF SONG LYRICS AS A COMPONENT OF THE CINEMATIC TEXT

The paper considers functioning of soundtrack song lyrics as a secondary verbal component of a film, which is viewed as a creolized text

Keywords: creolized text, song lyrics, cinematic text, southern gothic, soundtrack

Т.В. Толстова
(Россия, Самара)

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРОВЫХ КОНВЕНЦИЙ АННОТАЦИИ К НАУЧНОЙ СТАТЬЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Цель статьи – сопоставить тексты аннотаций к англоязычным и русскоязычным статьям в области прикладной лингвистики и филологии. Анализ коммуникативных ходов, используемых в данном жанре, позволил выявить отличия в их номенклатуре и эксплицитности.

Ключевые слова: аннотация к научной статье, жанровые конвенции, риторическая структура, риторический ход

Интеграция российских научно-образовательных центров в международное исследовательское и издательское пространство диктует необходимость учитывать действующие в этом пространстве нормы и практики, в частности, жанровую структуру [Swales 2014: 227] научной статьи.

Важным элементом статьи является аннотация или авторское резюме (*англ*. abstract). Сегодня, когда ежегодно публикуются миллионы научных статей [Swales, Feak 2009] и когда в авторитетных журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science, бесплатный доступ к текстам имеет ограниченный круг читателей, аннотация становится визитной карточкой статьи, будучи доступной для чтения всем желающим. Именно после ознакомления с ней читатель принимает решение, нужно ли читать весь текст.

Знание правил написания аннотаций является залогом успешного нахождения и извлечения необходимой информации в тексте первоисточника и адекватного её представления в сжатой аннотативной форме в соответствии с требованиями к оформлению нормативных документов. В отечественной традиции подобная аннотация обычно составляется как на русском, так и на английском языке.

Среди языковых особенностей аннотации к англоязычным научным статьям Н. Грэтц [Graets 1985: 123] отмечает следующие: использование форм прошедшего времени, третьего лица и страдательного залога; отсутствие отрицаний; ограниченное использование аббревиатур, жаргонизмов, условных обозначений и других видов сокращений, повторов, примеров, описаний деталей, преувеличений и т. д. Иными словами, аннотирование исключает избыточность информации, что обычно облегчает восприятие.

Выборочный анализ аннотаций к статьям в области прикладной лингвистики и филологии из англоязычных и русскоязычных журналов выявил ряд отличий между ними. Первое, что обращает на себя внимание при сравнении аннотаций на обоих языках, – это разница в их объёме. Аннотации к статьям на английском языке более объёмны, чем русскоязычные, и состоят из шести-девяти предложений, тогда

как аннотации к русским статьям ограничиваются, в основном, двумя-четырьмя предложениями, а иногда даже состоят из одного предложения.

Интересно отметить, что в «Методических рекомендациях по редакционной подготовке научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования ВИНИТИ РАН» [Кириллова 2012: 34] указывается, что «объём текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объёмом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не должен быть менее 100-250 слов (для русскоязычных публикаций – предпочтительнее больший объём)».

Английский вариант аннотаций к русским статьям не является более глубоким и расширенным, по сравнению с оригиналом, что приблизило бы его структуру к структуре написания англоязычных статей, а представляет собой, по сути, перевод оригинальной (русскоязычной) аннотации.

В англоязычных аннотациях, как правило, даётся краткое обобщение других исследований в данной области, а также имеющихся на момент написания статьи фактах, касающихся данной публикации, иногда при этом делаются ссылки на авторов, опубликовавших работы, посвящённые тому же вопросу. В русскоязычных статьях упоминание о предмете исследования в целом и о том, какое место он занимает в современной науке, или какие работы проводились по его изучению, отсутствует. Текст аннотаций начинается непосредственно с указания на саму аннотируемую работу.

Общим элементом аннотаций является формулировка цели статьи. С точки зрения построения предложений, в аннотациях англоязычных статей формулировка цели более конкретизирована, чем в аннотациях статей, написанных на русском языке, и зачастую сопровождается перечнем отдельных задач и методов (процедур) исследования.

В аннотациях к англоязычным статьям широко употребляются личные местоимения как в форме множественного, так и единственного числа. В традиции русскоязычной научной прозы подобные

употребления, хоть и не являются неким запретом, однако не свойственны научным произведениям, поэтому в аннотациях к русскоязычным статьям используются разнообразные безличные синтаксические структуры.

Нередко используемая в точных науках и медицине структурированная аннотация (когда такие основные компоненты, как **цель** (**Aim**), **методы** (**Methods**), **результаты** (**Results**) и **выводы** (**Conclusions**), чётко озаглавлены и выделены жирном шрифтом) в текстах рассматриваемых аннотаций отсутствует. Тем не менее, анализ их когнитивной структуры позволяет выявить типичные риторические ходы (*англ.* moves) [Толстова 2013: 88]:

1) **обобщение итогов предыдущих исследований** (Summarizing previous research):

…most corpus-based analyses have centered on the lexico-grammatical patterning of texts with less regard for functional and rhetorical, textlinguistic aspects… .

This paper is concerned with the semantic difference between the do-form and the doing-form in perception verb complements. Until now this difference has been explained in terms of completion or incompletion of the event perceived. This explanation, however, raises some problems. Although it seems that it can explain the semantic difference in most cases, this theory cannot explain why one form is more natural than the other in actual discourse… .

2) **ознакомление читателя с новым исследованием** (Introducing the present research):

This paper presents an empirical study of personal pronouns in scientific journal articles. Viewing written text as interaction, this study investigates how the use of personal pronouns may reveal writers' perceptions of their own role in research and their relationship with expected readers as well as the scientific-academic community… .

In this paper, I will propose an alternative theory that uses the concept of 'perception' and 'cognition' to explain the semantic difference between the two complement types. It will also be shown that this new theory can provide a clear explanation of some examples that the conventional theory has difficulty in accounting for… .

3) **определение поля исследования** (Establishing the research field):

Recently there has been a growing interest in and recognition of the value of specialized corpora, such as learner corpora… .

Проведённый анализ аннотаций к научным статьям из одной исследовательской области (прикладная лингвистика и филология) позволил выявить различия в их жанровой структуре и, прежде всего, в использовании риторических ходов, которые в англоязычных текстах представлены более разнообразно и эксплицитно. Как правило, тексты таких журналов отражают англо-американские конвенции академического дискурсивного сообщества.

Библиографический список

1. Кириллова О.В. Методические рекомендации по редакционной подготовке научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования. – МИ.: ВИНИТИ РАН, 2012. – 68 с.

2. Толстова Т.В. О конвенциях применительно к речевым жанрам // Вопросы прикладной лингвистики. – М.: РУДН, 2013. – Выпуск 1 (9). – С. 85-90.

3. Graets N. Teaching EFL Students to Extract Structural Information from Abstracts // Reading for Professional Purposed: Methods and Materials in Teaching Languages ed. by J.M.Ulijn and A.K.Pugh. – Acco: Leuven, 1985. – P. 123-135.

4. Swales J. M., Feak C. B. Abstracts and the Writing of Abstracts. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2009. – 92 p.

5. Swales J.M. Research Genres: Exploration and Applications. – Cambridge University Press, 2004. – 260 p.

T.V. Tolstova
(Russia, Samara)

CULTURE-SPECIFIC GENRE CONVENTIONS OF RESEARCH ARTICLE ABSTRACTS IN THE JOURNALS PUBLISHED IN ENGLISH AND RUSSIAN

The goal of the study was to compare the texts of research article abstracts in the field of Applied Linguistics and Philology in the journals published in English and in Russian. The analysis of the rhetorical (move) structure of these texts demonstrated considerable differences in terms of the inventory of rhetorical moves and their explicitness.

Keywords: research article abstract, genre conventions, rhetorical structure, rhetorical move

А.А. Харьковская
(Россия, Самара)

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ МЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Тенденции обновленного англоязычного коммуникативного пространства в эпоху медийных технологических инноваций рассматриваются в терминах дискурс-анализа на материале текстизмов и их вариативных моделей.

Ключевые слова: медийные коммуникации, текстизмы, сообщения, sms-сообщения, инновации

Современные технологические средства организации коммуникативного пространства обеспечивают возможность трансформационных преобразований текста как в процессе передачи информации отправителем, так и в ходе её декодирования адресатом на этапе по-

лучения сообщения. В связи с этим интересными для размышления представляются результаты, полученные Шерри Робинсон и Гансом Антоном Стабберуд в ходе выполнения проекта, целью которого было определить коммуникативные предпочтения студентов американских и норвежских университетов в контексте виртуальных диалогов по профессиональным, образовательным и социальным темам [Robinson, Stubberud 2014].

В отчетах по результатам опросов студенческих групп в колледже Секвойя и других представителей «net-поколения» авторы отмечают, что в 2009 г. немногим более 60 % студентов предпочитали общаться посредством sms-текстов, около 30% предпочитают электронную почту, около 10% отдавали предпочтение общению в социальных сетях, допускающему мгновенный обмен письменной информацией в формате кратких сообщений, а также личным персональным контактам. Среди тех, кто предпочитает визуальные контакты, 58% заявили, что они предпочитают посещать те студенческие мероприятия, где свой опыт персонального общения они могут реализовать при непосредственном контакте с партнерами по общению, который в англоязычной научной литературе позиционируется как «face-to-face» способ коммуникации. Однако предпочтительный выбор коммуникативного инструментария в университетской студенческой среде обусловлен тематической ориентированностью коммуникативной ситуации. Так, при решении образовательных задач и обсуждении социальных проблем предпочтения в выборе способа общения могут не совпадать, более того, результаты опросов среди американских и норвежских студентов, хорошо владеющих популярными гаджетами, показали, что в социальной, образовательной и профессиональной сферах эти студенты отдают предпочтение личным визуальным контактам. Привлекательным моментом в личном общении для студентов является тот фактор, что оно происходит в условиях организованных массовых мероприятий, которые служат серьёзным стимулом для адаптации студентов к университетским традициям, с одной стороны, а с другой, – создают благоприятные условия для реализации личных амбиций и приобретению опыта социализации в профессионально-ориентированной среде.

Вместе с тем, следует отметить, что в настоящее время все большую популярность приобретают вспомогательные способы организации коммуникативного поведения университетской молодежи, которые сопровождают учебную, развлекательную и бытовую коммуникацию студентов на всех этапах пребывания в университете. Мир on-line коммуникации сегодня отличается многообразием постоянно обновляющихся каналов связи, которые при всем разнообразии – мобильные телефоны, айфоны, айпэды, sms-послания, электронные письма, видеоконференции, чаты, твиттеры и т.п – традиционно используют текст в качестве центрального способа организации современного коммуникативного пространства, поскольку именно текстовый формат признается наиболее оптимальным и адекватным вариантом существования и функционирования виртуальной информации в сфере массовой коммуникации.

Сравнительно недавно в научный обиход вошло понятие «texting», которое, несмотря на активные попытки изучить это явление на материале английского языка [Crystal 2008], практически до сих пор не имеет однословного переводного аналога в русском языке. Более того, «texting» представляет собой чрезвычайно перспективное поле для лингвистического осмысления вследствие своеобразия своих формальных и содержательных характеристик, с одной стороны, а с другой, – по причине стремительных темпов изменений, которые сопровождают распространение этого нового способа вербализации коммуникативных практик. Кроме того, нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что мода на использование этого медийного канала распространяется не только в молодежной среде, но достаточно активно занимает свою нишу в коммуникативной практике старшего поколения и приобретает кросс-культурный характер, адаптируя англоязычные тенденции к условиям иноязычного коммуникативного социума.

Лингвистическое осмысление текстовых фрагментов, которым отдается явное предпочтение в современном коммуникативном пространстве (75% владельцев мобильных телефонов утверждают, что применяют краткие текстовые сообщения в процессе общения; причем глобальные масштабы этого вида коммуникации подтверждаются

тем обстоятельством, что «texting» как способ коммуникации распространен не только в высокоразвитых в экономическом отношении странах, но и в таких государствах, как Индонезия и Кения, которые отличаются крайне низкими экономическими показателями), опирается на теорию и практику дискурс-анализа, на данные смежных с лингвистикой наук – социологии, психологии, гендерологии, социолингвистики, психолингвистики и др., что вполне отвечает вызову XXI века, когда междисциплинарные исследования уверенно занимают все более прочные позиции в парадигме научных знаний.

В качестве универсального свойства вышеназванного формата текста исследователями отмечается его малый объем во всех языках: не более 140-160 символов в английском языке, который базируется на латинице; в китайском или японском, которые основаны на иероглифической системе, допускается использовать большее по объёму текстовое пространство, дополненное визуальными и аудиоматериалами (фотографии, видео-послания, музыкальные тоны и т.п.) [Crystal 2008: 6-7]. С учетом этого обстоятельства представляется целесообразным при изучении явления «texting» наряду с опытом дескриптивного, контекстуального, функционально-семантического и лингвосинергетического анализа использовать методологические схемы, успешно апробированные в исследованиях по проблематике малоформатных текстов [Копшукова 2013; Харьковская 2013; Пономаренко, Харьковская 2014; Лимановская 2011; Таюпова 2005; Турлова 2009; Malyuga, Ponomarenko 2012].

В исследовании функциональных параметров малоформатных единиц современного английского языка, которые передаются посредством компьютера, зарубежные авторы различают такие способы передачи, как текстовые сообщения – «texting» и «мгновенные сообщения» – instant messaging (IM), поскольку, по их мнению, именно эти коммуникационные режимы отличаются своеобразным оформлением и в силу этого оказывают наиболее заметное влияние на трансформации в системе современного английского языка. Достаточно подробно разница между этими форматами описана в работах Дэвида Кристала [Crystal 2006]: text messaging предполагает как отправление, так и получение сообщений объемом не более 160 знаков, в то время

как instant messaging допускает обмен сообщениями любого объема посредством гаджетов, подключенных к глобальной сети, что создает для участников коммуникации возможность разговора в реальном времени.

Вследствие разговорной формы общения внимание исследователей этого сложного в лингвистическом отношении явления фокусируется именно на тех функциональных аспектах фрагментов, которые терминологически сегодня обозначаются как «text speak» или «говорящий текст». Под этим обозначением подразумевается язык массовой коммуникации, который обеспечивается современными гаджетами и обычно характеризуется свойствами, которые воплощают в себе т.н. «текстизмы» – «textisms». Важно подчеркнуть, что текстизмы сокращают время, необходимое для передачи сообщений, что может привести к терминологической омономии. Так, под текстизмами в популярной литературе иногда понимаются сокращения, которые ассоциируются с языком массовой коммуникации «text speak» и обычно систематизируются в формате глоссария к публикации, посвященной обсуждению влияния новых способов коммуникации на судьбу современного английского языка. Например, контрактуры – txt, plz, hmwrk; сокращения – аббревиатуры, в которых сокращается либо конечная часть языковой единицы (diff – difference; arr – arrive), либо её начало (phone – telephone), сокращения клиповой модели (hav – have; goin – going); акронимы типа BBC; символы – & и др. «экономные» модели. Общей чертой современных единиц, получивших распространение в SMS-коммуникации, является их слитное написание (cu2nite – see you tonight; iowan2bwu – I only want to be with you; anfscd – and now for something completely different). Адекватная расшифровка единиц такого рода возможна с учетом контекста их употребления в терминах дискурсивных маркеров. Так, предложение did di like ham? требует знания фоновой лингвокультурной информации для адекватного понимания вопроса, т.е. партнеры по мобильной переписке должны владеть информацией, позволяющей избегать коммуникативных сбоев (di – Diana; ham – Hamlet). Текстизмы также привлекают внимание психологов, социологов, нейролингвистов и представителей других профессий, которые с различных позиций

анализируют речевое поведение современных пользователей технологических новшеств в сфере массовой коммуникации.

Положительные/отрицательные последствия массового внедрения текстизмов в речевую культуру носителей английского языка и его вариантов, а также тех социальных групп, которые используют английский язык в качестве средства международного общения, широко обсуждаются сегодня, поскольку трансформационные ненормативные тенденции обнаруживаются не только на лексическом, фонетическом, но и на грамматическом уровне, что не может не беспокоить родителей, академическую среду, рядовых граждан и всех тех, кто пытается найти аналогии в истории английского языка и соотнести их с современной языковой ситуацией в глобальных масштабах. Активное обсуждение пользы или вреда лингвистических трансформаций в текстинге пока не принесло определенных результатов. Некоторые носители английского языка утверждают, что только отличное владение стандартным вариантом английского языка может обеспечить корректную интепретацию мини-посланий, подкрепляя свои рассуждения достоверными социолингвистическими данными, в то время как сторонники соблюдения традиционных норм речевого поведения настаивают на ограниченном употреблении элементов, обусловленных внедрением инновационных технологий в практику массовой коммуникации. В связи с этим следует заметить, что несмотря на типологические процессы, происходящие в XXI в. в глобальном поликультурном пространстве, при решении спорных вопросов необходимо учитывать целый комплекс факторов дискурсивного порядка, отражающих национально-культурные, гендерные, возрастные, этнографические, социолингвистические и т.п. особенности коммуникативных ситуаций в новых условиях технологического обновления социума.

Поскольку наиболее активно вопросы позитивных/негативных последствий внедрения текстизмов и их аналогов обсуждаются сегодня на материале современного английского языка, выполняющего роль лидера в сфере международной коммуникации, для объективного рассмотрения вопроса о функционировании текстизмов необходимо учитывать специфику целевой аудитории пользователей и её ком-

муникативные задачи. Изучение опыта функционирования текстизмов в современном английском языке показало, что при совершенствовании лингвистической грамотности носители английского языка могут использовать разнообразный арсенал коммуникативных средств без особых ограничений, в то время как при овладении английским языком как иностранным необходимо регулировать перечень предпочтительных коммуникативных стратегий, обеспечивающих эффективный результат.

Библиографический список

1. Копшукова Е.В. Лингвистические особенности англоязычных экзаменационных демоверсий текстов для чтения (на материалах международного сертифицированного экзамена IELTS) // Вестник Самарского государственного университета. – Выпуск № 2. – Самара, 2013. – С. 101-106.

2. Лимановская И.Б. Динамика авторских ремарок в англоязычной драме XVI-XXI веков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2011.

3. Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Риторическое воздействие как фактор межнационального делового общения // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме. – М., 2014. – С. 111-117.

4. Таюпова О.И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – Уфа, 2005.

5. Турлова Е.В. Прагмалингвистические характеристики малоформатных текстов (на материале названий англоязычных учебно-методических пособий): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2009.

6. Харьковская А.А. Дискурсивный мир англоязычных и русскоязычных бестселлеров // Вопросы прикладной лингвистики. – №10. – М., 2013. – С.75-88.

7. Харьковская А.А., Ефремова Т.В. Лингвосинергетический потенциал функциональной парадигмы названий произведений американского изобразительного искусства XX-XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 11(29) 2013, ч.1. – Тамбов: Изд-во «Грамота». – С.69-72.

8. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

9. Crystal D. Txtng The gr8 db8. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

10. Malyuga E.N., Ponomarenko E.V. Distance Teaching English for Specific Purposes. ICERI 2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation. Conference Proceedings. – Madrid: International Association of Technology, Education and Development, IATED, 2012. – P. 4530-4536.

11. Plester Beverly, Clare Wood, and Puja Joshi. Exploring the relationship between children's knowledge of text message abbreviations and school literacy outcomes. // British Journal of Developmental Psychology. – *27.1 (2009). –P. 145-161.*

12. Robinson Sherry; Stubberud, Hans Anton. Communication Preferences among University Students // Academy of Educational Leadership Journal; 2012, Vol. 16 Issue 2. – P.105.

A.A. Kharkovskaya
(Russia, Samara)

ENGLISH COMMUNICATIVE SPACE TRANSFOMATIONS IN THE EPOCH OF MEDIA TECHNOLOGICAL INNOVATIONS

Tends and trends of renewed English communicative space in the epoch of technological innovations are considered in the terms of discourse-analysis on the basis of textisms and their versified patterns.

Keywords: media communication, textisms, messages, sms-messages, innovations

С.В. Чертоусова
(Россия, Саранск)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕДИА-ДИСКУРС И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье рассматривается понятие экономического медиа-дискурса, определяются его черты и связь с другими типами дискурсов. Особое внимание уделяется тематике экономических статей и характеристике участников экономического медийного дискурса.

Ключевые слова: экономический медиа-дискурс, институциональный дискурс, участник дискурса, коммуникативная цель

Термин «дискурс» начал активно использоваться в лингвистике в 50-х годах прошлого века, однако до настоящего времени не утрачивает своей актуальности. Обращение к различным аспектам дискурса вызвано прежде всего его двойственной природой, а именно, – сочетанием вербальных и невербальных компонентов. Кроме того, понятие «дискурс» является настолько универсальным, что оно может быть применимо к самым различным объектам исследования. Отсюда многообразие дефиниций дискурса в науке.

Цель настоящей статьи состоит в определении характеристик немецкоязычного экономического медийного дискурса. В качестве иллюстративного материала выбраны заглавия статей из специализированной экономической газеты «Handelsblatt» и из экономической рубрики журнала «Der Spiegel».

Для описания и анализа дискурса необходимо в первую очередь определить его тип. Существует ряд классификаций дискурсов, в основу которых положены параметры, релевантные в рамках определенного исследования. Например, с точки зрения статусно-ролевых характеристик участников общения можно выделить личностно-ориентированное и статусно-ориентированное общение и, соответственно, личностный и институциональный дискурсы [Карасик 2000: 8].

Возрастающее количество социальных институтов в современном обществе порождает все новые разновидности институционального дискурса. К ним относят дискурс политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный и массово-информационный [Карасик 2000: 16]. Очевидно, в понятие делового дискурса здесь включаются тексты из области экономики и финансов, однако в рамках настоящего исследования мы считаем логичнее использовать термин «экономический дискурс», так как журнальные и газетные статьи читают не только специалисты-профессионалы, непосредственно занимающиеся бизнесом, но и широкая аудитория.

Вслед за Т.А. Евтушиной и Н.А. Ковальской под экономическим дискурсом мы будем понимать «совокупность речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира» [Евтушина 2014: 44].

Внутри экономического дискурса целесообразно выделить его подвиды. Перечислим основные подходы к выделению субдискурсов. Е.Ю. Махницкая предлагает иерархическую модель дискурса, состоящую из общего, частного и конкретного дискурсов [Махницкая 2010: 275-278]. Если общим дискурсом является экономический, то частным может выступить, например, промышленный дискурс, а конкретными дискурсами в его составе будут дискурс легкой промышленности и дискурс тяжелой промышленности. Их в свою очередь также можно разделить на субдискурсы, применяя соответствующие критерии (такие как вид деятельности, род продукции и т. д.). Менее подробная классификация экономического дискурса представлена в исследовании А.А. Шереметьевой, выделяющей дискурсы финансовый (финансы и кредит), бухгалтерский (бухгалтерский учет и аудит), налоговый (налоговое дело и страхование) и деловой (предпринимательская деятельность и торговля) [Шереметьева 2011].

В зависимости от участников дискурса, жанра текста, его тематики и размещения могут быть обнаружены связи экономического дискурса с такими типами дискурсов, как медийный, научный, педа-

гогический и юридический [Шереметьева 2011]. Следовательно, экономический медиа-дискурс можно считать подвидом как экономического, так и медийного дискурсов.

Ключевой, на наш взгляд, характеристикой экономического дискурса в целом является его открытость, то есть тесная связь с другими типами дискурсов. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере взаимодействия экономического дискурса с политическим ввиду взаимопроникновения экономики и политики в современном обществе. В рассмотренных статьях из немецких изданий экономические новости часто рассматриваются сквозь призму политики и наоборот, что отражается в их лексическом содержании: «*Seehofer beklagt sich bei Merkel wegen CDU-Kritik an Guttenberg*» [Handelsblatt 2011: 15], «*Grüne wollen klagen*» [Der Spiegel. № 4 2011: 59], «*Trichet blitzt bei CSU ab*» [Der Spiegel. № 2 2011: 57]. Темы мировой экономики также непосредственно связаны с политикой государств: «*Brasilien // Die Wirtschaft des bevölkerungsreichsten Landes Südamerikas wächst wieder kräftig*» [Handelsblatt 2011: 16], «*Produkt der Vergangenheit // Noch hält China den Wert seiner Währung künstlich niedrig. Auf Dauer aber kann das nicht so bleiben, wenn das Land die dominierende Wirtschaftsmacht werden will*» [Der Spiegel, № 4, 2011: 63].

Основными целями экономического дискурса являются освещение событий в экономической жизни общества, информирование реципиента о состоянии экономики, создание экономических теорий, исследование направлений развития экономики, а также уровня жизни населения и формирование определенного отношения к различным изменениям в экономике региона либо страны и побуждение реципиента к определенным действиям [Евтушина 2014: 44]. С нашей точки зрения, эти цели преследуют и экономические тексты в СМИ, а последняя функция характерна для газетно-журнальных статей любой тематики. Применительно к сфере экономики это может быть, например, сравнение товаров разных брендов, выделение их положительных и отрицательных характеристик и побуждение, таким образом, читателей к покупке определенного типа товара: «*Rentner auf der Rolle // Ob mit Hupe, LED-Leuchte oder gar Navi – Senioren motzen ihre*

einst verpönten Rollatoren auf. Das Geschäft mit getunten Gehhilfen boomt» [Der Spiegel, № 7, 2011: 72]. В специализированных изданиях прогнозирование экономической ситуации в целом либо темпов развития той или иной отрасли экономики может повлиять на выбор стратегий ведения бизнеса как частных предпринимателей, так и крупных компаний: «*China greift den Dollar an // Der Volkskongress der KP Chinas will morgen den Aufbau einer eigenen chinesischen Finanzindustrie forcieren – und die Leitwährung der westlichen Welt herausfordern. Der Yuan soll als Handelswährung aufsteigen. Hat die Dollar-Dämmerung damit begonnen?*» [Handelsblatt 2011: 1].

Что касается тематики экономического медийного дискурса, то наряду с сообщениями о ситуации на фондовых рынках, развитии отраслей промышленности и других данных, интересующих специалистов в области экономики, в газетах и журналах для широкой читательской аудитории представлена информация о товарах массового потребления, о нововведениях и законах в области экономики, касающихся каждого гражданина: «*Allgemeine Verunsicherung // Das Geschäftsmodell der Lebensversicherer wackelt. Ihre Kunden werden im Alter weit weniger Geld bekommen, als ihnen einst in Aussicht gestellt wurde*» [Der Spiegel, № 2, 2011: 62]. Кроме того, в неспециализированных изданиях практически любая специальная информация может быть адаптирована для лучшего понимания читателя в случае, если она получила по какой-либо причине общественный резонанс: «*Bernies Peanuts // Ein ehemaliger bayerischer Staatsbanker soll eine dubiose Prämie von 50 Millionen Dollar kassiert haben. Ein Fall von Steuerhinterziehung oder gar Korruption im großen Stil? Der Skandal wirft vor allem ein Schlaglicht auf die undurchsichtigste Sportbranche der Welt: die Formel 1*» [Der Spiegel, № 2, 2011: 58].

Неоспорим тот факт, что любой дискурсивный текст строится с учетом знаний о реципиенте и когнитивных стратегиях восприятия текста. В зависимости от участников коммуникативного акта (то есть автора статьи и читателя) и их коммуникативной цели одна и та же информация будет передаваться в рамках одного дискурса языковыми средствами различных функциональных стилей. Поэтому нам пред-

ставляется необходимым обозначить круг участников экономического медиа-дискурса.

А.Ю. Кланщакова отмечает, что в экономическом дискурсе участниками следует считать «вступивших или могущих вступить в операции товарного обмена физических и юридических лиц» [Кланщакова 2003: 67]. С учетом того, что в современном обществе невозможно представить себе индивида, не совершающего никаких покупок, круг участников популярного экономического дискурса (а именно в его рамках освещаются бытовые темы, связанные с куплей-продажей, качеством товаров и пр.) расширяется до всего взрослого населения.

Участниками дискурса могут быть как отдельные лица, так и несколько лиц, например, компания, юридическое лицо, в том числе и государство. Их можно объединить в различные группы, например, с точки зрения экономической активности в экономической теории выделяют предприятия (Unternehmen), потребителей (private Haushalte / Verbrauchswirtschaftseinheiten) и государство (öffentliche Haushalte) [Dichtl 1993: 239]. Немаловажным является также выделение среди коммуникантов профессионалов, дилетантов и журналистов [Jäkel 2005: 85]. Таким образом, базовую пару участников экономического медийного дискурса можно обозначить как «профессионалы (производители и распределители товаров и услуг) – неспециалисты (потребители товаров и услуг)», а также «журналисты – профессионалы, неспециалисты» [Шереметьева 2011]. Целевой аудиторией газеты «Handelsblatt» являются читатели с обширными знаниями в области экономики, а рубрика «Wirtschaft» журнала «Der Spiegel» нацелена на широкую читательскую аудиторию. Ориентация на потенциального реципиента отражается при построении заглавий статей на лексическом уровне, помимо прочего, в особенностях употребления и частотности в них специальной лексики [Чертоусова 2014] и иностранных слов [Чертоусова 2015].

Выделение в отдельную группу таких участников дискурса, как журналисты, подчеркивает их особую роль в процессе коммуникации. Как полагает Е.А. Кожемякин, «…он (журналист – *Прим. авт.*) не является абсолютным адресантом, а совмещает роли коммуникатора и

реципиента, будучи таким же потребителем массовой информации, как и его аудитория» [Кожемякин 2011]. Кроме того, протекание дискурса в четко установленных социально-экономических условиях позволяет охарактеризовать журналиста как творчески активного коммуниканта (он создает новый продукт дискурса – текст), но одновременно с этим находящимся в зависимости от ситуации и контекста (на содержание и построение статьи могут влиять как политическая, экономическая ситуация в стране либо регионе, так и стиль и формат издания, в котором размещается статья). Следовательно, журналист является создателем речевого произведения, которое должно соответствовать нормам, заданным определенной ситуацией.

Предпринятый анализ позволяет сделать следующее заключение: экономический медиа-дискурс относится к институциональному типу дискурса, содержит в себе черты как экономического, так и медийного дискурсов. Очевидна его взаимосвязь с другими типами дискурсов, в частности, с политическим. К целям экономического медиа-дискурса относятся как сообщение информации и обзор современных экономических теорий, так и воздействие на читателя. Тематика материалов варьируется в зависимости от целевой аудитории издания – участников дискурса, к которым могут относиться профессионалы, широкая аудитория и журналисты.

Библиографический список

1. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №6 (335). – С. 42-46.

2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

3. Кланщакова А.Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2003. – 181 с.

4. Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ массовой коммуникации // Глобальный медиажурнал: Т. II, вып. 1. Весна 2011. – URL: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_kozhemyakin.htm.

5. Махницкая Е.Ю. Взаимосвязь термина и дискурса в аспекте гипо-гиперонимических отношений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: 5-я Международная научная конференция. – Челябинск, 2010. – С. 275-278.

6. Чертоусова С.В. Иностранные слова в заглавиях немецкоязычных экономических статей и их коммуникативно-когнитивная значимость // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – №6 (101). – С.140-144.

7. Чертоусова С.В. Частеречная принадлежность специальной лексики в заглавиях немецкоязычных экономических статей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Москва, 2014. – №9. – С. 239-244.

8. Шереметьева А.А. Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) // Вестн. Кузбас. гос. акад. – 2011. – URL: http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61/.

9. Dichtl E., Issing O. Vahlens großes Wirtschaftslexikon. – München: Beck, 1993. – 1787 S.

10. Handelsblatt. – 2011. – № 45. – 80 S.

11. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. – Hamburg: Universitätsverlag, 1996. – 349 S.

Источники фактического материала

1. Der Spiegel. – 2011. – №2. – 138 S.
2. Der Spiegel. – 2011. – №4. – 142 S.
3. Der Spiegel. – 2011. – №7. – 142 S.

S.V. Chertousova
(Russia, Saransk)

ECONOMIC MEDIA DISCOURSE AND ITS DISTINCTIVE FEATURES

The paper gives the definition of the economic media discourse, determines its properties and relations with other types of discourses. Special attention is given to the subject area of economic articles and the description of the participants of the economic media discourse.

Keywords: economic media discourse, institutional discourse, discourse participant, communicative goal

III. КОГНИТИВНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА

P. Jesenská
(Slovakia, Banská Bystrica)

A FEW NOTES ON ANALYSIS OF *WORD* DEFINITION

The author presents and analyses eight concepts of word as known to the structural linguistics. Every concept is demonstrated on an example to support the author's findings.

Keywords: word, controversy, morphological word, structural linguistics

Introduction

Word has become a source of controversy in linguistics since the beginning of an academic debate on this topic. One has to admit that other scientific disciplines have problems to define a word properly (philosophy, psycholinguistics). Saussurian dichotomic perception, however, is clear since 1916: every single word represents a linguistic sign comprised of significant/signifié. Other linguists develop this idea further claiming a word being an elementary unit of language [compare Böhmerová 2015, Kačmárová 2013, Katamba 2005, Plag 2003, Štulajterová 2014 and others]. This idea was already supported by Bloomfield in 1926 who described words as minimal free forms understood in terms of utterance (or Saussurian parole) as the smallest meaningful units of speech.

Aim and method

The objective of this article is finding an answer to a question *What is a word?* To achieve this goal, the concept of *word* has been investigated by analysing various definitions of word known in structural linguistics.

Papers and books by Böhmerová [2015], Hladký – Růžička [1996], Jesenská [2008, 2013, 2015], Plag [2003], Štulajterová [2014] and others have been found helpful and inspiring.

Nearly no problem with identification of written signs

There is no doubt that word is «intuitively known to native speakers» [Hladký – Růžička 1996: 131] who can identify it in written text as well as in spoken discourse. However, written words (called orthographic words) are easily to identify compared to spoken ones. When anyone asked to count words written on a piece of paper and/or whiteboard, it is done without any complications. E.g. the following sentence *I do not like this* consists of five words. The things complicate, for example, at the moment when contractions are used, e.g. *I don't like this.* Does the sentence have four or five words? And what about nonce-words and neologism (e.g. *glamping, splunch, taputer*) whose form and meaning is has not been fixed yet?

There are over 2,280,000,000 results of *word* on Google and over 1,380,000,000 results linked to a question *what is a word* which is no help at all. Etymology of English term/naming unit *word* goes before 900 and cognates with Dutch *word* [Skeat 1994 and SOED6 2007]. Cognates of *word* in other languages are Afrikaans *woord*, Danish *ord*, French *mot*, German *Wort* (word), Greek *weírein* (speak), Latin *verbum* (word), Sanskrit *vrátam* (command), Spanish *palabra*, and Swedish *glosa* or *ord* [Jesenská 2008, Jesenská 2013].

***Word* in structural linguistics**

In linguistics there are usually two, three, or four kinds of words identified, such as orthographic, phonological, grammatical, and lexical words [e.g. see Hladký – Růžička 1996:131, Plag 2003:4-6 or others].

However, in structural (i.e. systemic) linguistics there are at least eight kinds of word recognized: 1) the orthographic word, 2) the phonological word, 3) the morphological word, 4) the lexical word, 5) the gram-

matical word, 6) the onomastic word, 7 the lexicographical word, 8 the statistical word [see Jesenská 2008 or Jesenská 2013].

1. The orthographic word is a kind of word understood in terms of spelling, i.e. alphabetic writing systems. In other words, it is a graphic sign with an empty space around it, and so one can see its beginning as well as its end, e.g. *do, I, like, this*. All words are orthographic, because they all may be written down by means of graphemes (letters).

2. The phonological word, on the other hand, is the word understood in terms of phone, i.e. sound. Spoken words usually become parts of longer utterances and they are scarcely ever uttered in isolation (e.g. *laik*, *pis*), which means that they are subject to rhythm, assimilation, elision, and other key phonological factors. Spoken English represents a series of stressed and unstressed syllables which behave in more or less predictable ways. But where an English native speaker or an experienced listener hears *Itꞌs no good at all* being pronounced in a relaxed, informal way, a foreigner may hear *Snow good a tall* [both instances taken from OC 1996]. Troublesome feature in the flow of speech is that words do not have such distinct shapes as on paper, and syllable boundaries do not necessarily reflect grammatical boundaries: the phrases *a notion* and *an ocean* are usually homophonic and only context establishes which has in fact been said. All words in language are phonological because one can pronounce them.

Orthography and phonology represent written and spoken forms of words. Spoken and written form of a word becomes conventional for all speakers who are obliged to respect it.

3. The morphological word is the word in terms of word-form, i.e. morphemic structure. For example, word *discoloured* consists of three morphemes, out of which two are bound (*dis-, -ed*) and one is free (root morpheme *colour*). Every word has its morphemic structure as the morpheme is the smallest meaningful unit of language. Meaning in this context is not limited to lexical meaning only, but it covers also grammatical meaning (i.e. function).

4. The lexical word refers to the word whose content (i.e. full/content/lexical meaning) relates to things, actions, and states in the

world. It is usually realized by one or more morphological words, as when *do, does, doing, did, done* are taken to be five word-forms of the one verb *do*. Lexical words are generally fitted into the flow of language through such mechanisms as affixation, suppletition, stress shift, and vowel change, all of which have morphological and other effects. The set of such words represents an open system, which means that new members do appear, e.g. in English these are nouns, verbs, and adjectives, and other parts of speech when they behave like nouns, full verbs (except auxiliaries and modals), and adjectives, as in *But me no buts*. Lexical words may have simple morphemic structure (*cat, mouse*), or more complex (*blackbird, incomprehensible, put up with, stamp collector, teapot,* etc.). Logically, only nouns, full verbs, adjectives, and adverbs respectively, may become members of this system.

5. The grammatical word is the word understood in terms of its function in a sentence and it contrasts with the lexical word. In other words, it serves to link lexical words. In English, conjunctions, determiners, interjections, particles, and pronouns are grammatical words. They occur frequently and have their own semantic systems, as which such particles as *up* and *down*, which relate to position, direction, space, and time. In principle, such words are a closed set to which new items are seldom added.

6. The onomastic word is the word in terms of naming because it establishes special and/or unique reference, e.g. *Hudson* (river), *New York City,* or *Smith*. Names may be motivated, like *Sitting Bull* (a Sioux name derived from an omen involving a bull buffalo) or conventional, like *Smith* today (though not in the Middle Ages, when the name was occupation-based). Although such words are lexical, they are not usually listed in dictionaries and may or may not be relevant in encyclopaedias. They are often regarded as apart from so-called normal vocabulary, though they also ought to be learned. Majority of them are nouns or adjectives respectively and they are usually capitalized.

7. The lexicographical word is the word in terms of dictionary entry. Every single word becomes lexicographical at the moment when it serves as a dictionary entry/lemma. Logically, not all words are lexicographical,

but they have potential to be used this way. Entries are usually presented in an alphabetic setting. Many dictionaries have an entry, for example *did* as the past of *do*, an entry *them* as the object form of *they*, and so on, with cross-references to the representative form. The conventional citation form for nouns is the singular (unless a word is always plural as in *news*) and for the verb is the bare infinitive (unless the verb only occurs as a participle, or is a modal verb).

8. The statistical word is the word in terms of occurrences in texts. It is embodied in such instructions as *Count all the words on the page* (see above). This instruction may or may not include numbers, codes, names, and abbreviations, all of which are not necessarily part of the everyday conception of *word*. Whatever routine is followed, the counter deals in tokens or instances and as the count is being made the emerging list turns tokens into types: for example, there could be 42 tokens of the type *the* on a page, and 4 tokens of the type *dog*. Both tokens and the types, however, are unreflectingly spoken of as words. Logically, a word becomes statistical when it is subject matter of statistics.

Conclusion

There are different points of what a *word* is (or means). Eight kinds of word have been presented in this article perceived in the context of structural linguistics, i.e. orthography, phonology, morphology, lexicology, grammar, onomastics, lexicography and statistics. The main aim of the article was to illuminate definition of word in regard to its semantics. The article is a compilation of various characteristics and definitions of the *word*. The aim of an author was to bring a complex point of view by analysis of existing and accepted ideas about the *word* in terms of structural linguistics. The greatest help were publications recorded in *bibliography* below this article.

Bibliography

1. Böhmerová A. Words Or Not Yet? – In: Hradec Králové Journal of Anglophone Studies, Vol.2, No. 1, 2015. – Hradec Králové: Dep. of English Language and Literature, 2015. – pp. 68-79.

2. Hladký J. – Růžička M. A Functional Onomatology of English. – Brno: Masarykova univerzita, 1996. – p. 28, p. 131.

3. Kačmárová A. A Concise English Grammar Course. – Prešov: Filozofická fakulta, 2013. – pp. 11-12, p.15.

4. Katamba F. English Words: Structure, History, Usage. – London: Routledge, 2005.

5. Jesenská P. A few Notes on the Definition of «Word» – In: English Studies & Language Teaching. Vol.3. – Plzeň: English Department, University of West Bohemia, 2008. – pp. 23-26.

6. Jesenská P. A Word as a Notion of Controversy. – In: Selected Chapters on English Lexical Semantics. Jesenská P. – Štulajterová A. – Banská Bystrica: Matej Bel University, 2013. – pp. 35-37.

7. Jesenská P. Selected Topics on English Word-Formation. – Banská Bystrica: Belianum, 2015. – pp. 77-78.

8. Plag I. Word-formation in English. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – pp. 4-6.

9. Shorter Oxford English Dictionary Sixth Edition [SOED6], 2007, version 3.0.2.1.

10. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Ware: Wordsworth, 1994. – p. 569.

11. Štulajterová A. An Introduction to the Study of the English Language.2nd extended edition. – Banská Bystrica: Belianum, 2014. – pp. 77-78.

12. The Oxdord Companion to the English Language. Abridged Edition. (In the text as OC). – Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – pp.1054.

13. https://www.google.sk/?gfe_rd=cr&ei=irexVq34F-eG8QeajKUY&gws_rd=ssl#q=word[29/01/2016]

П. Есенска
(Словакия, Банска Быстрица)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЛОВА

Автор представляет и анализирует восемь определений слова, относящихся к области структурной лингвистики. Каждое определение подкрепляется примерами, подтверждающими точку зрения автора.

Ключевые слова: слово, противоречие, морфология, структурная лингвистика

A. Štulajterová, R. Balaško
(Slovakia, Banska Bystrica)

MODELS AND FUNCTIONS OF ELLIPSIS IN SPOKEN AND WRITTEN DISCOURSES

The main objective of the article is to analyse the stylistically significant use of ellipsis as a stylistic device at the syntactical level in English written and spoken discourses. The objective of our stylistic research was to examine what types of elliptical gaps are usually employed in the written and spoken texts in order to create a certain degree of stylistic significance.

Keywords: ellipsis, spoken discourse, written discourse, stylistics

General Remarks on Ellipsis

One of the most obvious characteristics of the way humans interact using languages is the tendency to convey a considerable amount of information by saying as economically as possible. When using language, most of the time, we neither say nor write everything explicitly, we tend to leave out information we think our recipients are already aware of, or information that can easily be recovered from the context – linguistic or situ-

ational. The actual omission of recoverable words, phrases or even clauses enables us create connections between sentences – connections that improve the overall unity of the text and create cohesion by means of a cohesive device known as **ellipsis**. Let us begin our exploration of ellipsis with a simple example:

A: "How would you like to be remembered?"

B: "As the oldest man in the history of the world."

By examining the second sentence of this interchange, some of the characteristics of the device of ellipsis can be observed, as the presence of ellipsis is manifested through the occurrence of structural gaps, the reference for which lies in the surrounding context in which the elliptical utterance occurrs. Halliday and Hasan [1976] specify the direction in which to look for the interpretation of an elliptical gap by arguing that even though examples of cataphoric elliptical gaps are also possible, the individual cohesive ties involving ellipsis are usually anaphoric – pointing the reader backwards.

Considering the short interchange above might suggest that each structural gap encountered within a text is an elliptical one. This, however, is not true and there are certain conditions that need to be met for a structural gap to be considered an elliptical one. According to Aelbrecht [2010], two conditions are required in the case of a structurally incomplete sentence in order to be considered an elliptical one:

1. **recoverability:** if a sentence constituent is not to be included in a sentence, the structure of which would otherwise require its presence, the meaning of the elliptical sentence has to be recoverable from the surrounding context;
2. **licensing**: a requirement that an ellipsis cannot occur in any environment even though the interpretation need not necessarily be problematic.

Types of Ellipsis

It is common for a linguistic phenomenon to manifest itself in more than one way, rather than in a single form, recurring over and over in the same environment. The other types of cohesive devices we have briefly

explored follow this pattern and ellipsis is no exception. We will begin our exploration of the various types of ellipsis by closely examining the difference between the type of ellipsis bound to the surrounding linguistic context and the one that depends on the situation in question. Downing and Locke [2006] term the following types of ellipsis:

a) textual – which occurs when the recoverable words shared by two consecutive clauses are present in one, but omitted in the other;

b) situational – structural elements, e.g. the subject of a sentence, are often omitted because

they allow for an effortless recoverability, as in: [I'll] See you soon.

Ellipsis can also be distinguished by the structure having some missing element, e.g. *The children will carry the small boxes, the adults the large ones*. This is an example of **anaphoric** ellipsis, as "will carry" is supplied from the first clause to the second. However, it does not work the other way, e.g. ******The children the small boxes, the adults will carry the large ones*. This would not create a grammatically correct sentence. **Cataphoric** ellipsis points the reader forward, such as: "*If you could, I'd like you to be back here at five thirty*." Omission of "*be back here*" in the first part of the sentence is possible thanks to its appearance in the second part of the sentence.

Halliday and Hasan [1976] state that exophoric ellipsis should not be taken into consideration since it does not contribute to the overall cohesion of the text (the ellipted elements are only recoverable from the situational context). On the other hand, Wilson [2000] and Schneiderova [2013] argue that the frequent occurrence of exophoric ellipsis in a text might be an indication of the fact that the text is, to some degree, stylistically significant. One of the best-known frameworks of ellipsis is probably the one developed by Halliday and Hasan [1976: 146]. They differentiate between three different types of ellipsis – termed as "nominal", "verbal" and "clausal" – based on whether the omitted elements in the sentence constitute a noun phrase, a verb phrase or a clause:

1. **Nominal ellipsis** involves omission of a noun headword: e.g.: *I chose a tuna sandwich; Jennifer had cheese and tomato.*

2. **Verbal ellipsis** occurs in two very common types:

a) ***echoing*** – repeating an element from the verbal group:

A: Will anyone be waiting?

B: Jim will, I think.;

b) ***contrasting*** – changing the auxiliary verb:

A: Has she divorced?

B: No, but she will one day, I'm sure.

3. **Clausal ellipsis** occurs when whole stretches of clausal components can be omitted: *He said he would take early retirement as soon as he could, and he has.* With clausal ellipsis individual clause elements may be omitted, especially common are subject-pronoun omission (*doesn´t matter, hope so, sorry, can´t help you*, etc.)

Wilson´s [2000] classification includes sentence-initial ellipsis, **left-most, rightmost** and **central** coordination reduction, which is also known as "gapping". In addition to this, he introduces a special type of ellipsis termed "telegraphic". In the case of "telegraphic" ellipsis, he argues, there often arise cases in which recovery by referring to the surrounding linguistic context is not possible. The reason for this is that the most illustrative example of this type of elliptical structure is the newspaper headline, the most important characteristic of which, concerning ellipsis, is non-recoverable omission.

Models and Functions of Ellipsis – a Stylistic Approach

The objective of our stylistic research was to examine what types of elliptical gaps are usually employed in written and spoken texts in order to create a certain degree of stylistic significance. Considering models of ellipsis, we have focused our analysis on examining whether the elements that have been left out from the structure of sentences affect whole clauses, verb or noun phrases, which in turn serves as the basis for one possible classification of the various types of elliptical gaps. In addition to that, we have tried to interpret the stylistic effects that elliptical sentences aim to achieve, while also paying attention to their functions and such characteristics as whether the elliptical gap can be recovered from the parts of the text that stand before or after the gap in question.

Ellipsis affecting clauses

The category of elliptical gaps affecting the structure of clauses has been the most numerous one of all the models of ellipsis we have identified. It manifests itself in various forms: sentence fragments as direct answers, sentence fragments providing supplementary information, sluicing and subject ellipsis, all of which will be presented in the following paragraphs.

1. Sentence fragments as direct answers

#1

"He doesn't want any trouble with anybody." "Who doesn't [ ]?" I inquired. "Gatsby ***[doesn't want any trouble with anybody]****. […]"*

The example can be subcategorized as a direct response to the question that precedes it, i.e. stating exactly what the question asks for using a single word. As the expanded ellipsis in the aforementioned example illustrates, if the predicator and the direct object have not been removed, the last sentence would be a complete simple sentence. In addition to that, an ellipsis can also be found in the question, to which this direct answer replies; however, that ellipsis involves a model that will be discussed in a different subchapter. This example also illustrates the possibility of gradual elision of sentence elements. The elliptical site tends to lengthen as more information can be presupposed. The auxiliary "does" in its negative form is still present in the elliptical question while the fragment that answers the question anaphorically presupposes it.

2. Sentence fragments providing supplementary information

#2

She looks up to him and sees the vacuum where curiosity ought to lodge. And ***[she sees]*** *something more.* ***[*]*** *The total absence of human recognition –* ***[*]*** *the glazed separateness.*

From the point of view of syntax, the subject and the predicator verbs are omitted, which only leaves the direct objects and adverbs present. We can see the author chose to begin the second sentence with a coordinating conjunction, which evokes the effect of an afterthought together with the

pause at the end of the previous sentence and adds to the dramatic effect of the whole description of what Pecola Breedlove, the major character of Tony Morrison's The Bluest Eye, sees in the shopkeeper. Ellipting the unnecessary repetition of the subject and the predicator in this case helps to emphasize the attributes of the overall Pecola's perception of the shopkeeper.

3. Sluicing

Another type of ellipsis that occurs more frequently within the models of ellipsis affecting clauses is that of sluicing, which, as defined by Gengel [2013] enables the omission of everything that follows a wh-element in either a direct or an indirect interrogative clause. In the following example, it can be observed that the function served by the ellipted words is to emphasize the interrogative pronoun, which then helps the person one is asking the question to decode what kind of information has already been understood from the context and the repetition of which is needed.

#3

– That's a lovely morning, sir, she said. Glory be to God. – To whom ***[be glory]****?*

The general function of emphasizing the interrogative pronoun as in the previous example is slightly changed in the example below. Here the ellipted direct question serves to make a connection between the two sentences, the latter of which is subordinate to the former and would usually be connected to it. Written this way, however, it servers better the purpose of illustrating the fact that the person uttering these sentences is angry at the one for whom they are addressed. In addition to that, ellipsis combines with rhetoric question for even a higher level of significance.

#4

You wouldn't kneel down to pray for your mother on her deathbed when she asked you. Why ***[wouldn't you kneel down…]****? Because you have the cursed Jesuit strain in you, only it's injected the wrong way.*

4. Ellipsis of subject

The ellipsis of subject in English is kind of a special case, which is, by some linguists [e.g. Quirk et al. 1985], considered a purely situational type of ellipsis while Wilson [2000] considers it a legitimate type of ellipsis in certain types of texts, e.g. newspapers or diaries. Ellipsis of subject always occurred under circumstances in which the aim of the author was to make the text resemble spoken colloquial conversation, e.g.:

#5

Parham yonder actually claimed that a man ought not to date anything he couldn't lift. ***[He]*** *Said what if the house caught on fire.*

#6

*"Glad to get a look at you. Last time I saw your mama, you were pushing out the front of her dress." "****[She]*** *Still is [pushing out the front of my dress]," Sethe smiled, "provided she can get in it."*

The only function of the ellipsis of subject is the one of avoiding the unnecessary repetition. In all the cases, the subject is very easily recoverable simply by referring to the previous sentence.

Ellipsis affecting verb phrases

Ellipsis affecting verb phrases is the second most frequently occurring type. In the previous paragraphs, we have presented selected examples which, among other elements, also included verb phrases being ellipted. In order to clarify the difference, it should be noted that once the whole verb phrase has been left out, it is no longer the verb phrase itself, which is being affected by the omission, that kind of omission affects the clause. On the contrary, when talking about ellipses that affect verb phrases, either the lexical verb or the auxiliary (operator verb) has still remained present. [Halliday – Hasan 1976]

1. Ellipsis of lexical verbs

Out of the individual instances of verbal ellipsis, the vast majority of examples were anaphoric, only two instances of cataphoric presupposition were found. Considering the position of the site of ellipsis, final ellipses

were more frequent, which is obvious since lexical verbs stand on the right side of verb phrases, while the auxiliaries stand on the left. As it did for the clausal ellipsis, the two most frequently occurring functions, which are the avoidance of repetition of all the pieces of information clearly understood from the surrounding text and the emphasis that is carried over to those sentence elements that remain intact are also prevalent in the case of verbal ellipsis.

#7

I hate that I don't care if it's a sad good-by or a bad good-by, but when I leave a place I like to know I'm leaving it. If you don't ***[know you're leaving it]****, you feel even worse.*

In the example above, the lexical verb and the rest of the verb phrase can be removed because the only change that happened in the sentence and thus what should be emphasized is the change of polarity in the conditional clause of the last sentence as opposed to the independent clause of the previous sentence.

2. Ellipsis of operator verbs

Ellipsis of operator verbs affects verb phrases from the opposite side of the clause as opposed to the lexical ones. The omission in this category affects the verb phrases by the omission of verbs from the initial position while also eliding the subject if that stays the same as the one in the preceding clause or sentence.

The following example illustrate how the ellipsis of the operator verb can be used in order to pinpoint the important information in a sentence. Considering the example below, for each clause we can observe the change in lexical verb as the actions that the woman referred to as "she" performed are being enumerated.

#8

In less than forty-eight hours, she has been assigned a young child to care for, ***[she has]*** *been the target of a deadly attack,* ***[she has]*** *lost her twelve-year-old cat, and* ***[she has]*** *been forced out of her apartment and [she has been forced] into a safe house owned by the City of New York.*

It can be stated that when there is a change in the lexical verb in successive clauses while the operator stays the same, it can be omitted. Towards the end of this long sentence, there is even a change in the type of elliptical gap. The first three ellipses that we have marked in bold are all instances of verbal ellipsis; however, it would be more appropriate to consider the last one, which has been extended to include the other elements up to the head of the verb phrase, an instance of the ellipsis affecting the whole clause since the verb phrase, once ellipted, is no longer present.

Ellipsis affecting noun phrases

Concerning the structure of the ellipted noun phrases that we have analysed, nominal ellipsis involves the omission of the head of the noun phrase in all the cases, the difference being in what element of the noun phrase is promoted to the function of the head of the noun phrase, by means of which we have further subdivided this section. In terms of the position of the elliptical site, it is always final since the head of the noun phrase being omitted is usually the last word in the phrase.

1. Determiner as the head of the noun phrase

The largest group of nominal ellipses ellipted the head of the noun phrase in such a way that the element which would otherwise function as a determiner has been promoted to the function of the head of the noun phrase. Further classification of the following examples can be provided if it is based on the type of the determiner.

Numerals

#9

*All forty six men awoke to rifle shot. All forty six **[men]** [ ].*

Quantifiers

#10

*"Why, I thought – why, look here, old sport, you don't make much money, do you?" "[ ] Not [ ] very much **[money]**.*

Possessives

#11

*"What did you come back for?" Beloved smiled. "[ ] To see her face." "[ ] Ma'am's **[face]**? […]"*

In case of numerals and quantifiers, we can observe the general tendency to not only shorten the whole sentence; there's also a strong tendency to omit all the recoverable data from the noun phrase as well, which might, in some cases, create interesting results. In excerpt #9, for example, the repetition that the author has employed is intensified even more when used together with ellipsis since the fact that made the character uttering these statements was not that surprised was not that the soldiers were men, it was the number of them.

Combined determiners

This section provides an example of a kind of special use of ellipsis in noun phrases, which combines the emphasis of different types of determiners, i.e. two numerals and one quantifier, in order to achieve the desired gradation.

#12

*She's worth ten **[pounds]**, fifteen **[pounds]**, more **[pounds]**, a pound.*

What also makes this particular example different in comparison to the others is that the presupposition in this case is cataphoric.

2. Modifier as the head of the noun phrase

One particular characteristic of the ellipsis in noun phrases in that it usually coexists together with a larger elliptical construction that most frequently affects the whole clause. This fact is illustrated by examples below, in which the initial part of the sentence that is left unexpanded would be an ellipsis that affects the whole clause.

#13

*"[ ] Must be velvet closer by." '[ ] Not [ ] like in Boston. Boston got the best **[velvet]**.*

#14

*"Is Avery a nice man?" "Mmm hmm." Sarah said with a quick bob of her head. "[ ] Very nice **[man]**."*

Overall results of the research

In this part, we present the overall quantitative results based on the occurrence of different models of elliptical gaps and the functions they fulfil.

Ellipsis affecting whole clauses 188/300 62.6%

- Sentence fragments as direct answers 59/188 31.3%
- Sentence fragments providing sup. information 83/188 44.1%
- Sluicing 20/188 10.6%
- Ellipsis of subject only 25/188 13.2%
- Stripping 1/188 0.5%

Ellipsis affecting verb phrases 65/300 21.6%

- Ellipsis of lexical verbs 50/65 76.9%
- Ellipsis of operator verbs 15/65 23%

Ellipsis affecting noun phrases 46/300 15.6%

- Determiner as the head of the noun phrase 37/46 80.4%
- Modifier as the head of the noun phrase 9/46 19.5%

Considering the other characteristics of ellipsis that we looked at, such as the presupposition, the site of the elliptical gap or whether the ellipsis spans across whole sentences or just clauses, we came to the following results:

Presupposition

- Anaphoric 295/300 98.3%
- Cataphoric 5/300 0.5%

The position of the site of ellipsis

- Initial 186/300 62%
- Medial 5/300 1.6%
- Final 109/300 36.3%

The span of ellipsis

- Intersentential 273/300 91%
- Intrasentential 27/300 9%

Type of expansion

- Exact expansion 241/300 80.3%
- Variable expansion 59/300 19.6%

Conclusion

The objective of our article was to analyse models and functions of ellipsis in written and spoken English. We present the identification of the different models through which the device of ellipsis manifests itself in various discourses, which we have looked at from different points of view. The examples have been categorized in terms of what elements of sentence structure are affected by the use of ellipsis, whether one has to refer to the context that precedes the site of ellipsis, in which case the elliptical gap is anaphoric or, if the opposite is the case, cataphoric. Concerning the functions of elliptical gaps we can conclude that the omission of unnecessary repetition of easily recoverable parts in the structure of sentences is by far the most frequent and can be found in all the examples of our corpus, since it somewhat stems from the nature of ellipsis in general. The most common function for which the device of ellipsis is usually employed is to give important words enough emphasis, which manifests itself in many ways. In fact, we can say that emphasis is the reason why phenomena like, for example, sentence fragments occur, i.e. repeating the presupposed elements from questions or sentences preceding the utterance with the elliptical site is worthless. For the percipients of such elliptical sentences the most important piece of information is the one that stays intact and thus is given a greater amount of emphasis. In addition to that, in some cases, where ellipsis combines with other stylistic devices, the function of giving emphasis is even more important as it helps to put these other literary figures, e.g. parallel constructions, double negatives etc., into focus and thus raises the overall stylistic effect the text has on the reader.

Bibliography

1. Aelbrecht. L. 2010. *The Syntactical Licensing of Ellipsis*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Co., 2010.

2. Downing, A. – Locke, P. 2006. *English Grammar: A University Course*. New York : Routledge, 2006.

3. Gengel, K. 2013. *Pseudogapping and Ellipsis.* Oxford : Oxford University Press, 2013. pp. 185.

4. Halliday, M. A. K. – Hasan, R. 1976. *Cohesion in English*. London : Longman, 1976.

5. Hoey, M. 1991. *Patterns of Lexis in Text*. Oxford : Oxford University Press. 1991.

6. Martin, B. 1981. *Lexical Cohesion*. Sydney : Mimeograph, Linguistic Department, University of Sydney. 1981.

7. McCarthy, M. 1991. *Discourse Analysis for Language Teachers*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

8. Nunan, D. 1993. *Introducing Discourse Analysis*. London : Penguin, 1993.

9. Quirk, R. et al. 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London : Longman. 1985.

10.Schneiderova, A. 2013. Legal Discourse Markers. In *Journal of Modern Science*. Józefów : Wyższa szkoła gospodarki euroregionalnej. 2013, No. 4/19, pp. 355-366, ISSN 1734-2013.

11.Wilson, P. 2000. *Mind the Gap*. Longman : London, 2000.

Excerpted Literature

Morrison, T. *The Bluest Eye*. New York : Vintage Books, 2007.

Salinger, J. D. *The Catcher in the Rye.* London : Penguin Books, 1994.

McCarthy, C. *Cities of the Plain*. New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1998.

Morrison, T. *Beloved*. New York : Vintage Books, 2004.

Fishman, R. *No Man's Land.* Sydney : Rising Tide Books, 2014.

Fitzgerald, F. S. *The Great Gatsby.* London : Penguin Books, 1950.

Grumley, M. C. *Amid the Shadows*. Create Space Independent Publishing Platform, 2013.

А. Стулайтерова, Р. Балашко
(Словакия, Банска Быстрица)

МОДЕЛИ И ФУНКЦИИ ЭЛЛИПСИСА В РАЗГОВОРНОМ И ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСАХ

Целью статьи является анализ стилистически значимого использования эллипсиса на синтаксическом уровне в англоязычных письменном и устном дискурсах. Мы поставили цель исследовать, какие типы эллипсиса обычно используются в письменных и устных текстах для создания стилистического эффекта.

Ключевые слова: эллипсис, устный дискурс, письменный дискурс, стилистика

Е.В. Безбородникова
(Россия, Самара)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИТУАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале романа И. Макьюэна «Суббота»)

Статья посвящена исследованию языковых и прагматических особенностей полного и фрагментарного представления ситуативных моделей общения в художественном дискурсе на материале романа Иэна Макьюэна «Суббота».

Ключевые слова: художественный дискурс, ситуативная модель, авторское представление, ситуация общения

В данной статье представлены результаты исследования специфики авторского представления ситуативных моделей на примере англоязычного романа Иэна Макьюэна «Суббота» (Ian McEwan “Saturday”).

В исследовании особенностей авторского представления ситуативных моделей в романе Макьюэна «Суббота» использовалась модель исследования, разработанная американским лингвистом Деллом Хаймсом [Hymes 1974: 52]. Он создал систему из 8 компонентов, позволяющую разложить ситуативные модель на её составляющие: setting and scene, participants, ends, act sequence, key, instrumentalities, norms, genre.

Рассмотрим особенности представления ситуативных моделей в романе «Суббота». Прежде всего, стоит отметить тот факт, что в нём можно выделить 37 ситуаций общения. Среди них – 15 неполно представленных ситуаций (или фрагментарных), где отсутствует большинство компонентов ситуаций, и 22 полно представленные ситуации (или развёрнутые), в которых можно выделить все компоненты ситуации.

Неполно представленные ситуации – это ситуации, в языковом описании которых отсутствует информация, позволяющая выделить некоторые из ее составляющих, например, детали окружающей обстановки (Setting and Scene), участников общения (Participants), цели и результат данной ситуации общения (Ends), последовательность действий (Act Sequence), особенности тона общения (Key), формы и стилевая окраска используемых языковых средств (Instrumentalities), социальные нормы (Norms) или жанр (Genre).

Рассмотрим пример неполно представленной ситуации: *In the cramped coffee room whose toast and microwaved pasta always remind him of the odours of major surgery, he sat next to Heather, the much-loved Cockney lady who helps clean the theatres between procedures. She gave him an account of her son-in-law's arrest for armed robbery after being mistakenly picked out of a police line-up. But his alibi was perfect – at the time of the crime he was at the dentist's having a wisdom tooth removed* [McEwan 2006: 9]. В указанном фрагменте нет прямых реплик, обозначена лишь косвенная речь. Тем не менее, можно тоже выделить некоторые компоненты ситуации: окружающая обстановка – *coffee room (of a hospital)*, участники – *Henry, Heather (the much-loved Cockney lady who helps clean the theatres between procedures*). Однако в данном фрагменте невозможно сделать выводы об остальных состав-

ляющих ситуации. Причиной этого является выборочность в запоминании деталей, поскольку в этом случае фрагмент ситуации связан не с непосредственным общением главного героя с коллегой в режиме «реального (книжного) времени», а с его воспоминанием.

Перейдём ко второму типу ситуаций – полно представленным или развёрнутым. Как следует из названия, в них представлены все вышеупомянутые компоненты ситуации. Обратимся к примеру ситуации подобного рода: главный герой попадает в небольшое ДТП по дороге на запланированную игру в сквош с коллегой.

В этой ситуации полно представлено описание окружающей обстановки, поскольку эта ситуация общения разворачивается непосредственно на глазах у читателя – в романе «Суббота» читатель становится свидетелем каждой ситуации общения главного героя на протяжении одного дня его жизни, следуя за действиями и событиями в жизни главного героя. Кроме этого, именно эта ситуация и является ключевой или «поворотной» для сюжета произведения – здесь происходит то внезапное событие, которое в корне изменило для Генри Пероуна весь остаток дня, а может и жизни:

He's driving with unconscious expertise into the narrow column of space framed on the right by a kerb-flanked cycle path, and on the left by a line of parked cars. It's from this line that the thought springs, and with it, the snap of a wing mirror cleanly sheared and the whine of sheet-steel surfaces sliding under pressure as two cars pour into a gap wide enough for one. Perowne's instant decision at the moment of impact is to accelerate as he swerves right. There are other sounds – the staccato rattle of the red car on his left side ranking a half-dozen stationary vehicles, and the thwack of concrete against rubber, like an amplified single handclap as the Mercedes mounts the cycle-path kerb. His back wheel hits the kerb too. Then he's ahead of the intruder and braking. The slewed cars stop thirty yards apart, engines cut, and for a moment there's silence, and no one gets out [McEwan 2006: 81].

Участники данной ситуации общения: Генри Пероун, Бакстер, Найджел, Нарк.

Цель: урегулировать конфликт, случившийся из-за ДТП.

Последовательность действий: происходит непосредственно столкновение, участники ДТП пытаются выяснить между собой по чьей вине это произошло, за этим следует небольшая потасовка, после чего Генри Пероун шокирует Бакстера своим заключением по поводу его видимого недомогания, и они вынуждены разговаривать далее без свидетелей. Найджел и Нарк уходят, благодаря чему у Генри потом появляется возможность скрыться.

Перейдём к обсуждению особенностей тона общения. Под тоном общения подразумевается поведение и настрой участников ситуации или же психологическая атмосфера, в которой разворачивается ситуация общения в целом:

Henry – *he is not in shock, he's not weirdly calm or elated or numbed, his vision isn't unusually sharp, he isn't trembling; what he feels is rising irritation struggling against wordly caution; above all, there swells in him a peculiarly modern emotion – the motorist's rectitude, spot-welding a passion for justice to the thrill of hatred, in the service of which various worn phrases tumble through his thoughts, revitalized, cleansed of clichés: just pulled out, no signal, stupid bastard, didn't even look, what's his mirror for; the only person he hates is sitting in the car behind, and Henry is going to have to talk to him, confront him, exchange insurance details with him – all this when he could be playing squash; he feels he's been left behind* [McEwan 2006: 82]*; there are reasons to be cautious* [McEwan 2006: 83]. Автор детально описывает внутреннее состояние главного героя, поскольку событие, предшествующее этой ситуации, предопределило все его дальнейшие действия. Иными словами, исключительная значимость этого события для развития сюжета произведения обуславливает необходимость детального и красочного изображения состояния главного героя;

Baxter, Nigel and Nark – *abrupt curiosity, like deer disturbed in a forest* [McEwan 2006: 84]*; self-respect is on the line* [McEwan 2006: 86] – это описание психологического настроя гораздо менее многословное по ряду причин: во-первых, речь идёт о второстепенных персонажах, с чьим внутренним миром познакомиться близко нет возможности в рамках повествования от третьего лица в анализируемом произведении; во-вторых, оно может служить в качестве художественного сред-

ства – уже по этим выражениям можно сделать вывод о том, что с этими людьми будет непросто уладить возникший конфликт;
Baxter – *he gives an impression of fretful impatience, of destructive energy waiting to be released; he may be about to lash out* [McEwan 2006: 88]*; he says patiently* [McEwan 2006: 89] – данное описание содержит в себе противоречие: желание наброситься и приветливый тон создают некий когнитивный диссонанс, что также является усилением саспенса перед грядущими неприятностями. Для достижения подобного эффекта служит использование таких эмоционально отрицательно окрашенных слов, как *destructive*, *lash out*, в то время как для описания тона общения Бакстера используется *patiently* с положительным оценочным значением.

В этой ситуации примечательно то, что происходит неожиданная смена тона общения после кульминации конфликта: Генри неожиданно сообщает Бакстеру о его болезни, которую он смог диагностировать в результате кратковременного наблюдения, после чего Бакстер кардинально меняет свою стратегию поведения:
Your father had it. Now you've got it too [McEwan 2006: 94].
He has the impression of himself as a witch doctor delivering a curse. Baxter's expression is hard to judge. He makes a vague, febrile movement with his left hand to restrain his companions. There's silence as he swallows and strains forward, frowning, as if about to clear an obstruction from his throat. <…> When Baxter speaks at last, his voice is different, cautious perhaps» [McEwan 2006: 94].

Но через некоторое время за этим следует очередная смена настроения, обуславливающая дальнейшую линию поведения:
Another rapid change in mental weather, a new mood front is approaching, and it's turbulent [McEwan 2006: 98] – в данном случае изменение психологической обстановки внутри ситуации описывается при помощи данных единиц, больше подходящих к описанию метеоусловий в авиационной сфере. Подобное описание помимо художественной наполненности также даёт понять о радикальном изменении психологической обстановки в сторону конфликтной в данной ситуации общения.

Далее обратим внимание на следующий компонент ситуации – формы и стиль используемых языковых средств: в данной ситуативной модели используются следующие типы речевых актов:

- репрезентативы *(The Tottenham Court Road's closed; the rules of the road aren't suspended; Your father had it)* играют ключевую роль в повествовании, поскольку несут непосредственно информацию об истинном положении вещей и с помощью них автор управляет ходом развития событий;
- директивы *(Go and wait in the car)*; группа людей, находящихся с одной стороны конфликта, имеет иерархическую структуру – главарь банды и подельники, поэтому в кризисной ситуации при необходимости отдать распоряжения с целью оптимизации конфликта используется данный тип речевых актов;
- комиссивы *(We could get you referred to a colleague of mine)*; этот тип речевых актов используется в данном случае с целью разрешения конфликтной ситуации; адресант берёт на себя некоторые обязательства, оказывая таким образом услугу;
- экспрессивы *(Horrible rabble; All right, It was shit)*; общение в рамках анализируемой ситуации имеет конфликтный характер; при помощи экспрессивных речевых актов участники ситуации выражают свои отрицательные эмоции после негативного пережитого события.

Для данной коммуникативной ситуации характерны особенности, специфичные для использования разговорной речи в бытовых ситуациях общения. К примеру, эллипсис синтаксических конструкций, с употреблением которого также связан ещё такой момент, как отсутствие необходимости указания всех составляющих и использования развёрнутых высказываний, т.к. сама ситуация делает эти элементы избыточными:

Cigarette?

You seen a policeman?

Конфликтный характер анализируемой ситуации общения в частности и спонтанный неподготовленный характер разговорной речи в целом обуславливают сбивчивость, использование слов-паразитов, сленга, табуированных слов:

Fortunately for you, I got a mate does bodywork, on the cheap. But he does a nice job. Seven fifty I reckon he'd sort me out [McEwan 2006: 90].

Особого внимания заслуживает использование множества медицинских терминов в речи главного героя – нейрохирурга по профессии:

The persistent tremor, a pathology, to saccade, emotional lability, reduced levels of GABA, striatal neurons, complex molecule, surfeit or depletion of neurotransmitter, enzymes, amino acids, impaired ocular fixation, chorea, sternum, blood pressure, a concussive thrill, an electronic jolt of stupefaction, athetoif, chromosome, a gene, CAG sequence, codon, emotional disturbance, intellectual dilapidation, memory failure, agnosia, apraxia, dementia [McEwan 2006: 94].

Специфика вида данного романа обуславливает подобное детальное описание внутренних монологов, размышлений, воспоминаний и умозаключений главного героя, поскольку «роман одного дня» предполагает полное погружение читателя в среду обитания и буквально в мысли главного героя.

Рассмотрим социальные нормы, влияющие на развитие анализируемой ситуации общения. В исследуемой модели ситуации показана смена стратегий речевого поведения – от агрессивной и конфронтационной к уступчивой и компромиссной, и данное изменение прослеживается в смене языкового регистра – сначала все участники ситуации общаются подчеркнуто вежливо:

I expect you're all ready to tell me how sincerely sorry you are
I am indeed sorry that you pulled out without looking [McEwan 2006: 89].

Кроме того, здесь автор даёт объяснение подобной исключительной вежливости:

This fussy, faintly archaic 'indeed' is not generally part of his lexicon. Deploying it entails decisions; he isn't going to pretend to the language of the street. He's standing on professional dignity [McEwan 2006: 89].

Но по мере развития конфликта в этой же ситуации общения некоторые участники обращаются к привычному уличному языку, что вполне объяснимо, т.к. ситуация развивается в рамках бытового общения:

Like fuck you are, dressed like that
Shut up [McEwan 2006: 89].

Подобные изменения речевого поведения позволяют судить о развитии конфликтной ситуации.

Далее перейдём к такому компоненту, как жанр ситуации общения. Языковые особенности стилизованной разговорной речи (эллипсис синтаксических конструкций, сбивчивость, использование слов-паразитов, табуированной лексики, фразовых глаголов и сленга) отражают специфику анализируемой ситуативной модели. Исследуемая ситуация общения также представлена полно; присутствуют все компоненты модели исследования Делла Хаймса. Для этой ситуации характерно также и то, что автор романа использует множество терминов, специфичных для отдельных моментов конкретной ситуации: в данном случае это медицинские термины, объясняющие девиантное поведение одного из участников этой ситуации общения.

Таким образом, на примере анализа нескольких ситуаций мы убеждаемся в том, что за каждой ситуацией общения стоит некое событие. В то же время обнаруживается одна любопытная деталь: ситуации, не оказывающие влияния на развитие сюжета, представлены неполно – это могут быть воспоминания или какие-то несущественные для сюжета произведения бытовые ситуации общения. Однако автор детально представляет ситуации важные или имеющие особое значение для развития хода событий; в них присутствуют все компоненты ситуации в соответствии с концепцией Делла Хаймса. Кроме того, каждое событие уникально, следовательно, каждая ситуация общения тоже уникальна; это прослеживается в особенностях стратегий языкового поведения и различных языковых средств, используемых в рамках каждой ситуативной модели.

Библиографический список

1. Hymes Dell. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. – 260 p.
2. McEwan Ian. Saturday. – London: Vintage Books, 2006. – 279 p.

E.V. Bezborodnikova
(Russia, Samara)

DISTINCTIVE FEATURES OF REPRESENTATION OF SITUATIONAL MODELS IN FICTIONAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF IAN MCEWAN'S NOVEL «SATURDAY»)

The article deals with the linguistic and pragmatic peculiarities of full (complete) and partial (incomplete) representation of situational communicative models in fictional discourse on the material of Ian McEwan's novel «Saturday».

Keywords: fictional discourse, situational model, author's representation, communicative situation

А.А. Безрукова
(Россия, Самара)

НОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСЕМЫ *МАЙДАН* В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

В статье рассматриваются новые значения и сочетаемость лексем, активно используемых в политическом медиа-дискурсе начала XXI века.

Ключевые слова: политический дискурс, язык политики, медиа-дискурс, неологизм, новое значение, сочетаемость, словообразовательные производные, русский язык начала XXI века

Политическая коммуникация многомерна и многообразна, а в лингвистике сложились разные представления о языке политики. Он понимается как «особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного кон-

сенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [Баранов 1997: 108]. Язык политики рассматривался и как разновидность статусно-ориентированного общения [см. Карасик 2000], и как сфера преимущественного употребления некоторых языковых форм и речевых приёмов [см. Серио 1999].

Наиболее продуктивным оказался дискурсивный подход к этому феномену. Исследователи выявили систематизирующие признаки политического дискурса – это институциональность, специфическая информативность, смысловая неопределенность, фантомность, особая роль фактора масс-медиа, дистанцированность и авторитарность, театральность, динамичность [Шейгал 2000: 73]. Ему присуща определенная система профессионально-ориентированных знаков, собственный подъязык (лексика, фразеология и паремиология) [Шейгал 2000: 15].

В современных условиях язык политики существует в среде массовой информации, что лишает его свойства корпоративности, присущего специальным языкам. В пространстве политического дискурса, как отмечает Е.И. Шейгал, наряду со специализированными вербальными и невербальными единицами (политическими терминами, антропонимами, политическими символами) обнаруживаются и неспециализированные, которые не принадлежали ранее данной сфере общения, но по причине устойчивого функционирования в ней приобрели содержательную специфику [см. Шейгал 2000].

Рассмотрим формирование такой специфической семантики на примере известной лексемы майдан. Как свидетельствуют лексикографические источники, в русский язык она была заимствована из тюркских языков, в которых появилась под влиянием арабского maidan (mainan) от < mada, что означает «быть движимым» [ССРЛЯ 1948-1965]. Первая фиксация рассматриваемой лексемы состоялась еще в словаре Н. Яновского, изданном в 1804 году: «Новый словотол-

кователь, расположенный по алфавиту», Ч. 2 [Яновский 1803-1806]. Это существительное, а его производные фиксируются «Словарем живого великорусского языка» В.И. Даля: Майданъ – м. площадь, место, поприще; || возвышеная прогалина и || стоящий на ней лесной завод: смолокурня, дегтярня, поташня, смолевой, селитряный майдан, завод, работающий на воле; см. буда; || сборное место; || станичная, сборная изба; || охотничья хижина в лесу, на прогалине; || ниж. суводь, водоворот на широком плесу; || торг, базар, или место на нем, где собираются мошенники, для игры в кости, в зерн, орлянку, карты, откуда пожеланье: таланъ на майданъ! что в Сиб. значит: удачи на ловлю! || <...>Майданить, майданничать, мошенничать, промышлять игрою; || мотать, прогуливать и проигрывать свое. Майданник, майданщик, мошенник, шатающийся по базарам, обыгрывающий людей в кости, зерн, наперсточную, в орлянку, в карты. На всякого майданщика по десяти олухов. Не будь олухов, не стало б и майданщиков [Даль 1978].

«Словарь современного русского литературного языка» в 17 тт. указывает четыре основных значения этого существительного: 1. Обл. Базарная площадь, открытое место, где собирается народ (в станице, казацкой деревне) || Устар. У казаков – станичный круг, сходка (в южных областях России, на Украине). 2. Устар. и обл. Место, площадка для выгонки дегтя, производства поташа и др.; лесная смолокурня. 3. В воровском жаргоне — тайный кабак или игорный дом; также сама карточная игра. 4. В археологии – особый вид курганов, древних могил, обычно раскопанных сверху [ССРЛЯ 1948—1965].

Эти лексикографические описания указывают на высокую продуктивность лексико-семантического варианта рассматриваемого существительного, обозначающего площадь, открытое место. Именно он лидировал в употреблении в XIX в., и в середине XX в. В газетном подкорпусе “Национального корпуса русского языка” (www.ruscorpora.ru) сконцентрирован значительный массив контекстов с существительным майдан в локативном значении. Но даже и оно несколько преобразовалось. Мы сосредоточимся на фактах, датируемых началом XXI в., ср.: «Люди смогут прийти на майдан Незалежности и услышать в

расставленных там палатках, что происходит в каждой области // РБК Daily, 19.11. 2004; Народ бурно приветствовал призыв отправить отряды сопротивления в Киев на майдан Незалежности и устроить новую революцию// Труд-7, 09.04.2005; Вообще-то Майдан Незалежности – это просто центральная площадь Киева // Комсомольская правда, 21.07.2014.

В результате метонимического переноса под влиянием экстралингвистических факторов существительное майдан в русском языке начала XXI века получает в политическом дискурсе новое значение – «восстание, народные волнения на Украине». Впервые в этом значении лексема стала употребляться в период т.н. «оранжевой революции» на Украине: Запад искренне поддержал Майдан исключительно в контексте развития демократических принципов // Семь мифов «оранжевого» путча // Новый регион 2, 22.12.2004; С трудом могу представить себе «оранжевый » майдан на Тверской// Руководитель ЦИК партии «Единая Россия» Юрий ВОЛКОВ: На Тверской может быть что угодно. Но не «оранжевый майдан» // Комсомольская правда, 01.03.2005; Прослеживается тенденция – сталкиваясь с уличными акциями протеста (будь то Карачаево-Черкесия, Калмыкия или киевский майдан Незалежности), официальные лица всякий раз твердят, что эти акции вовсе не отражают точки зрения большинства, а стало быть, нечего потакать устроителям и участникам // Известия, 2.01.2005. Новый майдан приведет к импичменту Ющенко // Новый регион 2, 26.01.2006; Опять Майдан, опять «оранжевые», опять соберутся западенцы // Новый регион 2, 11.08.2006; Но когда в Киеве проходил Майдан...// Новый регион 2, 11.09.2006. В одной из публикаций в крупной российской газете «Комсомольская правда» прямо указывается на это новое значение: Вообще-то Майдан Незалежности – это просто центральная площадь Киева. Но именно ей было уготовано стать «колыбелью» всех революций новой Украины. Так что сейчас майдан – это своего рода название традиционной для украинцев политической борьбы. Более того, для украинских патриотов слово «майдан» приобрело некий сакральный смысл // Комсомольская правда, 21.07.2014.

Социальные сети также не оставили без внимания данное существительное. На нескольких форумах с минимальными изменениями встречается такое определение: «Майдан – организованное собрание большой толпы люмпенов (как правило, получивших обещание вознаграждения за стояние) с требованием чего-то от властей».

В ряде контекстов уже в начале 2000-х гг. произошло расширение этого значения лексемы майдан за счет устранения привязки к конкретной стране и нивелировки семы «за плату». Фактически существительное стало обозначать политическую акцию со значительным числом участников: В центре Челябинска появился «розовый Майдан» в поддержку действующего мэра города // Новый регион 2, 04.03.2005; В Екатеринбурге откроется «зеленый Майдан» // Новый регион 2, 04.08.2005; Ущерб от кыргызского «майдана» составил 26 тысяч долларов // Сегодня.ua, 27.04.2007.

Приведенные выше цитаты фиксируют также изменения синтагматики рассматриваемого существительного, возникшие вследствие расширения значения. Лексема майдан стала сочетаться с прилагательными, производными от качественных сем и развившими общественно-политическую семантику: розовый, зеленый, оранжевый. Кроме того, возможными оказываются определения, указывающие на неукраинскую локализацию события: челябинский, екатеринбургский, кыргызский и т.п.

В результате еще одного метонимического переноса в ряде контекстов существительное майдан приобрело значение «протестующие люди, совокупность людей, толпа»: Киевский майдан уже назвал Ющенко президентом. Янукович утратил шансы догнать Ющенко // РИА Новости, 27.12.2004; Майдан громко и одобрительно орал: «Героям Слава!» // ЖЖ Игорь Судак, 5.12.2013; Новые киевские власти все же решили разогнать Майдан, который уже на самом деле им поднадоел. Да и стоят там уже с ноября 2013 года. Несмотря на то, что фактически все эти стояния привели к власти отдельных лиц, в т.ч. тех, кто сегодня хотел бы разогнать толпу, эти «геройства» уже мало кто воспринимает всерьез // Kritix.ru, 10.04.2014.

Еще одна интересная деталь, актуализируемая как раз в определенных сочетаниях, – сема «организованный протест», проявляющаяся, например, в следующих контекстах: Комиссары майдана особо не афишируются, но они есть // Комсомольская правда, 11.03.2014.

Контаминацию локативной семы и семы «организованный протест» обнаруживаем в публикациях о политической ситуации в Сирии, что свидетельствует о все большем отрыве нового значения, возникшего в русском языке начала XXI века, от обусловивших его украинских событий: Восстание тут четыре года назад поднимали искусственно — свозили автобусами людей и устраивали протестные демонстрации. Роль майдана отвели району Салах ад-Дин // Комсомольская правда, 15.02.2016.

В политическом медиа-дискурсе существительное майдан и деривационно (как мотивирующее), и семантически связано с глаголом майданить. В современных контекстах этот глагол не употребляется в значениях, зафиксированных В.И. Далем. Его с полным основанием можно считать семантическим неологизмом XXI века. Кроме того, употребление данного глагола поддерживает семантические трансформации мотивирующего существительного. Чаще всего в политическом дискурсе реализуется значение «митинговать, протестовать, выдвигая политические требования»: Харьковские активисты будут майданить по очереди // Сегодня.ua, 10.11.2010; Украина продолжает «майданить» // Столетие.ru, 2.12.2013; Украинцам нельзя майданить против новой власти // 2000.ua, 23.12.2014; Повестка дня Марша миллионов 15 сентября: … никуда не торопитесь и одевайтесь по-теплее – будем «майданить». Наши кремлевские оппоненты любят повторять, что у нас нет конкретных требований // Блог Сергея Удальцова, 13.11.2012 г.; Нам скучно, майданить хотим! …представители форума молодых политиков Кыргызстана выступили с ошеломляющей идеей – признать события 1916 года как геноцид кыргызского народа // МСН-общественно-политическая газета, 13.12.2006; Будут ли в Армении майданить как на Украине? // Геополитика, 26.06.2015; Польша продолжает майданить: митинги против нового правительства не пре-

кращаются // Неделя.ua, 20.12.2015; Македония начинает майданить // Альтернативная политика, 20.05.2015.

В следующем контексте сема «политическое выступление» отсутствует, а значение глагола сужается до «митинговать, протестовать»: Предприниматели готовы «майданить» против монополизации торговли // Финансовый обзор, 23.02.2013. В некоторых публикациях данный глагол обозначает побуждение к протесту: Юлия Тимошенко будет и дальше майданить народ // Стрингер, 8.09.2005. В других случаях он реализует значение «выступать сторонником кого-либо, агитировать за кого-либо», управляя при этом формой винительного падежа с предлогом: «Наша Украина» начинает майданить за Ющенко // Украинская правда, 8.09.2008. Кроме того, данный глагол способен обозначать не только действия, но и состояния, совсем не обязательно связанные с событиями на Украине: Украину продолжает майданить // News-portal, 3.07.2015; Киргизию продолжает «майданить» // Национальные интересы, 4.11.2006.

Традиционно в политическом дискурсе одной из наиболее часто используемых стратегией является стратегия «дискредитации» – подрыв доверия к кому-то или чему-либо, умаление авторитета, значения кого-то или чего-либо. Исследователи указывают на такие языковые маркеры названной стратегии как номинации с негативной окраской, оценочные эпитеты с отрицательным компонентом значения, дейктические знаки, риторические вопросы, фамилии в нарицательном значении и в форме множественного числа, сравнения, новые контекстуальные понятия, восклицательные предложения, ссылку на некий компетентный источник, градацию, метафорические модели с негативной окраской [Иссерс 2015; Паршина 2007].

Одним из приемов реализации стратегии дискредитации в политическом медиа-дискурсе является создание словообразовательных производных, мотивированных существительным майдан и глаголом майданить. Существительное майдан стало производящим для целого ряда субстантивных и адъективных дериватов, разнообразных с точки зрения узуальности/окказиональности, способа образования. Объединяющей чертой для этих производных является выражение негатив-

ной оценки: майданчик, майданист, майдань (вражеская), майданцы, майданята, майдуниха, майдауны, МайдаНАТОвцы, замайданновый / замайданный.

Производные от майданить глаголы имеют в своем значении дополнительные семы. Так, глагол помайданить явно указывает на временно́е ограничение действия, ср.: Помайданить и бросить // Свободная пресса, 2.02.2014; Удальцов готовится «помайданить» // Взгляд. Деловая газета, 14.09.2012.

Для оценки ситуации после переворотов в политическом медиадискурсе используются негативно-оценочные глаголы намайданить и домайданиться: Намайданили // РИА Новости, 8.04.2015; Намайданили — а мы расхлебываем // Час пик, 23.04.2006; Домайданились… или намайданили. За два десятилетия независимости Украина существенно отстала от России и Казахстана по среднему уровню благосостояния // ЖЖ Олега Матвейчева, 28.06.2011; Домайданились. Незалежная стала тюрьмой ЦРУ? // Комсомольская правда, 11.01.2006; Депутат о запрете коммунизма на Украине: «домайданились до маразма» // РИА Новости, 10.04.2015; "Домайданились: рейтинг Порошенко ниже, чем у Януковича перед "майданом" (20%), – написал в своем Twitter глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков. – Жесткая правда цифр". По словам Пушкова, политику президента Украины одобряют все меньше жителей страны // Российская газета, 27.12.2015.

С глагольной сферой связано и причастие майданутый, также негативно-оценочное, стилистически близкое грубому просторечию: Майданутые провокаторы вспомнили о Дагестане // KaukazPress.ru, 30.01.2014. Это причастие может субстантивироваться и приобретать агентивную семантику, не меняя при этом коннотации: Диагностика майданутых. Механизмы защиты психики. Как видим, инфантильные проявления у майданутых представлены также во всём спектре // ИА Новостной фронт, 9.08.2015.

В русле стратегии дискредитации в политическом медиадискурсе используется и устойчивое сочетание «майдан головного мозга», возникшее в результате замены первого компонента термино-

логических словосочетаний, обозначающих заболевания (инсульт/гидроцефалия/ опухоль/энцефалопатия и т.п.) головного мозга: Кроме того, популярность приобрела фраза «майдан головного мозга», чаще всего она звучит как диагноз для нынешней Украины // Комсомольская правда, 21.07.2014. В социальных сетях в настоящее время чрезвычайно распространены демотиваторы с этим выражением.

В заключение следует сказать о появлении в политическом медиа-дискурсе начала XXI века нового, социально обусловленного круга значений существительного майдан, которое может быть с полным правом признано семантическим неологизмом, и об активном использовании его коннотативного, синтагматического и словообразовательного потенциала в текстах, формирующих общественно-политическое сознание.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек, 1997, № 6. – С.108-118.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1-4. – М., 1978.

3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 7-е. – М.: УРСС, 2015.

4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С.5-20.

5. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С.337-383.

6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / Под ред. В.И.Чернышева. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. – ССРЛЯ.

7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., Волгоград: Перемена, 2000. – 367с.

8. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, Ч. 1 – 3. – СПб, 1803 – 1806.

A.A. Bezrukova
(Russia, Samara)

NEW SEMANTIC AND SYNTAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE LEXEME *MAIDAN* IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE XXI CENTURY

The article examines the new values and the compatibility of lexemes that are actively used in the political media discourse of the early twenty-first century.

Keywords: political discourse, language policy, media discourse, a neologism, a new value, compatibility, derivational, derivative, Maidan, Russian language of the early twenty-first century

Е.В. Беспалова
(Россия, Самара)

КОНЦЕПТ «WALD» В ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Статья посвящена языковой репрезентации концепта «WALD» в дискурсе немецкой народной песни. Выявляются и систематизируются существенные для данного типа дискурса признаки концепта.

Ключевые слова: лингвофольклористика, концепт, структура концепта, признак концепта, песенный дискурс

Исследование концептов на материале фольклора сегодня достаточно активно разрабатывается отечественными лингвистами в русле лингвофольклористики [ср. Хроленко 2010; Воронцова 2011; Сотникова, Салтык 2013; Хакимьянова 2011; Чернова 2010], объектом которой является вербальная составляющая фольклора [Хроленко,

Бобунова, Завалишина 2004]. Обращение учёных к дискурсу народной песни с свете исследования концептов представляется закономерным по многим причинам.

С философской точки зрения народная песня является важнейшим концептом народной художественной культуры, отразившим философское, этнокультурное, фольклорное, психологическое начало народного менталитета. Народная песня – это своеобразный текст-«код», с помощью которого описывается общечеловеческое бытие (онтологические и антропологические универсалии), народное бытие (особенности ментальности, веры, обычаев), человеческое бытие (отражение моментов жизни отдельного человека) [см. Алексеева 2006]. Одной из важных функций народной песни является манифестация национальной идентичности, поэтому не случайно среди народных песен есть много прецедентных текстов, т. е. текстов известных большинству представителей этноса.

В фольклорном дискурсе проявляется национально-культурная специфика языковой картины мира того или иного народа. Автором народной песни является совокупная языковая личность. Это позволяет на основании анализа семантики языковых единиц в фольклорных текстах, их сочетаемости и коннотаций делать выводы о характерных особенностях восприятия тех или иных явлений и понятий целым этносом, т.е. об особенностях разных концептов, входящих в ментальный фонд языка и формирующих концептуальную систему [Пименова 2011: 126].

Концептуальная система является сложным образованием, в её структуре выделяют концептуальные подсистемы, например, ландшафтные концепты, такие как *земля, море, река, лес, озеро* [Пименова 2011: 126-127], в число которых входит и концепт WALD. В настоящей статье анализируются способы вербализации этого концепта на примере 50 немецких народных песен, датируемых 1100-1983 гг., отобранных на основании наличия в них репрезентантов концепта. Выборка проводилась из корпуса песен, представленных на сайте www.volksliederarchiv.de, где содержится информация о времени по-

явления песен и их жанре: Abschiedslieder, Arbeiterlieder, Jägerlieder, Balladen und Moritaten, Freiheitslieder, Wanderlieder, Soldatenlieder и т.п. Для каждой песни указаны авторы текстов и музыки, если таковые известны. Зафиксирована также представленность песен в древних и в современных источниках, таких как Deutscher Liederhort Э. Бёме (1061 г.), Ambraser Liederbuch (1582 г.), Musenalmanach (1786 г.), Alte teutsche Volkslieder in der Mundart des Kuhländchens (1817 г.) Й. Майнерта, Sammlung Deutscher Volkslieder (1841 г.), Deutsches Lautenlied (1914 г.), Wanderliederbuch (1927 г.), Der Spielmann (1947 г.), Deutsches Jägerliederbuch (1951 г.), Liederbuch der Fallschirmjäger (1983 г.) и др. Некоторые песни зафиксированы в нескольких сборниках, что свидетельствует об их популярности, традировании и достаточно долгом времени бытования.

При описании представленности концепта в песенном дискурсе средствами языкового выражения мы проанализируем существенные для этого типа дискурса признаки концепта WALD. Концепт с течением времени развивается, усложняется его структура, появляются новые типы признаков концепта. Усложнение концептуальной структуры происходит в направлении от мотивирующих признаков, заключённых во внутренней форме концепта, через образные, понятийные признаки и далее через формирование вторичных значений слов со свойственным им «овеществлением» абстрактных смыслов к категориальным и символическим признакам [Пименова 2011: 127]. В развитии концептуальной структуры определённую роль играют особенности быта и условий жизни того или иного этноса.

Концепт WALD представлен в дискурсе немецких народных песен, главным образом, лексемой *der Wald.* В единичных случаях употребляются синонимы *der Hein* («роща») и *das Holz* (в значении «лес»). Это свидетельствует о том, что лексема *der Wald* устойчиво репрезентирует концепт в языковом сознании, так, например, лексема *der Forst* («лес, бор») отсутствует в песенном дискурсе.

У репрезентантов концепта WALD в немецких народных песнях мы выявили ряд признаков. К первичным относятся признаки, свя-

занные с этимоном лексемы *der Wald:* признак места произрастания деревьев, кустарников, трав, цветов, признак среды обитания (диких) животных. К признакам, связанным с чувственным восприятием леса, относятся колоративный признак и признак звучания. Усложнению концептуальной структуры способствуют признак цикличности, связанный со сменой времён года, признак леса как места охоты, как места отдыха, признак странствий / путешествий, включающий также признак опасности. Во многих текстах признаки проявляются в комплексе, дополняя друг друга. В ряде примеров *лес* приобретает символическое значение. Часто в средствах вербализации концепта прослеживаются эмоциональная и оценочная составляющие, свидетельствующие об антропоцентричности восприятия.

В контекстах, вербализующих признак леса как **места произрастания деревьев / кустарников / цветов,** называются их виды, достаточто частотны характеризующие эпитеты, означивается степень их важности и полезности для человека: *Wo in **Fichten**wäldern uns're Wege gehen; bei den hohen **Linden**; Der **Wacholder** gebiert ohne Blüt; Es grüne die **Tanne**, es wachse das Erz; Wohl unter die **Röslein**, wohl unter den **Klee**; Dort spiegeln sich **Erlen** im blauen Kristall / hier wiegen sich **Schmerlen** im tosenden Fall; Der **Birkenbusch** wanket am flüsternden Hain; Will gehen zur grünen **Linde**, dort liegt der Liebste mein; Wohl alle die **Veilchen**, die blühen bei der Nacht; wollt in den Wald spazieren gehn / heijaja spazieren gehn / und **Brombeern** pflücken ab*. Признак *леса* как большого количества деревьев обыгрывается в контексте благоговения перед Создателем: *Dunkler Wald, grün gestalt´t / wieviel zählst du Zweiglein? / ohne Zahl, soviel mal / sei gelobt der ewige Gott.* Во многих контекстах вид растений не конкретизируется, это просто листва, трава, цветы как маркеры места: *Laub und Gras, die bunten Blümlein, Bäume, Beeren.*

Присутствующий в лексеме *der Wald* смысловой компонент *wild* («дикий») [Kluge 1999: 280; Paul 1960: 719 f] соотносится с признаком леса как **среды обитания (диких) животных.** Называются, прежде всего, животные, типичные для европейских лесов (волк, лиса, заяц):

Durch was ist der Wald so greise? / Durch was ist der ***Wolf*** *so weise? Der* ***Fuchs*** *schleicht durch den Wald; Saß ein* ***Häslein*** *in dem Strauch.* В охотничьих песнях используется и генерализация (дичь): *der reitet durch den grünen Wald / er schießt das* ***Wild*** *daher.* В ставшей популярной в последнее время песне *Die* ***Affen*** *rasen durch den Wald* используется название не типичного для немецких лесов животного (обезьяны), смысловой оттенок «дикость», однако, присутствует и у нее.

Колоративный признак представлен лексемами *grün, dunkel, dunkelgrün*, ср.*: So reiten wir den* ***grünen*** *Wald auf und ab; Nach* ***grüner*** *Farb mein Herz verlangt; in diesem* ***grünen*** *Laubrevier; wo die dunklen* ***Bäume*** *stehn;* ***Dunkler*** *Wald,* ***grün*** *gestalt´t; durch die* ***dunkelgrünen*** *Wälder*. Зелёный цвет прототипичен для леса, поэтому частотность лексемы *grün* самая высокая. Оттенки зелёного, такие как тёмно-зелёный и золотисто-зелёный часто соответствуют поэтическому восприятию леса, ср.: *Die Sonne mit warmem Scheine / malt goldig der Bäume grün.* Именно зелёный лес осмысливается в дискурсе народной песни как символ (былого, утерянного) счастья и радости: *Und kommst du, liebe Sonn, nit bald / so wesets alls im grünen Wald / und all die müden Blumen / die haben müden Tod; Und mit Schnee und Frost beginnt / Fürchterlich zu toben, / muss in höchster Traurigkeit / Ich verbringen meine Zeit / Weit von solchem Leben, / Das uns Wälder geben.* В числе других цветообозначений употребляется *bunt* (цветной, пестрый) как характеристика осеннего леса: ***Bunt*** *sind schon die Wälder; rot* (красный) как цвет ягод или осенних листьев: *Schon kleidet die Beere sich würzig in* ***Rot; Rote*** *Blätter fallen.*

Другим важным признаком чувственного восприятия леса является **признак звучания,** частотность его при вербализации достаточно велика, что можно объяснить спецификой песенного жанра как жанра звучащего. Лес в немецкой народной песне – это место, где звучат песни и музыкальные звуки, ср.: *Durch den Wald mannigfalt /* ***Sang erschallt, daß es hallt;*** *In des Hochwalds ernstem (wildem) Wehen /* ***Melodien*** *das Herz erlauscht.* Признак звучания вербализуется посредством многочисленных имён лесных птиц: *da höret man die kleinen*

Waldvögelein *singen; und* ***Lerch*** *und* ***Amsel*** *sangen / vor lauter Lieb und Lust;* ***Lerchen*** *in der Frühlingsluft /* ***Nachtigall*** *in Wäldern /* ***Schwalben*** *in der Mauerkluft /* ***Wachteln*** *in den Feldern / Alle lassen frei und froh / ihre Lieder klingen.* Время звучания песен – весна и лето, с приходом зимы песни умолкают. Во время охоты лес наполняют звуки охотничьих рожков: *Die* ***Hörner tönen*** *durch den Wald / mit schallendem Trara.* Весной в лесах раздаются и звуки шарманки: *Hell ertönt das Klingen der Schalmeien / durch den Wald daß es hallt.*

Смена времён года на территории Германии сопровождается многими природными изменениями: чередование тепла и холода, потеря и возрождение листвы, выпадение и таяние снега и т.п., поэтому признак **цикличности,** связанный со **сменой времён года** является важным для концепта WALD. Он вербализуется в немецких народных песнях через описание наступления осени / зимы, сопровождающееся холодом, сильными ветрами и опаданием листвы: ***Entlaubet*** *ist der Walde / gen diesem Winter* ***kalt****; Ach* ***bitterer Winter****, wie bist du* ***kalt*** */ Du hast* ***entlaubet*** *den grünen Wald; Jetzund heben Wald und Feld / wieder an zu klagen / denn es will die* ***grimme Kält´*** */ alle Lust verjagen;* ***Boreas pfeift, saust und ruft*** */ hin und wieder in der Luft /* ***fällt alle Blätter*** */ durch sein* ***strenges Wetter***. Повторяемость природных явлений маркируется лексемами *wieder* и грамматической формой «исторического» презенса. Глобальность изменений затрагивает все сферы жизни человека: *Nun ruhen alle Wälder / Vieh, Menschen, Städt und Felder / Es schläft die ganze Welt.* Лексема *der Winter* в дискурсе немецкой народной песни отмечена высокой частотностью и в большей части употреблений выступает как субъект действия [Чернова 2009: 114], обладающий суровой силой: *das tut des argen Winters Gwalt / der treibt die Vöglein aus dem Wald / mit Reif und kaltem Schnee / Er macht die bunten Blümlein fahl / im Wald und auf der Heid.*

В немецких песнях реализуются преимущественно отрицательные характеристики зимы, особенно «при употреблении лексемы *Winter* в роли подлежащего … в случаях, построенных на персонификации, а также в сочетании с прилагательными *arg* 'злой, плохой'*, bit-*

ter 'горький, горестный'*, grimmig* 'яростный'» [Чернова 2009: 114-115]. В народном сознании присутствуют параллели «жизнь природы – жизнь человека», а с наступлением холодного времени года ассоциируется старение и смерть: *Ich fühle, daß ich sterblich bin, / Mein Leben welkt wie Gras dahin.* Бинарным / оппозитивным концептом WINTER является в немецком песенном дискурсе концепт MAI, с наступлением весны ассоциируется возрождение жизни и счастье: *Und ziehest du auch alleine / durch all die* ***Maienpracht*** */ aus jedem Busch am Raine / ein* ***süß Geheimnis*** *lacht.*

Традиции лесной охоты в Германии довольно старые, существует множество охотничьих обществ, а среди сборников народных песен есть тематические «охотничьи». **Признак** леса как **места охоты** занимает в немецком песенном дискурсе видное место и вербализуется через описание деталей охотничьей жизни: *Das Moos ist unser Bette / der Wald ist unser Haus / Wir trinken um die Wette / das klare Wasser aus.* Охота приносит радость и веселье, лес воспринимается охотником как дом, или как лучшее место пребывания: *wir* ***eilen mit Vergnügen*** */ dem grünen Walde zu;* ***Juja, Juja****, gar* ***lustig ist die Jägerei*** */* ***Wohl*** *in dem grünen Wald, ja Wald /* ***Hal li hal lo, hal li hal lo*** */ Wohl in dem grünen Wald; Der Jäger zieht zum grünen Wald / mit* ***fröhlichem Hallo****! / Da ist sein* ***liebster Aufenthalt*** */ da ist der Jäger* ***froh****.* На охоту собираются быстро, с хорошим настроением: *Frisch auf zum fröhlichen Jagen.*

Другой типичной чертой немецкого песенного дискурса является **признак** леса как **места отдыха**, причём активного, связанного с пешими прогулками (*Wandern*), сопровождаемыми пением и радостным настроением: *Brüder* ***auf zum frohen Wandern*** */ singt ein Lied nach freier Art / laßt durch Wald und Feld erschallen / ein "Frei Heil!" zur frohen Fahrt; Steigt hinan zum Bergeskamme / trinkt der Freiheit herben Hauch / wer da in den goldnen Morgen / ziehet, laß daheim die Sorgen / so will´s alter Wanderbrauch; Wie* ***wandre ich doch so gerne*** */ am duftenden Walde entlang; O so* ***laßt uns zieh´n und wander*** */ von dem einen Ort zum andern / in die weite grüne Welt;* ***lasst uns*** *von einem Ohr zum anderen / durch Feld und Wald und Fluren* ***gehn****.* Тематизируется и противопоставление природы и города, пребывание в лесу освежает,

можно полюбоваться ландшафтом, понежиться на солнце и подышать свежим воздухом: *Wie **schön ists im Freien** / Bei grünenden Maien **/ Im Walde** wie schön / Wie **süß sich zu sonnen** / **Den Städten entronnen** / **Auf luftigen Höhn** / Wo unter den Hecken / Mit goldenen Flecken / Der Schatten sich mischt / Da läßt man sich nieder / Von Hasel und Flieder / **Mit Laubduft erfrischt.***

Признак леса как места **странствий / путешествий**, связанного с опасностями и испытаниями, вербализируется в лирических песнях-повествованиях, часто имеющих рассказчика и сюжет, приближающихся по ряду признаков к жанру народной сказки: *Es gingen drei Gespielen gut / spazieren in den Wald / sie gingen alle drei **barfuß** / der **Hagel und Schnee** war kalt; Ich will **dir folgen durch Wälder**, durch Meer, / Durch Eisen und Kerker, durch feindliches Heer (Ännchen von Tharau); Mariechen, **dein Liebster ging aus in den Wald**; / Ihm reichten **die tanzenden Elfen** die Hand; / Er folgte der lockenden Schaar, und **verschwand.*** Герои преодолевают трудности путешествий, самоотверженно следуют за любимыми, встречают мифологических персонажей. Лес может иметь и **признак опасного места,** где встречаются разбойники и грабители, угрожающие жизни: *Der Müller ging spazieren aus / er ging bis an den Grunwald naus / **begegnen** ihm **drei Räuber**.* Для молодой девушки прогулка в лесу в одиночестве становится символом «падения» и потери невинности: *Und wer ein ehrlich Mädel will habn / der schick sie nicht in Wald / er schick sie nicht nach Brombeern aus / heijaja nach Brombeern aus / verführet wird sie bald.*

Проведенный анализ позволяет заключить, что вербализуемый в немецком песенном дискурсе концепт WALD имеет многомерную структуру, включающую комплекс признаков от первичных до символических. Концепт многообразно вербализуется в песнях разных жанров. При анализе языковых репрезентантов признаков концепта проявляются черты национального мировосприятия, традиций, особенности эмоциональной оценки. Исследование можно продолжить в рамках кросскультурной лингвофольклористики, сравнения фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству нескольких этносов.

Библиографический список

1. Алексеева О.И. Русская народная песня как этнокультурный концепт. Автореферат дисс. … канд. филос. наук. – Белгород, 2006.

2. Воронцова С.С. Концепт «СЕМЬЯ» в языке русской и английской фольклорной песни // Теория языка и межкультурная коммуникация межвузовский сборник научных трудов. № 2(10). – Курск: Изд-во КГУ, 2011. [Электронный ресурс]. – URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/ 010-002.pdf. Дата обращения: 14.02.2016.

3. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). – С. 126-132.

4. Сотникова С.С., Салтык А.И. Лексическое выражение концепта «Любовь» в русских и английских фольклорных песнях // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. №26. [Электронный ресурс]. – URL:. Дата обращения: 18.02.2016.

5. Хакимьянова А.М. Духовный мир человека в башкирских народных лирических песнях: концепты «ЖИЗНЬ», «СУДЬБА» и «БОГ» // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011.- № 11(226). Филология. Искусствоведение. Вып. 53. – С. 138-141.

6. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. – М.: Флинта/Наука. 2010. [Электронный ресурс]. – URL: http://fictionbook.ru/author/aleksandr_timofeevich_hrolenko/vvedenie_v_lingvo folkloristiku _uchebnoe_posobie/read_online.html?page=1 Дата обращения: 14.02. 2016.

7. Хроленко А.Т., Бобунова М.А., Завалишина К.Г. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика // Вестник ВГУ. Серия гуманитарные науки. – Воронеж, 2004. № 2. – С. 47-52.

8. Чернова Н.Р. Концептосфера «ВРЕМЯ» в русских и немецких народно-песенных текстах. Автореферат дис. … канд. фил. наук. – Курск, 2010.

9. Чернова Н.Р. Концепт «ЗИМА» как элемент концептосферы «ВРЕМЯ» в русских и немецких народно-песенных текстах // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009. № 2. – С. 110-114.

10. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin; New York, 1999.

11. Paul H. Deutsches Wörterbuch. – Halle (Saale), 1960.

12. Volksliederarchiv [Электронный ресурс]. – URL: http://www.volksliederarchiv.de. Дата обращения: 14.02.2016.

E.V. Bespalova
(Russland, Samara)

KONZEPT «WALD» IM DISKURS DER DEUTSCHEN VOLKSLIEDER

Der Artikel widmet sich den lexikalischen Repräsentanten des Konzepts „WALD“ im Diskurs der deutschen Volkslieder. Es werden wesentliche Merkmale des Konzepts analysiert.

Schlüsselwörter: Linguofolkloristik, Konzept, Diskurs der Volkslieder, Merkmale des Konzepts, der Wald

А.С. Гринштейн
(Россия, Самара)

BUZZ WORDS В АНГЛИЙСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуются «модные слова» (buzz words) как часть газетного дискурса. Они активно участвуют в оформлении эмоциональной информации в газете и выполняют аттрактивную функцию за счет актуального значения и оригинальной формы.

Ключевые слова: газетный дискурс, модные слова, эмоциональная информация, аттрактивная функция

Изменения в жизни общества отражаются в языке СМИ быстрее и, вероятно, более отчетливо, нежели в других сферах бытования письменной речи. В первую очередь это относится к языку газеты, который, принадлежа к сфере письменной речи, содержит, помимо когнитивной информации, и значительный объем эмоциональной информации, что сближает его с устной речью; такое «балансирование» на границах письменной и устной речи составляет неотъемлемый признак газетного дискурса. Трансформации, происходящие в раз-

личных сферах социальной действительности в последние годы, не могли не привести к радикальным изменениям языка газеты, прежде всего – в лексическом составе газетного текста.

Газетный дискурс имеет богатый арсенал языковых средств эмоционально-экспрессивного воздействия, в который наряду с коннотативной лексикой входят особые единицы, обозначают новые явления, связанные с появлением и развитием новых технологий и изменениями социальной действительности (развитие индустрии моды, трансформация и преображение социального статуса сферы развлечений, изменение структуры питания и сферы потребления в целом и др.) Все эти изменения требуют обозначения в языке появившихся понятий, т.е появления новых слов для обозначения новых реалий. Подобные единицы получили в современной лингвистике разные обозначения: Buzz Words, vogue words, модные слова.

Принадлежа к сфере неологизмов, «модные слова» являются лишь частью этого пласта лексики, что видно и из дефиниций, которые дают толковые словари, и из анализа функционирования модных слов в газетном тексте. Так, словарь издательства «Макмиллан» определяет «модное слово» (BuzzWord) как «слово, которое стало очень популярным, особенно если относится к определённому виду деятельности или предмету» [Macmillan 2014]. Подчёркивается, что не всегда его можно найти в словарях, но не всегда это слово является новым: возможно, что у какого-либо слова появляется новое значение.

Авторитетный электронный ресурс The Free dictionary by Farlex определяет «модное слово» следующим образом: «1) слово или фраза, соотносящаяся с какой-либо сферой, звучащая важно и используемая преимущественно для того, чтобы впечатлить обычных людей без профессиональной подготовки; 2) «стильное», отражающее последние тенденции слово; 3) слово или фраза, располагающие к себе, заслуживающие доверия и ставшие известными в массовой культуре или среди представителей определённой профессии; 4) слово, которое часто используют, т.к. оно важно и популярно, особенно среди определённой возрастной или профессиональной группы» [Farlex 2014].

Электронный ресурс Whatls.com понимает под «модным словом» «слово или фразу, которая становится популярной в особом контексте» [Whatls 2014], особо подчеркивая, что это могут быть как новые слова, так и новые значения, приобретаемые лексическими единицами в соответствии с изменениями социальной действительности.

Словарь Вебстер дает такое определение: «слово или фраза, которая становится очень популярной на какой-либо период времени. Часто «модное слово» относится к какой-либо сфере бизнеса или учёбы [Merriam Webster 2014].

Оксфордский словарь предлагает следующее определение: «слово или фраза, часто относящиеся к жаргонизмам, модные в определённое время или в определённом контексте» [Большой Оксфордский словарь 2014].

Российский учёный В. Новиков считает, что «модные слова» – это «амбициозные слова, которые нужно было бы даже выделять курсивом в тексте. Слова, которые отражают динамику времени и в которых сделаны какие-то заявки, какие-то прогнозы – то ли сбудется, то ли нет» [Цит. по: Пальвелева 2014].

Таким образом, во всех этих определениях подчёркивается, что возникновение модных слов можно рассматривать как антропоцентрически ориентированный механизм, который выполняет особую функцию: обслуживать и выражать коммуникативно-прагматические намерения носителей языка – номинативные, экспрессивные, образно-оценочные. При этом сфера их функционирования ограничена какой-либо областью, и само «модное слово» имеет определённый «срок жизни», по истечении которого слово перестаёт быть модным. Соответственно, модные слова отражают и глубинные процессы, происходящие в языке и культуре, и меняющиеся языковые вкусы представителей определённой лингвокультуры. Это отчетливо видно, в частности, на примере лексических единиц, которые получили статус «слово года.

В 2014 году по данным Оксфордского словаря словом года стала единица vape (сокращенное от vapour vaporize – to inhale and exhale

the vapour produced by an electronic cigarette or similar device); это связано с тем, что в это время стало очень распространенным курение электронных сигарет, и как следствие, употребление единицы vape (ее употребление удвоилось в 2015 году по сравнению с 2013 годом).

По данным того же словаря в 2015 году номинацию «word of the year» получило не слово, а знак (эмодзи) – emoji, который описывают как “tears of joy” emoji. Реакция на такой выбор была противоречивой, однако подобный выбор наглядно показывает сам характер происходящих в языке и в речи радикальных изменений. Добавим, что словарь Макмиллан уже с 2012 года проводит определение слова года по нескольким номинациям, среди которых есть и номинация «эмодзи».

Выбор слова 2015 года, сделанный the American Dialect Society, тоже прекрасно иллюстрирует реакцию языка на значимые социальные процессы, в данном случае – политкорректное употребление гендерно нейтрального местоимения *they*:

They *was recognized by the society for its emerging use as a pronoun to refer to a known person, often as a conscious choice by a person rejecting the traditional gender binary of he and she.*

In 2015, singular they was embraced by the Washington Post style guide. Bill Walsh, copy editor for the Post, described it as “the only sensible solution to English’s lack of a gender-neutral third-person singular personal pronoun.

Модные слова точно фиксируют новые потребности говорящего, меняющиеся модели поведения.

Сказанное во многом объясняет причины активного использования в газетном дискурсе модных слов: они представляют собой чрезвычайно активный, «живой» пласт языка, и их употребление во многом связано со стремлением привлечь внимание, повысить оригинальность (порой – полемичность) и экспрессивность газетного текста.

Так, единица **Chainwatch** *(to watch several consecutive episodes of a TV series one after another)* и ее производная **chainwatching** *(the activity of watching episode after episode of a TV series in a single projected*

*sitting. Characteristic of the activity is an intense enjoyment which borders on a form of **'addiction'**)* зарегистрирована в словаре в январе 2014 года. В определении подчеркивается, что человек так увлекается просмотром сериалов в режиме non-stop, что готов пожертвовать своим свободным временем, другими увлечениями и т.д.

В коннотативном значении этой единицы выделяется негативный компонент, связанный с единицей **'addiction'**.

Разговорное chainwatch образовано по аналогии с глаголом chainsmoke, существительное chainsmoker , которое связано с именем Отто Бисмарка и пришло в английский язык как калька с немецкого Kettenraucher.

Английская исследовательница модных слов К. Максвелл отмечает, что единица chain начинает функционировать фактически как приставка со значением принудительный, маниакальный, скучный, надоедливый (compulsive or repetitious), например, в словах chainlisten, chaineating and chaindrinking

Примеры показывают, chain – подразумевает, что деятельность, выраженная глаголом, наносит определенный вред человеку (возможны сочетания chaindrink coffee or cocktails, но вряд ли можно сказать to chaindrink water).

Примеры контекстного употребления данной единицы (издания газеты Guardian), показывают, что явление, обозначаемое ей, получает все большее распространение:

- *... of keeping a diary or remembering the names of books she loves, and cites sleeping and **chainwatching** TV as among her favourite activities*[http://www.theguardian.com; 02.04.13]*;*
- *The year: 1990. The place: Kingston upon Hull, England. The mission: to obtain and chain-watch as much senseless violence as possible* [http://www.theguardian.com; 04.11.11].

Следующая лексическая единица motherism обозначает предрассудок, который сформировался в общественном сознании по отношению к неработающим матерям (prejudice or lack of respect towards women who stay at home to look after their children and do not go out to

work). Одновременно появилось и слово для обозначения лица, деятеля – motherist: *Do stay-at-home mothers upset you? You may be a motherist …* [http://www.theguardian.com; 21.10.13].

Возникновение этого слова связано с именем Доктора Эрика Сигмана, биолога и психолога, который известен своими высказываниями о значимости традиционных семейных ценностей.

Единица motherism образована по аналогии с единицами racism, sexism. Motherist может выступать и как прилагательное и как существительное для обозначения людей, которые придерживаются подобных взглядов. Первоначально единица motherist использовалась для обобщенного обозначения людей, которые защищали принципы материнства (по аналогии с feminist, womanist, etc.).

Данная единица показывает, что суффиксы ism and -ist фактически, реализуют противоположные значения – идеологическая поддержка (feminism/feminist), а с другой стороны – предрассудок, предубеждение (racism/racist).

Эти суффиксы достаточно продуктивные: в последние годы активно употребляются слова rawism/rawist (приверженец сыроядения) и singlism/singlist (люди, которые относятся с предубеждением к незамужним/неженатым)

Примеры из газетных материалов показывают актуальность явлений для современного общества, которое обсуждает эти проблемы в многочисленных публикациях:

So, he says "motherism" is dangerous because it puts women off being stay-at- home mothers, which is the developmental ideal <...> and coined the word "motherism" to describe the prejudice full-time mothers encounter, he was amazed by the international media interest [http://www.theguardian.com; 15.12.13].

Помимо суффиксации, важным способом образования неологизмов становится конверсия:

Rainbow (adjective) – including people of several different races, cultures, political beliefs, etc.

- *Nick Clegg: rainbow coalitions are a recipe for instability and insomnia … Liberal Democrat leader appears to rule out forming a govern-*

ment with more than one other party, saying multiparty governments are messy [http://www.theguardian.com; 02.04.13];

- *Ms Burton said the result 'makes a very clear statement about Ireland, that we are a country of inclusion, a country of diversity, a rainbow nation where we are welcoming to everybody and inclusive of everybody* [Irish Times, May 23, 2015].

В составе газетного текста модные слова безусловно выполняют аттрактивную функцию – это реализуется за счет их оригинальной формы телескопных образований. Так, например, единица phubbing образована путем слияния существительного phone и глагола snub , которая означает «игнорировать кого-либо и тем самым обижать» (to insult someone by ignoring them).

Интересна история возникновения этого слова. В мае 2012 года группа экспертов, в которую входили лексикографы, авторы кроссвордов и специалисты в области лингвистики, собралась в университете в Сиднее, чтобы обсудить, какое слово лучше всего подходит для обозначения данного явления – impolitely ignoring someone when using a mobile phone. Среди предложенных вариантов nubbing, fumping and tele-snub – слово phubbing оказалось самым подходящим.

Слово фактически «запустили» в Интернет; считается, что это идея студента из Мельбурна Alex Haigh, который развернул кампанию, чтобы привлечь внимание к указанному явлению.

Однако позже выяснилось, что за всем этим стоит рекламное агентство, создававшее рекламу для издательства Macquarie Dictionary, их задача – заставить людей говорить о новых словах и, соответственно, покупать словари:

- *Why phubbing is not just anti-social but bad for the environment too? Phubbing, when a person snubs their companion by looking at their phone, is not just rude but leads to a big increase in the carbon footprint of the digital economy* [http://www.theguardian.com; 28.11.15];

- *Young people today, along with their Snapchat and their selfies and their sexting, apparently engage in a practice known as "**phubbing**"* [http://www.theguardian.com; 28.11.15];

- ***Phubbing****: the war against anti-social phone use. Don't you just hate it ... The Stop* ***Phubbing*** *campaign group certainly does* [http://www.theguardian.com; 25.04.14];
- ***Phubbing****. Snubbing a companion by gluing your eyes to your phone. Probably the least convincing portmanteau of 2013* [http://www.theguardian.com; 29.12.13].

В исследованиях газетного дискурса отмечается «стилистический динамизм», активное межстилевое взаимодействие. При том, что значительная часть модных слов в нашем материале имеет помету informal, т.е. относится к разговорной лексике, они начинают функционировать и в других пластах языка, в частности, активно проникают в письменный язык СМИ.

В составе модных слов выделяются единицы, которые могут войти в состав общественной-политической лексики (Brexit).

Модное слово Brexit, которое впервые зарегистрировано в словаре в 2012 году (**Brexit** also Brixit – the departure of the United Kingdom from the European Union – выход Великобритании из Евросоюза), осталось частью современного газетного дискурса. Ниже приведены газетные заголовки из выпуска The Guardian 2016 года:

- *Brexit would harm efforts to tackle global poverty, UK aid figures warn;*
- *Brexit could wipe 20% off the pound amid referendum turmoil, warns HSBC.*

Отдельно отметим аббревиатуры, которые являются эффективным средством компактного оформления информации.

Акроним **MOOC** – сокращение от ***m****assive* ***o****pen* ***o****nline* ***c****ourse*, обозначает самое модное изобретение, новшество в современной педагогике.

В отличие от традиционных дистанционных курсов и программ обучения, **MOOCs**, – предлагают свои услуги совершенно бесплатно, они действительно имеют массовую аудиторию (иногда она достигает 100 000 человек, при этом лишь незначительная часть их успешно заканчивает). Как и традиционные курсы, они включают лекции (как

правило, ведущих профессоров самых известных университетов), 15 минутные видео, которые студенты могут останавливать, чтобы выполнить небольшие тесты, которые проверяют понимание материала.

Главная идея подобных курсов – сотрудничество и обмен информацией (the concept of collaboration and sharing); все работы, которые выполняют студенты, находятся в открытом доступе – однокурсники могут их посмотреть, прокомментировать и чему-то научиться.

Интересна история появления самой реалии. Термин появился в 2008 году и, предположительно, его создателем был Dave Cormier, разработчик веб-сайтов в университете Prince Edward Island в Канаде для описания курса, созданного канадскими профессорами. Это курс читали одновременно небольшой группе студентов за деньги и предложили компьютерный курс бесплатно большой группе студентов (2000 человек).

Концепция подобных курсов набрала силу фактически в 2011 году, когда Стэнфордский университет предложил бесплатный онлайн курс по искусственному интеллекту, позже курс в подобном формате разработали в Массачусетском Технологическом университете (MIT), и затем, как снежный ком, стали появляться МООС в различных университетах по всему миру.

Примеры из газетных тестов более позднего времени свидетельствуют о том, что концепция ***муков*** – это своеобразная революция в области высшего образования, и слово-термин закрепится в языке:

- Oct 22, 2013 ... ***Massive open online courses*** *offer anyone with access to the internet the chance to study at a top university for free;*
- *Aug 8, 2012* **...** *As top-ranked universities join the* ***MOOC*** *revolution, backed by big-name investors, Mike Boxall asks what we can learn from the first dot.com ...;*
- *Mar 28, 2013* **...** *A European* ***Mooc*** *will need to have its own brand name, degree awarding powers and a viable business model that would attract international ...;*
- *Feb 19, 2013* **...** *What can you get from a* ***mooc*** *– that's a massive open online course – other than a chance to attend lectures in your pajama's?*

В языке газеты происходят разнообразные процессы, в частности повышается его эмоционально-экспрессивная составляющая. Активную роль в этом процессе играют модные слова, которые и в самом значении и в форме содержат огромный экспрессивный потенциал.

Библиографический список

1. Большой Оксфордский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/buzzword. Дата обрашения: 10.03.2014.

2. Пальвелева Л. Владимир Новиков: «Парадигма новых слов» // Сайт Радио Свобода [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.svoboda.org/content/article/24395859.html. Дата обращения: 10.03.2014.

3. Самые интересные слова английского языка, вошедшие в Оксфордский словарь в 2013 году [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.studytipz.com/home/learning-english-on-your-own/general-english/oxford-dictionary-2013.html. дата обращения: 20.04. 2014

4. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.macmillandictionary.com/buzzword/aboutbuzzwords.html. Дата обращения: 10.03.2014

5. Meriam Webster [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.learnersdictionary.com/definition/buzzword. Дата обращения: 10. 03. 2014.

6. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.thefreedictionary.com/buzzwords. Дата обращения: 10.03.2014

7. Whatls.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://whatis.techtarget.com/definition/buzzwords. Дата обращения: 10.03.2014.

A.S. Grinshtein
(Samara, Russia)

BUZZ WORDS AS PART OF NEWSPAPER DISCOURSE

The paper deals with the properties and functions of buzz words in the context of newspaper discourse. It focuses on the immediate connection between buzz words and the changes in society.

Keywords: buzz words, newspaper discourse, emotional meaning, attractive function

Н.В. Денисов
(Россия, Самара)

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В статье рассматриваются такие ключевые понятия как антропоцентризм, дискурс и медиа-дискурс. Также анализируется влияние человеческого фактора в текстах зарубежных СМИ.

Ключевые слова: антропоцентризм; дискурс; медиадискурс

В наше время большое внимание уделяется человеческому фактору в языке, антропоцентризму. Язык находится в тесной связи с человеком, его сознанием, деятельностью. Человек играет главную роль в том, что касается порождения и восприятия речи.

Все успехи в культуре, которые служат школой для человека, имеют своей целью применять к жизни приобретенные знания и навыки. Но самый главный предмет в мире, к которому эти познания могут быть применены, — это человек, ибо он для себя своя последняя цель [Кант 1999: 132].

Язык – форма существования мыслительной деятельности человека. Он является составной частью человеческой природы. Более того, язык охватывает все сферы общественной и индивидуальной жизни человека. Освоение окружающей природы и обеспечение жизнедеятельности человека и общества в целом стало основной предпосылкой возникновения и существования человеческого общества.

История показывает, что практическое освоение и осмысление мира с момента создания орудий производства протекает одновременно. Человек всегда старался закрепить в познании обнаруженные и успешно используемые различные свойства предметов и явлений природы. Становление абстрактного мышления было предопределено благодаря одновременному становлению и развитию практической и гносеологической деятельности человека.

Абстрактное мышление выступает в качестве этапа образования обобщенных образов предметов и явлений, которые способны сохранять в своей форме основные черты и свойства. Отраженные фрагменты объективного мира фиксируются в сознании благодаря этим формам в виде идеальных сущностей.

Понятийное сознание, или понятийное мышление, преобразует объективный мир в мир идеальных сущностей, что знаменует собою новый уровень познания природы. Но возникновение идеальных сущностей всегда связано с необходимостью материального закрепления этих форм сознания – звуковой язык и становится средством этой физической объективации мышления.

Описание тела и души человека, его мыслей и эмоций, вкуса и предпочтений и многого другого в области жизнедеятельности, процесса познания мира и его осмысления позволяет выявить не только образ человека, но и особенности его мировосприятия. Данный подход носит явный отпечаток идиоэтнического понимания бытия и самого человека.

В ряду терминов *антропоцентрическая лингвистика*, *антропологическая лингвистика*, *человеческий фактор в языке* термин *антропоцентризм языка* более всего восходит к античным философским учениям о человеке. В античной философии человек рассматривался

как вершина мироздания. По образному выражению древнегреческого мыслителя Протагора, «человек есть мера всех вещей». Изучение языка с точки зрения антропоцентризма подтверждает такое понимание, поскольку речь идет о языке человека и о человеке в языке. В языке закрепляется человеческое восприятие мира, построенного по своему образу и подобию. Во все времена человек был главной темой всех философских, физических и метафизических учений. Соотношение биологического и социального в человеке наиболее полно выявляет концепция интегральной социальной природы человека. Согласно теории о ноосфере академика В.В. Вернадского, человек – это социальное существо, в котором как в микрокосме сохраняются все свойства и закономерности биологической формы материи, или макрокосма [Вернадский 1994: 117].

Е.С. Кубрякова относит антропоцентризм к отличительным чертам современной лингвистики. В процессе интеграции гуманитарных наук изучение человека становится многоаспектным и более полным [Кубрякова 1995: 197].

Антропоцентрические исследования в лингвистике напрямую связаны с исследованием такого сложного и многогранного явления, как дискурс. Это связано с тем, что человек, как объект антропоцентрических исследований, проявляет себя прежде всего в языке, используемом в рамках определенной социокультурной ситуации общения, т.е. в дискурсе. Данное понятие на протяжении уже нескольких десятилетий изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Э. Бенвенист говорит о том, что язык – средство коммуникации, выражением чего является дискурс [Бенвенист 1971: 158]. М. Стаббс предлагает следующее определение дискурса: дискурс – это язык выше уровня предложения или словосочетания [Стаббс 1983]. Н.Д. Арутюнова дает следующее определение дискурса: «дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Дискурс в данном случае – процесс, который приводит к образованию текста» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 137].

В.Е. Чернявская утверждает, что дискурс – это языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и сис-

тематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность. Дискурс – конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [Чернявская 2006: 75].

С развитием СМИ и расширением виртуальной информации стали все чаще говорить о медиа-дискурсе. Медиа-дискурс – достаточно новое явление, представляющее собой связное информационное поле СМИ и распространяющее свое воздействие на различные социальные группы. Мы можем говорить о различных типах понимания медиа-дискурса, исходя из когнитивных установок адресанта (идеологическая направленность того или иного текста, идеи и отношение, которые в нем заложены), характеристик целевой аудитории, лингвистических и экстралингвистических стратегий подачи информации и т.п.

Тексты СМИ прежде всего служат средством формирования и изменения ментальной модели мира в сознании адресата, то есть носят воздействующий характер. Важно отметить, что таким адресатом в настоящее время является не отдельная личность, а определенные социальные группы, члены которых имеют сходные социокультурные характеристики. Модель мира, существующая в коллективном сознании, имеет регулятивный характер, то есть во многом определяет поведение групп.

Процесс коммуникации в СМИ определяется особенностями исторического периода и социальным устройством общества; в то же время он призван формировать общественные структуры, представляя систему ценностей отдельных социальных групп и выражая отношения между этими группами. Многие события, происходящие в общественной жизни, считаются значимыми только при том условии, что буду освещены в СМИ.

Особенность адресата медиадискурса состоит в его вовлеченности в прагматическую ситуацию и, как правило, требует непосредственной реакции на речевой акт. В дискурсах медиапространства интенции адресанта воспринимаются адресатом как свои собственные.

СМИ не только передают информацию, но и путем осознанного отбора выделяют и субъективно интерпретируют события окружающей действительности, влияя на сознание личности и формируя общественное мнение. В результате происходят структурные и стилистические изменения в средствах массовой информации, претендующих на отображение новых социально-философских понятий в современном обществе.

Рассмотрим, каким образом англоязычный медиа-дискурс влияет на формирование и трансформацию такой составляющей ментальной карты человека, как его здоровье, специфика языкового представления которой находит свое отражение в антропоцентрической лингвистике.

В анализируемой статье из журнала «Newsweek» на первый план выходит здоровье человека (это ментальная модель человека, постоянно меняющаяся и заполняющаяся новыми составляющими и новым содержанием этих составляющих вследствие изменений, происходящих в окр. действительности), а точнее, страх за свое здоровье. Заголовок данной статьи говорит сама за себя «Medical Staff in Spain Are Refusing to Work With Ebola Patients» («Медицинский персонал в Испании отказываются работать с пациентами, зараженными эболой»). В статье говорится о том, что после того, как в одной из клиник Мадрида появился зараженный этим вирусом пациент, к его лечению пришлось привлекать медперсонал из других клиник. А произошло это после того, как действующий персонал отказался не только лечить данного пациента, но и даже приближаться к палате, где его содержали (*The health center in Madrid where Ebola patient is being treated has reportedly been forced to draft in extra staff because many nurses are refusing to work with cases – or suspected cases – of the deadly virus*.).

Для того, чтобы не входить в контакт с больным смертельным вирусом пациентом, многие сотрудники клиники уволились, остальные же выдумывают причины для того, чтобы не приближаться к его палате. Они говорят, что плохо себя чувствуют, испытывают сильное головокружение, что они подвержены клаустрофобии: одним словом, выдумывают все что угодно, лишь бы не подходить к больному (*A number of health staff at the Carlos III Hospital in Madrid have resigned their positions. Many nurses are "making excuses" to avoid having to deal*

with potential Ebola patients. They are saying that they've got their period, that they're getting dizzy, that they're claustrophobic…).

Эта ситуация приобретает еще более аморальный оттенок, когда автор статьи рассказывает кем является та самая пациентка, из-за которой и произошли все эти события. Пациентку зовут Тереза Ромера и она сама является доктором. Она была в составе группы, которая пыталась вылечить испанского миссионера, заразившегося инфекцией в Сьерра-Леоне. При несоблюдении мер предосторожности и получилось так, что и сама Тереза в результате заразилась (*Teresa Romero had been part of the team treating Manuel Garcia Viejo, a Spanish missionary who was repatriated to Madrid for medical care after contracting Ebola in Sierra Leone.*).

В статье помимо этого говорится еще о том, что несколько человек, которые вступали в контакт с Терезой Ромеро, сейчас находятся под наблюдением, но их жизни ничего не угрожает (*Several other patients are being monitored in the hospital after having come into contact with Romero, though so far, none of them are confirmed as having caught the virus*.).

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что в рамках медиа-дискурса на первый план выходит такая составляющая антропоцентрических моделей, как здоровье человека.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. М.,1974.
2. Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М: Наука, 1994.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. С.Пб.: Наука, 1999.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во II половине XX века // Язык и наука конца XX века – М.: РГГУ, 1995.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
6. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. – М., 2006.
7. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983.

N.V. Denisov
(Russia, Samara)

ANTHROPOCENTRIC PATTERNS IN MEDIA DISCOURSE OF ENGLISH-SPEAKING POLITICAL JOURNALISM

The article deals with such key definitions as anthropocentrism, discourse and mediadiscourse. The influence of a human factor in texts of foreign mass media was also analyzed.

Keywords: anthropocentrism; discourse; media discourse

С.И. Дубинин
(Россия, Самара)

«СОЛДАТ ВЕРМАХТА» КАК МОДЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В МИЛИТАРИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале двуязычных словарей и кратких разговорников)

В статье анализируются особенности репрезентации модельной личности «солдат вермахта» на материале словарей периода ВОВ.

Ключевые слова: вермахт, военный дискурс, лингвокультурные концепты, модельная личность, вербализация, немецкий язык

Военный (милитарный) дискурс относится к институциональному (статусно ориентированному) исторически динамичному типу, подразделяясь на формальный (официальный) / неформальный, а репрезентирующие его тексты и контексты отличают исходная четкость и структурированность. Комплексный анализ военного институционального дискурса и его разновидностей (военно-политического, ми-

литаристского и др.) невозможен без рассмотрения системы ключевых концептов («Война», «Армия», «Оружие», «Солдат» и др.) как индикаторов его специфики, позволяя анализировать структуру общения в рамках дискурса, помогая понять особенности маркирующих его социальных институтов.

Интерес представляет соотношение ключевых для милитаристского дискурса разновидностей лингвокультурных концептов, содержанием которых является типизируемая личность, каковыми в частности являются *лингвокультурный типаж* и *модельная личность*. Среди них можно выделить персонализированные: «Солдат», «Фронтовик», «Новобранец», «Ополченец» и др., которые интерпретируются как лингвокультурные типажи в виду идеологической образцовости и доминантной позитивности. Они имеют образную, понятийную и ценностную стороны и наделены типизированным коммуникативно-ролевым поведением (вербальный ряд), стереотипным имиджем [Карасик 2001: 98-100; Карасик 2005: 8-12]

«Солдат вермахта» как модельная личность активно конструировался нацистской военно-пропагандистской системой с момента учреждения «новой» армии Третьего Рейха законом о строительстве вермахта 1935 г. в течение десятилетия. Ключевые черты его манифестированы, в частности в опоре на традиции прусской армии и на измененную нацистами концепцию «гаранта внешней безопасности государства», в пропагандистских изданиях и прессе (см. журнал „Die Wehrmacht“), в присяге, уставах, ритуалах (День вермахта) и др. Уникальный материал для анализа лингвокультурных концептов и типажей противника СССР – нацистской Германии дают лексикографические источники. Это двуязычные словари и разговорники для военнослужащих вермахта, которые были подготовлены к общению с русскоязычным населением и пленными, располагая разнообразными массовыми малоформатными пособиями типа базовых словарей, разговорников разного качества. Некоторые из них появились на основе изданий для кайзеровской армии. Военный словарь-разговорник можно рассматривать как связный текст в совокупности с идеологи-

ческими, жизненными, социокультурными, психологическими факторами, как прагматически ориентированный текст в военно-событийном аспекте.

Анализ содержания краткого анонимного немецко-русский словаря “Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch“ (2 издания 1941 г., 3 переиздания 1942-1944 гг.) со скудной разговорной частью показал, что его коммуникативная установка минимальна. Алфавитный словник SWB не ориентирован на выработку навыков, исходной системы форм корректной, связной речи военнослужащих вермахта по-русски, на ведение допросов. Словарик мог быть особо востребован квартирьерами, дозорными, рекогносцировщиками и полицейско-патрульной службой, которая служила «примером» другим военнослужащим [Дубинин 2015а].

«Солдат вермахта» предстает здесь через призму деталей военной повседневности. Тематически и инвентарно (базовая лексика) словник – пестрая смесь преобладающей общеупотребительной лексики (в основном существительных), многообразных военных реалий и терминов, немногих коллоквиализмов и бранных ЛЕ, солдатские жаргонизмы не представлены. Отсутствие рубрикации позволяет предположить, что военнослужащие уверенно ориентировались в предметно-понятийном поле. SWB акцентирует важность и знание военного ремесла, обеспечивающего качественное превосходство над противником. Немногие императивные фразы-команды типа: “*Aufstehen! Antreten! Stillgestanden! Halt! Vorwärts! Hinlegen! Was ist pasiert? Uhrzeit? Weg! Hilfe! Vorsicht! Ich blute. Mir ist es warm! Wer? Wo? Womit? Wieviel? Was für ein? Er ist weg*” рассеяны в словнике для поддержания положительного имиджа военнослужащего вермахта, который не выглядел бы a priori агрессивным оккупантом или карателем [Дубинин 2015а: 23].

Хотя печатная продукция для вермахта была идеологизирована и армия рассматривалась нацистами как «главный помощник партии» [Ермаков 2006: 14, 348], идеологические маркеры словника немногочисленны. Нейтральный набор в SWB контактоустанавливающих

приветствий, извинений, реакций, клише вежливых обращений, например, в ситуации покупки, ориентации на местности, обнаружения соответствий (*Wie heißt auf Russisch*?) ближе к элементарному речевому репертуару путешествующего, а не военнослужащего. Диссонансом в перечне звучат лишь команды *Halt! Hände hoch!* и фраза в возможной ситуации дознания *Befindet sich N. zu Haus?*, «выдавая» специфику издания.

Ключевой концепт «Солдат» предстает в SWB в особом виде. Единого звания для рядовых солдат вермахта не существовало даже внутри родов войск, они именовались по специальности, должности, или по традиции, особенно в воинских подразделениях имевших долгую историю. Рядовой состав (Mannschaften), насчитывал до 40 наименований, представленных в SWB скудно. Немецкое “der Soldat” акцентировано идеологами вермахта как собирательное название, близкое к русскому «военнослужащий», но с менее нейтральной окраской (ср. *Sanitätssoldat*), поскольку несло и качественную оценку – «воин». Так, «первым солдатом вермахта» почтительно называли фельдмаршала Э. Роммеля.

В солдатскую книжку вермахта были внесены «10 заповедей по ведению войны немецкими солдатами» и на первом месте стояла запись: «Немецкий солдат сражается за победу своего народа, как рыцарь. Жестокость и ненужные разрушения позорят его». В соответствии с принятой вермахтом теорией войны решающее значение для победы над врагом имели личностное, профессионально-корпоративное, моральное превосходство и только во вторую очередь превосходство материальное и численное. Однако в SWB репрезентация образной или общей понятийно-ценностной составляющих модельной личности «солдата вермахта» выглядит скудно. Это отражают лишь немногие ЛЕ, пунктирно обозначающие важные личностные ориентиры, формирующие воинские ценности: пара *Freund* «приятель, друг» и *Kamerad* «товарищ»; *zusammen* «вместе». Для «армейца нового образца» отмечены такие установки, качества, навыки и способности солдата как: *Auskunft* «информация», Reglement (Vorschrift)

«устав», Kontrolle «контроль», Verspätung «опоздание», Zeit «время», Sieg «победа», Achtung «внимание», erkunden «рекогнисцировать», *üben/Übung* «упражняться; упражнение, занятие», *flicken* «починить (одежду)», способность исправить *Irrtum* «ошибка».

После неудач и потери стратегической инициативы концепция «превентивной акции на востоке» в 1941 г. была скорректирована, усилены требования устава и дисциплины в войсках вермахта. Это отразилось в появлении «дисциплинарной» лексики, в корректуре образа солдата во 2-м издании SWB, ср.: *amtlich* «официально», *Appell* «перекличка, сбор», *Aufsicht* «надзор», *Disziplin*, производные с корнями *Dienst-* (*Dienstgeheimnis, Dienstplan*) и Exerzier- (*Exerzierplatz, Exerzierausbildung, exerzieren* «упражнять»), *Entwarnung* «отбой после тревоги», *Feldgericht / Feldpolizei* «полевой суд; полиция» и др. Показательны корректуры в 3-м издании 1942 г., сохраненном в объеме и вышедшем к завершению начального периода войны, когда наступление германских войск было остановлено и план «Барбаросса» не дал результатов. В заметно расширенной части “Redensarten” показательны фразы, отражающие реалии столкновений с РККА и партизанами, оперативную работу с населением: „*Sind hier Rotarmisten (Partisanen) gewesen? In welcher Stärke? Sind im Ort Waffen vorhanden*?“, разведывательные действия, ориентация на местности, квартирование: „*Wir brauchen Lebensmittel! Wieviel Vieh haben Sie? Wo ist eine Furt? Wo sind die Feldbefestigungen? Zeigen Sie es auf der Karte*!” и т.п. Фразы-обращения приведены по-прежнему в вежливой форме, появляется и обозначение *deutsche Soldaten* «германские войска».

Отметим добавление в переиздания важных для построения речи глаголов: *antworten, sprechen, sagen, fragen, brauchen* (формы 1 лица), *denken, schreiben, machen, wissen, vergessen*, модальных глаголов и их парадигм в 1 и 2 лице, а также с отрицанием, производных УСК (“*Was soll das?*”). Показательны фразы: “*Russisch (Deutsch) lernen; Ich will Russisch lernen*“ [SWB 3: 44] и причастия, используемые в регламентирующих объявлениях (*verboten, verdeckt*). Но это нельзя расценивать как акцент на вербализацию словника и переформатирование SWB в разговорник.

Массовые переиздания словарика (два последних стереотипны) фиксируют константность нацистской военной имиджелогии, манипулирование «победоносным духом» и образом профессионала вермахта, несмотря на трагически менявшуюся для захватчиков реальность войны с СССР. Эта «маска» была необходима вермахту (т.н. «армейцам», «людям в зеленой форме», «оруженосцам нации») как главной военной силе Рейха в войне, декларируемой как «справедливая и освободительная», как оправданный упреждающий ответ на подрывную политику, неизбежную агрессию СССР против Германии. «Солдатский словарик» идеологически манипулятивно демонстрирует размытость статусного компонента немецкого военного дискурса в пользу личностного (имиджевого) компонента. Военнослужащий вермахта предстает в его зеркале как профессионал ремесла, квалифицированный специалист, уделяющий внимание быту, развивающему командный дух солдата спорту, здоровью и питанию, ориентирующийся в военном деле, тактике и технике и т.п. Но не как отправитель приказов, насильник-агрессор, носитель идей аннексии, реванша за поражение в I-ой Мировой войне. Он не позиционирован как проводник нацистской политики на захваченных территориях СССР – противника Рейха в борьбе двух идеологий, покорения «неполноценного противника», подавления чуждой государственности любыми методами ведения войны [Дубинин 2015а: 33].

«Победоносный дух», уникальный потенциал и образ солдата вермахта – черты его скорее не как «первого оруженосца нации» («вторым оруженосцем» именовались войска СС), или «первой опоры государства» («второй опорой» именовалась НСДРП), а как германского солдата нового образца в «войне на востоке». Статичный образ «профессионала вермахта», лапидарно отраженный в SWB, конституируется в заданных параметрах, рефлексивно самоорганизует и его идеального носителя.

Интересные дополнения дает анализ “Sprachführer” – немецко-русских фронтовых разговорников, спектр которых был широк. Они более ориентированы на воздействие, интеракцию, частично на навыки иноязычного общения, самопрезентацию. Военный разговорник –

разновидность, активный тип (жанр) переводного идеографического (тематического) словаря с преобладающей функцией перевода, ориентаций на интересы пользователя. Основной единицей его описания как лингвистического словаря является не слово, а самостоятельная синтаксически единица разговорной речи – фраза, зафиксированная письменно и представленная в рубрикации. Военные разговорники подразделяются на общие, охватывающие жизнь военнослужащего, и специальные – разговорники (вопросники) для опроса военнопленного, местных жителей. Их макроструктура включала корпус (центральная часть), предисловие, фонетический комментарий, грамматический очерк (для учебных изданий), переводной словарь или реестр слов, справочные приложения. Объем словарей-разговорников варьируется в зависимости от корпуса, количества приложений, шрифта. По лексикографическому критерию корпус словаря-разговорника делится на разговорную и словарную части (20-50%) [Левченко 2007: 5, 8-14]. В солдатском разговорнике для вермахта есть обязательные разделы: допрос пленного, опрос местного жителя, ориентирование на местности. Они разнообразны по форме и содержанию, например, разговорная карта для патрульно-постовой службы, иллюстрированный, стандартный разговорники, но имелись уникальные формы [Дубинин 2015б: 169].

Таков **“**Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten**”** («Карманный переводчик для фронтовика») с популярным в туризме образным названием. В военно-политическом дискурсе Германии концепт “*der Frontsoldat*” появился в 1-ую мировую войну («рядовой действующих войск») и использовался в пропаганде рейхсвера и вермахта. Кроме нейтрального синонима *Frontkämpfer* в солдатском жаргоне и разговорной речи начала 20 века отмечен его пейоративный эквивалент *Frontschwein* «окопник, служивый» [БРНС 1: 501]. Идеализированным образом «фронтовика» с 1920-е гг. спекулятивно воспользовались НСДРП и Гитлер в агитационной компании (плакаты, слоганы) как "*einfacher Frontsoldat*", в лозунге “*Unser Reichspräsident. Frontsoldat Adolf Hitler*!” на президентских выборах 1932 г. В 1930-е гг. в

Германии «фронтовик» стал лингвокультурным типажом, признаки которого оформляются пропагандисткой системой вермахта. Так, с 1931 г. выходил мемуарный журнал “Der Frontsoldat erzählt: die Zeitschrift für Tradition und Kameradschaft“. В 1937 г. появилась популярная философско-пропагандистская брошюра “Der Frontsoldat” пресс-референта верховного командования вермахта В. Пихта. В публицистике и массовой художественной литературе Рейха поэтизация образа отмечена в национал-патриотических сочинениях (W. Bloem “Die Frontsoldaten”; J. Kober “Der Frontsoldat und seine Heimat”; H. Oberlindober “Frontsoldaten wollen den Frieden”; W. Beumelburg “Der Frontsoldat”; анонимное “Der Sturm- und Frontsoldat” и др.). С 1930-х гг. выходил нацистский ветеранский ежегодник “Jahrbuch der deutschen Frontsoldaten und Kriegsopfer”.

Карманный разговорник TWB – самый краткий вариант изданий, рассчитанный на мобильное использование с непривычным для двуязычного словаря указанием только выходного языка – русского. Анонимная брошюра вышла в двух неизменных редакциях с вариантами обложки (см. Рис. 1) без датировки (1942 г.?), переиздание (1943 г.?) без титульного рисунка. Иллюстрация на титуле выполнена в ироничной манере комикса (см. филактер “*Ruki wwerch*!”), далекой от плакатного изображения «армейца», придав изданию «несерьезность». Фигурка бравого солдата вермахта в летней форме контрастирует с карикатурными фигурами русских – двух сдающихся в плен военных в зимней форме с ромбовидными петлицами (в РККА до 1943 г.), один из которых офицер. В другом варианте это улыбающиеся шаржированная женщина в платке с мерзнущим ребенком в ушанке с кокардой. Пехотинец изображен в боевом шлеме, походных сапогах и летнем кителе, вооруженный винтовкой, но в неполной полевой экипировке, из которой художник сохранил лишь противогаз в футляре – нацисты не исключали возможности применения отравляющих веществ. Автором иллюстрации (не словаря!) был оформитель популярных изданий Bob Waldemar Hindersin.

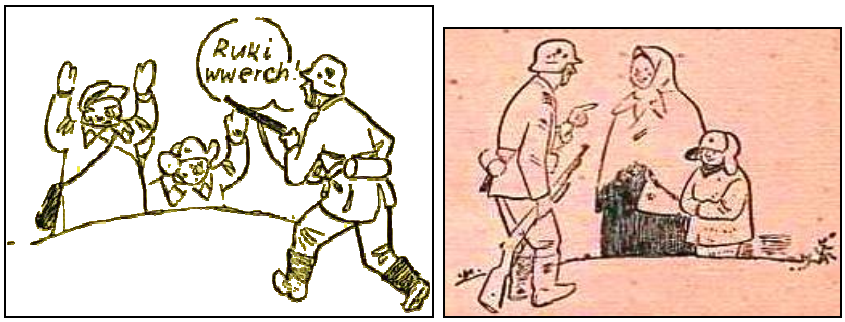


Рис. 1. Обложки 1-го издания “Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten“

Предисловие акцентирует вспомогательную роль TWB в отсутствие переводчика: “*Diese 100 Sätze oder Worte sollen dem Soldaten die einfachsten Zurufe und Begriffe nahebringen, die er in Rußland braucht, wenn kein Dolmetscher zur Verfügung steht*“. Заметно вовлечение пользователя через орализацию фраз в элементарное общение (*lerne sie auswendig*), привлечение контактных лиц: „*Es ist zweckmäßig, sich die Sätze bei Gelegenheit von einem russisch Sprechendem vorlesen zu lassen, um sich den genauen Klang einzuprägen“*. Это согласуется с образной семантикой названия “Der Dolmetscher” «устный переводчик». На опору на прочтение русских надписей (знание кириллицы), внимание к иноязычной речи указывают комментарии. Примечательно нередкое для SWB отсутствие в TWB искажений в русской части. Владельцу разговорника даны опоры в общении и для команд, например, числа: “*Die übrigen Zahlen können der Einfachheit halber geschrieben werden*“, язык жестов: *Komm her! Setz dich! groß/klein*. Отмечена важность начальных 40 фраз (пленение, установление личности, ориентация в населенном пункте) [TWB: 3-4, 14-15].

Идеографический в основе словник TWB состоит из фраз и набран с нумерацией в неалфавитном порядке столбцами (нем. фраза / транскрипция устной русск. формы / русск. нормативный вариант) для облегчения поиска соответствий при контакте: “*Sollten in besonderen Fällen doch Verständigungsschwierigkeiten auftreten, zeige man den betreffenden Text dem Russen zum Ablesen*“. Этот прием использовался в двуязычных словарях для военнослужащих вермахта [Дубинин 2015a: 22]. Разговорник содержит команды-указания (*Zurufe* «оклики») преимущественно в форме повелительного наклонении почти

исключительно в Du-Form, ср.: *Bring mir das! Koche/brate/backe mir das! Warte hier!* Грубые, оскорбительные формы редки: *Halt den Mund! Idiot – Dummkopf! Ihr Teufel! Hau ab!* «Живо! Дурак! Проваливай! Катись!». Немногие вопросы ориентированы на получение конкретной информации, односложные ответы (*Antworte, ja oder nein / schnell und klar!*), общие вопросы единичны. Личностный и контактоустанавливающий (*Spricht hier jemand deutsch*?) компоненты скудного речевого репертуара минимальны (см. обобщенные, пассивные формы: *Wir brauchen Benzin! Es wird geschossen*!). Отдельные ЛЕ приведены без грамматических комментариев для клишированных команд (профессии, пища, вода, продукты питания).

Разговорник не имел в отличие от SWB универсального характера. В нем выделяются немногие лапидарные тематические группы: *ситуация пленения, ориентация на местности, перемещение (в боевых условиях), организация снабжения, топливо, техпомощь и подсобная сила, квартирование, питание.* Отдельно даны количественные числительные, дни недели, обозначения временных отрезков. В завершающем разговорник как речевую опору списке существительных-интернационализмов (*Worte, die der Russe versteht*) доминируют воинские звания, наименования оружия, техсредств, профессий, учреждени, а также многозначное разговорное прилагательное *kaputt* [TWB: 13]. Фразы могли использоваться в предостерегающих надписях-объявлениях: *Halt! Vorsicht! Vorsehen! Es wird geschossen! Sofort zu räumen!* ЛЕ-идеологемы в TWB отсутствуют, а особенности войны против СССР маркированы только ЛЕ *Partisanen, russische Truppen*, тематизацией использования на восточном фронте конной тяги.

Образ солдата в TWB несколько тривиален, неофициален и реализуется в отличие от SWB только через речевой мини-репертуар. Он предстает как доминантная и эмоциональная «фигура» в контакте с местным населением, пленными, как субъект, уверенный в адекватности отправляемых приказов и хорошо ориентирующийся в ситуации.

Еще более «экзотичен» механический визуальный малоформатный разговорник “Stummer Dolmetsch”, анонимная публикация которого (1941 или 1942 г.?) не локализована. Этот мало распространен-

ный тип т.н. “*stummer Dolmetscher*” (*praktisches Sprachführer ohne Vorkenntnise*) известен в туризме и для нужд иностранных рабочих. «Немой переводчик» имеет вид картонного футляра – двусторонней карты с колесом внутри и прорезями. Вращением диска можно находить путем совмещения нанесенный на него русский аналог немецкой фразы (20 на каждой стороне). Титул и оборот планшета содержат кроме тематических перечней нумерованных фраз таблицы из 90 рисунков. В инструкции отмечено: “*Man zeige dem Russen die Übersetzung des Wunsches, Befehls usw., gegebenenfalls zur Ergänzung auch das passende Bild. Auf diese Art kann man nach kurzer Orientierung Hunderte von Wünschen und Befehlen ohne Sprachkenntnisse ausdrücken*” [SD: I].

Название «немого переводчика» закавычено, маркируя его как гибридное, экспериментальное и переиздания его не обнаружены (пробное издание?). Похожие т. н. листовые издания известны как учебные таблицы-вертушки в самоучителях по грамматике, для запоминания иностранных слов, таблицы умножения и др. Полисемантичная ЛЕ *Dolmetsch, m. (gehob., selten) – jemand, der stellvertretend für andere einer Sache Ausdruck gibt; der Fürsprecher (z.B. ein Dolmetsch der Armen)* обозначает также толкователя, комментатора, посредника, ходатая, заступника. Образное выражение „*stummer Dolmetsch*“ встречается в литературе и богослужении, в языке печатников (*der nicht gebrauchte Buchstabe*) [БРНС 1: 349].

Лапидарные тематические рубрики (меню) даны последовательно: *Befehle, Fragen, Verhör, Erkundung, Quartier*. На обороте планшета списком без перевода даны “*Deutsche Wörter, die der Russe versteht*“ только из военной сферы. Алфавит и грамматический комментарий отсутствуют. Приведены с русскими эквивалентами частицы “*ja/да, nein/нет*” (с транслитерацией) и наречия времени (без транслитерации), что указывает на неориентированость технологичного «немого посредника» на тесную коммуникацию по-русски. На важность письменной/визуальной опоры указывают фразы: “*Schreiben Sie das auf! Haben Sie eine Landkarte?”* Установка контакта по-немецки повторена: “*Spricht hier jemand deutsch? Holen Sie jemand, der deutsch spricht? Sprechen Sie deutsch*?“

Примечательна вежливая форма обращения (*Sie-Form*), но в упрощенном вопроснике «пленный – местный житель» неразличимы. Тематически рисунки подразделены по значимости на: продукты питания / напитки (доминирующая группа, частично с переводом без транслитерации), вооружение, транспорт, домашние животные, орудия труда, посуда, мебель, утварь, освещение, предметы гигиены, компас и часы. Приказы и вопросы предлагается строить по шаблону в опоре на рисунки: "*Geben/bringen/besorgen/zeigen Sie mir…! Haben Sie…? Wo ist (sind)…?*" и с указательным местоимением: "Waschen Sie dieses!" Качество русской части словника не удовлетворительно [Дубинин 2015б: 171].

Не стандартные «экзотические» мини-разговорники с ограниченным прагматическим диапазоном отражают типизированное коммуникативно-ролевое поведение (вербальный ряд), вариативность коммуникативного потенциала «армейца Рейха» и оттеняют, оживляют неизменно позитивный имидж солдата вермахта в «победоносной войне на востоке».

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Трансформация «дискурса завоевателя»: на материале немецко-русского словаря "Soldaten-Wörterbuch" // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. № 7 (129). – Самара: изд-во СамГУ, 2015. – С.16-23.

2. Дубинин С.И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. – Калуга: изд-во КГУ, 2015. – С.168-173.

3. Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. – М.: Яуза / Эксмо, 2006.

4. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура: Материалы III-й междунар. науч. конф. Тамбов: изд-во ТГУ им. Державина, 2001. – Ч.2. – С.98-101.

5. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.5-25.

6. Левченко Г.А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекта. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М. МГУ, 2007. – 25 с.

Источники фактического материала и принятые сокращения

Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 2000 Wörter für Feldgebrach und tägliches Leben.- Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. -71 S. **(SWB 1)**

Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 3000 Wörter für Feldgebrach und tägliches Leben.- Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. -79 S. **(SWB 2)**

Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 2000 Wörter für Feldgebrach und tägliches Leben. -Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1942. -79 S. **(SWB 3)**

Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten. Russisch / von Bob W. Hindersin. – Berlin: G. Siemens, o/J. – 15 S. (**TWB**)

“Stummer Dolmetsch”. Deutsch-russisch. o/O, o/J. – S. I-II. **(SD)**

Большой немецко-русский словарь в 2-х томах / под ред. О.И. Москальской и др. – М.: Советская энциклопедия, 1969. Т.1-2. **(БРНС 1-2)**

S.I. Dubinin

(Russland, Samara)

"SOLDAT DER WEHRMACHT " ALS MODELLFIGUR IN MILITARISTISCHEN DISKURS (am Beispiel der zweisprachigen Wörterbücher und Sprachführer)

Im Aufsatz wird die Verbalisierung der Eigenschaften des "Soldaten der Wehrmacht " als einer Modellfigur in militaristischen Diskurs um 1941-1944 analysiert.

Stichwörter: Wehrmacht, Deutsch, militärischer Diskurs, Modellfigur, Verbalisierung, zweisprachige Lexika, Soldat

Ю.А. Ейкалис
(Россия, Самара)

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО КОМИКСА

В статье рассматриваются лексико-морфологических особенности словесной составляющей современных немецких комиксов, проанализированы лингвистические и стилистические средства, которые характеризуют указанные уровни и определена их дискурсивная целесообразность.

Ключевые слова: современные комиксы, немецкий язык, лингвистические и стилистические средства, гетерогенный текст, разговорная речь

Стремительный рост визуализации информации в современной коммуникации обусловливает интерес современной лингвистики в частности к проблемам взаимодействия вербальной и невербальной информации в структуре креолизованных текстов. От типа креолизованного текста, его жанра и установки на читателя (например, карикатура, рекламный текст, комикс), от степени его креолизации, а также языка, на котором создается вербальная составляющая, зависит специфика языкового оформления текста на всех уровнях.

Современный немецкоязычный комикс имеет определенную традицию и ряд лексико-морфологических особенностей. Так как собственно вербальный текст комикса представлен преимущественно текстом в т.н. филактере, следует отметить, что значительная часть его морфолого-лексических особенностей обусловлена спецификой стилизации разговорной речи [подробнее см. Ейкалис 2014]. Так, специалист в области масс-медиа Э. Штрасснер, ссылаясь на исследования У. Эко, определил соотношение и роль изображения и текста: „Hier sagt uns das Bild, was geschieht, während der Text das Emotionale beisteuert, er hat eine Funktion wie ein Zwischenruf, er sorgt sozusagen für

die Paukenschläge, nicht für die Melodie. Auf diese Weise ergaben sich zwei Kategorien von Comics. Bei den einen wird der logische Zusammenhang vom Text, bei den anderen von den Bildern geliefert“ [Strassner 2002: 54]

Одной их характерных особенностей языкового оформления немецкоязычного комикса является стилизация форм разговорной речи через употребление усеченных глагольных форм и служебных слов:

Is echt korrekt von Harry, dass er die Bohrmaschine repariert hat! [Motomania 5]; *Is doch nich warm genug!* [Motomania 5].

Усечению подвергаются личные окончания глаголов в тех случаях, когда читатель может успешно определить его грамматические значения по стоящему рядом местоимению или по контексту, ср.:

Mensch! Jetzt kapier‘ ich! JUNGFRAU Maria! [JT, S.30]; *Ich hab doch gar nix getan!* [Motomania 5].

Важными элементами текста комикса являются инфлективы, образуемые путём усечения окончания –en в инфинитиве глагола:

Pf…Pf… (nuschel) Fahrer…[MissT]

zwinker [F, S.15]

Röchel… [HS, S.41]

schnauf! schnauf! [F, S.15]

hechel-hechel! hech! [F, S.26].

Кроме того, усечению или стяжению подвергаются артикли – как неопределённые, так и определённые:

Also ich hab neulich ne Supertour gemacht! [Motomania 5]; *Noch ’ne Akte gelesen, was?* [MissT].

В некоторых случаях встречаются усечённые формы самостоятельных частей речи. Однако это явление едва ли возможно назвать частотным и приемлемым, так как усечение такого рода не всегда может быть однозначно и корректно декодировано читателем комикса. Ср.: *Türlich kann sie’s nicht!* [MissT].

В ряде случаев усеченную форму сопровождает апостроф, в остальных, однако, усечения фиксируются без дополнительных знаков.

Такой отказ от соблюдения орфографической нормы можно объяснить влиянием нескольких факторов: во-первых, комикс стремится к максимально возможной компактности вербального компонента, во-вторых, за счёт отказа от апострофа создается впечатление воссозданной «неформальности» разговорной речи и ее естественной фиксации.

Усечения выполняют в тексте немецкоязычного комикса несколько функций: они помогают сократить площадь его вербального компонента, создать эффект живой разговорной речи, оживляют речевой портрет персонажа, передают его эмоции, дополняя изображение (см. Рис.1).



Похожие функции выполняют так же многочисленные слияния разных частеречных форм в одно слово, ассимиляции, редукция:

Da! Das isser! [F, S.9]

<…> dann übern Hof zu Herrn Lunk <…> [Motomania 5]

Für mich war's nur ein kleiner Snipp! [F, S.18]

Hatta sich verlaufen [KL, S.19]

könnwa uns doch nich entgehn lassen [Sch04, S.5]

kommste [KL, S.17]

Na, gebense der Dame mal eine [ImM, S.19].

Вместо нелексических средств (интонации, пауз и пр.) для создания речевого колорита авторы комиксов используют слияния целых предложений и даже абзацев в единое графическое целое:

<…> aber dieses ganze „Nach dem Tod passiert mit dir dasunddas“ <…> [F, S.34]

<…> wie dein Vater Allahhabihnselig! [F, S.40]

Verzeihungdassichzuspätkommederbus…[KL,S.18]

KommHerrJesuseinunserGastundsegnewasdunsausGnadebescherethastim NamdesVaterSonnesundesHeilige…[KL, S.50].

Предполагается, что эти высказывания произносятся героем на одном дыхании, без пауз, о чём свидетельствуют также усечения в последнем примере (*imNamdesVaterSonnesundesHeilige*).

Для создания речевого и локального колоритов авторы комиксов прибегают к стилизации различных диалектов, например, берлинского и швабского, используя для этого не только специфические лексемы, но и морфологические средства:

Brauch halt a bissle länger zum Abschalte [KEis, S.18]

i schreib a Kärtle aus dem Urlaub [KEis, S.41].

Пренебрегая принятой морфологической нормой и используя слоговые аббревиатуры, автор комикса создает также атмосферу непринужденного общения старшеклассников и стилизованного молодежного сленга: *der Watzke kann nur mit Büchers* [KL, S.27]; *Du bist doch auch vonne TaBu, oder?* [KL, S.17]. Декодировать последнее сообщение (игру слов) читатель может при помощи изображения – на заднем плане кадра изображено крыльцо школы, над которым видна надпись «*Tamara Bunke*» (имя революционерки, которое носит школа).

В тексте комикса «Kommissar Eisele» встречается также слоговая аббревиатура *SoKo – Sonderkomission* (полицейская группа, созданная для специального расследования громкого уголовного преступления), достаточно известная широкой публике благодаря прессе, детективным сериалам и кинофильмам.

При преобладании общелитературной и нейтральной лексики в современном немецкоязычном комиксе используются также разго-

ворные (*Bengel, Kumpel, Angsthase* и др.) и стилистически окрашенные лексемы:

Fahr deine Karre weg! Sofort! [F, S.22]

...Fick-Pisser!!! [HS, S.40]

Halt die Fresse… [F, S.37]

Da dieser enorm gut aussehende Mann mich drei Stunden lang gevögelt hat <...> [HS, S.98]

Aber so haltlos die Vorwürfe sind, ich bin mit meinem Verleger übereingekommen, erstmal nur aus meinen eigenen Werken zu stibitzen – da gibt's keine Probleme. [ImM, S.11]

Bist du jetzt völlig gaga? [ImM, S.26].

Примечательно, что стилистически возвышенные лексемы употребляются в комиксах значительно реже, преимущественно при цитировании произведений классической литературы:

...ihr Anblick gibt den Engeln stärke, wenn keiner sie ergründen mag [F, S.3].

В некоторых случаях для создания иронии используются сочетания стилистически контрастных лексем:

Ach je, so eine einfältig didaktische Pseudokunstkacke hab ich ja lange nicht gesehen. [ImM, S.15]

Ich kann eine klammheimliche Freude über diese Gewalttat nicht verhehlen. Bin ich nur ein weiterer Intellektueller, der sich aus dem Unbehagen in der Kultur fortsehnt in die Unkultur? [ImM, S.25].

Значительную роль в текстах современных немецкоязычных комиксов (речь персонажей) играют модальные частицы *mal, denn, halt, ja, wohl,* причём часто в одном предложении (фразе) рядом могут располагаться несколько частиц:

Dann muss ich ja wohl im Himmel sein! [Motomania 5]

Ihre Laune ist ja mal wieder auf dem Tiefpunkt! Kann ich Sie den mit gar nichts aufheitern? [KF, S.15]

Du hast ja richdich Lippenstift drauf! [HS, S.32].

Важнейшую роль в создании звукового пространства комикса играют междометия, инфлективы, ономатопеи [см. подробнее Ейка-

лис 2014], в том числе и окказиональные: *lork!* [F, S.16] – персонаж смачно выпивает содержимое рюмки.

Речевые портреты героев комикса создаются также при помощи окказиональных эвфемизмов, которые повышают экспрессивность текста*: dicke Glocken* [HS, с.24], *Vierauge* [KL, S.39], *Gottes verdammte Sahnesoße* [JT, S.43].

Наличие большого количества англицизмов в современном немецкоязычном комиксе связано, с одной стороны, с пересечением дискурсов комикса и рекламы, поскольку язык немецкой рекламы вобрал в себя значительное количество заимствований из английского языка [Патрикеева 2009: 4]. Так, в комиксах мы встречается подражание рекламным буклетам, слоганам и каталогам, а также упоминания аутентичных и псевдо-аутентичных продуктов:

In der Top-Version „Scream“ auch mit Ton erhältlich! [Moto6]

„School‘s out forever – Schlachtfest am Elternsprechtag“?!

<…> und ich sagte, vor der Brokeback Mountain-Premiere verkauft sicher jemand Karten! [HS, S.73]

… und er hat eine Pump-Gun! [HS, S.41]

Denn morgen beginnt für Sie Ihr Happy Life ™ [F, S.36].

С другой стороны, ставшие популярными в ФРГ именно после 1945 года комиксы развивались под влиянием импортной продукции – в первую очередь американской [Schikowski 2014: 137], поэтому можно предположить, что большое количество заимствований из английского языка может быть в некоторой мере обусловлено ассоциативной связью «комикс – культура США – английский язык», ср.:

OkiDoki! Das ist easy-peasy. [F, S.38]

Erzähl mal was neues – mit dieser Story langweilt uns mein Geschichtslehrer jede Woche. [ImM, S.19]

Fairplay ist das A und O beim Casting! [ImM, S.21]

Na ja, auf dem Rechner läuft auch nicht die Software des Klimaforschungszentrums, sondern so eine Open-Source-Geschichte aus dem Internet. [ImM, S.15].

Особенно интересен пример искаженной записи английского слова немецкой орфографией: *Alles im Lot, Käpt’n?* [F, S.25].

Подводя итог, можно сделать вывод, что основные особенности лексико-морфологического оформления современного немецкоязычного комикса обусловлены влиянием различных факторов: стремление к сокращению площади вербального текста за счёт увеличения его информационной насыщенности путём использования различных средств языковой компрессии, желание авторов создать речевой колорит и речевые портреты персонажей, необходимость «озвучить» комикс. Необходимо отметить, что специфика морфологии и лексики немецкоязычных комиксов (большое количество усечений, слияний различных частеречных форм в одно слово, употребление разговорных ЛЕ и модальных частиц, намеренные отступления от морфологических и орфографических норм) обусловлены стилизацией разговорной речи (поле филактера).

Библиографический список

1. Schikowski K. Der Comic. Geschichte, Stile, Künstler. – Stuttgart: Reclam, 2014. – 292 S.

2. Schlobinski P. *knuddel – zurueckknuddel – dich ganzdollknuddel*. Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. N 29/2. 2001.- S.192–218.

3. Straßner E. Text-Bild-Kommunikation – Bild-Text-Kommunikation. – Tübingen: Niemeyer, 2002.- 106 S.

4. Ейкалис Ю.А. Использование ономатопеи, междометий и инфлективов как средства реализации категории звука в креолизованном тексте (на материале современных немецкоязычных комиксов). // Актуальные проблемы образования в России и за рубежом: лингвистический, методический, педагогический аспекты: матер. конф. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2014. – С.37-42.

5. Ейкалис Ю.А. Особенности стилизации разговорной речи в современном немецкоязычном комиксе // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная Серия. – Самара, 2014. №9 (120). – С. 154-160.

6. Патрикеева А.А. Англицизмы в немецком языке (на материале языка рекламы). автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2009. – 24 с.

Источники фактического материала

Aue H. Motomania 5. – Frankfurt am Main: Eichborn, 1. Aufl., 2000. – 48 S. (ohne Seitennummerierung).

Bandel J.-F., Hommer, S. Im Museum: Archive des Zerfalls. – Berlin, 2010. – 127 S.

Frei M. Kommissar Eisele: die Wilhelma-Falle. – Esslingen, 2012. – 77 S.

König R. Hempels Sofa. Hamburg, 2009. – 148 S.

Flix. Faust : der Tragödie erster Teil. – Hamburg, 2010. – 95 S.

Hollstein M., Sakurai H. Miss Tschörmänie: Wie aus Angie unsere Kanzlerin wurde. – Frankfurt am Main, 2009. – 64 S.

Moers W. Jesus total. Die wahre Geschichte. – München, 2013. – 88 S.

Vogt M. Schalke 04. Helden von ganz unten. 1904 – 1945. – Dorsten, 2008. – 48 S.

Witzel M. Kinderland. – Hamburg, 2014. – 294 S.

J. Jejkalis

(Russland, Samara)

LEXIKALISCH-MORPHOLOGISCHE MERKMALE DES VERBALEN TEXTES IM ZEITGENÖSSISCHEN DEUTSCHEN COMICS

Der vorliegende Artikel beschäftigt sich mit den lexikalisch-morphologischen Besonderheiten verbaler Komponente des modernen deutschsprachigen Comics; analysiert und beschrieben werden sprachlich-stilistische Mittel, die für genannte Ebenen kennzeichnend sind sowie ihre diskursive Zweckmäßigkeit.

Schlüsselwörter: moderne deutschsprachige Comics, sprachlich-stilistische Mittel, heterogener Text, deutsche Umgangssprache, Sprechblasen

А.И. Пичкур
(Россия, Самара)

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ДИСКУРСЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ (на материале немецкоязычных СМИ)

В статье рассматриваются особенности метаязыковых комментариев в дискуссии о слове der Flüchtling (беженец), развернувшейся в печатных и электронных СМИ ФРГ в связи с избранием последнего словом года 2015.

Ключевые слова: толерантность, языковая рефлексия, метаязыковые высказывания, беженцы

Толерантность является одним из наиболее актуальных феноменов в современном мире. Как подчеркивается в «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО, глобализация экономики и все большая мобильность, быстрое развитие коммуникации, интеграция и взаимозависимость приводят к крупномасштабным миграциям и перемещениям населения, урбанизации и кардинальным преобразованиям социальных структур. Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, ибо она носит глобальный характер [Декларация 2003: 109].

Значительно повышается роль толерантности как базовой нормы межкультурных отношений, как формы цивилизованного компромисса между признанием различий и готовностью к их уважительному восприятию, признанию их права на существование [Южакова 2007: 3]. Такой угрозой глобального характера стала в Европе проблема беженцев. Наиболее остро проблема беженцев воспринимается населением ФРГ, а осмысление феномена широкой миграции, анализ его влияния на общественное сознание занимают в последнее время центральное место в медийном дискурсе толерантности.

Неслучайно поэтому в 2015 году Общество немецкого языка в рамках ежегодной акции по выбору «слова года» («Wort des Jahres“)

определило словом года 2015 лексему *der Flüchtling* (беженец). Как известно, основной критерий выбора – релевантность темы, однако слово «der Flüchtling» оказалось интересным и в языковом плане. Оно образовано от слабого глагола «flüchten» с помощью суффикса «-*ling», который ранее часто использовался для образования отрицательно-оценочных номинаций лиц (ср.: Eindringling*, *Emporkömmling, Schreiberling). Поэтому и слово «Flüchtling», как подчеркивается в комментарии жюри конкурса,* может восприниматься как отрицательно оценочное («…klingt *Flüchtling* für sprachsensible Ohren tendenziell abschätzig»). В связи с этим вместо него все чаще употребляется более нейтральное слово «Geflüchtete». Акция вызвала бурную реакцию в СМИ ФРГ, и особенно в интернете, при этом дискуссию определяет именно языковой аспект, языковая рефлексия граждан по поводу поиска адекватной номинации для этого явления.

Термин «языковая рефлексия» в современной лингвистике определяется двояко: как рефлексия над языком и как рефлексия над словом. Т.В. Шмелева объединяет оба подхода следующим образом: языковая рефлексия – это «тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, то есть наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом; возможно и более широкое понимание этого явления – как рефлексии по отношению ко всему, что имеет какое-либо отношение к языку и его использованию» [Шмелева 1999: 108].

Языковая рефлексия выступает как часть культурного и компонент национального самосознания. Н.Н. Трошина рассматривает явление языковой рефлексии как часть языковой культуры. Языковая культура – это термин, «обозначающий широкий спектр явлений, относящихся как к языковой системе, так и к ее функционированию в речи, а также к социо-культурно мотивированным характеристикам речевого поведения» [Трошина 1999: 88].

В современном мире именно СМИ становятся способом формирования языкового сознания общества в целом, средством создания языковой картины мира. И.Т. Вепрева считает, что метаязыковой дискурс дает материал для осмысления речевого портрета Homo

reflectens – человека рефлектирующего, языковой личности эпохи общественных и языковых перемен. При этом наряду с первичной, чисто коммуникативной функцией (временная характеристика слов, оценка фактов речи, стилистическая критика «уместности – неуместности» и т. д.), рефлексивы, по мнению И.Т. Вепревой, выполняют «еще одну функцию, отражая эволюцию ценностной системы языковой личности, мировоззренческие установки в социально неоднородном обществе. Социально-оценочные метаязыковые высказывания дают возможность охарактеризовать психологическое состояние общества на данный момент, его социокультурные настроения. Рефлексивы, в целом отражая сознание языковой личности, реализуют свой потенциал в тех активных зонах языкового сознания, которые так или иначе связаны с социально-психологической ориентацией человека в современном мире» [Вепрева 2005: 78].

В немецкой германистике языковая рефлексия (reflektierter Sprachgebrauch) рассматривается, как правило, как главная цель языковой критики (Sprachkritik), последняя понимается как анализ и оценка речевого поведения, позволяющие человеку ориентироваться в социальной среде, ср.: «In unserem alltäglichen, normalen Sprachgebrauch gehört es selbstverständlich dazu, dass wir auf bereits Gesagte oder noch zu Sagende Bezug nehmen – sei es von uns selbst oder von anderen Geäußertes. Wir tun das, um – beispielsweise – nähere Erläuterungen zu geben oder Korrekturen anzubringen oder etwas zu widerrufen. Dies sind oftmals Sprechhandlungen, die man als Kritik bzw. Sprachkritik bezeichnen kann. Kritik bedeutet – schon von dem griechischen Ursprung des Wortes her – so viel wie ‚unterscheiden'/ ‚analysieren' und ‚beurteilen'/‚bewerten'. Das Spektrum der Sprechhandlungen, bei denen Sprachkritik mit im Spiel ist, ist groß und nuancenreich ausdifferenziert. Das hängt damit zusammen, dass Sprachkritik ein wichtiges Verfahren ist, mit dem wir uns in unserer sozialen und gegenständlichen Umwelt orientieren und positionieren» [Wimmer 2009: 77].

Носителями языковой критики выступают как лингвисты, так и общество в целом, причем «рупором» последнего выступают, прежде всего, СМИ [Пичкур 2010: 132]. Материалом для нашего анализа осо-

бенностей языковой рефлексии о понятии «der Flüchtling» (беженец) послужили свыше 200 комментариев на сайте газеты «Zeit» и на вебфоруме *Sprachkritik und Politik*.

Подавляющее большинство метаязыковых комментариев посвящено поиску альтернативы слову «Flüchtling». В этом плане интерес представляет следующий комментарий: *Ich finde,* ***GeflüchteteR*** *impliziert einen abgeschlossenen Prozess, die betroffene Person ist eben* ***bereits geflüchtet****. Diese Darstellung finde ich* ***fatal****.* ***Ist die Flucht denn tatsächlich zu Ende****? Unsicherheit bezüglich* ***Abschiebung, Flucht vor Rassismus, sozialer Ausgrenzung und struktureller Diskriminierung hören nicht auf*** *mit einem temporären Wohnsitz hierzulande. Das Wort Geflüchtete reifiziert, in diesem Falle, Deutschland als möglichen Zufluchtsort, in dem tatsächlich Zuflucht vor den Bedrohungen, vor denen die Fliehenden geflohen sind, gefunden werden kann.* ***Dieser Begriff kann davon ablenken, was hier noch alles im Argen liegt*** *und was es zu verbessern gibt.* ***Flüchtende oder Zufluchtssuchende*** *finde ich super.*

Его автор, сравнивая субстантивированные причастия *Geflüchteter* (завершенное действие), с одной стороны, и *Flüchtender* и **Zufluchtsuchender** (незавершенное действие), с другой стороны, отдает свое предпочтение второму способу номинации. При этом он усматривает в первой номинации серьезную (*fatal*) опасность для общества, которое может недооценить тяжести положения беженца именно из-за содержащегося в слове оттенка значения «завершение бегства». В комментарии перечисляются все препятствия и опасности, подстерегающие беженца на пути в безопасное место, убежище (*Zufluchtsort*), в частности, опасность не получить статуса беженца и быть выдворенным из страны, расизм, социальное исключение и дискриминация. Толерантность комментария проявляется в критике государства, которое, по мнению автора, еще очень мало сделало для истинной безопасности беженцев (*alles liegt im Argen*).

Показательно и то, что ряд комментариев отмечает роль СМИ в языковом регулировании: ***Ich bin gegen solche diskriminierenden und stigmatisierenden Bezeichnungen*** *und plädiere stattdessen dafür,* ***dem Sprachgebrauch des Öffentlich-rechtlichen Fernsehens zu folgen*** *und*

*nur noch von **Schutzsuchenden** zu sprechen. Dann würde auch die rechtspopulistische Kritik an diesen Menschen, die zu anderen Menschen kommen wollen, ihre Gesellschaftsfähigkeit verlieren und endlich verstummen.*

Отдельную группу составляют гендерные рефлексивы. Поскольку слово «Flüchtling» обозначает только лицо мужского пола и не имеет женского аналога, предлагается слово «*Geflüchtete*», так как оно называет лиц обоего пола*:"Geflüchtete" hat natürlich den Vorteil, gleichzeitig männlich und weiblich zu sein. Wenn man von "Flüchtlingen" spricht, **hat man genaugenommen mal wieder die Frauen außer Acht gelassen**. Ich halte diesen Aspekt **für das Hauptargument der Benutzung von "Geflüchtete".***

Кроме женщин, толерантный подход, по мнению участников дискуссии, заслужили и люди, не определившиеся со своей гендерной принадлежностью. Для них предлагается специальное графическое средство, так называемая «звездочка*»: Nanana, wir wollen doch hier nicht **die Gruppe** derer diskriminieren, **die sich ihres Geschlechtes nicht sicher sind**, oder **sich einem der x sonstigen gender zurechnen**. Also bitte korrekt mit B*innensternchen: **Fluechtling*in.***

Многие комментарии предлагают заменить немецкое слово «*Flüchtling*» англоамериканизмом*: Ich hätte ja **"Refugees"** bevorzugt. Bzw. **"Refugees*In",** weil weniger verletzend, ausgrenzend. Besser wäre noch **Newcomer** gewesen, aber das Wort ist ja leider irgendwo zwischen Berlin und der alten Welt stecken geblieben. Vermutlich am Lageso. Flüchtling ist **voll abwertend und verniedlichend**.*

Однако для многих английское заимствование *"Refugees"* трудно фонетически, поэтому они предлагают фактически кальку – *Zufluchtssuchender*: *Bestens gefällt mir der Begriff **Zufluchtssuchender** (weil ich das englische Wort **Refugee so schlecht aussprechen** kann), weil eben nicht die Flucht betont wird, aber erwähnt; weil der hier zu schaffende Ort des Schutzes betont wird, also die Gegenwart, "unsere" Aufgabe usw.*

В нашем фактическом материале доминируют оценочные сообщения, а не беспристрастные комментарии. И.Т. Вепрева подчеркивает, что рефлексивы данного типа оцениваются как аксиологические высказывания, в которых преобладает рациональная или эмоциональ-

ная реакция, направленная на собственное отношение к слову, но апеллирующая к мнению адресата. Этот тип оценочных метавысказываний И.Т. Вепрева называет метаязыковой интерпретацией, поскольку говорящий, помимо эксплицитной языковой информации, поставляемой через текст, вербализует и интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы, которое возможно при наложении языковой информации на другие типы информации – психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т.п. [Вепрева 2002: 221]

Так, в следующем комментарии автор задается вопросом, как звучит для него слово «беженец» и какие чувства это вызывает. Он описывает образ маленького чужого существа, ничтожного (*verniedlicht*) и вызывающего скорее снисходительную жалость. По этой причине он отвергает слово «Flüchtling»: *Wie fühlt sich das Wort Flüchtling an? Was macht es mit mir? Was erzeugt es? Ein Flüchtling — ein* ***kleiner, abstrakter, mir ferner****, denn er ist ja* ***"verniedlicht"****, der vor etwas auf der Flucht ist. Dieses "Etwas", seine Probleme sind nur Problem****linge****, oder auch Problem****leine****, Problem****chen****. Das Gefühl, dass* ***der Flüchtling mir nicht ebenbürtig*** *ist, oder dass er zumindest in Distanz zu mir steht wird* ***durch das Machtgefälle auf Wortebene erzeugt***. Метаязыковой интерпретации может подвергаться и звуковой образ слова, например, «*Zu-flu****ch****ts****u****chende*» автор считает музыкальным и особенно благозвучным вследствие трех [u].

Один метаязыковой оценочный комментарий посвящен недавним рождественским событиям в Кельне, когда многие женщины подверглись сексуальным домогательствам со стороны беженцев. Автор задается вопросом, кто же в этом случае реально нуждается в защите: *Für mich* ***klingt das Wort*** *"Flüchtling" nach jemandem, der* ***schwach ist und schutzbedürftig****. Allerdings sind unter den* ***Zuwanderer****n viele* ***Männer****, die so* ***gar nicht schwach*** *und* ***schutzbedürftig*** *sind. Sie entstammen einem Kulturkreis mit einem derart* ***rückständigen Frauenbild****, dass ich mich als Frau in diesem* ***"tollen, neuen, veränderten Deutschland"*** *jetzt selbst* ***schutzbedürftig fühlen muss****. Gratulation zu dieser Veränderung, da hat Deutschland wirklich was „geschafft" (Ironie).*

Нередко метаязыковые комментарии высказывают опасения, что дискуссия о выборе правильного слова для обозначения беженцев только еще сильнее накалит обстановку в стране и расколет общество на два лагеря: на тех, кто считает слово отрицательно-оценочным из-за суффикса *«-ling»*, – и тех, кто ругает политическую корректность и «диктатуру языка». При этом упоминается и цитата канцлера А. Меркель, которая была номинирована на «фразу года» и за которую ее резко критиковали и защитники, и противники беженцев «*wir schaffen das GEMEINSAM*»:

*Jetzt wird sicher wieder die Diskussion losgehen, dass "**Flüchtling**" ja ein abschätziges Wort ist wegen des "ing" am Ende, und dass man lieber "**Geflohene**" oder "**Flüchtende**" sagen sollte. Und die anderen können dann wieder über **Political Correctness** und **Diktatur der Sprache** schimpfen.*

Und was das letzten Endes bewirkt?

Noch mehr Lagerbildung, noch mehr "Gutmenschen" vs. "besorgte Bürger", kein Ausgleich, kein Kompromiss, kein "wir schaffen das GEMEINSAM", sondern ein weiteres Aufheizen der Lage.

Следующий антитолерантный метакомментарий содержит резко отрицательную оценку самой акции «слово года» («*dekadent*») и - имплицитно-практически расистскую оценку мигрантов, прежде всего из арабских стран. Здесь предлагается перевести надоевшее слово «*Flüchtling*» на арабский язык, поскольку для «приезжих» немецкий язык очень труден: *Mal abgesehen davon, das diese Wortwahl alle Jahr wieder **dekadent** ist, wird uns dieses **Wort** noch lange Jahre **begleiten**. Es sollte deshalb auch schnell ins **-arabische-** übersetzt werden, weil die deutsche Sprache ja für die "**Einreisenden**" ja so **schwierig** ist.*

Достаточно часто метаязыковой комментарий свидетельствует о резком разграничении «экономических мигрантов» и «настоящих беженцев». Так, в следующем комментарии автор предлагает называть первых – словом «*Trittbrettfahrer*», буквально «*едущий на подножке*», т.е. *нахлебник и бездельник, приехавший поправить свое материальное положение за счет Германии: Ob das Wort **"Flüchtlinge"** bei **der Masse an Migranten** angebracht ist, sollte jeder selbst entscheiden. Für mich passt **"Trittbrettfahrer"** besser, die sie **Einladung der Bundeskanz-***

lerin *annahmen, sich auf den Weg machten und* ***auf ein besseres Leben in Wohlstand hofften****. Umso problematischer* ***für "echte" Flüchtlinge,*** *die* ***aufgrund ihrer Religion*** *in diesem* ***Migrantenstrom*** *nun selbst* ***in Europa nicht geschützt werden können****, für Frauen und Kinder, die missbraucht und vergewaltigt werden*

Нередко критике подвергается и сам дискурс толерантности в целом. Так, в следующем комментарии автор критикует «*новояз*» и его сторонников в лице представителей партии зеленых и «самозванцев-экспертов», занимающихся поисками новой номинации для обозначения беженцев: *Man kann die Menschen nicht durch* ***Neusprech*** *für dumm verkaufen. Es hieß schon immer* ***"Flüchtling"*** *und keinen hat das gestört, bevor* ***die grünen Gutmenschen*** *Wörter wie* ***Geflüchteter*** *und* ***Refugee*** *(vulgo "Räfjudschi") erfunden haben. Ich werde auf jeden Fall weiter* ***Flüchtling sagen*** *und lasse mir das von keinem* ***selbsternannten Sprachexperten*** *verbieten!*

Проанализированная дискуссия наглядно демонстрирует, что СМИ являются важным способом формирования языкового сознания общества. Корпус метаязыковых высказываний позволяет определить языковые явления, которые подвергаются рефлексивному осмыслению, и выявить наиболее актуальные языковые процессы в современном немецком языке.

Библиографический список

1. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2002. № 24. – С. 217-227.

2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

3. Декларация принципов толерантности // Религиозная социализация и конфессиональный конфликт: документы и материалы / Сост. В.Г. Безрогов. – М.; Таганрог: Памятники исторической мысли, 2003. – С.108-113.

4. Пичкур А.И. Языковая рефлексия в немецкоязычных СМИ как лиргвокультурный феномен // Семантика и прагматика дискурса: межвуз. сб. науч. ст. / ред. А.А. Харьковская. – Самара: СамГУ, 2010. – С.128–140.

5. Трошина Н.Н. Языковая культура как предмет общественного интереса // Язык и культура: Сб. обзоров.- М.: ИНИОН РАН, 1999. – С.88-108.

6. Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск, 1999. – С. 108-110.

7. Южакова Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности. Автореф. … дис. канд. филолог. наук. – Челябинск, 2007.

8. Wimmer R. Die Sprachkritik kommt aus der Sprache selbst: Reflektiertheit ist gefragt // Sprachdienst. – Wiesbaden, 2009, N 4. – S.77-90.

Источники фактического материала

1. Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS) // URL: http://www.gfds.de/kontakt/

2. Deutsche Sprache:"Flüchtlinge" ist Wort des Jahres 2015 // URL: http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2015-12/fluechtlinge-wort-des-jahres

3. ‘Refugee’ statt ‘Flüchtling’? Veröffentlicht am 17/11/2015 von Sprach-AG // URL: https://sprachkritik.org/

A.I. Pitschkur
(Russland, Samara)

SPRACHREFLEXION IM DISKURS DER TOLERANZ (am Material der deutschsprachigen Massenmedien)

Im Artikel werden die Besonderheiten der metasprachlichen Kommentare behandelt, die die Diskussion über das Wort des Jahres 2015 „Flüchtling“ in den Massenmedien prägen.

Stichwörter: Toleranz, sprachliche Reflexion, metasprachliche Kommentare, Flüchtlinge, modernes Deutsch

Е.В. Плисов
(Россия, Нижний Новгород)

ЯЗЫК РЕЛИГИИ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье представлены различные подходы к интерпретации понятий «язык религии», «религиозный дискурс», «лингвистический анализ религиозного дискурса», рассматриваются смежные с ними объекты лингвистического анализа.

Ключевые слова: язык религии, дискурсивная лингвистика, религиозный дискурс

Переход к дискурсивному анализу в немецкой германистике тесно связан с осознанием роли контекста в рамках лингвистики текста. Понятие «контекст» всегда занимало заметную позицию в лингвистике и в философии языка [см.: Franck 1995]. Сегодня контекст представлен в лингвистических исследованиях двояко: как законченный в смысловом отношении фрагмент текста, дающий возможность точно установить значение отдельной входящей в него языковой единицы, и – шире – как условия употребления данной языковой единицы в речи (языковое окружение, а в широком смысле также ситуация речевого общения). На связующую роль контекстологии указывают В. Дресслер [Dressler 2004], Э. Лейнфельнер [Leinfellner 2004] и др., анализируя интердисциплинарные связи лингвистики текста и дискурсивной лингвистики.

В качестве источника возникновения дискурсивной лингвистики выступает в частности теория дискурса М. Фуко, получившая свое развитие в трудах представителей немецкой школы дискурсивного анализа У. Мааса, З. Егера, Ю. Линка и др. Важно упомянуть замечание В.Е. Чернявской, которая указывает на то, что немецкая школа не оказала существенного влияния на исследования дискурса в России, которые традиционно сосредоточены на «дискурсе по ван Дейку», т.е.

на прагматике высказывания, на стратегиях порождения и восприятия речи [Чернявская 2003: 69]. В работах Р. Водак дискурс понимается как социальная практика, которая включает дискурсивные события, реальные ситуации, институты и социальные структуры, а анализ дискурса можно определить как идеологически ориентированный анализ именно текста [Водак 2011: 286]. По мнению ученых, дискурсивный анализ (макросемантический и одновременно глубинно-семантический) позволяет «сделать прозрачными отношения между функционированием тех или иных языковых средств и форм и соответствующими институциональными структурами» [Чернявская 2003: 76].

Религиозный дискурс традиционно относят к институциональному социолингвистическому типу дискурса. Таково, например, мнение В.И. Карасика, который выделяет такие компоненты религиозного дискурса, как участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [Карасик 2004: 250-251, 266-276]. Ученые выделяют ритуальный характер в качестве одной из ведущих дискурсивных черт. В.И. Карасик относит ритуальный дискурс к прагмалингвистическому типу, отмечая, что ритуализация может быть в разной степени присуща типам дискурса, выделяемым на социолингвистическом основании [Карасик 2004: 333-343].

И. Пауль выделяет и описывает такие дискурсивные признаки религиозной (ритуальной) коммуникации, как предоформленность («предструктурированность»), формализованность, неизменяемость литургического последования, перформативность, автокоммуникация, каноничность сообщений, автореференциальный характер высказываний [см. Paul 2009]. Примечательно, что аналогичные характеристики выделяются и в отношении ритуальной устной коммуникации (как в богослужебной сфере – во время крещения или венчания, а также частично в литургии, так и во внебогослужебной – в исповеди) [Werlen 2000: 1560-1563].

Вместе с тем учеными отмечаются и тенденции к деинституционализации отдельных жанров как компонентов дискурса. В пер-

вую очередь, это касается проповеди (см., например, замечание по этому поводу у Ф. Зиммлера при рассмотрении проповеди как типа текста во внебогослужебной ситуации: “in einer anderen externen Variablenkonstellation“) [Simmler 2000: 685]). С развитием средств массовой коммуникации (проповедь на радио, на телевидении, проповедь по электронной подписке) требуется привлечение достижений коммуникативистики, медиалингвистики, этики коммуникации для подготовки и реализации проповеди. С одной стороны, это способствует рассмотрению проповеди как исключительного, уникального речевого события в инодискурсивной среде и в ряду других массмедийных событий, с другой стороны – это способствует соответствующей интерпретации проповеди в богослужебной практике. Христианская проповедь в СМИ ФРГ (см., например, „Wort zum Sonntag“) приобретает характер инсценировки ритуальной коммуникации с ярко выраженным фатическим компонентом [Paul 2009: 2270-2272].

В современных работах предметом изучения становятся также межконфессиональные и межрелигиозные аспекты публичного взаимодействия [см. Плисов 2013], стереотипы поведения, региональные особенности создания религиозно значимых образов. Ученые рассматривают вопросы прагматической, семантической и онтологической организации религиозного дискурса в аспекте системной реконструкции [см. Современный религиозный дискурс 2015], в том числе и библейских текстов.

В отечественной германистике ученые описывают разновидности религиозного дискурса, в том числе в конфессиональном и межконфессиональном аспектах, а также взаимодействие религиозного дискурса с другими дискурсами [см. Белютин 2012] и факторы влияния на формирование и развитие религиозного дискурса в определенную эпоху. Рассматриваются и дискуссионные вопросы двустороннего характера религиозного дискурса, который включает дискурс религии и дискурс о религии.

Библиографический список

1. Белютин Р.В. Религиозная семантика спортивного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3. – С.127-134.

2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4(38). – С.286-291.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

4. Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: Монография. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. – 160 с.

5. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография / Под общ. ред. Е.В. Плисова. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 210 с.

6. Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С.68-76.

7. Dressler W. Textlinguistik mit und ohne Kontext: Diskurs versus Text // Text und Kontext: Theoriemodelle und methodische Verfahren im transdisziplinären Vergleich / hrsg. von O. Panagl und R. Wodak. – Würzburg, 2004. – S.11-22.

8. Franck D. Kontext und Kotext // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd.7. Sprachphilosophie. Halbbd.2. – Berlin; N. York, 1995. – S.1323-1335.

9. Leinfellner E. Vom Bild ohne Rahmen zum Rahmen ohne Bild – und das Jenseits von Rahmen und Bild: eine Diskussion zu „Text und Kontext“ // Text und Kontext: Theoriemodelle und methodische Verfahren im transdisziplinären Vergleich / hrsg. von O. Panagl und R. Wodak. – Würzburg, 2004. – S.267-296.

10. Paul I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche // Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch zur historischen und systematischen Forschung. 2. Halbbd. / Hrsg. U. Fix, A. Gardt, J. Knape. – Berlin; N. York: de Gruyter, 2009. – S. 2257-2274.

11. Simmler F. Textsorten des religiösen und kirchlichen Bereichs // Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / hrsg. von K. Brinker. – Berlin; N.York: de Gruyter, 2000. Halbbd.1. – S.676-690.

12. Werlen I. Gespräche im kirchlichen Bereich // Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / hrsg. von K. Brinker. – Berlin; N. York: de Gruyter, 2000. Halbbd.1. – S.1556-1565.

E.V. Plisov
(Russia, Nizhny Novgorod)

THE LANGUAGE OF RELIGION AS A SUBJECT OF DISCURSIVE LINGUISTICS

The paper studies different approaches to the interpretation of concepts “language of religion”, “religious discourse”, “linguistics of religious discourse” and the various objects of linguistic analysis in the religious discourse.

Keywords: language of religion, linguistics of discourse, religious discourse

Е.А. Тузлаева
(Россия, Самара)

ОТРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА СКОТС В СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на метериале произведений Ирвина Уэлша)

В данной статье анализируются некоторые морфологические и синтаксические особенности языка скотс, присутствующие в текстах романов Ирвина Уэлша, а также рассматриваются основные характеристики языковой ситуации в равнинной Шотландии

Ключевые слова: скотс, шотландский английский, языковая ситуация, грамматические особенности, И. Уэлш

Помимо шотландского варианта английского языка – т.н. «литературного шотландского английского» (Standard Scottish English), – в равнинной Шотландии распространены территориальные диалекты германского происхождения, в совокупности обозначаемые лингвонимом «скотс». На протяжении длительного времени данные диалекты считались частью функциональной системы английского языка и

назывались «шотландскими» только в географическом смысле. Однако в последние годы утвердилась точка зрения о том, что скотс представляет собой не разновидность английского языка, а отдельный региональный язык, т.е. идиом, обладающий лингвистической самостоятельностью (отличительными структурными особенностями на всех уровнях языковой системы), но в силу историко-политических причин не имеющий статуса официального языка государственного уровня и служащий средством коммуникации в пределах отдельного региона (исторической области) [Павленко 2003: 90-91]. Скотс восходит к нортумбрийскому диалекту древнеанглийского языка, который получил распространение на территории Шотландии в X-XI веках. Скотс был государственным языком Шотландии XIV-XV веков, однако после присоединения Шотландии к Англии в 1603 году он стал постепенно вытесняться из сферы политики, образования и религии английским литературным стандартом, развившимся на основе лондонского диалекта [Павленко 2003: 25-29]. Данные обстоятельства привели к утрате единого стандарта скотс, сформировавшегося в XIV-XV веках, а также его разговорно-обиходной нормы [Коряков 2002: 100]; тем не менее, территориальные диалекты скотс продолжали существовать и развиваться. Скотс по-прежнему использовался в художественной литературе, примером чего могут послужить произведения Р. Фергюссона, Р. Бернса, В. Скотта, Р.Л. Стивенсона.

Одной из ключевых фигур современной шотландской литературы является Ирвин Уэлш – автор ряда романов, пьес и сборников рассказов. В данной статье анализируются тексты романов "Trainspotting" («На игле»), "Marabou Stork Nightmares" («Кошмары аиста марабу») и "Glue" («Клей»). Речь персонажей перечисленных книг отражает основные особенности современной языковой ситуации в равнинной Шотландии: официальная коммуникация осуществляется на шотландском варианте английского языка (который, в действительности, весьма близок литературному британскому английскому и обнаруживает минимальное влияние диалектов скотс), в то время как скотс обслуживает сферу неформального общения. Подоб-

ное соотношение шотландского английского и скотс иллюстрируется на основе сопоставления реплик различных персонажей произведений И. Уэлша, например, адвоката Дональдсона: *It has been established that Miss X was intoxicated and, as people generally are in such circumstances, was not in full control of her emotions. She was belligerent, aggressive and mocking towards the accused* [Welsh 2004: 212], – с одной стороны, и безработного наркозависимого Дэниэла Мерфи: *Ah'm relaxed. It's jist that ah really want this joab, likesay. Couldnae sleep last night though. Worried ah'd sortay blow it likesay, ken?* [Welsh 2001: 66], – с другой стороны. Примечательно, что это – реплика Мерфи из разговора с потенциальными работодателями, т.е. данный персонаж говорит на скотс в том числе и в официальной обстановке, что объясняется низким уровнем образования. В то же время его друг Марк Рентон, более начитанный и лучше владеющий нормами общения в разных социальных контекстах, в беседе с работодателями переходит на литературный шотландский английский: *I've had a long-standing problem with heroin addiction. I've been trying to combat this, but it has curtailed my employment activities* [Welsh 2001: 65]. При этом в неформальном общении и в своей внутренней речи (в описании того же собеседования) Рентон использует скотс: *The gross git pulls down a wall of coldness and distance between us. <u>They cannae say ah didnae try</u>* [Welsh 2001: 65]. Это переключение кодов представляет собой еще одну важную черту языковой ситуации в равнинной Шотландии. Помимо переключения кодов, в речи жителей Лоуленда может отмечаться непоследовательное сочетание элементов и единиц скотс и английского языка [Павленко 2005: 175].

В целом, речь персонажей анализируемых романов дает яркое представление об особенностях эдинбургского диалекта языка скотс, в первую очередь – о фонетических характеристиках, которые автор тщательно передает в орфографии. Лексемы скотс весьма немногочисленны в текстах произведений И. Уэлша, что обусловлено современным состоянием данного идиома, длительное время занимавшего подчиненное положение в парадигме языковой ситуации в Лоуленде и, как следствие, подвергшегося размывающему влиянию со стороны

близкородственного ему английского языка. По всей видимости, среди прочих уровней языковой системы именно лексика наиболее проницаема и открыта внешнему влиянию, тогда как фонетические особенности более устойчивы. Грамматические характеристики скотс, подобно фонетическим, весьма устойчивы к воздействию норм конкурирующего языка и последовательно воспроизводятся в романах Ирвина Уэлша.

Одной из грамматических особенностей скотс, находящих отражение в речи персонажей И. Уэлша, является более частое, чем в английском языке, использование определенного артикля. В скотс артикль *the* употребляется в том числе и с такими группами существительных, как названия дней недели и обозначения некоторых учреждений (например, *kirk* "church", *school*), в тех случаях, когда использование определенного артикля в английском было бы нарушением грамматических норм [Eagle 2006: 118-119]: *...Ah've been lookin forward tae the school oan Monday* [Welsh 2002: 131]; *Ah went oot tae make a call tae her oan the Wednesday* [Welsh 2002: 144]. Шотландскими эквивалентами английских наречий *today, tonight, tomorrow* являются сочетания артикля *the* с соответствующими существительными – *the day, the night, the morn*: *It wis a wee bit ay a frustratin night but a good kip suited ays cause it's the fitba (= football) the day n the dancin the night* [Welsh 2002: 54]; *If he asks us the morn, it wid be something else again* [Welsh 2001: 90]. Определенный артикль также используется в сочетании с наречием *now*: *C'mere the now (= Come here...)* [Welsh 2001: 112].

Местоимение первого лица единственного числа имеет в скотс форму *ah (a)* в именительном падеже и *me* – в общем, однако вместо *me* часто употребляется форма *us (ays)*, которая может сокращаться до *'s* после глагола [Eagle 2006: 137]: *Ma body was being twisted and crushed. It wis like ah hud collapsed in the street and a skip hud been lowered on top ay us (= on top of me)...* [Welsh 2001: 194]; *When eh went away, ma Ma sat ays oan her knee and held me...* [Welsh 2002: 29]; *Gies (=give me) it now...* [Welsh 2002: 175].

В речи персонажей романов И. Уэлша отражается еще одна особенность грамматики скотс – частотность использования времен

группы Continuous. Формы длительных времен образуются в том числе и от глаголов, которые в английском языке употребляются, как правило, только во временах группы Indefinite, – например, глаголов, обозначающих чувства и состояния [Eagle 2006: 182]: *Ah'm wantin tae hear aboot the match but ah'm no wantin tae hear aboot ootside Clouds* [Welsh 2002: 131-132].

Для повествования о событиях в прошлом в скотс, наряду с прошедшим простым временем, часто используются формы глаголов, образованные путем добавления окончания *-s* к инфинитиву. Подобные формы могут сочетаться с подлежащим в любом лице и числе [Eagle 2006: 194]: *Lucy... turns her gaze oan me. – Is what eh sais true, Carl? – Ah looks at thaim baith in turn* [Welsh 2002: 151]; *We gits (=we get) tae the school n it's Monday assembly...* [Welsh 2002: 132].

Помимо вышеперечисленных особенностей, скотс отличается от английского языка рядом синтаксических характеристик. Одна из этих характеристик – порядок местоименных дополнений в предложении. Прямое дополнение, выраженное местоимением *it*, ставится после косвенного дополнения, которое, в свою очередь, присоединяется к глаголу без предлога *tae (to)* [Eagle 2006: 139]: *aboot bein daft enough tae pill the knife, stupid enough tae gie um it (=to give him it), mad enough tae take it back* [Welsh 2002: 135].

В отличие от английского языка, в скотс лексема *but (bit)* не только является противительным союзом, но и используется в конце предложения с уступительным (аналогично *though*) либо усилительным значением: *She disnae (=doesn't) dress like a Jap bit, Vet, it's the Scottish lassie thit does the Gaelic programmes* [Welsh 2004: 220]; *Huvtae watch the time, but (= Have to...)"* [Welsh 2001: 109].

Еще одна особенность шотландского синтаксиса, которая прослеживается на материале реплик персонажей И. Уэлша, – двойное отрицание: *Vet, this husnae goat nowt tae dae wi... (= this has not got nothing to do with...)* [Welsh 2004: 10].

Подводя итог обзору морфологических и синтаксических характеристик скотс, присутствующих в текстах романов И. Уэлша, необ-

ходимо отметить, что чисто шотландские грамматические элементы и явления сочетаются с английскими: наряду с двойным отрицанием встречается и одиночное; одни и те же действия могут обозначаться как более частотным в скотс настоящим длительным временем, так и настоящим простым. Повествование ведется преимущественно на английском языке, на нем говорят персонажи с более высоким социальным положением и уровнем образования, английский язык используется в официальных ситуациях. Таким образом, в произведениях И. Уэлша воссоздаются основные речевые типы, бытующие в равнинной Шотландии, и отражается ключевая черта языковой ситуации – сосуществование и взаимодействие шотландского варианта английского языка и регионального языка скотс.

Библиографический список

1. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коряков Юрий Борисович. – Москва, 2002. – 129 с.

2. Павленко, А.Е. На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. – СПб., 2005. – С. 175-182.

3. Павленко, А.Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии) / А.Е. Павленко. – СПб.: Наука, 2003. – 243 с.

4. Eagle, A. Wir Ain Leid, 2006. – 277 p. [Электронный ресурс] / A. Eagle. – Режим доступа: http://www.scots-online.org

5. Dictionary of the Scots Language [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.dsl.ac.uk

Источники фактического материала

1. Welsh, I. Glue / I. Welsh. – London: Vintage books, 2002. – 558 p.

2. Welsh, I. Marabou Stork Nightmares. London: Vintage books, 2004. – 264p.

3. Welsh, I. Trainspotting / I. Welsh. – London: Vintage books, 2001. – 344 p.

E.A. Tuzlaeva
(Russia, Samara)

GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF THE SCOTS LANGUAGE AS REFLECTED IN MODERN SCOTTISH LITERATURE (based on Irvine Welsh's novels)

The article analyses a number of morphological and syntactic characteristics of the Scots language as represented in the texts of novels by Irvine Welsh and reviews some key features of the linguistic situation in Lowland Scotland.

Keywords: Scots, Scottish English, linguistic situation, grammatical characteristics, I. Welsh

IV. ВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДИСКУРСАХ

J. Pecnikova, A. Slatinska
(Slovakia, Banska Bystrica)

SOCIO-CULTURAL DISCOURSE OF COMPETENCIES AND BARRIERS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The present paper is devoted to the socio-cultural aspects of intercultural communication. The authors analyze the competencies and barriers in communication. The language knowledge is considered to be the key element.

Keywords: intercultural communication, barriers, culture, language, socio-cultural aspects

Intercultural communication requires certain intercultural competencies, especially language skills and respect towards communication partners and their specifics. When talking about intercultural communication, it is of utmost importance to be prepared for unexpected and unusual reactions, English as a communication language, unclear non-verbal communication acts, etc. Moreover, one should be also familiar with different types of culturally determined behavior which can be the factor influencing how open or close we are when communicating with someone. The way of greeting or addressing someone with or without their titles, by the first name or surname as well as particular communication rituals and etiquette (shaking hands, smile, manifesting emotions) are crucial facts, necessary to be aware of, in any kind of intercultural communication.

Referring to intercultural communication, we should also take into account stereotypes or ethnophaulisms that can create barriers when mak-

ing contacts. According to Průcha [2010], ethnophaulisms are ethnic and national stereotypes which can ridicule a member of a different nation. They can cause negativity and unfriendliness. Therefore, respect and tolerance are of utmost importance when establishing intercultural communication.

Language is regarded as an important element of intercultural competence. In general, languages can be divided into large and small (according to the number of their users). From the point of view of intercultural communication, there are some key aspects of language that we should take into account such as: how many people speak the given language, how relevant the language is in terms of communication as well as how related the languages are.

Population extensiveness is about the number of people using the language, not only as a mother tongue. Following Graddol [2006], the most frequently used language is Chinese language (1052 mil.), then English (508mil.) and Hindu (478mil.). Only some languages, including Lingua Franca, are considered to be the world – international languages.

Lingua Franca is considered to be the main communication medium of different countries and continents without being the mother tongue of people. Originally, this term was used to refer to the Frankish language in the 5th century AD. There were different Lingua Francas during history beginning with Sumerian, Aramaic, Greek and Latin languages. Today it is English which is used by approximately 1,5 to 2 billions of people. English became Lingua Franca from the territorial as well as functional point of view.

In the 17th century, Great Britain became the naval power extending its territory by gaining new colonies. Hand in hand with expansion, the language found its way to other places. From the economic point of view, Great Britain is the cradle of industrial revolution and thanks to the Commonwealth it has become economic-technical superpower. From the political point of view, after the WWI the USA gave preference to English to be the language of diplomacy and after the WWII this position of English became more obvious (NATO, OECD, UNESCO). The fashion of American and British youth penetrated the world through the medium of culture, es-

pecially film and music resulting in linguistic imperialism and Americanisation of world´s culture. Gradually, English has become the compulsory language at schools.

Finally, English has become Lingua Franca in the period between the end of the 20th and 21st century. It is a very specific language comprised of a very small number of letters and pronounced sounds. One third of them have their origin in Latin, while two thirds are of Germanic origin. English is related to many languages defending its prime position in the world.

Today there is a tendency to oppose English as a Lingua Franca because of language imperialism. France is the prime example of such an opposition, trying to protect autochthonous language. However, the lifecycle of English as a Lingua Franca can also be seen as limited from the long-term horizon. Nowadays, English is threatened by Chinese, Spanish or Arabian language. Apart from that, English language alone is fragmented undergoing the process of simplification and divergence from the standard British English. It can happen very easily in the future that English will follow the fate of Latin which was also divided in the process of time into smaller languages with specific differences.

Today, English is part of basic literacy. There is a snow-ball effect – the more people in different countries learn English, the more English is used in communication and the number of its users increases. In this way, the possibility that English will become universal international language one day increases gradually. Good knowledge of foreign languages is necessary in any type of intercultural communication. English is considered to be the neutral language in such cases when two foreigners, speaking different languages, use it for communication. English is used extensively in media space. In this way, the negative expressions are being replaced by more neutral ones. Therefore, the *war* in Iraq was replaced by the term *insertion*, etc. In 2008 the French minister of culture described the idea of being represented by the English song at the Eurovision contest as a public shame. For now, the position and role of English is irreplaceable. But the knowledge of cultures is also of crucial importance in communication. That is the reason why the term intercultural communication is preferred rather than international communication.

Intercultural communication is based on face-to-face contact. Information is viewed through codes which are specific for the given culture. This is the way how cultural patterns arise. If two partners do not understand each other in intercultural communication, it is not because of different language, but because of cultural differences. In such a way, cultural stereotypes are created and social distance is widened [Niento 2013]. Intercultural communication which is not managed well can lead to cultural distance and division rather than decline of barriers, making ethnocentrism in public and private area stronger. Therefore, it is extremely important to stress that intercultural communication should not view nations as closed units, but more attention should be paid to cultural characteristics and differences of individual cultures. Culture alone cannot be reduced in any way to certain place or territory. The basic idea of intercultural communication should go hand in hand with the existence of cultures and carriers of culture – cultural identities. When members of certain culture communicate, they represent the given culture, especially how the given culture communicates. When we fail to acknowledge different cultures, cultural idealization or misunderstandings emerge [Durant, Shepherd 2009].

The forms of culture and communication have been in constant development. That is why it would be ideal to devote more time to this topic because cultures are not closed entities. The ways of communication have been changing very rapidly influenced by new technologies. Intercultural communication should therefore react to these changes and new research should be focused on new areas of communication.

Barriers of Intercultural Communication

Prejudices and stereotypes are considered to be the most frequent barriers in intercultural communication: *"They represent often comfortable intellectual simplification"* [Povchanič 2012: 124]. As far as the prejudices are concerned, they are more likely regarded as a type of behavior, possibly preceded by real negative experience. However, the stereotypes are viewed more as being neutral supposing they usually stem from real facts. From the schematic point of view, they represent and simplify cultural performances and patterns. It is a very interesting fact that they transcend time

and many times they are transmitted from generation to generation. They summarize, schematize, caricature and standardize difference. Prejudices are usually based on stereotypes, but stereotypes do not have to necessarily become prejudices [Mešková 2007].

When breaking down cultural barriers, it is necessary to overcome cultural shock and try to adapt to cultural diversity which subconsciously threatens roots of our own culture. This process is accompanied by a huge level of tolerance, ambiguity and effort to solve the situation in the form of compromises, empathy and communication competence. Trompenaars [2014] mentions the term intercultural sensitivity which transcends the multicultural concept and is focused on interconnection of cultures in regard to their differences: *"If multi and pluricultural approach stops at the level of making statements, then intercultural approach is the way how cultural diversity is analysed. Moreover, it is an approach, analysis, view and a kind of challenge when dealing with cultural interactions"* [Povchanič 2012: 140].

Jandt [2010] differentiates 6 main barriers in intercultural communication:

1) anxiety,
2) similarity instead of differences,
3) ethnocentrism,
4) stereotypes and prejudices,
5) nonverbal misinterpretations,
6) language.

These barriers reflect the concept of Simmel´s stranger [2014]. The stranger in this case is viewed as a member of a group who acts in a certain way – usual for his own culture, but he differentiates himself from the host group by the act of doing. Following this example, it is possible to examine the abovementioned barriers in communication as mentioned by Jandt [2010]. The stranger is limited in a new culture by the existence of fear based on the fact that he must deal with the idea of being "different" everywhere. This fear can be created in his immediate environment too, the members of which are not familiar with such a difference, and therefore do

not know how to react. As far as the society tries to search for similarities instead of differences, in terms of accepting the different, it can have an adversary effect. It happens when what the stranger normally regards as normal, represents a shock for the environment such as the intensity of emotions and their manifestations, different habits or lifestyle.

Ethnocentrism can be regarded as a negative performance of closed culture which can result in cultural shortsightedness and preference of own culture. Following this example, meeting new cultures can have different consequences like extreme defense of own culture. Prejudices and negative stereotypes about the whole groups are based on misunderstandings. Psychologists describe the prejudiced person as an authoritative one: *"Such persons tend to overgeneralize and think in bipolar terms. They are highly conventional, moralistic, and uncritical of higher autority. <...> Highly prejudiced people are unlikely to change their attitudes even when presented with new and conflicting information"* [Jandt 2010: 91].

Non-verbal and verbal communication can also be a critical point in creation of misunderstandings during intercultural communication. *"Language communication takes place in the area of identical meanings. Different users of language must not only agree objectively in uniform use of the same symbols, but they must also be aware of this similarity"* [Habermas 2011: 353]. It is because of incorrect interpretation of the same signs, gestures and symbols which can be the reason for creation of intercultural misunderstandings.

It is not only about the use of language, but also about the selection of unsuitable language means that can create barriers in intercultural communication. *"Language creates differences that do not exist in reality. In general, Eastern perspectives are as skeptical of language as the way to understand our world as Western perspectives are skeptical of intuition in language"* [Jandt 2010: 59]. It is of utmost importance to take into account different use of verbal and non-verbal aspects of communication in different cultures when establishing a contact because even a seemingly different aspect can change into an insurmountable barrier in communication.

Conclusion

As far as it could have been seen, the language acquisition as a key competence is not the only barrier in intercultural communication. We have come to the conclusion that except for the six basic barriers mentioned by several authors, there is also one extra barrier which is connected with the difference in cultural values. How people act and what approaches they have is directly linked to those values. Intercultural communication competence is based on the knowledge of dominant cultural values. When ignoring them, with no effort to understand the given culture deeply, intercultural communication is doomed to failure. Following the example of current affairs in the world of today, where Western democratic values are preferred, a clash of different systems of values gives way to armed conflicts.

Bibliography

1. Habermas, J. Teória jazyka a východiská sociálnych vied. Bratislava: Kalligram, 2011.
2. Graddol, D. The Future of English? London: British Council, 2007.
3. Jandt, F.E. An Introduction to Intercultural Communication. London: Sage, 2010.
4. Durand, A. – Shepherd, I. „Culture“ and „Communication“ in Intercultural Communiction. In: European Journal of English Studies. London: Taylor-Francis, 2009.
5. Mešková, Ľ. Communication interculturelle France – Slovaquie. Banská Bystrica: UMB, 2007.
6. Niento, V. G. Understanding Social Distance in Intercultural Communication. Alicante: University of Alicante, 2013.
7. Povchanič, Š. Initiation à la communication interculturelle. Bratislava: Ekonóm, 2012.
8. Prucha, J. Interkulturní komunikace. Praha: Grada, 2010.
9. Simmel, G. The Stranger. [cit. 2014-06-25]. Avaiable at: http://midiacidada.org/img/O_Estrangeiro_SIMMEL.pdf
10. Trompenaars, F. Culture od Business. [cit. 2014-06-25]. Available at: http://www2.thtconsulting.com/

Я. Пецникова, А. Слатинска
(Словакия, Банска Быстрица)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС КОМПЕТЕНЦИЙ И БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье представлены социокультурные аспекты межкультурной коммуникации. Авторы анализируют компетенции и барьеры в межкультурной коммуникации с акцентом на знание иностранного языка (английского).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковые барьеры, культура, язык, социокультурные аспекты

J. Šavelová
(Slovakia, Banská Bystrica)

CURRENT TRENDS IN TEACHING ENGLISH WITH CAT TOOLS FOR TRANSLATION PURPOSES

This article deals with professional translation, its importance and relevance at the present time, teaching methods connected with it, computer-assisted translation tools and the impact the CAT tools have on general methods of teaching.

Keywords: teaching English, CAT tools, translation

Introduction

After the Slovak Republic accession to the European Union, the need to teach translation as a subject has become more important. Translation as a subject on its own became a part of inevitable social changes, within the framework of which, the methodology of teaching English is being developed and modified. The communicative approach with regard to translation

is applied in a broader context. The translation has acquired new, all-European dimensions. There is about time to return it to universities in its new, updated form. Therefore, we consider some ICT skills that should be implemented into curricula, and we also focus on databases used in the translation services. We point out the necessity to update curricula in accordance with the requirements of the real translation market, and to abandon the dominance of the outdated declarative approach to teaching professional translation.

Didactics of specialised texts' translation

The translation of non-literary texts, in other words specialised texts, requires access to information resources, which is a highly important skill that translation training must develop. Such a new didactic approach combines the levels of the students´ knowledge with their capability as ICT users. It is evident that methods of teaching professional translation have been developing systematically in line with economic expansion and the increased spread of information technologies. The theory of translation has been developing since the second half of the twentieth century. However, didactics, which is important in order to prepare professional adepts in this field, has developed more recently. Translator´s competence consists of personal knowledge, abilities, skills, experiences and individual personal potential. In other words, the key to translation is the translator himself and his competence, which is also a key notion for didactics [Gromová, 2009:54]. Other than translation competence, the translator should also develop some other skills, which are not related to translation directly but are equally important in the field of market demand. The set of such skills, so-called ´technical competence´, relates to the skills of using a computer and involves tasks such as searching information via the Internet, technical and graphical arrangement of texts according to customer demand, editing arrangements and CAT tools. The methodology of teaching non-literary text translation links up translation theory and methodology. However, the so called vacuum between the theory of translation and the practice of teaching and educating is caused by the absence of didactics in regard to translation methods [Műglová, 2009:96]. The didactic dimension has been re-

cently researched by such authors as C. Nord, P. Newmark, S. Campbell, C.Hubscher-Davidson, *inter alia*, but also by Slovak authors, M. Fedorko, D. Müglová, E. Gromová, M. Djovčoš, J. Rakšányová, Smetanová, Starlander, *inter alia*. One of the latest books dealing with translation is the publication by C. Hubscher-Davidson published in 2012, which presents an interesting and multi-faceted picture of current trends in translator training against the background of the Bologna process, and highlights practices adopted by academics around the world in dealing with the challenges associated with developing competence in the classroom and in everyday situations. With respect to the teaching of non-literary text translation, it is possible to follow several models, for example the model of Nord for translation-oriented text analysis published as early as in 1997. We understand this model as a creative method of translation competence acquisition that also includes the analysis of the original and comments on the translation with references, such as dictionaries, parallel texts in the source language, consultation with experts, the Internet and CAT tools. In combination with problem solution method and group work according to our model [Šavelová 2011: 165] the approach effectively contributes to teaching non-literary translation and thus responding the challenges of our globalised world.

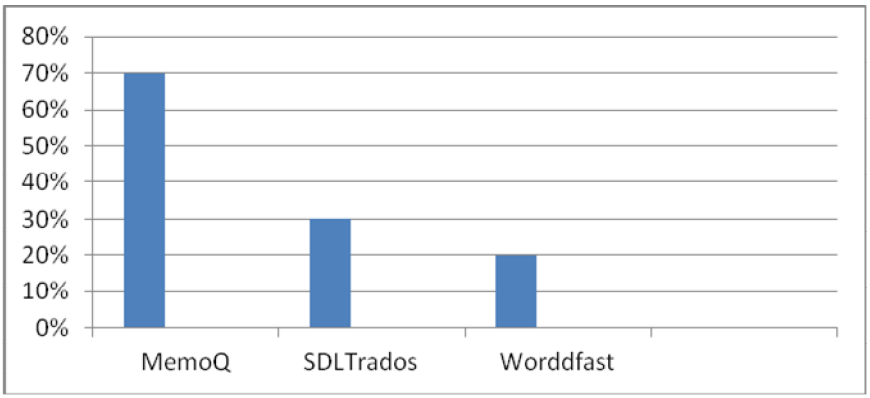
Teaching translation of specialised texts and CAT tools

The aim of translation nowadays is to provide a comprehensive product that fulfils lingual, formal, contextual, technical and graphical requirements. Translation as a technical operation applies new technologies, which result from the both linguistic research and translation research. Computer-assisted translation is known under the acronym CAT (Computer-Aided Translation, Computer-Assisted Translation). Tools for computer-aided translation are based on a translation memory (TM). The concept of machine translation (MT) should not be confused with the concept of translation memory (TM), since the human translator is the concept that differentiates them. MT is implemented by computer which thus replaces a human translator in early phases of translation; human translator performs 'only' final proofreading. TM's creator is translator himself/herself (he/she

inserts the segment into the translation memory during translation). CAT tools are recommended for use in translation of amounts of texts and also in professional and repetitive texts as computer software offers translation solutions that are recorded in its memory upon detecting recurrent text segments [Smetanová, 2011:4]. Using CAT tools in practice guarantees terminological unification and the elimination of those classic problems which normally occur while translating longer texts, for example various translations of individual terms [Mačura, 2006:52]. Despite the fact that computer-assisted translation tools have become a reality, according to recent research into the Slovak translation market as many as 46% of respondents do not use any of the available CAT tools (Trados, SDLX, Trnasist, IBM-TM, Logos Mneme, Wordfast, Memoq, or others), and therefore a wider implementation of CAT tools in the field of didactics should be considered [Djovčos, 2012:55]. According to the research of Zelenka Agency carried out in 2011 the most used translation programmes used by translators on the current translation market are SDL Trados – 54 %, Wordfast – 24 %, SDLX – 19 %, Across – 14 %, STAR Transit – 9 %, SDL Passolo – 7 %, DejaVu – 6 %, OmegaT – 5 %, Catalyst – 4 %, Idiom – 3 %, MemoQ – 3 %, which in graphical presentation shows the following:



According to the questionnaire distributed among 115 respondents at our Faculty in 2014, 2015 and 2016, our students of translation studies prefer MemoQ, SDL Trados and Wordfast, which in graphical presentation shows the following.



However, it should be added that SDL Trados and MemoQ are available for our students for teaching purposes during lessons free of charge, and they use them during translation seminars on daily bases. Furthermore, SDL Trados, MemoQ and Wordfast are easily available on the Internet, and the students may download and use them for a limited period of time.

Do Slovak universities respond to the requirements of the real translation market? According to Fedorko [2012:3], it seems essential to bridge the existing gap between the strict academic environment and the translation market. Slovak universities typically display the dominance of the declarative approach rather than the dominance of a performance-related approach. This declarative approach is closely related to the genesis of the translation study programme. The subjects of previous teaching programmes were replaced by translatology-oriented disciplines, and philological disciplines such as morphology, syntax, phonology and others have remained almost untouched. Such dominance of the declarative approach is based on the false presumption that mastering the theory automatically means practical competence. Therefore, the mastering of information and communication technologies including CAT tools, represents a challenge in terms of the education and preparation of future translators. Modern translation technologies such as the use of word-processing software, computer-aided translation (CAT)] tools, searching for information on the Internet, for this reason, should be included in the curricula [Kornacki, 2010:21].

Terminology databases

The understanding of specialized vocabulary is a key aspect of any intercultural communication. Glossaries of terms are a necessity for any pro-

fessional translator. The term terminology database includes a set of terminological units from one or more languages organized into terminological records under particular topics.

Currently, we use the following databases for teaching purposes: IATE, Linguee, Glosbe, Eurlex, and various specialised terminology databases currently administered by specialised institutes available on the Internet, *inter alia.*

IATE [http://iate.europa.eu/]

The main instrument for terminology work in the European Union is the interinstitutional terminology database IATE available on the Internet. The abbreviation IATE is derived from InterActive Terminology for Europe. The database is available in all 24 official languages of the EU Member States. It contains more than 8 million terms, including abbreviations, standard phrases, technical terms, place names, names of organizations and organs, abbreviations and acronyms, as well as other useful information, such as definitions and notes on the use of terms, in all official languages. It is the largest terminology database in the world. New terms are added and the database is continuously updated according to development of terminology and feedback provided by experts.

Linguee [http://www.linguee.com/]

Linguee is a unique translation tool combining an editorial dictionary and a search engine. The search results are divided into several sections. In the top section you are shown results from the Linguee´s reliable editorial dictionary. Professional editors are working continuously on adding new entries and enhancing the quality of the dictionary. Compared to traditional online dictionaries, it contains more translated texts, which are displayed in full sentences.

Glosbe [sk.glosbe.com]

Glosbe is a multilingual online dictionary and translation memory. The translation memory is a database of previously translated sentences and phrases. It covers all languages and is developed by the community, just like Wikipedia. Glosbe provides not only translations, but also thou-

sands of examples, pronunciations and images to help one to find a correct translation.

EUR-Lex [http://eur-lex.europa.eu/]

EUR-Lex provides direct free access to European Union law. The system makes it possible to consult the Official Journal of the European Union and includes the treaties, legislation, case-law and legislative proposals, and it offers extensive search facilities. The database is updated daily and contains more than 3 million items. Each document is displayed with analytical metadata (publication reference, dates, keywords, etc.) organised behind different tabs. A document can be displayed in up to 3 languages simultaneously.

Terminology database provides a unified approach to managing terminology for multiple projects across multiple languages. They give a standardized translation for key terms, which guarantees consistency across all languages. Translations are subjective due to the very nature of language. A terminology database eliminates ambiguity and ensures that important terms are translated accurately and consistently every time they are used.

Conclusion

Growing tension imposed by technological progress and labour market contribute to the gradual implementation of various electronic tools into the translation process. We conclude that the current system of translation education in globalised world requires theoretical education, practical preparation and application in relation to CAT tools, which are considered essential skills for translators. Such skills as translation memory usage, terminology extraction, and corpus building promote efficiency and quality. They should therefore be integrated into all regular translation classes. We point out the necessity to update curricula in accordance with the requirements of the real translation market, which requires us to abandon the dominance of the outdated declarative approach, and to balance it with a performance-friendly approach. If teachers want to keep up with modern times, they should combine teaching process and the world of technology.

Bibliography

1. Djovčoš, M. Kto, čo, ako a za akých podmienok prekladá: Prekladateľ v kontexte doby. Banská Bystrica: UMB, FHV, 2012. – 162 p.
2. Fedorko, M. Výučba prekladu a tlmočenia – stav, výzvy a vízie. In: *Jazyk a kultúra.* [online]. 2012. Vol.3, No.12/2012.- p.1-6 file:///C:/PREKLADY/2016/fedorko.pdf
3. Gromová, E. Úvod do translatológie. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2009. – 96 p.
4. Hrehovčík, T. Prekladateľské minimum. Bratislava: Iris, 2006. – 113 p.
5. Hubscher-Davidson, S. Global Trends in Translator and Interpreter Training. London/NewYork . Continuum. 2012. – 288 p.
6. Kornacki, M. Teaching Computer Translation Skills to English Philology Students at the University of Lódž, In : Teaching Translation and Interpreting: Challenges and Practices. Newcastle upon Tyne .Cambridge Scholars Publishing, 2013. – p. 15-25.
7. Mačura, M. Využitie terminologických databáz pri práci s programami na prekladateľksú pamäť. In: Od textu k prekladu. Prague. JTP. 2006. – p.50-54.
8. Müglová, D. Komunikácia, tlmočenie, preklad alebo Prečo spadla Babylonská veža? Bratislava: Enigma, 2009. – 323 p.
9. Nord, CH. Text Analysis in Translation. Theory, Method and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam: Rodopi, 1991.- 250 p.
10. Rakšányová J. Preklad ako interkultúrna komunikácia. Bratislava: Anapress, 2005. – 140 p.
11. Smetanová, M. Práca s prirodzenými jazykmi za pomoci umelých nástrojov. In: Jazyk a kultúra. II, No. 6., file:///C:/PREKLADY/2016/ smetanova%20(1).pdf, 2011. -1-6
12. Starlander, M. Training translation students to evaluate CAT tools using Eagles: a case study. http://www.mt-archive.info/10/Aslib-2013-Starlander.pdf- London: Aslib. 2013.- 10 p.
13. Šavelová, J. Some Comments on the Possibilities of Teaching Professional Translation through the Problem Solution Method. In: Acta Facultaties Humanisticae Universitatis Matthiae Belii Neosoliensis, Banská Bystrica, UMB FHV, 2011. – p. 163-170.

Я. Савелова
(Словакия, Банска Быстрица)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена вопросам профессионального перевода, его значимости и необходимости на современном этапе, а также методам обучения, связанным с переводом, компьютерными переводческими технологиями и их влиянием на методику преподавания в целом.

Ключевые слова: преподавание английского языка, компьютерные переводческие технологии, перевод

Э.П. Васильева
(Россия, Самара)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ В ДРАМАХ ШЕКСПИРА

В статье рассматриваются различные формы коммуникативных стратегий, используемых женскими персонажами в ситуациях внутрисемейного конфликта; выявлены такие виды стратегий, как поиск компромисса, утверждение морального равенства с оппонентом и идейное доминирование над ним.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, конфликтная ситуация, компромисс, доминирование

В процессе эволюции английского языка и становления его как единого национального литературного языка особо значимую роль играет его ранненовоанглийский период, совпавший в Англии по времени с эпохой Возрождения. Как и в других европейских странах,

она ознаменовалась необычайным расцветом научной мысли и культуры. В эту эпоху интенсивно развиваются разные литературные жанры, и высочайшего уровня развития достигает английская драма во главе с В. Шекспиром. Хотя в своих произведениях он нередко обращался к античным сюжетам и истории правления английских королей, нельзя не согласиться с утверждением М.А. Барга о том, что «…исторические взгляды Шекспира формировались не только и даже не столько на материале истории дней минувших, сколько под впечатлением и, вынесенными им из повседневных наблюдений жизни, его окружающей, …, когда он обнаружил, как велика пропасть между социально-этическими идеалами Ренессансного гуманизма и исторической действительностью Англии на рубеже XVI – XVII веков» [Барг 1979: 139]. Как следствие, в драматургических произведениях Шекспира «сущность трагизма всегда заключается в столкновении двух начал – гуманистических чувств, т.е. чистой и благородной человечности, и пошлости или подлости, основанных на корысти и эгоизме» [Алексеев и др. 2000: 390]. Это глубинное противоречие находит материальное воплощение в конфликтных взаимодействиях персонажей, их вербальном и невербальном противостоянии, к анализу которого мы обратимся, опираясь на основные понятия конфликтологии.

Конфликт как одна из форм столкновения интересов членов социума – явление регулярное и закономерное, имеющее множество форм проявления. Э.А. Уткин дает следующее его определение, принятое в психологии: это «столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями» [Уткин 1998: 51]. Н.В. Гришина выделяет 4 вида конфликтов: личностные, межличностные, межгрупповые и внутригрупповые [Гришина 2005: 79]. Условием развития конфликта является возникновение конфликтной ситуации, в основе которой лежит определенное противоречие между взаимодействующими сторонами. В ходе

конфликтного взаимодействия его участники могут использовать стратегию доминирования, предполагающую а) конкуренцию, соперничество, борьбу или б) стратегию сотрудничества, уход от конфронтации, компромисс [Гришина 2005: 217; Уткин 1998: 87]. Обе эти стратегии представляют собой непосредственное взаимодействие и влияние сторон друг на друга, которое может принять формы убеждения, просьбы, внушения, принуждения, деструктивной критики или контраргументации и других видов речевых актов. Очевидно, что изучение конфликта и форм его протекания невозможно без анализа языковых средств, используемых противоборствующими сторонами для выражения своих аргументов или их усиления эмоционально-экспрессивными средствами, выступающими как приемы вербальной агрессии. Под ней понимается «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативно-оценочного отношения к кому- или чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме…» [Петрова, Рацибурская 2011: 23].

В данной статье объектом изучения послужат образцы конфликтных диалогов из драматургических произведений Шекспира, где одной из сторон конфликта выступает женщина, связанная с оппонентом семейными отношениями. В любом обществе семья – его неотъемлемая и важнейшая составляющая; как следствие, во внутрисемейной жизни отражаются в преломлении те нормы и порядки, которые регулируют общественные отношения. В Англии эпохи Возрождения общество представлялось «в виде «пирамиды», лестницы, т.е. как нечто строго иерархическое, как совокупность соподчинений «рангов» и «чинов». Естественно, вершины отводились королю, князьям, а всё остальное общество располагалось у подножья трона по нисходящей» [Барг 1979: 91-92]. Иерархическим образованием в таком обществе являлась и семья во главе с отцом семейства, тогда как роль других его членов понижалась последовательно: «основная масса общества считала жену служанкой и рабой мужа, а дочерей – обязанными во всём повиноваться родителям» [Алексеев и др. 2000: 401].

Отражение именно такого положения дел имеет место в пьесе современника Шекспира – Бена Джонсона “Volpone: or the Fox”. Корвино, взбешенный из-за того, что его молодая жена Селия, не смеющая покидать дома, осмелилась сбросить в окно музыканту (по его просьбе) носовой платок, оскорбляет жену, неоднократно обозвав её гулящей (you whore!), ограничивает свободу передвижения по дому (I’ll chalk a line), лишая доступа к окну (Nor look toward the window!), готов надеть на неё «пояс верности» (here’s a lock which I will hang upon thee) и угрожает убить, если она ослушается (I will make thee an anatomy, dissect thee mine own self) (Volpone, 37-39).

Должную иерархию отношений между мужем и женой провозглашает и героиня комедии Шекспира “The Taming of the Shrew” Катарина в ответ на просьбу мужа наставить непокорных женщин:

Pet. Katharine, I charge thee, tell these headstrong women
What duty they do owe their lords and husbands.
……
Kath. Thy husband is thy lord, thy life, thy keeper,
Thy head, thy sovereign, … (The Taming, Act V, Scene II, p. 313)

Однако в галерее шекспировских женских персонажей представлены и такие героини, которые наделены чувством собственного достоинства, духовной силой и готовы бороться за свои права и любовь. Такова, например, юная Джульетта, вступающая в конфликт с семьёй ради спасения своей любви к Ромео. В основе глубинного конфликта, препятствующего соединению влюблённых, лежит давняя вражда двух семей. Отказ же Джульетты вступить в брак с достойнейшим, по мнению родителей и всей Вероны, Парисом вызывает яростное негодование отца, выливающееся в пространный монолог, полный средств вербальной агрессии в виде оскорблений, запретов, угроз, насмешки над взволнованной и сбивчивой речью дочери:

Cap. How now! How now chop-logic! What is this?
“Proud” and “I thank you” and “I thank you not”; …
You tallow-face!
Lady Cap. Fie, fie! What, are you mad?

Jul. Good Father, I beseech you on my knees.
Hear me with patience but to speak a word.
Cap. Hang thee, young baggage! Disobedient wrech!
……
Cap. An you be mine, I'll give you to my friend,
An you be not, hang, beg, starve, die in the streets… (Romeo and Juliet, Act III, Scene V, p.1034).

Обращение Джульетты за помощью к матери также отвергнуто:
Jul. O! Sweet my mother, cast me not a way:
Delay this marriage for a month, a week…
Lady Cap. Talk not to me, for I'll not speak a word.
Do as thou wilt, for I have done with thee. (Romeo and Juliet, Act III, Scene V, p.1034)

В этом диалоге проявляются закоренелые патриархальные нормы семейных отношений, где дети не только лишены возможности реализовать свои желания, но даже не могут быть услышаны. Здесь имеет место диктаторское доминирование отца, и оно разбивает все попытки Джульетты вывести диалог на сотрудничество и компромисс; ей остаётся только действовать во имя спасения своей любви.

Не менее драматична и развязка конфликта между королём Лиром и его младшей дочерью Корделией, которая, однако, предстаёт как более зрелая и сильная духом личность, нежели Джульетта. В основу её конфликта с отцом легла честность, искренность и прямолинейность Корделии, тогда как окружение короля, включая его старших дочерей постоянно источает только лесть, которая в результате стала восприниматься королём как истина. Благодарность же младшей дочери за отцовскую любовь и заботу прозвучала для него как её душевная чёрствость:
Cord. Good my lord, you have begot me, bread me, lov'd me:
I return those duties back as are right fit,
Obey you, love you, and most honour you.
Why have my sisters husbands if they say
They love you all? Haply, when I shall wed,

That lord whose hand must take my plight
Shall carry half my love with him, half my care and duty:
Sure, I shall never marry like my sisters,
To love my father all.

Не услышав восхвалений и клятв во внеземной жертвенной любви к себе, Лир вопрошает:

Lear. But goes thy heart with this?
Cord. Ay, good my lord!
Lear. So young and so untender?
Cord. So young, my lord, and true. (King Lear. Act I, Scene I, p.974)

В речи Корделии проявляется не только её честность и искренность, но и твёрдость духа, сила характера, которые проявятся в полной мере в ходе дальнейшего развития событий и помогут «прозреть» королю Лиру. Таким образом, в столкновении короля Лира и Корделии отец побеждает лишь формально, как воплощение высшей власти, тогда как в плане духовно-нравственном Корделия остаётся непобеждённой.

Ещё один яркий женский образ, созданный Шекспиром – леди Макбет. По силе духа и готовности идти к цели, хотя и преступной, она не уступает мужчинам, а своего мужа даже превосходит. Примечателен в этом отношении отрывок, где леди Макбет, вынашивая преступный план убийства короля Дункана, призывает духов ужесточить её душу, освободив её от женского начала:

Lady Macbeth. Come, you spirits
That tend on mortal thoughts, unsex me here,
And fill me from the crown to the toe, top-full of direst cruelty!

(Macbeth, Act I, Scene V, p. 1049).

Хотя Макбет, обласканной после очередной победы королём и получившей очередной титул, мысленно примеряет королевскую корону, именно жена, леди Макбет, неустанно внушает ему идею преступного заговора и готовит к нему. Опасаясь, что мужу не хватит твёрдости духа (Yet do I fear thy nature is too full o'th' milk of human kindness – p.1048), она учит его лицемерию:

Lady Macbeth. … bear welcome in your eye, your hand, your tongue:
Look like the innocent flower,
But be the serpent under it. (Act I, Scene V, p.1049)

Именно она разрабатывает детальный план убийства короля, излагает его всё ещё колеблющемуся мужу, укрепляя его твёрдость духа:

Macbeth. If we should fail?
Lady Macbeth. We fail?
But screw your courage to the sticking place
And we'll not fail (Macbeth, Act I, Scene VII, p. 1050).

Таким образом, в этой трагедии доминирующую роль играет женщина: хотя Макбет не лишён тайных тщеславных замыслов, активной движущей силой и катализатором преступных действий здесь выступает леди Макбет. Трагедия «Макбет», как и «Король Лир», выражает отношение Шекспира к проблеме добра и зла, преступления и наказания. И в этом преступлении женщина, которой природой предназначено давать новую жизнь, активно участвуют в лишении её невинного человека. Таким образом, в своих драматургических произведениях Шекспир показал равноценность мужчины и женщины, которая не была характерна для современного ему общества. В произведениях Шекспира женщина – не «услада жизни» или служанка для мужа и детей, а личность, способная принимать решения и совершать поступки не менее разумные и сильные, а порой такие же жестокие, как и деяния мужчин.

Библиографический список

1. Алексеев М.П., Жирмунский В.М., Мокульский С.С., Смирнов А.А. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение. – М.: Высшая школа, 2000. – 462 с.
2. Барг М.А. Шекспир и история. – М.: Наука, 1979. – 215 с.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
4. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.
5. Уткин Э.А. Конфликтология. Теория и практика. – М.: ЭКМОС, 1998. – 264 с.

Источники фактического материала и принятые окращения

1. Volpone: or the Fox – Jonson, B. Two comedies. Volpone: or the Fox. Bartholomew Fair. – Moscow: Higher School, 1978, 302 p.

2. King Lear – Shakespeare, W. The Complete Works. – NY: Gramercy Books, 1997. – P.973-1010.

3. Macbeth – Shakespeare, W. The Complete Works. – NY: Gramercy Books, 1997. – P.1045-1070.

4. Romeo and Juliet – Shakespeare, W. The Complete Works. – NY: Gramercy Books, 1997. – P.1011-1044.

5. The Taming of the Shrew – Shakespeare, W. The Complete Works. – NY: Gramercy Books, 1997. – P.287-315.

E.P. Vasilyeva
(Russia, Samara)

COMMUNICATION STRATEGIES USED BY WOMEN CHARACTERS IN THE CONFLICT SITUATIONS IN SHAKESPEARE'S DRAMAS

The paper surveys the forms of communication strategies used by women characters of Shakespeare's dramas in the situations of family conflicts: they are the strategy of seeking for a compromise, the strategy of proving her opponent's equal or the domination strategy.

Keywords: communication strategy, conflict situation, compromise, domination

С.А. Герасимова
(Россия, Москва)

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ (ПРЕДМЕТНЫЕ) СТРАТЕГИИ МЕТОДИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ КАК АППАРАТА УЧЕБНОГО ИЗДАНИЯ

Учебно-дидактический дискурс – один из видов педагогического дискурса – трактуется как письменная дискурсивная практика, которая объективируется посредством речевых действий (стратегий) в тексте как единице общения с помощью жанра «методическая записка».

Ключевые слова: учебное издание, методическая записка, учебно-дидактический дискурс, стратегия, тактика

В современной лингвистике остается открытым вопрос о классификационных основаниях выделения различных видов «педагогического» дискурса. Содержание термина «педагогический дискурс» вариативно, что определяется широтой области гуманитарного знания и заставляет задуматься о неоднородности спектра педагогического общения.

Предметная область учебных изданий включает специально отобранные знания и представления, отражающие закономерности той сферы деятельности. Мы можем говорить о том, что в учебные издания по иностранному языку включена вспомогательная информация учебно-методического характера о способах освоения материала. Эта информация позволит обучаемому критически осмыслить и сформировать личное отношение к ситуации (помимо конкретного знания о собственно процессе).

Один из видов педагогического дискурса – *учебно-дидактический дискурс* – ориентирован на сферу организованного обучения, где основу составляет учебно-методический комплекс (учебник, методические указания для учителей, дидактический материал и др.), используемый в учебных (дидактических) целях. Ядром

комплекса является учебник в конкретной предметной сфере жизни (иностранный язык) – материализованный хранитель основ социального опыта на уровне учебного материала, подлежащего усвоению новым поколением.

Следовательно, для учебно-дидактического дискурса определяющим будет понятие *дистантной педагогической интеракции*, которая объединяет в себе характеристики коммуникации как «совокупности коммуникативных способностей, качеств, умений и навыков, направленных на передачу, получение и преобразование информации в процессе межличностных отношений, а также на установление и поддержание контакта» [Астафурова 1997: 10].

Любой дискурс репрезентируется определенными дискурсивными жанрами, функционирующими в пределах данной коммуникативной среды, объединяя тематически соотнесенные тексты. При этом базовым критерием для дискурсообразующих признаков является отношение между участниками коммуникации. Учебно-дидактический дискурс трактуется нами как *письменная* дискурсивная практика, результатом которой является речевое произведение – жанр «методическая записка». Мы рассматриваем методическую записку к учебным изданиям по иностранному языку как жанр учебно-дидактического дискурса, представляющий относительно устойчивую модель социокультурной деятельности, осуществляемую в педагогической сфере и направленную на формирование у обучаемых навыков и умений в предметной области (иностранный язык), которая объективируется посредством речевых действий (стратегий) в тексте как единице общения.

В прагматическом аспекте данный жанр рассматривается в связи с ситуацией его порождения на основе прецедентных текстов учебных изданий и функционирования в сфере обучения. Он выполняет, в первую очередь, коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию учебной книги, как интеллектуального продукта, на книжном рынке [Викулова, Иванова 2014: 15]. Отметим, что учебно-дидактический дискурс целенаправлен на убеждение адресата (педагога / ученика) выполнить

определенные дидактические задачи при работе с предлагаемым учебным изданием по обучению иностранному языку, а значит, имеет ограниченную сферу применения.

Методическая записка как особый «дидактический текст» принадлежит к «аппарату ориентировки» учебного издания. Роль аппарата ориентировки состоит, прежде всего, в информировании, имеющем направляющий, указывающий, поисковый, предваряющий, обозначающий характер. Важным фактором в данном случае становится удобочитаемость учебного издания как жанра, где ориентирование является направляющим информированием [Васильев 2010: 46-48].

Активно используемая в педагогической коммуникации в целом и в учебно-дидактической в частности, специфика коммуникативных действий реализуется через применение различных стратегий как оптимальных технологий при изучении иностранного языка при прямом или опосредованном самостоятельном усвоении материала.

В общетеоретическом аспекте *стратегия* понимается как своеобразный план преодоления возможных трудностей в предметной области *иностранный язык*, подразумевающий максимально эффективное достижение поставленных авторами методической записки целей. Отметим мнение специалиста по лингводидактике М.В. Давер о значимости категории стратегия: «Необходимость применения стратегий всегда изначально вызвана либо осложнениями в ходе деятельности (реальными или антиципируемыми) и возникновением необходимости планирования, разработки специальных решений, усложненных планов коррекции деятельности, каковыми, по определению, и являются стратегии, либо стремлением к максимально эффективному выполнению деятельности, недопущению возникновения затруднений» [Давер 2008: 17].

Мы понимаем коммуникативно-прагматическую стратегию как линию речевого поведения, избранную автором методической записки для достижения своей главной цели в речевом взаимодействии с потенциальным адресатом. Стратегичность автора заключается в презентации учебного издания, нового в методическом отношении и в создании условий для адекватной работы с основным текстом учеб-

ника. Показателем стратегичности мы считаем текст методической записки как материальное воплощение различных стратегий автора. Прагматика дискурсивных стратегий, используемых в методической записке, направлена на ориентирование читательской аудитории и носит развивающий характер, поскольку основана на потенциальном диалоге коммуникантов и их обоюдной открытости [Иссерс 2003: 56–61].

К таким стратегиям отнесем эпистемические (познавательные) стратегии и метадискурсивные (коммуникативно-прагматические). Поскольку основными функциями учебного издания являются информирующая и организующая, при непрямой коммуникации, то обращение к методической записке позволяет использовать *эпистемические стратегии*, направленные на трансляцию определенного типа знания, которое обозначим, вслед за А.Р. Габидуллиной, как «нормативное знание» – некий ориентир, призванный ввести обучаемого в контекст учебной дисциплины «иностранный язык». Прагматическая цель, которую ставит перед обучающимся автор учебной книги: узнать, какие действия следует предпринять, чтобы достичь результата, т.е. он нуждается в инструкции [Габидуллина 2009: 111–113].

Используя жанр методической записки, авторы учебного издания избирают основные эпистемические, или предметные, стратегии учебного издания: информирующую (нормативно-репрезентативную) и организующую. Они представляют собой кратчайший путь для адресата, способствующий изменению его осведомленности о тексте учебника, его пониманию и отношению к конкретному учебному изданию. Контролирующая стратегия используется, как правило, в прямоакциональном дискурсе.

Информирующая стратегия обнаруживается в формулировании заголовков, системе рубрикации. В методической записке используется *тактика таксономической программной композиции* [Димова 2005: 157-158], связанная с процессом моделирования знаний и дидактическими задачами и реализуемая за счет информирования о принципах организации учебного материала.

В методических записках, как правило, представлен раздел, раскрывающий структуру учебного издания, своеобразный инструмент поиска адресатом нужной информации:

СТРУКТУРА УЧЕБНИКА, ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С НИМ

Структурно учебник для X класса и другие компоненты учебно-методического комплекта открывают завершающий этап обучения английскому языку в старшей школе, который рассчитан на два года – X и XI классы. < …> Структурно учебник английского языка для X класса состоит из ***4*** *частей (Units), строящихся вокруг следующих учебных тем: 1) Man the Creator, 2) Man the Believer, 3) Man – the Child of Nature, 4) Man – the Seeker of Hapiness* [Афанасьева, Михеева 2008: 7].

В приведенном примере фактически отрезюмирована содержательно-фактуальная информация через представление смысловых блоков (*units,части*), составляющих учебники по иностранному языку. Эти блоки могут быть обозначены как римскими цифрами, так и порядковыми числительными, выступающими в качестве детерминативов к словам *unit / часть*. Такая предваряющая информация о книге основана на категории проспекции, используемой для предуведомления адресата о том, какая информация и в какой последовательности ожидает его в процессе работы с текстом [Герасимова 2015: 149]. В подобных случаях для организации текста как дискурсивного жанра авторы учебника классифицируют информацию по степени важности или по этапам для того, чтобы она была более понятной пользователю книги.

Формат представления тактики таксономической программной композиции выражается в использовании паралингвистических средств (вариативность шрифтов и кеглей, скобок). Такие средства должны помочь преподавателю при выстраивании образовательной траектории в зависимости от конкретных условий реализации учебного процесса, удерживая внимание и познавательный интерес учащихся.

Организующая стратегия обнаруживается в формулировании заданий. При этом активно используется *тактика прямого побужде-*

ния, коммуникативным центром выступает ряд директив в форме повелительного наклонения как указание на объективную необходимость выполнения тех или иных действий в предлагаемой ситуации. В этом плане интересны методические рекомендации в книге для студента «Английский язык. Интенсивный курс» (автор Т.С. Латышева). Начиная с заголовка «Нашим студентам», рекомендации практически полностью состоят из побудительных предложений, пронумерованных в соответствии со схемой успешного освоения материла, выдвинутой автором (всего 14 пунктов):

- *Теперь вы можете выполнять следующие задания:*

1. Не спешите открывать учебник. Вначале послушайте запись урока…

2. Прослушайте каждый микроэпизод урока несколько раз.

3. Теперь откройте текст-полилог. Слушайте запись, следя по тексту.

4. Слушайте запись и повторяйте за диктором каждую фразу…

5. *Откройте текст-полилог. Глядя в текст, произносите каждую фразу вместе с диктором, соблюдая темп его речи* и т.д. [Латышева 2000: 7].

Такое побуждение к действию с указанием способов действия и их последовательности дает возможность автору перейти на доверительный уровень по отношению к читателю, достичь максимального понимания с потенциальным потребителем учебника. Данный подход позволяет раскрыть обучающие возможности учебника, оказать воздействие на адресата с целью информирования о методике работы с учебником, наилучшим образом сформировать информационную культуру личности, передать знания, необходимые обучаемому в практической деятельности. Это редкий пример такого рода построения методической записки в отечественной педагогической практике.

Таким образом, исследование коммуникативного потенциала методической записки как жанра учебно-дидактического дискурса позволяет говорить о том, что диалогичность учебно-дидактической коммуникации достигается за счет использования ряда дискурсивных стратегий. Эпистемические (предметные) стратегии находят свое во-

площение в тактике таксономической программной композиции и тактике прямого побуждения. Использование эпистемической стратегии направляет дискурсивный потенциал обучаемого на формирование его собственной учебной деятельности с использованием макростратегии достижения.

Библиографический список

1. Астафурова Т.Н. Стратегия коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (Лингвистический и дидактический аспекты): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / МГПУ. – М., 1997. – 41 с.

2. Афанасьева О.В. Предисловие // Английский язык: кн. для учителя к учеб. для X кл. шк. с углубл. изучением англ. яз., лицеев, гимназий / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева.. – М.: Просвещение, 2008. – С. 3-12.

3. Васильев С. Л. Удобочитаемость газеты и журнала. – Воронеж: Кварта, 2010. – 152 с.

4. Викулова Л.Г., Иванова Н.С. Лингвопрагматические особенности прикнижной аннотации во французском издательском дискурсе // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – Иркутск, 2014. – С. 6-16.

4. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: монография. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2009. – 292 с.

5. Герасимова С.А. Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект. – М.: МГПУ, 2015. – 224 с.

6. Давер М.В. Мотивационно-стратегические аспекты личностно-ориентированного подхода к изучению русского языка как иностранного на начальном этапе: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.02. – М., 2008. – 47 с.

7. Димова Г.В. К проблеме дискурсивной ответственности преподавателя в процессе университетской интеракции // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск, 2005. – С. 152-161.

8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – М.: УРСС, 2003. – 288 с.

9. Латышева Т.С. Нашим студентам // Английский язык. Интенсивный курс для начинающих: учебник / Т.С. Латышева. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 7-8.

S.A. Gerasimova
(Russia, Moscow)

THE EPISTEMIC (SUBJECT) STRATEGY OF A METHODICAL NOTE AS A TOOL OF AN EDUCATIONAL EDITION

The educational / methodical discourse as a kind of pedagogical discourse is regarded as a written discourse practice that is objectified by means of speech acts (policies) in the text as a unit to communicate of a particular genre "methodical note".

Keywords: coursebook, methodical note, educational / methodical discourse, strategy, tactics

I.V. Golubkova
(Russland, Samara)

DISKURS DER BEWERBUNGSRATGEBER: MILTIFUNKTIONALE TEXTSORTE ALS WISSENSVERMITTLER

Im Artikel wird ein kulturspezifischer deutschsprachiger Diskurs der Bewerbungsratgeber thematisiert, dem eine spezifische Textsorte zugrunde liegt. Mit Mustern wird es dargestellt, wie sich das Wissen über Kommunikationsnormen, Regeln und Trends in der Bewerbungssituation durch die sprachliche Textspezifik der Bewerbungsratgeber vermitteln lässt.

Schlüsselwörter: Diskursanalyse, Textsorte, Bewerbung, Ratgeber, Deutsch

Die Diskursanalyse hat in den letzten 20 Jahren in der Germanistik immer mehr an Bedeutung gewonnen. Die Diskurslinguistik bildet sich als eine eigene linguistische Subdisziplin heraus, welche die Textlinguistik zu beerben trachtet, indem sie die soziale Funktionalität, die Wissensdimensionen, den vielseitigen Kontext, die Multimodalität und die Materialität von

Sprachen stärker einbezieht [Spitzmüller/Warnke 2011]. Es besteht aber keine Einigkeit, wie der Diskurs definiert sein soll. Den meisten linguistischen Diskursbestimmungen ist es gemeinsam, dass sie den Diskurs als praxisbezogene kommunikative „textübergreifende“ Einheit ansehen, die vor allem textuell konstituiert wird [Wrana 2014: 79-82]. Diskurs wird hauptsächlich als ein textübergreifender Verweisungszusammenhang definiert, dessen Grundlage eben der Text ist [Spitzmüller/Warnke 2011; Niehr 2014]. Er lässt sich immer nur über „die Zusammenstellung mehrerer (möglicherweise sogar vieler) Texte materialisieren, ein Textkorpus ist mithin unverzichtbar, um die Eigenheit eines Diskurses zu erforschen“ [Niehr 2014: 31].

D. Busse und W. Teubert haben den Diskursbegriff eingegrenzt und erläutert. Unter Diskurs im forschungspraktischen Sinne verstehen sie ein Textkorpus, „dessen Zusammensetzung durch im weitesten Sinne inhaltliche (bzw. semantische) Kriterien bestimmt wird“ [Busse/Teubert 1994: 14]. Ihnen zufolge gehören zum Diskurs „alle Texte, die sich mit einem (…) Gegenstand, Thema, Wissenskomplex oder Konzept befassen, untereinander semantische Beziehungen aufweisen und/oder in einem gemeinsamen Aussage-, Kommunikations-, Funktions- oder Zweckzusammenhang stehen“ [Busse/ Teubert 1994: 14-15]. Wichtig ist es, dass eine Textsammlung (ein Textkorpus) die materielle bzw. sprachliche Grundlage des jeweiligen Diskurses bildet. Ein konkreter Diskurs wird prinzipiell nur über den Text zur Analyse zugänglich. Auf diese Weise lässt sich ein untrennbarer Zusammenhang von Text und Diskurs erschließen.

Weiterhin wird noch ein wichtiger Zusammenhang aufgedeckt und zwar der logische Übergang von Diskurs zum Wissen. G. Antos betonte, dass Texte eine grundliegende Konstitutionsform von Wissen sind. Wichtig ist es, dass Texte nicht nur Mittel zur Wissensrepräsentation und -archvierung ausmachen, sondern auch, dass sie zentral an individueller und sozialer Wissenskonstruktion beteiligt sind. „Die moderne Evolution des Wissens mit ihrer kulturellen, historischen und funktionalen Vielfalt wäre ohne die Existenz von Texten nicht möglich“ [Antos 1997: 45-51]. Daraus lässt sich ableiten, dass der jeweilige Diskurs als „textübergreifende“ Einheit dasselbe schaffen kann, den jeweiligen Wissenskomplex durch Texte zu repräsentieren, zu archivieren und zur Evolution des Wissens beizutragen.

Heute sind Regale im Buchhandel voll von Publikationen, die sowohl trickreiche Tipps als auch seriöse Prinzipien rund um das Thema „Bewerbung“ liefern. Seit Anfang des XXI. Jahrhunderts werden die s. g. Bewerbungsratgeber immer mehr gefragt, weil sie den Ratsuchenden in Bewerbungssituationen das nötige Expertenwissen «*mit Zufriedenheitsgarantie»* zur Verfügung stellen [Püttjer/Schnierda 2014]. Die Ratgeberliteratur ist aber ein noch immer stark vernachlässigtes Themenfeld in Forschung: Ratgeber als Textsorte bzw. Genre wird „im Schatten des Sachbuchs mitverhandelt und nur „als dessen Sonderform oder Derivat aufgefasst“ [Kessler 2014: 10]. Neulich wird das Phänomen Ratgeber etwas präziser in Abgrenzung zum Sachbuch definiert und als ein eigenständiger Publikationstyp erfasst. Man weist darauf hin, dass sich s.g. menschliches „Regelwissen“ bzw. „die Lebenskunst als Technik in Form der Ratgeber- und Anweisungsliteratur vermitteln lässt“ [Kessler 2014: 51].

Bewerbungsratgeber als eine themazentrierte Textmenge bzw. ein relativ einheitliches Textkorpus zum Thema „Bewerbung“ bilden den Diskurs der Bewerbungsratgeber. Gemeinsame Funktion und Zweck dieser Texte sind primär die Beratung und praxisorientierte Wissensvermittlung zur Optimierung des Bewerbungsprozesses, was den diskursiven Zusammenhang dieser Texte bestätigt. Nach Katalogangaben der Deutschen Nationalen Bibliothek (DNB) wurden seit 2000 etwa 500 Bewerbungsratgeber herausgegeben und die erfolgreichsten, d.h. die meistverkauften, erscheinen regelmäßig in erneuten Ausgaben. Autoren der Ratgeber sind meistens Experten, die eine einschlägige Ausbildung haben (z.B. in der Psychologie, in Organisation und Management u.a.). Praxiserfahrung und Fachwissen teilen sie mit Ratsuchenden über die Publikationen. Zur Zielgruppe gehören hauptsächlich ratsuchende Personen, die nach einer Stelle suchen und sich optimal bewerben wollen.

Bewerbungsratgeber lassen sich thematisch in vier Gruppen einteilen. Inhaltlich liefern Ratgeber ein spezifiziertes Wissen über den Bewerbungsprozess oder richten sich an unterschiedliche Gruppen:

1) Allgemeine Bewerbungsratgeber, die sich Enzyklopädien ähneln. In denen werden alle Bewerbungsstationen (von Stellensuche bis Probezeit) beschrieben, unterstützt mit entsprechenden Handlungshinwei-

sen. Ratgeber dieser Gruppe lassen sich als Bewerbungsenzyklopädien bezeichnen.

2) Spezialisierte Bewerbungsratgeber bzw. Bewerbungsenzyklopädien, die primär dem Zweck dienen, bestimmte kommunikative Fertigkeiten beim Ratsuchenden zu entwickeln. Z. B., wie man form- und sprachkorrekt eine schriftliche Bewerbung erstellt, oder wie man eine kreative, bewusst auffallende und normübergreifende Bewerbungsmappe vorbereitet, um mit besonderen Eigenschaften zu prunken.

3) Bereichsspezifische Bewerbungsratgeber, die sich auch untergliedern lassen: entweder richten sie sich an spezielle Bewerbergruppen (z.B. Führungskräfte, Hochschulabsolventen, Akademiker u.a.) oder gehören themeninhaltlich zu den engeren Fachbereichen (z.B. öffentlicher Dienst, Wirtschaftsbranchen, Jura u.a.).

4) Atypische Bewerbungsratgeber, z.B. Anti-Ratgeber wie: „*So bleiben Sie erfolgreich arbeitslos: Ein paradoxer Bewerbungsratgeber*“ von C. Riechers, oder Literaturgeschichten wie: „*Bewerbung mit Blasenentzündung: P.S. Erzieherin sucht Arbeit*“ von M.G. Utkuseven, die einzeln erscheinen.

Die Textstruktur der Bewerbungsratgeber entspricht streng der Themenentfaltung. Die Themenentfaltung im Ratgeber als Textsorte ist hauptsächlich dreiteilig: 1) ein Explanandum, d.h. eine Problemdefinition mit analytischer Beschreibung, 2) ein Explanans, d.h. eine Problemexplizierung, 3) eine Problemlösung, von den Autoren vorgeschlagen. In der Weise werden in Bewerbungsratgebern einzelne problematische Stationen des Bewerbungsprozesses definiert bzw. von Experten analytisch beschrieben mit Hinweisen auf aktuelle Tendenzen und Praxiserfahrung der Experten (z.B. *Vorbereitung der Bewerbung, Mappenerstellung, Initiativbewerbung* usw.).

Ein Ratgeber ist entsprechend derartigen Makrothemen inhaltlich in engere Mikrothemen gegliedert (z.B. *Potentialanalyse, Reflexion, Suche nach potentiellen Arbeitgebern* usw.). Je nach Mikrothemen gibt es entsprechende argumentative Explizierungen und unbedingt themenentsprechende Lösungen d.h. Handlungspläne, die für den Ratsuchenden in der Zukunft handlungsleitend sein können [Fandrych/Thurmai 2011: 250].

Diese Handlungspläne sind für jeden Bewerbungsratgeber kennzeichnend, haben aber je nach dem Mikrothema unterschiedliche Funktionen und Textmusterformen.

Weiter werden kennzeichnende Sprach- und Textsortenmerkmale aus den Ratgebern „*Das große Bewerbungshandbuch"* (Püttjer&Schnierda, 2014), „*Praxismappe für ihre kreative Bewerbung"* (S. Hofert, 2008) und „*Bewerben als Führungskraft*" (M.T. Meifert, 2011) aufgezeigt. Diese Publikationen stellen typische Bewerbungsratgeber jeder der drei ersten obenerwähnten Gruppen dar.

Damit der Ratsuchende eigene Fähigkeiten und Potentiale zunächst systematisch analysieren, auswerten und folglich bei der Bewerbung beschreiben kann, gibt es Listen mit anleitenden Suggestivfragen, z.B.: *„Welcher Ihre Vorzüge könnten – über die fachliche Qualifikationen hinaus – für die Position relevant und für das Unternehmen interessant sein? Wie sehen Bekannte und Kollegen Sie? Teilen diese Ihre Einschätzung bezüglich Ihrer Talente?"* u.a. [Hofert 2008: 63]. Solche Fragenlisten machen Denkpläne aus: Ziel der Fragen ist es, den Ratsuchenden zu motivieren, eigene Erfahrungen zu katalogisieren, damit er sie beim selbstdarstellenden Bewerbungsschreiben als Argumente nutzten kann [Meifert 2011: 16-17].

Es gibt Lückentexte mit Schlagwortenauswahl bzw. „*Übungen*" oder „*Trainings*", z.B. „*Systematische Auflisten des Weiterbildungsengagements*" und „*Systematische Erfassung der Freizeitaktivitäten*" [Püttjer/Schnierda 2014: 28-29]. Solche Lückentexte machen den Ratgebertext strukturell dialogisch. Es sieht wie bei einer mündlichen Beratung mit Experten aus, als ob die beiden, Ratgeberautor bzw. Experte, Ratsuchender bzw. potentieller Bewerber substanziell an der Konstituierung des Textes beteiligt sind. Eine derartige Textstruktur beweist die primäre Funktion der Wissensvermittlung.

Am Ende der meisten Kapitel und Paragrafen in Bewerbungsratgebern gibt es Checklisten, z.B. „*Checklisten für Ihre Selbstpräsentation*" [Püttjer/Schnierda 2014: 47]. Sie erscheinen wie ein kontrollierender Handlungsplan *post factum*. Checklisten können das Paragrafenthema abschließen, aber auch am Ende des Buches im Anhang nochmals beigefügt werden, damit der Leser sie mehrmals praktisch nutzte [Meifert 2011: 173].

Zu den weiteren wichtigen Sprachmerkmalen der Bewerbungsratgeber gehören:

- Bewertende und trendabhängige Situationsbeschreibungen, z.B. „*Die Firmen haben heute eine sehr viel genauere Vorstellung davon, wie ihr idealer Kandidat oder ihre ideale Kandidatin auszusehen hat. Es gilt also, im gesamten Bewerbungsverfahren nicht nur das eigene Fachwissen richtig darzustellen, sondern auch die Soft Skills zu zeigen, die von den Firmen verlangt werden"* [Püttjer/Schnierda 2014: 17]. Diese Situationsbeschreibungen vermitteln das aktuelle Wissen über kommunikative Besonderheiten der Bewerbungssituation. Das Wissen kann für spezielle Gruppen von größerer Relevanz sein, z.B. *„Insbesondere von Führungskräften wie Ihnen wird verlangt, dass Sie nicht nur andere Menschen, sondern auch sich selbst einschätzen können*" [Meifert 2011: 13]. Situationsbeschreibungen können auch zur Steigerung der Überzeugungskraft auch als Zitaten von anderen Experten vorkommen, z.B. „*Wir bevorzugen den amerikanischen Stil. Das bedeutet: Der Bewerber sollte zum Ausdruck bringen, was er erreicht hat, welche Projekte er durchgeführt und wie viel Verantwortung er getragen hat. (...)" Vicatus AG, Marktforschung, Dr. Gaby Wiegan, Vorstand, München"* [Hofert 2008: 11].
- Auflistungen bzw. thesenhafte Explizierungen der autorisierten Kommunikationsmethoden und -prinzipien, z.B. *„Bewerben mit der Püttjer&Schnierda-Profil-Methode: 1. Passgenauigkeit; 2. Stärkenorientierung; 3. Glaubwürdigkeit"* [Püttjer/Schnierda 2014: 19]. Es kommen auch Explizierungen durch Schemen bzw. Wortschemen oder Bilder vor [Meifert 2011: 9]. Solche Explizierungen dienen vorrangig der Anschaulichkeit der erörterten Probleme und empfohlenen Problemlösungen.
- Oftmals verwendete Anrede mit „*Sie*", die das Selbstwertgefühl des Ratsuchenden stärken soll, z.B. *„Sie sollten Ihre Selbstpräsentation so aufbauen, dass der Bezug zur ausgeschriebenen Stelle deutlich wird. Das bedeutet für Sie, dass Sie zuerst Ihre jetzige Tätigkeit darstellen, da diese die Basis für Ihren Stellenwechsel ist"* [Püttjer/Schnierda 2014: 73].
- Imperative z.B. „*Stellen Sie die Aufgaben, die Sie in Ihrer momentanen Position bearbeiten, an den Anfang Ihrer Selbstpräsentation. Heben Sie die Tätigkeiten hervor, die einen Bezug zu der neuen Stelle haben.*"

[Püttjer/Schnierda 2014: 73], oder z.B. *„Sieben Gesetze für eine gute, kreative Bewerbung: §1 Persönlichkeit zeigen; §2 Fakten liefern; §3 Auf das Wesentliche beschränken; §4 Nerverei unterlassen; §5 Einheitlichkeit vermitteln; §6 Passend bewerben; §7 Zielgruppe anvisieren“* [Hofert 2008: 12-13]. Bemerkenswert ist es hier, dass Prinzipien der Kommunikation beim Bewerben eben in stilisiert vorschreibender Form formuliert sind. Die Stilisierung (Prinzipien als „*Gesetze*“) dient dabei zur Motivation der Leser.

- Mäßig verwendete, allgemein verständliche Fachsprache, z.B. „*Erstellung und Auswertung von Betriebsstatistiken, Abweichungsanalyse, Mitwirkung am internen Rechnungs- und Berichtwesen, Kostenrechnung, Budgetierung, Erstellung von Quartalabschlüssen* usw.“ [Püttjer/Schnierda 2014: 80].
- Anschauliche Sprachmuster im Vergleich, die sprachliche Präferenzen beim Bewerbungsschreiben aufmachen [Hofert 2008: 93]:

Tab. 1. Der Fließtext – wenig sagen, viel zum Ausdruck bringen

Zu kompliziert -	***Klar und einfach +***
Für Ihr Internehmen habe ich großes Interesse.	Ich interessiere mich für die Stelle.
Aufgrund meiner Ausbildung und meines bisherigen Lebenslaufs bin ich der Meinung, dass ich der Stelle gerecht werden konnte.	Meine Ausbildung und meine Erfahrung entsprechen Ihren Anforderungen.
Wie mit Ihnen bereits am Telefon besprochen, geht es mir um einen beruflichen Neuanfang.	Telefonisch berichte ich Ihnen von meinem beruflichen Veränderungswunsch.
Ich zeichne mich aus durch Dynamik und Teamfähigkeit.	Kollegen loben mich als teamfähig und schätzen mich als sehr dynamisch ein.
Engagement bringe ich über das übliche Maß hinaus mit.	Ich engagiere mich und arbeite gern, auch mal am Wochenende.
Ich sehe meine Stärken in meiner Kommunikationsfähigkeit.	Ich bin ausgesprochen kommunikativ.
Stressresistenz gehören zu meinen wichtigen Eigenschaften	Stress prallt an mir ab.

- Unterstützende Textmuster zum Bewerbungsschreiben (Deckblatt, Anschreiben, Lebenslauf u.a.). In Ratgebern sind nicht nur Bewerbungsmuster im Vergleich („schlechte“ 1. Variante und überarbeitete „gute“ 2. Variante) mit entsprechenden Expertenkommentaren, sondern auch kreative normbrechende aber trotzdem „erfolgreiche“ Beispielmuster vorhanden. S. Hofert betont beispielsweise, dass alle ihre Bewerbungsbespiele aus ihrer Praxis stammen und erfolgreich waren. „*Sie haben also zu einer Einladung zum Vorstellungsgespräch geführt und dadurch oft sogar eine Einstellung bewirkt*“ [Hofert 2008: 10]. An den meisten Mustern z.B. zur Verfassung des überzeugenden Anschreibens merkt man, dass sie sprachliche Argumentationsmuster liefern. Diskurslinguistisch heißen so „die wiederholt verwendeten Strukturen einzelner Argumentationen“ [Wrana 2014: 39]. Verdächtig ist es aber, dass Argumentation durch solche Muster die Überzeugungskraft gewinnt, nicht immer aus ihrer logischen Richtigkeit, sondern primär aus ihrer Plausibilität, z.B. „*Nach einem Abstecher in der PR wünsche ich mir den turbulenten Alltag einer Zeitschrift zurück. Insbesondere reizt mich die Produktion: Denn hier kann ich meine Planungs- und Organisationsfähigkeiten einsetzen und meine Begeisterung für die Arbeit am Endproduktion in die Tat umsetzen“* [Hofert 2008: 94].

Die meisten Bewerbungsratgeber durchzieht eine gemeinsame Leitidee, die von Marketing bzw. Selbst-Marketing stammt. Dem Selbst-Marketing-Prinzip zufolge, sei der Bewerber ein „Produkt“ mit wertvollen Charaktereigenschaften, er besitze Qualifikationen, Erfahrungen und „Know-Hows“, die er günstig „zu verkaufen habe“. Im Bewerbungsprozess solle er sich als Produkt bzw. Marke konzeptuell entwickeln und sich nur anpassend den „Kunden“ bzw. der Zielgruppe präsentieren. Die Sprache wird in diesem Fall der Verpackung ähnlich, indem sie für den Produkt-Inhalt möglichst präzis, aber auch anlockend werben soll [Püttjer/Schnierda 2014: 85; Hofert 2008: 52-70; Meifert 2011: 9-27].

Aus diesen Beispielen ist es ersichtlich, dass thematische Problembeschreibungen im Ratgebertext das Wissen über aktuelle Tendenzen des Bewerbungsprozess bedeutungszuschreibend liefern. Unterschiedlich geformte Handlungspläne fördern Entwicklung der kommunikativen Fertigkeiten bei den Ratsuchenden. Alle oben dargelegten Textelemente der Be-

werbungsratgeber haben Funktionen der praxisorientierten Wissensvermittlung oder Fertigkeitsentwicklung. Das bestätigt die These, dass Diskurs der Bewerbungsratgeber durch die multifunktionelle Textsorte zur Vermittlung des gesellschaftsrelevanten Wissens bzw. des Regelwissens über die selbstdarstellende Kommunikation bei der Bewerbung beiträgt. Es muss bemerkt werden, dass in den Bewerbungsratgebern beinhaltete Bewerbungsmuster und entsprechende Kommunikationsprinzipien und -regeln die deutsche Sprach- und Stilnorm beim Schriftverkehr im öffentlichen Kommunikationsbereich formen und festigen.

Literaturverzeichnis

1. Antos G. Texte als Konstitutionsformen von Wissen. Thesen zu einer evolutionstheoretischen Begründung der Textlinguist // Antos G., Tiertz H. (Hg.) Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen, Transformationen, Trends. – Tübingen: Niemeyer. 1997. – S.43-63.

2. Busse D., Tuebert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Busse D., Hermanns F., Tuebert W. (Hg.) Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfrage und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. – Opladen: Westd. Verlag. – 1994. – S.10-28.

3. Fandrych C., Thurmair M. Textsorten im Deutschen: linguistische Analysen aus sprachdidaktischer Sicht. – Tübingen: Stauffenburg, 2011.

4. Hofert S. Praxismappe für Ihre kreative Bewerbung. – Frankfurt am Main: Eichborn, 2008.

5. Kessler G. Der Buchverlag als Marke. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2013.

6. Meifert M.T. Bewerbung als Führungskraft. – Freiburg: Haufe, 2011.

7. Niehr Th. Einführung in die linguistische Diskursanalyse. – Darmstadt: WBG, 2014.

8. Püttjer C., Schnierda U. Das große Bewerbungshandbuch. – Frankfurt am Main: Campus, 2014.

9. Spitzmüller J., Warnke I.H. Diskurslinguistik: eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. – Berlin: W. de Gruyter, 2011.

10. Wrana D. DiskursNetz. Wörterbuch der interdisziplinären Diskursforschung / hrsg. von D. Wrana. – Berlin: Suhrkamp, 2014.

И.В. Голубкова
(Россия, Самара)

ДИСКУРС СПРАВОЧНИКОВ ПО ПОДАЧЕ ЗАЯВЛЕНИЙ: МУЛЬТИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТОТИП КАК ТРАНСЛЯТОР ЗНАНИЯ

В статье описывается дискурс, сформированный в ФРГ особым текстотипом – справочниками по подаче заявлений (Bewerbungsratgeber). На примерах демонстрируется то, как через комплексный текстотип транслируется востребованное знание о нормах, правилах и особенностях коммуникации в условиях должностного конкурса.

Ключевые слова: дискурс-анализ, текстотип, справочник, знание, коммуникация, письменная речь

М.А. Гончарова
(Россия, Самара)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПА ТЕКСТА «КУЛИНАРНЫЙ РЕЦЕПТ» В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье проводится сравнительный анализ функционирования типа текста «кулинарный рецепт» в поваренной книге, в женском журнале и на веб-сайте. Выявленная трансформация обусловлена техническими возможностями веб-сайтов, заключается в диалогическом характере рецептов и отражается на его структуре и языке.

Ключевые слова: интернет-дискурс, жанры интернет-дискурса, диалогичность, тип текста

Общение в интернете, играющее все более важную роль в современном обществе, стало в последнее время объектом пристального

внимания лингвистов. Исследователи интернет-пространства отмечают такие его характеристики, как технологический канал связи [Галичкина 2001], гипертекстуальность [Галичкина 2001], опосредованность, анонимность [Серебренникова 2002], свобода входа, выхода и пребывания, а также гетерогенность режимов функционирования [Попова 2015: 46].

Многообразие жанров, используемых в интернет-дискурсе, привело к необходимости их классификации. Следует отметить, что в лингвистической литературе применительно к интернет-дискурсу термином «жанр» называются весьма неоднородные явления: с одной стороны, это всевозможные сайты, виртуальные «факультеты и университеты», интерактивные учебные курсы, виртуальные игры, WEB в целом, с другой стороны – письма электронной почты, статьи электронных СМИ или тексты микроблогов [Ахренова 2009; Иванов 2000; Вохрышева 2015]. Мы предлагаем упорядочить терминологию и различать сферы или ситуации использования интернета, которые уже принято называть жанрами интернет-дискурса, и типы текста, которые создаются в тех или иных ситуациях или жанрах интернет-дискурса.

Л.Ю. Иванов предлагает разделить жанры на исконно сетевые, т.е. порожденные самим использованием языка в сети (чаты и дискуссионные группы), и заимствованные интернетом из других сфер общения (аннотации научно-технических статей или передовицы электронных СМИ). Наиболее характерные особенности языка интернета выделяются на базе исконных сетевых жанров. Именно в них наиболее полно реализуются языковые новации. В заимствованных жанрах сети определить различия труднее. Л.Ю. Иванов отмечает, что отдельные заимствованные жанры могут почти не отличаться друг от друга в виртуальном и «бумажном» варианте. Особенности таких жанров часто продолжают определяться, в первую очередь, не столько фактом их бытования в интернете, сколько той функциональной разновидностью языка или сферой общения, из которой они перешли в интернет [Иванов 2000: 56-59].

На наш взгляд, во втором случае речь идет, главным образом, о типах текста, которые существовали еще до эпохи интернета, а потом вошли в интернет-пространство. Но мы полагаем, что изучение заимствованных интернетом типов текста представляет не меньший интерес, чем исследование собственно интернет-жанров, поскольку позволяет обнаружить преимущества или недостатки, а также объяснить популярность интернет-версий отдельных типов текста. Одним из заимствованных интернетом типов текста является кулинарный рецепт.

Согласно определению П.П. Бурковой, кулинарный рецепт представляет собой письменный, монологический, подготовленный текст, хранящий информацию «накопительного» характера, рассчитанную на длительное использование, при этом автор имеет преимущество перед адресатом в определенной области знаний. Основные функции кулинарного рецепта: информативная, побудительная, обучающая [Буркова 2004: 9, 24].

Основным местом реализации текста кулинарного рецепта П.П. Буркова считает поваренную книгу. В структурном аспекте кулинарный рецепт характеризуется простотой и стереотипностью построения и состоит из трех блоков: а) интродуктивного (название и ингредиенты); б) основного (алгоритм действий); в) заключительного [Буркова 2004: 9, 14].

С лексико-семантической точки зрения кулинарный рецепт отличается нейтральностью. В нем используется неэмоциональная, безоценочная лексика нейтрального как в отношении стиля, так и в отношении автора лексического фонда (экспрессивно окрашен может быть только заголовок), мало- и моносемантичная лексика, термины, заимствования, аббревиатуры. Главной особенностью текста кулинарного рецепта является безличностность изложения, которая выражается в использовании глаголов в форме инфинитива или пассивного залога и в отсутствии местоимений «я» и «мы» [Буркова 2004: 15-17].

Таким образом, кулинарный рецепт предстает перед читателем как тип текста, отличающийся нейтральным стилем изложения и несущий в себе, прежде всего, когнитивную и оперативную информацию.

Интересным представляется наблюдение П.П. Бурковой относительно кулинарных рецептов, опубликованных в газетах и женских журналах. Автор отмечает, что они более эмоциональны и содержат авторскую оценку [Буркова 2004: 20]. К особенностям кулинарных рецептов в женских журналах относится наличие описания-вступления, объяснения, почему нужно приготовить блюдо, и фотографии. В заголовке на первый план выдвигаются рекламная и контактоустанавливающая функции. Наряду с безличными конструкциями в кулинарных рецептах женских журналов используются личные местоимения «я» и «ты», а также формы 2 лица единственного числа формы повелительного наклонения. Образ автора находит непосредственное выражение в структуре текста в комментарии к рецепту. Кроме этого, в текст кулинарного рецепта вводятся вопросительные и восклицательные предложения, обращения, которые активизируют внимание адресата, поддерживают и усиливают его интерес к восприятию текста [Буркова 2004: 19-20].

Изображение в тексте кулинарного рецепта выполняет четыре основных функции: аттрактивную, информативную, экспрессивную и эстетическую [Буркова 2004: 26]. Очевидно, что в женских журналах на первый план выступают аттрактивная, экспрессивная и эстетическая функции. Иными словами, «перекочевав» со страниц поваренных книг в женские журналы, кулинарный рецепт изменился по форме и в определенной степени по сути: он перестал быть исключительно информативным типом текста, развив контактоустанавливающую, рекламную, экспрессивную и эстетическую составляющие.

Попытаемся проследить, как функционирует тип текста «кулинарный рецепт» на веб-сайтах. Исследованию подверглись кулинарные рецепты, размещенные на немецкоязычных сайтах: http://www.kochbar.de, http://www.ichkoche.at, http://www.gutekueche.at/, http://eatsmarter.de/rezepte.

Кулинарный рецепт на веб-сайте часто является продуктом автора-непрофессионала, причем как с точки зрения кулинарного искусства, так и с точки зрения написания рецептов. Любопытно, что, несмотря на это, текст кулинарного рецепта на веб-сайтах сохраняет

типичную структуру, предполагающую наличие названия, списка ингредиентов, алгоритма действий и заключительного блока. Вероятно, данная структура позволяет самым оптимальным образом реализовать основные функции рецепта.

Вместе с тем, можно констатировать наличие и других структурных элементов. Так, некоторые авторы совершенствуют структуру, добавляя элемент «*Küchengeräte*» («Кухонные приборы»), в котором перечисляют необходимое для приготовления блюда кухонное оборудование и т.п.

Присутствующий на многих сайтах структурный элемент «вступление», вероятно, создается по образцу кулинарных рецептов из женских журналов, поскольку он выполняет исключительно рекламную и контактоустанавливающую функции, ср.: *Ein Apfel-Reisauflauf ist eine schöne und vollwertige Nachspeise. Das Rezept, dass einem den Gaumen versüßt.*

Названные структурные особенности касаются собственно типа текста «кулинарный рецепт». Кроме этого, можно назвать ряд особенностей структурного характера, обусловленных сферой использования интернета (жанром). В частности, некоторые веб–сайты предлагают авторам рецепта указать время приготовления блюда («*Arbeitszeit*»), степень сложности («*Schwierigkeit*», «*Schwierigkeitsgrad*»), ориентировочные финансовые затраты («*Preiskategorie*»). Эти элементы не только способствуют более четкой структурной организации текста рецепта, но и позволяют пользователям осуществлять поиск рецептов по соответствующим параметрам.

Большинство форумов предлагает опции расчета количества калорий («*Kalorien berechnen*») и продуктов на разное количество порций («*Portionen berechnen*»), что обеспечивает удобство для пользователей. Еще одним преимуществом веб-сайтов является наличие гиперссылок, которые отсылают читателей к похожим рецептам («*Ähnliche Rezepte»*).

Важной чертой кулинарных сайтов является их интерактивность. Она может выражаться в наличии опций «*Rezept bewerten*» («Оценить рецепт») и «*Rezeptstatistik anzeigen*» («Показать статисти-

ку») или – что особенно важно – в возможности оставить комментарий, ср.: *Deftiges Mittagessen, wenn man Salat oder Pickles dazu serviert! Schmeckt immer wieder gut!*

В ряде случаев комментарии выходят за рамки отдельного сообщения и представляют собой диалогический или полилогический обмен мнениями или опытом, ср.: *Tinti: um das ganze noch leichter verträglich zu machen, schäle ich die Paprika mit einem Sparschäler ab, das klappt gut, wenn die Paprika frisch sind. Sweety01: super Tipp! Werd ich mal probieren :)*

Комментарии к рецептам на веб-сайтах значительно отличаются от других видов комментариев, например, от комментариев на новостных сайтах [Попова 2015: 50-51]. Высказываемая здесь оценка, как правило, положительная. Критические замечания практически отсутствуют, зато задаются вопросы и высказываются рекомендации. Поэтому комментарий тоже можно оценить с точки зрения его полезности (это опции «*hilfreich?»,* «*Kommentar hilfreich oder nicht?*»).

Отдельно нужно сказать об особенностях изображений на кулинарных веб-сайтах. Достаточно часто рецепт сопровождается фотографией, что сближает его с рецептом из женских журналов, поскольку основные функции такого изображения – аттрактивная и эстетическая. Вместе с тем, нередки случаи, когда ряд фотографий сопровождает пошаговое описание алгоритма действий. Кроме этого, веб-сайты дают возможность автору разместить видео *(Falls ihr Probleme beim nachbacken bekommt – hier der link zum Video – viel Spaß!!!*). Принципиальное отличие этих изображений в том, что их основная функция – информативная.

Что касается языкового оформления рецептов веб-сайтов, то здесь можно отметить их сходство с описанными П.П. Бурковой рецептами из газет и женских журналов [Буркова 2004: 19-20]. Это: использование экспрессивно окрашенного названия (*Omas Schweinsbraten*), в некоторых случаях – повествование от первого лица (*Die Lorbeerblätter fische ich nach Möglichkeit vor dem Servieren raus*), использование местоимений второго лица (*Die Gemüsesorten könnt ihr*

natürlich saisonal variieren), эмоциональная оценка рецепта автором (*Alle meine Gäste waren supersatt und man hat nicht viel Arbeit damit!*). Кроме этого в рецептах на веб-сайтах в разделе «ингредиенты» в некоторых случаях мы обнаружили уточнения (*Butter, bitte KEINE Margarine*). Очевидно, что такие замечания выполняют информативную функцию.

Еще одна характерная черта кулинарных рецептов веб-сайтов – их разговорная окраска, которая приближает их к непринужденному общению на бытовые темы: *Bambussprossen, Maiskölbchen und Mungobohnensprossen dürfen nun auch hineinspringen und gut mit andünsten.* Таким образом, язык рецептов, размещенных на веб-сайтах, нельзя однозначно назвать письменным. Вслед за Н.А. Ахреновой будем считать кулинарный дискурс частью интернет-дискурса устно-письменным [Ахренова 2009: 15].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что трансформация типа текста «кулинарный рецепт» обусловлена сферой его размещения (поваренная книга, газета или женский журнал, веб-сайт) и в случае использования его в интернет-дискурсе носит глубинный характер. Важная роль информативной функции и незначительная – рекламной, экспрессивной и эмоциональной свидетельствуют о том, что кулинарный рецепт веб-сайтов не является следующим шагом развития данного типа текста после рецепта в женском журнале. Вероятно, в своем становлении он опирался непосредственно на кулинарный рецепт поваренных книг.

Принципиальное отличие кулинарных рецептов, размещенных на веб-сайтах, обеспечивается техническими возможностями последних и заключается в их социальном аспекте. Рецепты во многом вернулись к своему исходному состоянию, когда они передавались друг другу неспециалистами «из уст в уста», являлись предметом обсуждения и давали возможность обмена опытом. Здесь проявляется характерная черта многих интернет-жанров – диалогичнось (полилогичность). Тип текста «кулинарный рецепт» в интернет-дискурсе представляет собой особый вид диалога – отсроченный письменный

диалог с гетерогенным типом кооперативности, который отличается некоторым превосходством адресанта (подробно типы кооперативности описаны В.Н. Оношко и В.В. Киселевой [Оношко, Киселёва 2014: 134]). О достаточно важной роли адресата свидетельствует наличие рекомендаций автору рецепта в комментариях. Возможность общения с автором рецептов отличает кулинарный рецепт веб-сайтов от монологического кулинарного рецепта поваренной книги или женского журнала. Наличие разговорных элементов в тексте рецепта – не случайность, не результат некомпетентности авторов, а признак его диалогичности.

Интересно, что принципиального различия между «бумажной» и интернет-версией не наблюдается в случае с типами текста, которые изначально были ориентированы на диалог, например «объявлением о знакомстве» [Акулова 2014]. Возможно, этот факт косвенно доказывает тезис о диалогичной природе речи.

Соглашаясь с утверждением Е.В. Вохрышевой о том, что интернет-пространство не копирует реальный мир, а предоставляет человеку возможности, отсутствующие в реальности [Вохрышева 2015: 251], добавим, что в случае с кулинарным рецептом речь идет о возможностях общения, которые сначала обществом в определенной степени были утрачены, а теперь активно используются в интернет-дискурсе. Дополнительные опции обеспечивают удобство кулинарных веб-сайтов для пользователей и ведут к тому, что они успешно конкурируют с другими источниками информации такого рода (поваренными книгами, журналами, телепередачами). Интернет как инструмент в данном случае позволяет оптимально решать конкретную задачу общества (обмен кулинарными рецептами), способствуя развитию особого кулинарного интернет-дискурса.

Библиографический список

1. Акулова Е.В. Трансформация жанра «Объявление о знакомстве» как следствие языковых и социокультурных изменений медиа-дискурса (на материале русского и немецкого языков) // Эволюция и трансформация дискурсов: язы-

ковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. матер. конф. – Самара: «Инсома-пресс», 2014. – С. 266-270.

2. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. … докт. филол. наук. – М, 2009. – 36 с.

3. Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 22 с.

4. Вохрышева Е.В. Жанровая специфика интернет-дискурса // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. матер. конф. – Самара: «Инкома-пресс», 2014. – С.245-254.

5. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на русском и английском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 36 с.

6. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 56-62.

7. Оношко В.Н., Киселёва В.В. Диалогический дискурс как реализация коммуникации // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. матер. конф. – Самара: «Инкома-пресс», 2014. – С. 132-135.

8. Попова Д.А. Способы репрезентации субъекта интернет-дискурса межперсонального уровня коммуникации в жанре комментария (на материале французского языка) // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сб. научных статей. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. – С. 46-52.

9. Серебренникова Е.Ф. Основания уровневого подхода и векторного анализа в семиотическом моделировании интернета // Вестник ИГЛУ. – Иркутск, 2012. – № 1 (17). – С 20-27.

M. Goncharova
(Russland, Samara)

WANDEL DER TEXTSORTE «KOCHREZEPT» IM INTERNET-DISKURS

Im Beitrag werden die Besonderheiten die Textsorte «Kochrezept» in den Kochbüchern, in den Frauenzeitschriften und auf den Web-Seiten analysiert. Die technische Ausstattung der Web-Seiten verursacht den Wandel der Textsorte «Kochrezept», der in seinem dialogischen Charakter besteht und sich in seiner Struktur und in der Sprache widerspiegelt.

Stichwörter: Internet-Diskurs, Textsorte, Dialog, Kochrezepte, Deutsch

Н.К. Данилова
(Россия, Самара)

МАРКЕРЫ КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В НАРРАТИВЕ

Статья посвящена обоснованию существования в художественной практике синкретичных языковых способов реализации когнитивных (познавательных) установок, в формировании которых участвуют субъектно-предикатная структура, категории дейксиса и модальности.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, когнитивная перспектива, функциональный синтез, пропозициональные установки, прагматическая модальность

Современная парадигма науки о языке помещает в фокус исследования продуктивную языковую деятельность индивидуумов в различных сферах общения. Развиваемый в рамках деятельностной парадигмы лингвистический дискурсивный анализ исходит из постулатов относительно множественности факторов, оказывающих влияние на протекание и успешное осуществление коммуникативной деятельно-

сти в современном социуме. Одной из актуальных задач языкознания становится изучение того, какую роль играет каждый из факторов, влияющих на коммуникацию, и какие языковые механизмы участвуют в реализации целей общения.

Основным продуктом коммуникативной деятельности является текст, изучаемый в актуальной когнитивно-дискурсивной парадигме языкознания с позиций его производства и восприятия. В фокусе внимания современной науки о языке оказывается основная цель этого процесса, рождение смысла, понимаемого в рамках пропозиционального подхода как последовательность ходов в языковой игре, направленная на установление определенного «положения дел» в мире [см. Витгенштейн 2011].

Одна из проблем деятельностного подхода в лингвистике сформулирована З.Ю. Шмидтом как необходимость разграничения собственно текста и «истории». В основе подобного разграничения, согласно его концепции, лежит представление об «интеграции всех языковых явлений и функций в рамках более общих глубинных взаимосвязей» [Шмидт 1978: 90]. Сформулированное автором положение дает возможность рассматривать язык как «систему действий и процессов», назначение которой состоит в том, чтобы «производить упорядоченные операции с открытым репертуаром переменных». В основу подобных операций положено знание индивидуумов о мире пространстве фактов и «историй», элементы из которых используются в зависимости от интересов, прагматических перспектив, угла зрения.

Связь названных факторов с субъектом речи, с одной стороны, и существование общих для представителей языкового сообщества глубинных комплексов представлений о мире, с другой, ставят вопрос об основаниях системности языковых явлений в процессе рождения текста. Возможное решение З.Ю. Шмидт видит в способности языка функционировать, подобно *интенциональным действиям*, реализуя *семантическую* интенциональность, связанную с «положением дел», и *прагматическую* интенциональность, подчиненную целям взаимодействия участников общения.

Обращение к анализу системной языковой реализации рефлексии и перцепции приобретает особый смысл тогда, когда в фокусе ис-

следования оказывается столь развитая и совершенная форма коммуникации как художественная. «Преобразование» действительности совершается в литературной практике в процессе интеракции, смысл которой заключается в совместной рефлексивной деятельности участников общения. В качестве основной характеристики этого процесса П. Рикер так же, как и З.Ю. Шмидт, выделяет интенциональность, понимаемую не только как «открытость субъекта миру», но как «активное волевое действие, конституирующее мир посредством символических систем». Речь идет о создании особой «познавательной ситуации», в которой привычные связи распадаются, уступая вновь образующимся и дающим возможность нового опыта [Рикер 1995: 25].

Действие повествования, таким образом, выступает как обучение рефлексии, как знакомство с возможностями репрезентации действительности и, одновременно, как обязательное условие понимания и взаимопонимания. Процесс рассказывания выступает как акт структурирующей деятельности, создающей «рефигурированную» действительность в итоге совместного действия автора и читателя, истинным предназначением которой становится «распознавание существующих возможностей, а не знакомство с чем-то уже данным». Текст в этом случае может получить освещение как продукт языковой деятельности, являющейся, по сути, познавательной и рефлексивной.

Конструирование модели действительности предполагает использование определенных способов полагания (интендирования) действительности, среди которых особый интерес для понимания языковых механизмов конструирования нарратива представляют ***когнитивные*** (перцептивная и рефлексивная) установки, соответствующие базовым формам миропонимания.

Рефлексивная установка в узком смысле определяется как направляющая активность мышления на задачи самопознания, способствующая эффективному контролю самосознания за течением, промежуточными и конечными результатами мыслительной и любой другой деятельности личности. Способность оперирования логически-дискурсивными формами мышления и одновременно образно-фантазийными и символическими понятиями, предполагает формиро-

вание языковых приемов перцептивной когнитивной установки, дающей возможность создания идеальных объектов, подобных реальным объектам действительности. Оба типа когнитивных установок, ориентированные на субъект и на объект, создают, по образному выражению А.Н. Леонтьева, *субъективный образ объективного мира* [см. Леонтьев 1983].

Рефлексивная и перцептивная установки как базовые формы мыслительной деятельности выступают в качестве способов представления действительности, создающих ***репрезентативное поле*** повествования. Языковыми формами воплощения когнитивных установок являются ментальные предикаты, так называемые *интерпретационные конструкты* (пропозициональные, гипотетические, констеллятивные и др.) [см. Lenk 1978], диапазон которых практически безграничен. Доминирующие в этой сфере *пропозициональные* глаголы отличаются тем, что их семантическим объектом является целая ситуация, а в качестве первичного выражения выступает субъектно-объектная структура [Алисова 1971: 93]. К пропозициональным установкам относят «знание», «веру», «надежду», «понимание» и др., именуя их *миропорождающими операторами.*

Принадлежность ментальной лексики к лексике недескриптивной, к так называемому модальному компоненту высказывания, позволяет им иметь в качестве общего семантического ядра субъективное отношение индивидуума к объективной реальности. Сфера действия этих операторов ограничена рефлексивной деятельностью взаимопонимания, в которой существенно то обстоятельство, на которое обращают внимание герменевтика, когнитивная психология и другие науки: этот процесс определен не обменом информацией, а ***активностью реципиента,*** формируемой его мотивациями, установками и диспозициями [Scherner 1984: 203]. В этом процессе совершается реконструкция смысловых связей, источником которой является исходный текст.

В предлагаемом нами ракурсе рассмотрения когнитивные установки исследуются в их функционировании в составе *перспективы*, последовательности высказываний, организованной единым способом

представления действительности, где в качестве репрезентанта агенса выступает местоименный субъект, что позволяет демонстрировать познавательные установки в их исходном виде.

Принятое в современной филологической науке понимание текста как «партитуры» отводит основную роль в процессе смыслопорождения конструктивной интеракции между текстом и реципиентом. Отличие интерперсональной интеракции (непосредственного диалога между участниками) от интраперсональной (общения через текст) заключается, по нашему мнению, в последовательной экспликации установок участников общения в последней, причиной чего является необходимость организации и поддержания рефлексивного диалога в дистанцированном общении. В обозначенном процессе действуют два разнонаправленных вектора, с одной стороны, речь идет о процессе управления вниманием и восприятием текста реципиентом, с другой, реципиент в условиях дистанцированного общения обретает большую степень свободы от авторских интенций, чем в естественном диалоге [Bühler 1982: 172].

Успех взаимодействия в процессе, целью которого является формирование модели возможного мира, гарантирован благодаря использованию перспектив, сформированных длительным языковым опытом индивидуумов, представляющих собой способы концептуализации действительности, закрепленные в языке. Системность описываемых процессов создается, согласно нашей гипотезе, в условиях функционального синтеза, порождающего языковые технологии художественной практики.

Так, текст короткого рассказа Германа Гессе „Rotes Haus“ открывается картиной мира, непосредственно воспринимаемого рассказчиком: (1) *Rotes Haus, aus deinem kleinen Garten und Weinberg duftet mir entgegen der ganze Alpensüden! Mehrmals bin ich an dir vorbeigegangen, und schon beim ersten Mal hat meine Wanderlust sich zuckend ihres Gegenpols erinnert, und wieder einmal spiele ich mit den alten oft gespielten Melodien: Heimathaben, ein kleines Haus im grünen Garten, Stille ringsum, weiter unten das Dorf* [Hesse 1984: 125].

Персонализованная структура высказываний в начальной секвенции рассказа насыщена прагматическими универсалиями, оформ-

ляющими фикциональный диалог автора и «домика с красной крышей» (*aus deinem kleinen Garten, duftet mir entgegen*), который сформирован актуальным модусом представления ситуации в рамках перцептивной установки. Маркерами перцептивной перспективы становится не только обращение к описываемому объекту, но и декларируемая связь субъекта речи с ним. Рождение символа как художественного знака совершается в формирующемся репрезентативном пространстве текста в реляционных рамках рефлексивной перспективы, использующей прием отождествления *«Rotes Haus» – «der ganze Alpensüden*!» и игру маркеров перспектив *«mehrmals bin ich an dir vorbeigegangen» – «…einmal spiele ich mit den alten oft gespielten Melodien».* Противопоставление актуального модуса и модуса воспоминания, реализации которых служат морфологические формы времени, наречия с временной семантикой и основные формы глагола, свидетельствуют о возможности использования языковых форм не только в основных (временных и видовых) функциях, но и для синтезирования перспектив, выступающих в качестве смысловых ядер репрезентативного поля текста.

Смена установки возможна даже внутри одного высказывания. Условием для этого становится актуальный модус, общий для актуальной рефлексии и перцептивной перспективы, ср.: «*ein kleines Haus im grünen Garten, Stille ringsum, weiter unten das Dorf».*

Системность процессов, определяющих развитие «истории» в рассказе, определена во многом выбором языковых средств, оформляющих перспективу изложения. Модус воображения, организованный временной проекцией в будущее, получает представление в следующей секвенции с помощью форм конъюнктива: (2) *Im Stübchen* ***nach Morgen hin*** *stände mein Bett, mein eigenes Bett, im Stübchen* ***nach Süden*** *mein Tisch, und dort würde ich auch die kleine alte Madonna aufhängen, die ich einmal, in früheren Reisezeiten, in Brescia gekauft habe.*

Структура перцептивной установки (*im Stübchen* ***nach Morgen hin,*** *im Stübchen* ***nach Süden)*** трансформируется под влиянием рефлексии, на смену которой в следующей секвенции приходит акцентированное противопоставление актуального модуса (*so vergeht… mein*

Leben) и неуверенного, гипотетического представления «положения дел» *(vielleicht werde ich einmal so weit sein)*: (3) *Wie der Tag zwischen Morgen und Abend, so vergeht zwischen Reisetrieb und Heimatwunsch mein Leben. Vielleicht werde ich einmal so weit sein, dass Reise und Ferne mir in der Seele gehören … Vielleicht auch komme ich noch einmal dahin, dass ich Heimat in mir habe…*

Становление «истории» в тексте рассказа определяется модуляциями смысла, в создании которых принимают участие языковые единицы и категории разного порядка. Смысл авторской рефлексии в следующей секвенции сформирован функциональным взаимодействием категории наклонения, типа предложения и стилистического приема (анадиплозис): (4) *Wie wäre da das Leben anders! Es hätte eine Mitte, und von der Mitte aus schwängen alle Kräfte.* Констатация действительного «положения дел» (5) *So hat mein Leben keine Mitte, sondern schwebt zuckend zwischen vielen Reihen von Polen und Gegenpolen, Sehnsucht nach Daheim hier, Sehnsucht nach Unterwegssein dort, Verlangen nach Einsamkeit und Kloster hier, und Drang nach Liebe und Gemeinschaft dort!*, вводящая актуальный модус, создает условия для возвращения к диалогу с символом родины, домом с красной черепичной крышей: (6) *Rotes Haus im Garten! Ich habe dich schon erlebt, ich darf dich noch einmal erleben wollen. Ich habe schon einmal Heimat gehabt, habe ein Haus gebaut, habe Wand und Dach gemessen, Wege im Garten gezogen und eigene Wände mit eigenen Bildern behängt. Jeder Mensch hat einen Trieb dazu …* [Hesse 1984: 127].

«История» обретает глубинное измерение благодаря трансформациям ракурсов изложения, в которых традиционный жизненный уклад становится мечтой. Рефлексивная перспектива, организованная модусом воспоминания, вновь сменяется модусом воображения с вектором в будущее: (7) *Viele Umwege werde ich noch gehen, viele Erfüllungen werden mich noch enttäuschen. Alles wird noch seinen Sinn zeigen.*

Подводя итог, отметим, что смена когнитивной перспективы рефлектора в ее различных вариантах, определенных модусами воспоминания, воображения или актуальностью, оказывается возможной благодаря сквозной коммуникативной перспективе субъекта речи,

выбранной Г. Гессе для представления «положения дел». В местоименном субъекте Я перспективы деятеля (участника «истории») и субъекта речи сливаются, создавая исходные условия для функционального синтеза в процессе перспективизации. Функциональное взаимодействие морфологических форм времени, дейксиса, категории модальности в процессе оформления когнитивных перспектив подтверждает мысль о том, что язык в своем функционировании вырабатывает определенные способы действия, своего рода вербальные алгоритмы, с участием которых формируются технологии повествования.

Библиографический список

1. Алисова Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения.- М.: Изд-во МГУ, 1971. – 293 с.

2. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2011 – 347 с.

3. Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – С.232-239.

4. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: АО «KAMI», 1995.-159 с.

5. Шмидт З.Ю. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978.- С.89-108.

6. Bühler, K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. 2. Aufl.- Stuttgart: G. Fischer , 1982. – 434 S.

7. Lenk H. Handlung als Interpretationskonstrukt. Entwurf einer konstituenten- und beschreibungstheoretischen Handlungsphilosophie // Handlungstheorien interdisziplinär, II. 1. – München, 1978. – S. 18-317 ff.

8. Scherner, M. Sprache als Text. Ansätze zu einer sprachwissenschaftlich begründeten Theorie des Textverstehens.- Tübingen: Niemeyer, 1984. – 271 S.

Источник фактического материала

Hesse, Herrmann. Rotes Haus // Wanderung. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984.- S.125-128.

N.K. Danilova
(Russland, Samara)

SPRACHLICHE SIGNALE DER KOGNITIVEN PERSPEKTIVE IN DER FIKTION

Im Aufsatz handelt sich um das Vorhandensein der komplexen sprachlichen Einheiten in der Fiktion, die kognitive (reflexive und perzeptive) Einstellungen des Verfassers zum Ausdruck bringen. Im Prozess der Sinneserzeugung beteiligen sich Kategorien der Deixis, Modalität und Subjekt – Prädikat – Struktur an der funktionalen Synthese, die den Perspektivenwechsel ermöglicht.

Schlüsselwörter: Diskursanalyse, kognitive Perspektive, funktionale Synthese, propositionale Einstellungen, pragmatische Modalität

Е.В. Копшукова
(Россия, Самара)

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОВЕРСИЙ СЕРТИФИЦИРОВАННЫХ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье представлены результаты систематизации названий сертифицированных британских международных экзаменов по английскому языку, названий гиперссылок для загрузки демоверсий данных экзаменов, а также лингвистических составляющих, обеспечивающих целостность композиции экзаменационных материалов.

Ключевые слова: образовательный дискурс, демоверсия, номинативность, малоформатный текст

В настоящее время на рынке образовательных услуг правом на проведение международных экзаменов по английскому языку и выдачу международных сертификатов обладает ограниченное количество организаций, которые предлагают экзамены для проверки общего, академического и делового уровня владения английским языком.

В результате проведенного нами исследования мы можем заметить, что названия экзаменов чаще представлены инициализмами (*FCE*, *CAE*, *CPE, IDBC*) и акронимами (*KET*, *PET*, *IELTS*, *JETSET*), которые могут входить в состав словосочетания с дополнительной информацией, указывающей на общую (*PTE General*, *ESOL Skills for Life*), академическую (*FCE for Schools*) или деловую (*ESOL for Work*) направленность экзамена, раздел сдаваемого экзамена (*TOEIC Listening and Reading Test*), возрастную группу экзаменуемых (*PTE Young Learners*). Название экзамена может быть представлено слоговой аббревиатурой (*DipTrans*), иметь полную формулировку (*City & Guilds Exams*). Тем не менее, важная и основная информация о сертифицированном экзамене зашифрована непосредственно в названиях экзаменов, представленных инициализмами и акронимами, что обозначается следующими маркерами: 1. указание на язык, сдаваемого экзамена (английский) – *KET* (*Key English Test*), *ISE* (*Integrated Skills in English*); 2. указание на тестовый характер заданий – *IELTS* (*International English Language Testing System*); 3. указание на международный статус экзамена – *TOEIC* (*Test of English for International Communication*), *IDBC* (*International Diploma in Bilingual Communication*); 4. уровень сложности сдаваемого экзамена – *PET (Preliminary English Test), CAE (Certificate in Advanced English), CPE (Certificate of Proficiency in English)*; 5. возраст/аудитория, на которую рассчитан экзамен, – *YLE (Young Learners English), JETSET (Junior English Tests and Senior English Tests), ESOL (English for Speakers of Other Languages)*; 6. профессиональная сфера, на которую ориентирован экзаменационный материал, – *SfL* (*Skills for Life*); 7. наименование выдаваемого документа – *IDBC* (*International Diploma in Bilingual Communication*), *FCE* (*First Certificate in English*); 8. наименование ответственной организации – *PTE* (*Pearson Tests of English*).

Таким образом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что разработчиками экзаменационных материалов для обозначения экзаменов были отобраны языковые единицы, информирующие о легитимном статусе квалификационного документа и потенциальной целевой аудитории экзаменуемых. Выбор инициализмов и акронимов в качестве номинативной единицы для обозначения сертифицированных экзаменов по английскому языку отвечает принципу экономии речевых средств с целью конденсированного выражения мысли, свойственного эволюции языка при сохранении максимального количества информации [Пономаренко 2013; Харьковская 2013]. Они представляют собой предельно экономные и семантически ёмкие номинативные единицы, которые гораздо проще поддаются запоминанию, прочно входят в язык и в структуру сознания, что впоследствии приводит к широкому использованию и легкому узнаванию этих сокращенных лексических единиц на рынке образовательных услуг.

Демоверсии загружаются на компьютер посредством гиперссылок в разделе бесплатных материалов для подготовки к экзаменам. Данные разделы имеют следующие названия – *Resources* (PTE), *Useful Links and Resources* (DipTrans), *Find Free Resources* (Cambridge), *Free Downloads* (LLCI), *ESOL For Work Samples* (ESB), *Past Papers & Sample Answers* (Trinity), *Practice Papers* (C&G), *Practice Tests (Edexcel), Sample Questions Online* (IELTS), *Listening and Reading Test* (TOEIC). Гиперссылки к демоверсиям сертифицированных экзаменационных материалов по английскому языку выполняют интродуктивную функцию и либо нацеливают экзаменуемого на манеру работы с материалами как с полезными ресурсами, либо создают акцент на бесплатном доступе для скачивания или работе с материалами в режиме on-line.

Все части демоверсии скрепляются между собой в единое целое посредством элементов, которые дублируются на каждой странице, сверху или снизу, тем самым придается целостность готовому продукту, например: названия экзамена, его кода, даты, номера страницы из общего количества страниц – *Page 2 of 8*. Внизу страницы появля-

ется указание на необходимость перевернуть страницу для продолжения работы с демоверсией в форме повелительного предложения с возможным опущением определенного артикля или неполного односоставного предложения с наличием или отсутствием вспомогательных графических элементов – *[Turn over*, *Turn over page*, *Please turn over*, *GO ON TO THE NEXT PAGE* (над или внутри крупной стрелки), или *continues overleaf*. Также в тексте демоверсии экзаменационных материалов можно обнаружить более подробные сопроводительные комментарии об окончании одного раздела и переходе к следующему – *That is the end of the reading section of the test. Now go on to the other sections of the test.* [Pearson, PTE, General]. Окончание экзаменационных материалов маркируется языковыми единицами соответствующей семантики – *End of examination* или *Stop! This is the end of the test. If you finish before time is called, you may go back to Parts IV and V and check your work.* [TOEIC, Bridge]; кроме того, может присутствовать напоминание о необходимости выполнения всех заданий, в том числе и определенного раздела – *This examination paper contains two tasks. Complete both tasks.* [Trinity]. Такого рода комментарии заменяют присутствие экзаменатора, выполняя коммуникативную и директивную функции.

По окончании основной части демоверсии экзаменационных материалов кандидату могут предлагаться в качестве приложения варианты ответов для самопроверки (*Marking Key*, *Answer Key*, *Correct Answers*) и бланки ответов.

На титульной странице экзаменуемому предлагается внимательно ознакомиться с представленной информацией, касающейся организационных моментов экзамена. Вместе с этим на странице присутствуют блоки информации не только для ознакомления, но и для заполнения экзаменуемым и экзаменатором. Информация для заполнения представляет собой напоминающие анкету таблицы или подчеркивания, в которые экзаменуемым предлагают вписать данные, необходимые для правильного оформления процедуры сдачи экзамена и для административного учета, – номер центра сдачи экзамена, регистрационный номер, присваиваемый кандидату в некоторых экзаменах,

своё имя, подпись. Лингвистическими маркерами данного типа текста административного дискурса, которые указывают на необходимость заполнения определенного типа информации, выполняя ориентировочную и организационную функции, являются: существительные – *Centre*, *Name*, *Signature*, *Date*; беспредложные словосочетания, образованные комбинацией существительных, в которых существительное-определение может находиться в форме притяжательного падежа, – *Candidate Name*, *Centre Number*, *Candidate registration number*, *Task fulfilment*, *Candidate's name*, *Assessor's Name*, *Examiner's use only*, *Team Leader's use only*, *Internal Verifier's Name* [Малахова 2015]; определяемое существительное может быть представлено общепринятым сокращением – *Centre no* (от 'number'); предложные словосочетания – *FOR EXAMINER'S USE*.

Среди лингвистических маркеров, предваряющих правила заполнения требуемой информации, можно выделить неполные предложения с возможными опущениями главных членов предложения, артиклей, союзов – *My name is* ___; *Date test taken* ___; *THE FOLLOWING SECTIONS TO BE COMPLETED BY THE ASSESSOR*.

Следует обратить внимание на то, что графические элементы, такие как жирный шрифт, курсив и капитализация букв, выполняют аттрактивную функцию. Важную для коммуникации директивную функцию берут на себя пояснительные предложения уменьшенного размера шрифта, взятые в скобки или помещенные в начале таблицы, например, повествование о необходимости заполнения данных заглавными буквами – *BLOCK CAPITALS*.

На титульных листах демоверсий британских сертифицированных экзаменов по английскому языку представлены административно установленные данные, выполняющие информативную функцию. Обязательным является указание полного названия экзамена – *Cambridge Young Learners English*; *Pearson Test of English General*; названий департамента, организации, компаний-сотрудников, ответственных за составление, обработку и предоставление экзаменационных материалов, которое указывается с расшифровкой общепринятого сокращения, курсивом или заглавными буквами, – *UNIVERSITY of*

CAMBRIDGE; ESOL Examinations, *English for Speakers of Other Languages*.

Важно отметить тот факт, что названия некоторых организаций сопровождаются слоганом или девизом, который выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание к высокой роли образования и пропаганде образовательных услуг в массах [Копшукова 2015], – *EDI Supporting learning and performance* [LCCI], *EDEXEL advancing learning, changing lives* [Edexel]; наличие герундия в этом случае служит лингвистическим маркером рекламного дискурса. Наличие черно-белого или цветного изображения символики департамента как элемента персонализации является факультативным, а иные изображения, такие как цветные полосы, фотографии и рисунки, также не находят широкого применения на титульном листе демоверсий.

На титульных листах демоверсий британских сертифицированных экзаменов по английскому языку представлены название секции – *ESB ESOL for Life*; номер секции или версии – *Section 3*, *JET VERSION*; уровень сдаваемого экзамена – *Flyers*; *Level 1*; *Level 5 Proficient*; указание на соответствие уровню сертификата согласно современному стандарту – *Entry Level Certificate in English (ESOL) – Entry 2*. Название раздела сдаваемого экзамена указывается с порядковым номером экзаменационного материала, если в файле более одной демоверсии, – *Reading E1* (*Practice Paper 1*) – или в формате списка, в котором каждый раздел обозначен с новой строки, – *Listening*, *Reading*, *Writing*, или с соединительным союзом ‘and’, который может быть заменен амперсандом (знаком &), – *Reading & Writing*. Название раздела графически может быть взято в квадратные скобки *[Reading]*.

Информация о том, что экзаменуемый работает с демонстрационной версией, также находит отображение на титульном листе демоверсии – *Sample Paper 1*, *Sample*, или может быть представлена иначе – помещена на заднем фоне крупными буквами бледно-серого цвета (*SAMPLE*, *specimen*) и дублирована на всех последующих страницах.

Временные характеристики, такие как дата (*July 2011*; *Wednesday 20 May 2009)*, время начала и окончания выполнения заданий экзаменационного раздела (*10.00–10.45am*), также приводятся на ти-

тульном листе демоверсий британских сертифицированных экзаменов по английскому языку.

Некоторые организации указывают количество печатных страниц с заданиями и количество пустых страниц – *This question paper consists of 13 printed pages and 3 blank pages*. [Cambridge, KET]. В пределах демоверсий пустые страницы помечены следующими грамматическими конструкциями: словосочетанием – *BLANK PAGE*, повелительным предложением в отрицании – *BLANK PAGE, DO NOT WRITE ON THIS PAGE* [Pearson, PTE, General].

Для организаций с коммерческой точки зрения является важным разместить условные обозначения авторского права и года выпуска демоверсии: знак авторского права – *©UCLES 2004*; *ETS*$_{©}$; сокращение TM (Trade Mark) – *TOEIC Bridge*^{TM}, и ® (Registered Name) – *ETS*$_{®}$, кодовое обозначение, шифр, штрих-код, которые приняты составителями экзаменационных материалов для обработки данных, – *8984-71-071 (EL-IESOL 1)* [TOEIC], *4/4/4 W37501A* [Edexel].

Наиболее важными и значительными по объему на титульном листе демоверсии являются: текст инструкции перед началом выполнения заданий, информация о необходимых дополнительных материалах и информация для кандидатов. Подобного рода информация в большинстве случаев имеет подзаголовки – *General Directions*, *Specific requirements for this paper*, *Additional materials*, *Materials required for examination*, *Items included with question papers*. Такие подзаголовки, как *INSRUCTIONS TO CANDIDATES*; *INFORMATION FOR CANDIDATES*; *Advice to Candidates*, *For examiner's use only*, не только информируют кандидатов о назначении следующего за ними текста, но и выполняют ограничительную функцию, определяя сферу деятельности экзаменуемого и экзаменатора, указывая, для кого предназначены графы и таблицы для заполнения, инструкции и иная информация.

Информация о дополнительных материалах для выполнения заданий предлагается грамматически оформленной в виде списка с перечислением необходимых предметов, например, мягкий чистый канцелярский ластик (*Soft clean eraser*), мягкий карандаш с указанием рекомендуемой степени жесткости и т.п. В части *INFORMATION FOR*

CANDIDATES экзаменуемого информируют преимущественно предложениями с конструкцией ‘there is/there are’ о количестве частей и баллов за выполнение заданий определенных номеров: *The marks for the various tasks are shown in round brackets: e.g (15 marks). There are 9 sections in this question paper. The total mark for this paper is 75. There are 18 pages in the question paper. Any blank pages are indicated.* [Pearson, PTE, General]

В рамках данного блока кандидатам в некоторых демоверсиях предлагается информация уточняющего характера относительно оценивания заданий и количестве времени, рекомендуемого для выполнения заданий, – *The tasks in this examination have equal weighting. You are advised to spend about 25 minutes on Task 1 and about 20 minutes on Task 2.* [Trinity, ISE]. Рекомендации о необходимости ответа на все вопросы и аккуратного заполнения бланка ответов может быть передан в более убедительной форме глаголом в повелительном наклонении – *This examination paper contains 15 questions. Answer all questions.* [Trinity, ESOL Skills for Life]; *Write your essays neatly.* [Pearson, PTE, General].

Таким образом, для обозначения британских сертифицированных экзаменов по английскому языку (*ESOL*) традиционно отобраны языковые единицы, информирующие о легитимном статусе квалификационного документа и потенциальной целевой аудитории. Выбор инициализма или акронима в качестве номинативной единицы сертифицированных экзаменов по английскому языку продиктован тем, что, во-первых, он отвечает принципу экономии речевых средств с целью конденсированного выражения мысли, а во-вторых, представляя собой предельно экономные и семантически ёмкие номинативные единицы, инициализмы или акронимы проще поддаются запоминанию, прочно входят в язык и в структуру сознания, что впоследствии приводит к широкому использованию и легкому узнаванию этих сокращенных лексических единиц в сфере образовательного дискурса.

Целостность композиции демоверсий сертифицированных экзаменов по английскому языку как готового продукта обеспечивается за счет титульного листа с наличием определенных блоков информатив-

ного, административного, директивного и рекламного характера, основной части (непосредственно экзаменационных материалов с заданиями), заключительной части, в которой в качестве приложений предлагаются готовые ответы для самопроверки, образцы бланков ответов. Связующими элементами композиции являются гиперссылки к демоверсиям сертифицированных экзаменационных материалов по английскому языку, которые выполняют интродуктивную функцию и нацеливают экзаменуемого на манеру работы с материалами. В этом случае могут присутствовать комментарии, заменяющие присутствие экзаменатора и выполняющие коммуникативную функцию. Важную для коммуникации директивную функцию берут на себя пояснительные предложения, взятые в скобки, оформленные с уменьшением размера шрифта.

Библиографический список

1. Копшукова Е.В. Концептуальное поле текстов для чтения в англоязычном образовательном дискурсе / Е.В. Копшукова // Наука и культура России. – Самара, 2015. – Т.1. – С.238-242.

2. Малахова В.Л. Влияние дискурсивного пространства на формирование притяжательного смысла / В.Л. Малахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – №2-1 (44) – Тамбов: Грамота, 2015. – С.138-140.

3. Пономаренко Е.В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе / Е.В. Пономаренко // Вестник Самарского государственного университета. – №5 (106). – Самара: Самарский государственный университет, 2013. – С.80-84.

4. Харьковская А.А. Дискурсивный мир англоязычных и русскоязычных бестселлеров / А.А. Харьковская // Вопросы прикладной лингвистики. – №10. – Москва: Некоммерческое партнерство «Национальное объединение преподавателей иностранных языков делового и профессионального общения в сфере бизнеса», 2013. – С.75-88.

5. Шевченко В.Д. Анализ языковых составляющих британского кинодискурса / В.Д. Шевченко // Вестник Самарского государственного университета. – №4 (38). – Самара: Самарский государственный университет, 2005. – С.135-141.

E.V. Kopshukova
(Russia, Samara)

STRUCTURAL PARAMETERS AND FUNCTIONAL POTENTIAL OF EXAM DEMO-PAPERS

The article is aimed at describing the structural parameters and functional potential of exam demo-papers. The focus of the author's attention is on the linguistic peculiarities of academic discourse.

Keywords: academic discourse, demo-paper, micro-text, nomination

О.А. Кострова
(Россия, Самара)

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЭПОХИ В РОМАНЕ К. КРАХТА "FASERLAND"

В статье представлены результаты исследования, показывающие влияние Интернет-коммуникации на поведение личности на примере романа К. Крахта "Faserland". Писатель использует языковые средства, имитирующие манеру поведения, стиль общения в Интернете.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, поведение, провокационность, прозрачность, сложное предложение

1. К постановке проблемы

Вторжение Интернета в сферу функционирования языка расценивается как своеобразная «революция» [Crystal 2001: 214], которая открыла новую сферу деятельности и для лингвистов. В поле зрения исследователей языка попало прежде всего то, что лежит на поверхности: это и создание новых жанров, и утверждение нового стиля, пограничного между письменной и устной речью, сценариев коммуникации [ср. Горошко 2007; Клочкова 2006; Schmitz 2004]. Новые фор-

мы общения, наблюдаемые в Интернет-дискурсах, не могли остаться незамеченными и вовне собственно Интернет-сферы, их влияние стало прослеживаться и закрепляться в других дискурсивных практиках. Эти формы проникли и нашли отражение в художественной литературе, например, один из романов австрийского прозаика Д. Глаттауэра «Gut gegen Nordwind» (2006 г.) написан в форме электронных писем героев [ср. Шипова 2014]. В других романах на современные темы это влияние ощущается не столь прямо, но часто оно присутствует опосредованно.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить, как происходит это влияние на материале романа швейцарского писателя Кристиана Крахта "Faserland" (1995 г.), который вызвал бурю критики, но, в конце концов, даже был включен в обязательную программу по литературе в немецких гимназиях.

2. Культурный сдвиг в Интернет-эпоху

Тексты, ввиду того, что мы можем их непосредственно наблюдать, относятся к «артефактам» ментальной культуры, к которой причисляются и другие феномены культуры, не наблюдаемые непосредственно, но так или иначе проявляющиеся в текстах. Это т.н. «ментефакты»: мнения, убеждения, нормы и т.п. В новой коммуникативной среде – Интернете – сформировалась своя новая система ментефактов, обусловленная анонимностью и ничем не ограниченной свободой коммуникации. Особенности этой коммуникативной среды как нельзя лучше соответствовали настроениям молодого поколения 60-х годов XX столетия. Именно это поколение, названное впоследствии «поколение гольф», первым откликнулось на предоставленные Интернет-коммуникацией возможности. Его отличительной чертой было то, что оно отвергало привычные традиционные идеалы, выдвигало на первый план свои приоритеты. Анонимность пользователей обеспечивала свободу, даже небрежность выражения. Новизна средства коммуникации, огромные преимущества в скорости распространения информации, легкость доступа к ней, возможность высказать свое мнение, – все это привело к тому, что Интернет сразу завоевал массовую аудиторию, создаваемые с помощью этого медиума тексты утратили элитарный характер.

Другая сторона Интернет-коммуникации – ее анонимность. Поскольку пользователь может подписываться не своим, а вымышленным именем, это провоцирует его на то, чтобы не обнаруживать свои истинные взгляды. Исследователи отмечают в поведении пользователей склонность к шутовству и провоцированию [см. Трофимова 2004], которые представлены в дискурсах виртуального мира.

Для непосредственного выражения своих мнений, убеждений, суждений, т.е. экспликации ментефактов, в Интернет-коммуникации используется специальный жанр – комментарий, который излагается в блогах и на форумах. Представленные там Интернет-тексты, образующие дискурс массовой культуры, оказали влияние на литературу, которая оказалась втянутой в орбиту поп-культуры. Пионером в этой области стал К. Крахт, шокировавший читателя своим первым романом “Faserland”.

3. Следы культуры блогов и форумов в романе К. Крахта

3.1. Поиск идентичности

Восприятие партнера по коммуникации (не учитывая общение через скайп) имеет в виртуальном мире свои особенности. Коммуниканты не видят мимики и жестов, не слышат интонаций друг друга, что нивелирует индивидуальные черты и способствует стереотипизации представлений друг о друге. Этой тенденции противостоит стремление к собственной идентификации [ср. Виноградова 2004]. Отмеченные особенности коммуникативного поведения в виртуальном пространстве перенесены К. Крахтом в текст романа. Обратимся к используемым в этих целях языковым средствам.

Так, главный герой романа, от лица которого ведется повествование, постоянно стремится идентифицировать себя, понять суть и причинную связь событий. Его речь насыщена *сложными предложениями с придаточными причины*. Частотность таких предложений значительно превышает их встречаемость в других текстах современной немецкой художественной литературы. Достаточно сказать, что на 75 страниц романа приходится 105 предложений с союзом *weil*, то есть на каждой странице встречается 1,4 таких предложения. В пересчете на 1000 знаков это составляет 0,8 единицы. Проведенные ранее

подсчеты употребительности таких предложений в диалогах и рассуждениях других авторов показывают, что их частотность там примерно в три раза ниже: на 348 страниц текста приходится только 176 предложений с *weil*; в пересчете на 1000 знаков это составляет 0,25 единицы [Кострова 1992: 77].

Необычайная *плотность причинных предложений* в тексте К. Крахта объясняется, на наш взгляд, тем, что его герой болезненно воспринимает «*прозрачность*» жизни, в которой человек постоянно на виду и которая является неотъемлемой чертой виртуальной жизни в соцсетях. Ср.: *Heute ist alles* ***so transparent****, ich weiß nicht, ob ich mich da richtig ausdrücke, jedenfalls ist* ***alles aus Glas*** *und aus so* ***durchsichtigem*** *türkischen Plastik, und es ist irgendwie körperlich* ***unerträglich*** *geworden* [Kracht 2004: 24].

Страдая от этой всеобщей транспарентности, герой не в силах выйти из-под ее влияния, что и заставляет его везде, даже там, где это вряд ли необходимо, искать причинные связи. Ср.:

...wir rauchen Zigaretten und lachen und liegen auf dem Fußboden, ***weil*** *Nigel keine Couch hat.*

Oft erzählt oder erklärt er irgendwas, und ich oder jemand anderes versteht es dann nicht, ***weil*** *Nigel manchmal etwas abstruse Theorien hat* [Kracht 2004: 34].

Неудовлетворенность жизнью побуждает героя прибегать к поведенческой *тактике провоцирования*, столь характерной для Интернет-коммуникации. Раздираемый внутренними противоречиями, он постоянно выражает их специальной языковой формой – *предложениями с уступительными придаточными*. Прекрасно осознавая неправомерность своих действий, он все-таки поступает вопреки принятым нормам, балансируя на грани дозволенного. Ср.:

…ich zünde mir eine Zigarette an, ***obwohl*** *ich ja im Nichtraucher sitze, aber das mache ich immer* [Kracht 2004: 57 f.].

Ich zünde mir noch eine Zigarette an, ***obwohl*** *das Nichtraucherzeichen schon seit einiger Zeit leuchtet* [Kracht 2004: 63].

Уступительные предложения встречаются практически на каждой странице романа; в пересчете на 1000 знаков приходится 0,54 таких предложений. Обычно частотность уступительных предложений намного ниже, на 1000 знаков приходится, как правило, 0,026 единиц [Кострова 1992: 77]. Это означает, что в тексте романа К. Крахта они употребляются в 24 раза чаще, чем в текстах других авторов. Представляется, что такое разительное различие не может быть случайным. Уступительные предложения используются К. Крахтом как стилистическое средство экспликации провокационного или ненормативного поведения главного героя и других романных персонажей, которые находят в таком поведении свою идентичность. Даже если в своей основе они вовсе не такие, они ходят такими *казаться*, поскольку именно такие свойства личности соответствуют их представлениям о современном молодом человеке.

3.2. Языковой комментарий

К. Крахт заставляет своего героя постоянно *комментировать* собственные и чужие действия и мысли, уподобляя его поведение виртуальной жизни в социальных сетях, где каждый может высказать свое мнение по любому поводу и повторить его. Нередко такие комментарии вводятся глаголом *denken* и образуют единый комплекс с уступительными предложениями, ср.:

…ich ***denke*** *daran, dass mir Partys eigentlich nicht so wichtig sind,* ***obwohl*** *sie für Nigel das wichtigste der Welt sind, glaube ich* [Kracht 2004: 36].

Obwohl, wie *ich gerade daran* ***denke****, entsteht Alexanders Bild in meinem Gehirn nur so in Einzelheiten* [Kracht 2004: 67].

3.3. Нарочитая простота

Стиль Интернет-дискурса характеризуется исследователями специальным выражением, которое стало терминологическим: «*письменная устность*». В романе К. Крахта следы этого стиля обнаруживаются в частом употреблении сочиненных сложных предложений с союзом *und*. Этот союз может многократно повторяться в сложном

комплексе, сочетаясь с наречиями *dann* или *da*. Этот же союз нередко вводит и простые предложения. Оба приема создают нарочитую простоту, близкую по стилю к устному изложению. Ср.:

Das Taxi hält, ***und*** *auf der Uhr steht 12 Mark,* ***und*** *ich bezahle dem Fahrer sein Geld* [Kracht 2004: 38.

Die Drei halten sich im Arm, ***und da*** *sieht Nigel mich und winkt mir zu,* ***und*** *ich gehe hin* [Kracht 2004: 41].

Er sagt, ich solle mir keine Sorgen machen […]. ***Und dann*** *klopft er mir auf die Schulter,* ***und*** *ich sehe, dass er schneeweiße Zähne hat* (ebd.: 96).

4. Выводы

Проведенный анализ подтверждает вывод, что художественная литература, как и любой другой вид искусства, не может оставаться вне социальной среды. Эпоха Интернет-коммуникаций вызвала к жизни не только новый стиль общения, но и сформировала новый тип человека, привыкшего жить и общаться в противоречащих друг другу условиях анонимности, с одной стороны, и всеобщей прозрачности, с другой. К. Крахт остро почувствовал эти новые веяния, отразив их в своем романе. Образ нового молодого человека создается им путем использования признака плотности специфических языковых средств, имитирующих виртуальное поведение и мышление в Интернет-дискурсе.

Библиографический список

1. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.

2. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.5. – Орел: Картуш, 2007. URL: www.Текстология.RU [форум], http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76 (дата обращения 05.02.2014)

3. Клочкова Е.С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Самара: СГПУ, 2009.

4. Кострова О.А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации. – Самара: Изд-во Саратовского ун-та (филиал), 1992.

5. Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. Изд. 2-е. – М.: РУДН, 2009.

6. Шипова И.А. О некоторых лингвистических особенностях немецкоязычного художественного текста XXI века // Вестник Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова. т.21. №2, – Кострома, 2015. – С.149-153.

7. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Univ. Press, 2001.

9. Schmitz U. Sprache in modernen Medien: Einführung in Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen. – Berlin: E. Schmidt Verlag, 2004.

Источник фактического материала

1. Kracht C. Faserland: Roman. – München: DTV, 2004.

O.A. Kostrova
(Samara, Russia)

LINGUISTIC INDICATION OF INTERNET AGE PERSONALITY IN CRISTIAN KRACHT'S NOVEL "FASERLAND"

The paper presents the results of research, showing the interaction between linguistic expression of a prosaic text and the behavior of Internet users. In his novel Christian Kracht, using specific language means, imitates the personality of the Internet age.

Keywords: Internet communication, behavior, provoking, transparency, composite sentences

В.Н. Никитин
(Россия, Самара)

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЭКЗАМЕНАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (на примере модуля «Говорение» международного экзамена по немецкому языку TestDaF)

В статье анализируются сложности при подготовке к сдаче модуля «Говорение» экзамена TestDaF, обусловленные интерференцией дискурсов в формате экзамена. Кандидат должен быть знаком с дискурсами, входящими в собственно экзаменационный на правах включенных (образовательным, учебным), также в той их разновидности, которая бытует в ФРГ.

Ключевые слова: экзаменационный дискурс, интерференция дискурсов, экзаменационный формат, немецкий язык

Экзамен TestDaF занимает особое место среди международных экзаменов по немецкому языку. В отличие от общеязыковых экзаменов, сертификат о сдаче TestDaF необходим для обучения в университетах Германии, поэтому тематика всех его модулей (чтение, аудирование, письмо, говорение) ограничена сферой учебы и студенческой жизни.

Особой сложностью отличается, по мнению многих участников экзамена, модуль «Говорение». В качестве трудностей они называют, во-первых, то, что должны реагировать на т. н. стимул, т.е. речевой импульс со стороны воображаемого собеседника, записанный на электронный носитель и предъявляемый как акустический сигнал, а для большинства участников экзамена ситуация общения, когда говорящий не видит собеседника, достаточно непривычна. Во-вторых, время реагирования на речевой импульс ограничено. В-третьих, в силу технических условий участники экзамена ограничены в возможности управлять собственным высказыванием, которое непосредственно фиксируется на электронный носитель и характеризуется тем самым

искусственной речевой линейностью. Наш опыт подготовки учащихся (ЦНЯ ин-та Гёте http://german.ssu.samara.ru/) к экзамену TestDaF позволяет сформулировать еще одну трудность, обусловленную особенностями данного типа экзаменационного дискурса.

Задания модуля «Говорение» экзамена TestDaF конципированы таким образом, что работа над ним «предполагает погружение экзаменуемого в иную тематически смоделированную среду за рамками учебно-экзаменационной ситуации, в которой он в действительности пребывает» [Копшукова 2015: 201]. Так, анализируя тексты сертифицированных экзаменационных форматов по английскому языку, Е.В. Копшукова отмечает, что им свойственно наличие лексических, грамматических, морфологических, синтаксических маркеров, характерных для разных типов дискурса, а образовательный дискурс, таким образом, выступает в роли «площадки», где собраны тексты разных типов дискурса [Копшукова 2015: 201].

В отличие от названных международных экзаменов по английскому языку, TestDaF относительно однороден, однако и здесь мы сталкиваемся с явлением интерференции дискурсов, при которой «происходит наложение элементов одного дискурса (включенного) на другой (принимающий), в результате чего происходит их комбинирование, взаимодействие, взаимовлияние и взаимозависимость» [Шевченко 2008: 3-6]. Принимающим дискурсом в данном случае является экзаменационный, а включенным – образовательный (включающий в себя передачу информации из разных областей знания) и учебный (отображающий студенческую жизнь во всем ее многообразии). Интересной особенностью экзаменационного дискурса является то, что в языковом плане принимающий дискурс представлен очень незначительно: он ограничивается формулировкой задания. Что же касается включенного дискурса, то он составляет большую часть текста экзамена.

Интерференция дискурсов в формате экзамена TestDaF представляет собой большую сложность для участников экзамена, которую многие из них не осознают. Сложность состоит в отсутствии или недостаточной сформированности навыка погружения в коммуникативную ситуацию, отличную от той, в которой экзаменуемый в данный момент находится, и тем самым в соответствующий дискурс.

Применительно к экзаменам по английскому языку Е.В. Копшукова констатирует, что во время работы с материалами сертифицированного экзаменационного формата по английскому языку экзаменуемому могут быть предложены тексты такого дисциплинарно-нормативного поля, к которому кандидат не принадлежит [Копшукова 2015: 202]. В экзамене TestDaF кандидат получает задание, ориентированное на представителя определенной культурной общности, к которой он также не принадлежит.

Рассмотрим это на конкретных примерах из тренировочных материалов по подготовке к модулю «Говорение». Модуль состоит из семи заданий, выполнение которых требует от участника экзамена совершить такие речевые действия, как: запросить информацию, сообщить/передать информацию, аргументированно передать свое отношение к какому-либо факту или явлению, сравнить альтернативные предложения и обосновать свой выбор, высказать предположения о причинах и возможных способах развития какого-либо явления, дать совет собеседнику. Названные речевые действия не являются специфическими «немецкими» характеристиками экзаменационного дискурса, они универсальны и привычны для участников международного экзамена TestDaF. Трудность для них представляют ситуативные, тематические, социокультурные характеристики всех семи коммуникативных заданий в разделе «Говорение».

Во всех заданиях модуля «Говорение» кандидат выступает в одной игровой роли – роли студента немецкого вуза. Что касается другого участника коммуникации, то он определяется ситуацией и видом включенного дискурса. Характеристики последнего позволяют разделить все задания на три группы.

К первой группе отнесем задания, в которых кандидат общается в рамках институционального дискурса с имагинарным представителем некоего института (университета, языковой школы, факультета, фитнес-клуба и т.п.). Его цель – запросить информацию об институте: время работы, стоимость услуг, условия получения услуги, возможные скидки и т.д. (задание 1) или высказать свое мнение в дискуссии о работе института. Это: роль интернета в обучении, соотношение теории и практики в учебных дисциплинах, продолжительность обу-

чения и т.д. (задание 4) [см. Fazlic-Walter, Wegner 2014]. В обоих заданиях включенным дискурсом является учебный, а регистр общения – официальный. Для успешного выполнения заданий кандидат должен иметь представление о названных институтах и владеть навыками общения в рамках данного немецкоязычного дискурса.

Ко второй группе можно отнести задания, в которых кандидат принимает участие в семинаре. Этот вид институционального дискурса можно считать образовательным, т.к. цель кандидата в данном случае – обработка информации. Кандидат должен описать график, который имеет отношение к Германии (задание 3) или, опираясь на график, проанализировать причины развития и высказать прогноз (задание 6) [см. Fazlic-Walter, Wegner 2014]. Темы выбираются популярные в социуме Германии (альтернативные виды энергии, демография, роль женщины в обществе и др.). Чтобы справиться с заданиями, кандидат должен быть знаком с тематикой графиков, даже если эти вопросы активно не обсуждаются в его родной стране (среде).

Еще одну группу составляют задания, имитирующие неформальное общение с друзьями, другими студентами. Кандидату нужно рассказать о бытовой ситуации на родине: типичная еда, правила поведения, семейные праздники, взаимоотношения с родителями и т.д. (задание 2). Важно, чтобы при рассказе он учитывал уровень компетентности в этих вопросах типичного жителя Германии. В задании 5 он должен дать и обосновать совет другу по вопросам учебы и работы (поиск работы, работа на каникулах, практика, бакалавриат, магистратура), а в задании 7 – дать совет в бытовой ситуации (помочь выбрать квартиру, организовать досуг, подработку, покупку и др.) [Fazlic-Walter, Wegner 2014]. Естественно, что эти задания ориентированы на участников экзамена, имеющих представление о том, как эти проблемы принято решать в Германии. Включенный дискурс представляет собой пограничный случай между бытовым и учебным типами.

Таким образом, для успешного выполнения заданий модуля «Говорение» участнику экзамена TestDaF необходимо не только выработать навык реактивного речевого поведения в условиях отсутствия визуального контакта с собеседником, но и иметь социальный

опыт активного речевого действия в роли студента немецкого университета в аутентичных ситуациях в быту, в академической среде, в общественных институтах. Иными словами, кандидат должен быть знаком с дискурсами, включенными в собственно экзаменационный тип (образовательным, учебным), причем в той их разновидности, которая актуально бытует в обществе Германии.

Библиографический список

1. Копшукова Е.В. Особенности текста сертифицированного экзаменационного формата как составляющей современного англоязычного образовательного дискурса // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сб. научных статей. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. – С. 200-204.

2. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов – Самара: СамГУПС, 2008. – 203 с.

3. Fazlic-Walter K., Wegner W. Mit Erfolg zum TestDaF. Übungs-und Testbuch inklusive 2 Audio-CDs. –Stuttgart: Klett Sprachen, 2014. – 180 S.

W.N. Nikitin
(Russland, Samara)

INTERFERENZEN IM BILDUNGSDISKURS (AM BEISPIEL DES MODULS «SPRECHEN» IN DER INTERNATIONALEN PRÜFUNG TestDaF)

Im Beitrag geht es um Schwierigkeiten für Teilnehmer der internationalen Prüfung TestDaF im Teil «Sprechen», bedingt durch diskursive Interferenzen. Man kommt zur Schlussfolgerung über die Notwendigkeit für die Prüfungsteilnehmer, den deutschen Bildungsdiskurs zu kennen.

Stichwörter: Bildungsdiskurs, Diskurs-Interferenz, Sprachhandlung, Prüfung in Deutsch als Fremdsprache

М.А. Сычева
(Россия, Москва)

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ФРАНЦИИ В ПУТЕВОДИТЕЛЕ КАК ОДНОМ ИЗ ЖАНРОВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена вопросу представленности объектов национального достояния Франции, включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в туристическом путеводителе.

Ключевые слова: путеводитель, всемирное культурное наследие; туристический дискурс, мелиорация, аттрактивность

Культурное наследие – духовная, культурная, экономическая и социальная ценность любого государства является основанием для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Мировая общественность осознает высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов ценностей всего человечества. По этой причине была создана организация ЮНЕСКО и в 1972 г. издана Конвенция, которую к настоящему времени ратифицировало 191 государство.

Утраты культурных ценностей невосполнимы и необратимы. Любые потери наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, объединению общества в целом. На сегодняшний день накоплен существенный опыт по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия, расширен диапазон работ различных учреждений и организаций по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Каждая страна, ратифицировавшая Конвенцию, обладает объектами культурного наследия, которые включены в список объектов Всемирного наследия. Тем самым страна-участник Конвенции обеспечивает данным

объектам сохранение и их популяризацию в различных областях человеческой деятельности. В туристическом дискурсе, например, особое место занимают объекты культурного наследия, так как туризм – это наиболее очевидный и традиционный способ популяризации достопримечательностей, и, соответственно, страны.

В сфере туризма широко используются такие дискурсивные жанры, как брошюра, проспект, буклет, справочник, путеводитель, каталоги, записки путешественника, статьи и другие. Все они могут быть отнесены к письменно-информативным жанрам, так как в них преобладает функция сообщения, информирования потенциальных туристов. Дискурсивные жанры туристических проспектов, брошюр и путеводителей являются наиболее распространенными, а, следовательно, востребованными печатными непериодическими информационно-справочными изданиями, используемыми в турбизнесе [Погодаева 2008: 36].

Рассмотрим подробнее такой жанр туристического дискурса, как путеводитель. Путеводитель (или гид) определяется как печатное, электронное или аудиовизуальное справочное издание, содержащее сведения об экономике, истории, достопримечательностях страны, региона, города, историческом месте, музее, туристическом маршруте. Используются туристами для лучшего ориентирования в незнакомой местности. Композиция путеводителя часто подчинена рекомендуемым маршрутам осмотра достопримечательностей описываемой местности [Розанова 2014: 281].

Начало современного этапа истории развития путеводителя как жанра географической литературы и как специального типа книжного издания связана с именем *Карла Бедекера* (1801—1859), основавшего в 1827 году в немецком городе Кобленце издательство путеводителей по различным странам, их столицам и другим городам. Его путеводителя были очень популярны в Европе, переводились на многие языки, название *бедекер* стало нарицательным для изданий такого рода [Там же].

С течением времени путеводители сформировали новую культуру путешествий и количество путеводителей увеличивалось. Так, во

Франции стали появляться различные издания, такие как *le Petit Futé, le Visa, le Michelin, le Routard, les Guides Voir* и др. Наибольший интерес для путешественника представляют объекты Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, которые представлены в путеводителях.

Во всех путеводителях дается информация о наиболее интересных культурно-исторических объектах посещаемой страны. К примеру, путеводители французской серии *Michelin* рассчитаны на тех, кто хочет увидеть много, но только самое интересное. Для этого все достопримечательности распределены по степени звездности, как это делается относительно гостиниц или ресторанов.

Характерный формат, наличие уникальной информации, фотографий и карт делает эти путеводители очень удобными и полезными. Достопримечательности распределены в алфавитном порядке.

Французская Республика ратифицировала Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия 27 июня 1975 года. По состоянию на 2016 г. в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО во Французской Республике значится 39 наименований, которые являются своего рода символами государства и приводят к расширению и углублению сферы межкультурной коммуникации, вовлекая государства и народы в широкую сеть взаимопонимания и взаимодействия. Их историческая обусловленность, признание их символического значения в стране и за рубежом позволяют считать знаки – символы важнейшими ценностными категориями, необходимыми для успешного межкультурного взаимодействия [Викулова, Серебренникова 2008: 7].

Главной целью списка Всемирного наследия является стремление защитить и популяризировать объекты, которые являются уникальными в своём роде. По этой причине и из-за стремления к объективности были составлены оценочные критерии, по которым Комитет Всемирного наследия вносит объект в данный список. Существует всего 10 критериев, по 6 из них оцениваются культурные объекты и по 4 критериям – природные объекты.

Рассмотрим наиболее известные *архитектурные объекты* национального достояния Франции, внесенные в Список по следующим критериям (I, II, IV):

1. Объект представляет собой шедевр человеческого созидательного гения.

2. Объект свидетельствует о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в данный период времени или в определенном культурном пространстве, в архитектуре или в технологиях, в монументальном искусстве, в планировке городов или создании ландшафтов.

3. Объект является выдающимся примером конструкции, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории [http://whc.unesco.org].

Обратимся к репрезентации ряда архитектурных памятников из списка наследия в путеводителе фирмы *Michelin* [Le guide Vert 2011]:

1. Кафедральный собор в городе Шартре (Cathédrale Notre-Dame de Chartres).

La capitale de «ce grenier de la France» qu'est la Beauce possède ***un trésor*** *: sa cathédrale,* ***célèbre*** *pour ses pèlerinages et, plus encore, pour ses vitraux au bleu* ***incomparable*** [Le guide Vert 2011: 180]. При описании готического собора в Шартре употребляются оценочные прилагательные и существительные с мелиоративным значением *célèbre/знаменитый*, *incomparable/несравнимый, un trésor/сокровище.*

2. Исторический центр города Авиньон (Centre historique d'Avignon*).*

Ville d'art, Avignon affiche une ***richesse exceptionnelle*** *qui lui valut, en 1995, l'inscription au patrimoine mondial de l'Unesco du palais de Papes et du pont St-Bénezet. Son* ***etincelante*** *beauté illumine le Rhone: remparts, clochers et toits de tuiles roses s'y reflètent, surplombés par la cathédrale et le majestueux palais* [Le guide Vert 2011: 670]. Описывая город искусства, Авиньон и Папский дворец, в путеводителе используются оценочные прилагательные *exceptionnel/исключительный, etincelant/ослепительный.*

3. Исторический укрепленный город Каркассон (Каркассонн, Каркасон) (Ville fortifiée historique de Carcassonne).

*Lorsque l'on parvient aux bords de Carcassonne, on ne s'empecher d'**admirer** cette cité...Batie sur la rive droite de l'Aude **la plus grande** forteresse d Europe se compose d'un noyau fortifié, le Chateau comtal et d'une double enceinte* [Le guide Vert 2011: 570]. В данном примере исторический город Каркассон описывается при помощи прилагательных в превосходной степени *la plus grande forteresse/самая большая крепость* и глагола *admirer/восхищаться*, что придает описанию аттрактивную характеристику.

4. Дворец и парк в Версале (Palais et parc du château de Versailles).

*Symbole de **perfection** classique et du pouvoir royal, **miraculeusement** présérvé des ravages du temps, le chateau et son domaine retrouvent aujourd'hui toute leur **splendeur** d'antan grace à d'importants travaux de restauration. Classé au Patrimoine mondiale de l'Unesco, il est le monument **le plus visité** de France* [Le guide Vert 2011: 155]. – Описывая символ классического перфекционизма и королевской власти дворец и парк в Версале, использованы средства мелиоративности (превосходная степень прилагательных *le monument le plus visité/самый посещаемый памятник)* и аттрактивности существительные *perfection/перфекционизм, splendeur/роскошью* и наречие *miraculeusement /чудом*.

5. Римские и романские памятники города Арль (Monuments romains et romans d'Arles).

***Joyau** posé sur le Rhone ; sous un ciel transparent purifié par le mistral ; cette cité antiaue et romane ; riche d'un patrimoine architectural **unique** au monde ; est aussi la capitale de l'image. Le théare antique disparut au cours des temps sous les habitations et ne fut dégagé qu' à partir de 1827. Ne restent du mur de scène que deux **admirables** colonnes* [Le guide Vert 2011: 664]. В данном примере романский античный город описывается при помощи мелиоративных прилагательных *unique/уникальный, admirable/восхитительный* и существительного *joyau/сокровище.*

Проанализировав вышеприведенные примеры можно сделать вывод, что объекты национального наследия Франции подробно представлены в путеводителе *Michelin.* Описание их уникальности и ценности при помощи языковых средств аттрактивности и мелиоративности способствуют привлечению и популяризации национального достояния страны в туристическом дискурсе.

Библиографический список

1. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Вступительное слово // Основы межкультурной коммуникации. Практикум / под ред. Л.Г. Викуловой. – М: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – С. 7-9.
2. Погодаева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. …канд. фил. наук. 10.02.05. / С.А. Погодаева. – Иркутск, 2008. – 234 с.
3. Розанова Ю.Н. Путеводитель как жанр туристического дискурса: диахронический аспект. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). – С.281-285.
4. Сайт ЮНЕСКО // URL: http://whc.unesco.org [дата обращения 06.02.2016].
5. Le Guide Vert France. – Paris : MICHELIN, 2011. – 746 p.

M.A. Sycheva
(Russia, Moscow)

THE REPRESENTATION OF THE NATIONAL HERITAGE OF FRANCE IN THE GUIDEBOOKS

The article is devoted to the representation of the national patrimony of France, included in the world heritage List of UNESCO in the tourist guide.

Keywords: guide, world cultural heritage; tourism discourse, reclamation, attractiveness

V. КОНСТАНТЫ И ВАРИАЦИИ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

J. Javorčíková
(Slovakia, Banská Bystrica)

SYNCHRONIC AND DIACHRONIC TRANSFORMATION OF DRAMATIC GENRES

The article entitled "Synchronic and Diachronic Transformation of Dramatic Genres" focuses on the historical transformation and derivation of early dramatic genres (tragedy, comedy) into more versatile and complex genres such as melodrama and the theatre of urban boredom, for example. The research lies on the assumption that dramatic genres are historically bound and they proliferate or cease to exist in accordance with their historical need.

Keywords: drama, genre, tragedy, comedy, derivative genres

Transformation of dramatic genres – a Diachronic View

Drama in general denotes "any work meant to be performed on a stage by actors" [Cuddon 1998: 237]. According to Aristotle, *drama* is an "imitated human action" [Cited in: Holman-Harmon 1986: 154][2]. Recognized features of drama are 1. story, 2. action and 3. actors who impersonate characters of the story. Historically, there were many historical variants and genres of drama, for example ancient Greek drama, ancient Roman drama, medieval drama and modern, 19th century variants, such as melodrama, psychological drama and many others. In order to understand the

[2] In the theoretical part of this study, we greatly rely on two academic sources: J. A. Cuddon (*A Dictionary of Literary Terms*, 1998) and H. C. Holman –W. Harmon (*A Handbook to Literature*, 1986).

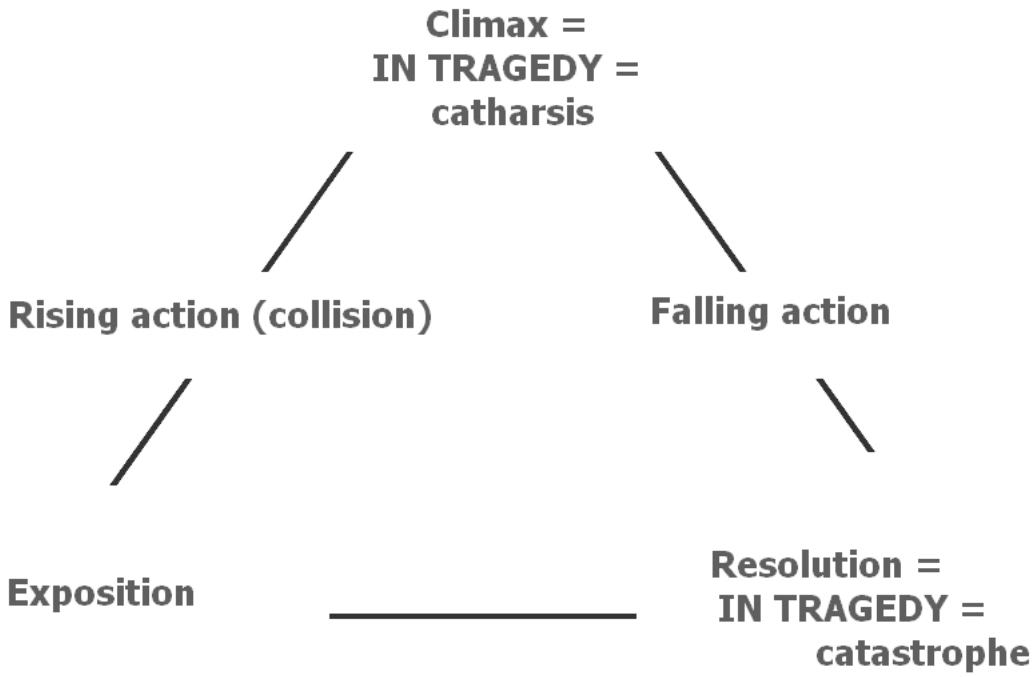
diachronic genesis of drama, it is essential to understand its beginnings in ancient Greece. The nature of the ancient plays was often interrelated with the type of theatre used for performances:



Ancient theatres, called "amphitheatres", had a circular shape enhancing acoustics. All-men actors wore acoustics-improving masks (this is the origin of the smiling and frowning masks, the famous symbols of theatre). Unlike in present-day theatres, in the ancient theatres there were no curtains (thus the plays could not be divided into acts), few props and no spotlights. All these three features resulted in the verbal nature of the ancient plays, which were very rich in verbal descriptions of visual and sensual aspects of the play such as space, size, colours, textures and smells, as well as the emotional phenomena of the play.

In order to clarify the plot, ancient Greek dramas often employed a **chorus**, a group of actors who introduced the play, specifying its setting and main characters. At the end of the play the chorus summarized the overall message of the play [Holman-Harmon 1986: 205]. The structure of ancient plays also differed from the present-day ones. Gustav Freytag explored the generic structure of ancient plays as follows:

Structure of an ancient play: The traditional structure of a play follows what is known as Freytag's pyramid:



There were two basic types of ancient genres:

1) Tragedy – based on the creation of the emotions of fear and pity, resulting in catharsis and understanding both reasons for personal downfall of the individual and the overall social context of his or her failure.

2) Comedy – based on alienation and emotional separation between the spectator and the character.

Roman drama differed from the Greek plays. The plays were more violent and more importantly, they showed the acts of violence on the stage. Other Roman types of drama include for example Latin closet dramas of Seneca [Holman-Harmon 1986: 205].

Medieval drama denotes all forms of drama in the Middle Ages; however, it generally refers to drama of a religious nature, which influenced its subject-matter (stories of Resurrection, Ascension), liturgical tone and language (mostly Latin) [Holman-Harmon 1986: 291].

Medieval drama included various genres, such as:

- **Miracle plays,** (based on the lives of saints, especially Virgin Mary);
- **Mystery plays, cyclic plays, moralities** (later became secularized and some were even banned. They are believed to be the basis for the later Elizabethan comedy).

The aforementioned facts about the technical and artistic development of drama in the Western world help us to understand more about the

specifics of the English theatre. The first era to be discussed here is so called the "**Elisabethan Age**", a term used for the period of the Renaissance during the reign of Elisabeth I of England (1558–1603). The name "the Elizabethan Age" sometimes also includes the Jacobean Period (1603–1625). Another informal name of the period is "Merrie England". This refers to the overall successful and optimistic atmosphere of this period, rooted in colonial expansion and the resulting societal developments, incorporating new technologies and materials brought from overseas [Holman-Harmon 1986: 291]. In the Elizabethan times, drama proliferated. Some of the popular genres of the period were:

- **Pastoral plays** (they developed from pastoral poems, usually describing the "pastoral" lives of shepherds and descriptions of the countryside).
- **School plays** (popular Elizabethan plays practiced and performed at schools, one form of school plays was the so-called "masque").
- **University plays** (practiced and performed for the Queen Elizabeth by a group of academics called "the University Wits").
- **Latin drama** (these were mostly translations of Italian plays).
- **Chronicles** (these were essentially historical plays which drew inspiration from period chronicles, such as *Holinshed's Chronicles*).
- **Elizabethan comedies** (comedy, especially romantic comedies and court comedies, were popular genres of the period; they often used misunderstanding and mistaking one´s character for another as the central point of their subjects).
- **Elizabethan tragedies** (were as popular as comedies. Some variants of Elizabethan tragedy include tragedy of blood and revenge tragedy, which lay on the principle of poetic justice. Elizabethan tragedies often employed subjects such as the seven deadly sins and supernatural powers, and usually ended in the death of most of the characters).

"The Jacobean Age" was significantly different from the libertine Elizabethan Age in its more serious and contemplative tone and philosophical subjects. In this period, Shakespeare wrote his major tragedies and tragicomedies, while Ben Jonson produced classic tragedies and realistic comedies, and many other authors flourished.

"The Caroline Age" referred to the reign of Charles I of England (1625–1642). Drama of the period includes many new forms such as the comedy of manners, the sentimental comedy and the domestic tragedy [Holman-Harmon 1986: 291].

The 19th century was significant for its technical improvements of theatrical techniques as well as for formal and intellectual changes in the structure and content of plays.

Technical improvements included the invention of:

- Spotlights (which allowed theatres to focus on the most important character in each section of the play),
- Curtains (which allowed plays to be divided into acts), and
- Other technical improvements (that allowed theatres to bring large objects, sounds, and other effects to the stage). However, all these inventions also contributed to a diminishment of the role of language, and plays became much less verbal and much more visual than in previous dramatic eras.

Some of the most significant genres of the period include:

- **Melodrama** (a play based on romantic plot, idealized characters and a romantic happy ending or extremely unhappy ending. In melodrama, the logical course of the plot is subordinated to sensational emotions, and thus melodramatic characters often find themselves in dramatic situations – lost in the desert without water, in the wilderness without matches, etc. Modern variants of classical melodramas are soap operas). Romantic tragedies were among the successors of melodramas.
- **Problem plays** (were similar to melodramas; however, the logic of plot now played a much more important role. The plot revolved around a specific "problem", such as immigration to the USA, unwanted pregnancy, or dilemma between obeying one's parents and the pursuit of happiness). Problem plays later inspired modern social, psychological and political dramas.
- **Verse drama** (was only distinguished by its verse form, popular with folk audience).

Transformation of dramatic genres – a Synchronic View

The versatile genres of the 19th century gave birth to even more diverse genres and genre experiments of the 20th century which resulted in many genre derivatons. English modern drama, for example, is so multi-layered that it invites many methods of classification, such as:

1. HISTORICAL CLASSIFICATION	2. THEMATIC CLASSIFICATION	3. SUBJECT MATTER	4. TECHNIQUE OF COMPOSITION/GENRE	5. FUNCTION	6. ELABORATION OF THEME
Angry Young Men–drama after 1956, when John Osborne's play *Look Back in Anger* premiered.	**Family play**	**Historical play**	**Modern play**	**Didactic play**	**Humorous play**
"New wave" of British drama	**Social play**	**Fantastic play**	**Postmodern play**	**Entertaining play**	**Satirical play**
1st wave of British drama	**Political play**	**SCI-FI**	**Total theatre**		**Experimental play**
2nd wave of British drama		**Detective play**	**In-Yer-Face**		**Journalistic play**
3rd wave of British drama		**Psychological play**			**7. STREAM OF THOUGHT**
4th wave of British drama		**Biographical play**			**Sentimental play**
					Romantic play
					Realistic play
					Naturalistic play
					Existential play[3]

[3] Based on: Štefan Franko : *Theory of Anglophonic Literatures.* 1994. Simplified by J. J.

This list is by no means complete and new genre variants are perpetually being created. What is more, many modern genres purposely overlap with other genres, creating hybrids.

The aforementioned outline of diachronic changes of the original Aristotelian genres brings us to the question why traditional genres change and alter. Historically, the reasons for the creation of new genres are various. Many were created "in opposition" to the traditional genres, in order to provoke and disturb the reader. One of the modern genres that purposely contradict features of traditional realistic plays is the already mentioned "In-Yer-Face" theatre. In-Yer-Face theatre uses both shocking language and shocking images to physically and emotionally discomfort the spectator and make him or her think about the issues in debate. John Osborne, one of the "Angry Young Men" and the author of iconic play *Look Back in Anger* (1956), inspired this genre. Other new genres include New Jacobean Theatre, Theatre of Urban Boredom and many others.

Historically, there have been numerous approaches to the essence of literary genre. The very first attempt to systematically explore literary genre has been done by Aristotle in *Poetics* (355 AD). He believed that there are three basic literary genres – tragedy, comedy and poetry and that they have fixed characteristic elements which should be identifiable in any piece of art. His criteria for genres were so well formulated yet non-prescriptive and that is perhaps why they have survived until present days. In medieval ages, though, the research of literary genres stagnated. Scholars were mostly searching for petrified elements of genres and set strict categories for what is and what is not a certain genre. A new evolutionary approach to genre was initiated by a French scholar, Ferdinand Brunetière, in 1890 in his study *L´Évolution des genres dans l´histoire de la literature.* He set five basic phases of the "life" of literary genres [Brunetière 1890:15]:

- Creation and existence;
- Differentiation (from other genres);
- Stabilization;
- Modification;

- Transposition ("death" of the original genre and creation, "birth" of a new one).

Brunetière´s thought was very innovative as he was the first who recognized that literary genres, just like many social and biological phenomena are subject to development, deterioration, transformation and sometimes also natural and historically conditioned end of their being.

19th century, however, was greatly influenced by the positivistic philosophy and many overoptimistic attempts to quantify research, even in humanities emerged. Literary scholars were setting strict criteria on literary genres and conducted vigorous debates whether a certain piece of literature (e.g. *The Lady of the Camellias* by Alexandre Dumas) contains preconceived elements (e.g. those of melodrama and tragedy) or not. Needless to say, this period was the high time for inflated scholarly debates searching for the "truth" about a literary work.

Post Second World War literary scholarship was multilayered; there were both conservative and liberal genologic wings. The orthodox, conservative view is represented by George Steiner, the author of monograph *The Death of Tragedy* (1963). He denies the possibility of evolution of genres, namely of tragedy because, as he believes, tragedy was society-bound and the present-day society lacks the attributes of the ancient *polis* (town, community) which mostly lied on the principles of a closed society (compare: Karl Popper: *Open Society*). Thus, according to Steiner, no modern tragedy is possible. Another "ultraextreme" opinion on literary genres is represented by an Italian scholar Bernardo Croce. Croce denies the existence of literary genres as they are not inherent to the literary piece but only represent secondary, artificial aesthetic literary criteria.

There were also more tolerant attempts to literary genres. New literary pieces based on the original genres were understood as enrichment of the original genre rather than its destruction. For example, notable scholars René Wellek and Austin Warren respect the historical attempts for "pure" genres (*genre tranché*) but for modern understanding of literary genres they set less normative criteria. Modern theory of genres is more interested in search for a common feature among genres [Wellek-Warren 1966: 235].

Oscar Mandel [Mandel 1961:62] attempted to systemize theory of genres and divided existing definitions of genres (namely tragedy) into four groups:

- **Definition according to formal elements** (e.g. nobility of the hero, unity of time and place, etc.). However, this approach has been rejected by many modern scholars as dated and unreliable (R. C. Miller, Arthur Miller).
- **Definition according to situation**, focused on the essence of the situation depicted (e.g. Aristotle's fall from great fortune to ill-fortune). This approach has been recognized by Július Pašteka and George Steiner.
- **Definition according to ethical directions**, focused on the overall meaning of the play and its legacy for the spectator.
- **Definition according to the emotional effect of the play (or work of art in general, note JJ)**, based on the original Aristotelian imperative of fear and sympathy as navigational emotions of a play. Paul Hernadi calls this type of definition by another name, a "pragmatic orientation" [Hernadi 1972: 37].

Many scholars doubted measurability of one's personal experience with literary genre. However, H. D. F. Kitto's counterargument to these skeptical voices recommends to "trust" one's literary intuition: "If the meaning is the total impact of the play on the audience, how is it possible to say what it is, since audiences vary from age to age? The answer is: If you trust the dramatist, if you will consider the form of his play, patiently and with some imagination, as being probably the best possible expression of what he meant, then you will be giving yourself the best chance of appreciating the impact of what he was hoping to make on the audience for which he was writing" [Kitto 1960: 7].

There are almost as many systematic and a-systemic approaches to understanding genres as there are genres themselves and more will be developed. A scholar then faces the dilemma of which approach to select to obtain most objective results. Sometimes, the literary work itself invites a specific method of research (e.g. some features of a classic genre are so obvious one cannot but trace them systematically, as for example in Arthur Miller's play *Death of a Salesman*, 1949). Othertimes, one just intuitively

follows a certain type of genre and its elements and tries to interpret them in the selected work of art. In the next part, various methods and forms of genological research will be subject to a methodological analysis.

As far as the form of literary genres is concerned, the form also artistically contributes to the meaning of the artistic piece. Wellek and Warren [Wellek – Warren 1966: 231], for example, recognize outer form of genre (e.g. its metric system); and inner form of genre (e.g. approach, tone, aim or theme and type of audience.

One should remember that in quality art, nothing is deliberate, random or purposeless. Each detail has its significance within the broader context of a literary work and enhances its artistic impact on the perceiver. A French sculptor, August Rodin liked to sculpture his sculptures with the most solid shape because he believed that if a sculpture is pushed down the hill, everything that falls off is redundant. The same is true for quality literary works and the researcher's role is to identify the indispensable parts and find out the importance of details as well as the whole.

According to a Slovak scholar Peter Zajac [Zajac 1990: 127-128], there are two basic approaches to the analysis of a literary genre: (1) Down to top, and (2) Top to down method.

1) Down to top method starts with the analysis of individual genre elements. These elements can first be fragmentary and seemingly unrelated. Later in the course of the play, novel or other kind of literary work they tend to unite into a meaningful unity [Zajac 1990:127-128].

2) Top to down method starts with pre-conceived genre estimate which the researcher tries to support by individual elements, themes, and other literary features of the literary work. That means, one intuitively feels a play is a tragedy and then starts to systematically search for a broader system of tragic elements (e.g. nobility of the tragic hero, the moment of recognition, presence or absence of a chorus) in the play. Zajac understands both methods as complimentary and interrelated as long as they equally incorporate two features: inner differentiation of literary works and their complex nature [Zajac 1990: 127-128].

Nevertheless, both methods evoke the basic question of genologic research, which first has been asked by George Muller [cited in Hernadi

1972: 2]: *How can I define tragedy (or any other genre) before I know on which works to base the definition, yet how can I know on which works to base the definition before I have defined tragedy?* This type of argumentation is called **"circular evidence"** and is generally inacceptable in exact scientific research. Robert B. Sewall, however, fully agrees with this sort of argumentation in literature and with regards to the specific nature of a literary genre accepts it as a legitimate form of genological research [Sewall 1991: 175].

Literary genres, thus are socially bound, they evolve, modify and even die in accordance with the historical and social changes in the particular society. Some dramatic genres, such as miracle plays, disappeared completely, as they lost their social justification. Other genres, for example tragedy and comedy, have been proliferating until the present days as they in terms of form as well as content still can reflect the life of "modern" man. Moreover, definitions of various (dramatic) genres are also subject to historical and artistic modifications as the plays that serve as sample corpuses for such definitions change and modify with times. Therefore, scholars often differ in their opinions on the significance of literary genres as means to understanding literary works. Literary genre is nowadays understood more as an essential "orientation point" that transmits the very introductory information to the reader and helps the reader to organize his or her anticipations toward literary works and, understanding a genre thus often means understanding the diachronic as well as synchronic genesis of its formation.

Bibliography

1. Aristotle Poetics. – London: Prentice Hall, 1968. – 307 p.
2. Bruntiére F. L´Évolution des genres dans l´historie de la littérature // Problémy literárnej genológie. – Bratislava: Veda, 1979. –143 p.
3. Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. – London: Penguin, 1998. – 237 p.
4. Eagleton T. Literary Theory. – Minneapolis: University of Minnesota. – 244 p.

5. Franko Š. Theory of Anglophonic Literatures. – Prešov: Slovacontact, 1994. – 186 p.

6. Freytag G. Die Technik des Dramas. // A Handbook to Literature / Eds. H.C. Holman, W. Harmon. – New York: Macmillan Publishing Company, 1986. – 646 p.

7. Frye N. Anatomy of Criticism. – Priceton: Priceton University Press, 1957. – 400 p.

8. Hatlen T. Drama – Principles and Plays. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. – 659 p.

9. Hernadi P. Beyond Genre: New Directions in Literary Classification. – London: Cornell University Press, 1972. – 224 p.

10. Hevešiová S., Kiššová M. Cultural Encounters in Contemporary Literature. – Nitra: UKF, 2008 (CD-ROM).

11.Holman H. C., Harmon W. A Handbook to Literature. – New York: Macmillan Publishing Company, 1986. – P. 154-291.

12.Kitto H. D. F. Form and Meaning in Drama. – London: Methuen, 1960. –341 p.

13.Mandel O. A Definition of Tragedy. – New York: New York University, 1961. – P. 7.

14.Hernadi, P. Beyond Genre: New Directions in Literary Classification. – London: Cornell University Press, 1972. – p. 2.

15.Wellek R., Warren A. Theory of Literature. – London: Penguin, 1966. – p. 235

16.Zajac P. Žánrová výstavba diela // Tvorivosť literatúry. – Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1990. – p. 117-139.

Photographs and pictures

THEATRE OF ANCIENT GREECE. // https://en.wikipedia. org/wiki/Theatre_ of_ancient_Greece (accessed: July 16, 2015).

Я. Яворчикова
(Словакия, Банска Быстрица)

СИНХРОНИЧЕСКИЕ И ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДРАМАТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

Автор данной статьи рассматривает проблему исторического происхождения и трансформации ранних драматических жанров (трагедия, комедия) в более сложные жанры, такие как мелодрама и театр городской скуки. Исследователь исходит из посылки, что драматические жанры исторически связаны и развиваются, либо угасают в зависимости от исторического развития.

Ключевые слова: драма, жанр, трагедия, комедия, производные жанры

А.Э. Воротникова
(Россия, Воронеж)

ДИСКУРС ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПИАНИСТКА» Э.ЕЛИНЕК И ОДНОИМЕННОГО ФИЛЬМА М.ХАНЕКЕ)

Особенности дискурса литературы и кино исследуются на материале романа и фильма «Пианистка». Индивидуальная режиссерская концепция, подкрепленная харизматичной актерской игрой и различиями в системах эстетических принципов и средств двух видов искусства, рождает самостоятельное произведение, не только развивающее и дополняющее романный замысел, но и вступающее с ним в идейный спор.

Ключевые слова: дискурс, концепция, эстетика, психологизм, реализм, типизация, индивидуализация, несобственно-прямая речь, символ, лейтмотив, образ, повествование, автор, субъект, объект

Перевод на язык кино далекого от реалистической эстетики словесного произведения – задача *a priori* не из легких. Тем более, если

речь идет о многослойном повествовании в романе австрийской писательницы Эльфриды Елинек «Пианистка» (1983), в котором главным разоблачителем, критиком и судьей оказывается сам язык. Одноименный фильм (2001) Михаэля Ханеке – самоценное и в значительной степени независимое от литературного оригинала произведение, на что неоднократно указывали критики. При всем том австрийскому режиссеру удалось достаточно полно воплотить средствами иного вида искусства романный замысел, реализующийся как в книге, так и в фильме, не столько через внешнюю событийность, сколько через иные концептуально значимые моменты.

Прежде всего, необходимо установить, чья фигура является стержнем, на котором крепится вся идейно-художественная структура в обоих произведениях. В елинековской книге это – автор-повествователь, высокомерно-насмешливый олимпийский небожитель, лишающий своих героев права непосредственного самовыражения: в романе отсутствует прямая речь и преобладает несобственно-прямая, служащая средством бесцеремонного вмешательства во внутреннюю жизнь персонажей, их высмеивания и едва ли не надругательства над их сокровенными мыслями и чувствами. Впрочем, порожденные обывательским типом сознания, эти мысли и чувства, зачастую слишком стандартны и пошлы, что едва ли могут вызвать сочувствие. Автор в «Пианистке» лишен доверия к современному человеку, уродливому порождению мелкобуржуазного общества, поэтому елинековским образам героев, окарикатуренно механическим, шаблонным, дегуманизированным, часто не достает жизнеподобия.

Иное дело – ханековский фильм, в котором все внутреннее движение сюжета подчинено героям, блестяще сыгранным французскими актерами: в роли Эрики Кохут – Изабель Юппер, в роли Вальтера Клеммера – Бенуа Мажимель. Признанный «конструктивист и концептуалист», Ханеке сохраняет приверженность традиционному реалистическому психологическому искусству. В фильме важны не только слова, действия и поступки персонажей, но и их «бездействие»: представленное крупным планом неподвижное лицо молчащей протагонистки говорит внимательному зрителю об анархии амбивалентных чувств, скрываемых за непроницаемой маской неприступной

учительницы музыки. В кинопроизведении значимы сцены не сами по себе как вехи фабульного развития, но то, как они сыграны актерами. Ханеке кардинально меняет стратегию проникновения во внутренний мир своих героев: они перестают быть объектами авторского произвола, как это имело место в романе, но превращаются в полноправных субъектов действия.

Примечательно, однако, что этот поворот в сторону традиционного психологического искусства не означает полного разрыва с елинековским замыслом. В фильме особую концептуальную нагрузку несет прием обыгрывания субъектно-объектных переходов, флуктуаций между ипостасями главной героини – Я и Она, которые проявляют себя на самых разных дискурсивных уровнях. И в фильме, и в книге Эрика попеременно или скорее одновременно выступает и в роли жертвы материнской тирании, целью которой является воспитание выдающейся пианистки, и в роли завистливо-деспотичной учительницы, боящейся конкуренции со стороны талантливых учеников, а потому уничтожающей юные дарования. В любовных отношениях героиня претендует на безоговорочное доминирование, но в результате подвергается жестокому изнасилованию.

Кроме того, Эрика Кохут на протяжении всего киноповествования выполняет функцию то наблюдающего субъекта, то наблюдаемого объекта. Мотив вуайеризма, занимающий значимое место в романе, оказывается более полно разработанным именно в фильме, что объясняется самой природой кинодискурса: он неизбежно визуализирован, то есть обращен прежде всего к зрительному восприятию. Как отмечает автор книги, посвященной экранизации «Пианистки», Штефан Грисеман, в игровом пространстве фильма отчетливо выделяются две зоны: зона, в которой героиня является субъектом смотрения (кинопоказ – подсматривание за совокупляющейся парочкой на автомобильной стоянке, телевизор, пип-шоу), и зона, где она оказывается объектом чужого видения (сцена, классная комната, музыкальный концерт) [Haneke/Jelinek 2002]. Вуайеризм Эрики – это попытка женщины занять место, традиционно принадлежащее наблюдателю-мужчине. В ханековском произведении притязания протагонистки на

вуайеристское господство как способ овладения реальностью воплощены особенно выразительно.

Объектно-субъектный характер образу героини сообщает не в последнюю очередь актерская игра, отстраненно-рассудочная и в то же время визионерская, непостижимая в своей иррациональности. Изабель Юппер, актриса-интеллектуалка, беседовавшая с самим Жаном Бодрийяром, играет со своим телом как с чужим, создавая эффект присутствия-отсутствия [Абдуллаева 2001]. Последнее можно, на наш взгляд, расценивать как киноаналог несобственно-прямой речи в словесном произведении.

Перебивка повествовательных потоков, характерная для романа, находит воплощение и в фильме. Просмотр Эрикой порнофильма в пип-шоу прерывается внезапно ворвавшимися звуками оперного пения. В какой-то момент акустическим фоном для извращенно-грубого общения пианистки и ее возлюбленного, происходящего в туалете, становится классическая музыка. Возвышенное и низменное оказываются совсем рядом, и переход от культуры к варварству и обратно происходит практически незаметно как в масштабах единичного существования личности, так и в обществе в целом. Там, где есть доктор Джекил, всегда найдется место и мистеру Хайду. Пламенная поклонница Шуберта, преподавательница консерватории Эрика Кохут скрывает извращенные наклонности, а интеллигентный молодой человек Вальтер Клеммер оборачивается жестоким насильником.

Однако и в романе, и еще отчетливее, в его киноверсии, все обстоит гораздо сложнее. Злая сатира и фарс соседствуют с трагедией и мелодрамой, причем переходы между ними оказываются подчас неуловимыми. Эрика Кохут, по верному замечанию Юппер, – «не извращенка, не монстр». Ее мазохизм – «метафора боли» [Пианистка-феминистка. Изабель Юппер в Москве 2001], которую героиня глубоко затаила в себе. Несчастье пианистки – в неумении выразить чувства, в нежелании увидеть в своем возлюбленном индивидуальность, а не представителя мужского пола, которого она ассоциирует с уродливой общественной системой в целом. Героиня пытается восстать против этой системы, но безуспешно, поскольку сама является ее порождением.

В кино, неизбежно уходящем от широких обобщений, которые имеют место в словесном творчестве, – в сферу конкретно-индивидуального представления судьбы отдельно взятого человека, – образ пианистки вызывает большую эмпатию и сочувствие, нежели в романе. Ханеке сосредотачивает все болезни современности в единичном бытии героини, ставя последнее в центр киноповествования. Именно поэтому в фильме образ венского общества обрисован довольно расплывчато и неопределенно. Большая реальность с ее проблемами (безработица, глобальные катастрофы, гендерное неравенство, одурманивающее воздействие рекламы) присутствует скорее как фон, создаваемый постоянно работающим в квартире Кохут телевизором, тоже своего рода немаловажным киногероем. Елинек же интересует случай Эрики не столько сам по себе, сколько как симптом всеобщей болезни. Если писательница активно задействует в своем творчестве принцип типизации, то режиссер, напротив, склоняется к индивидуализации.

Не случайно, что романный подлец Клеммер, не вызывающий у автора-повествователя никаких иных чувств, кроме презрения, рождает едва ли не симпатию у создателя фильма. В одном из интервью Елинек допускает существование «второй правды» о ее герое, представленном в фильме чуть ли не заслуженным победителем. Такая трактовка образа Вальтера не находит отклика у писательницы, более безапелляционной в своих суждениях и более строго судящей своих персонажей [Löchel].

Сосредоточенность Ханеке на индивидуальной истории героев задает и иной, нежели в романе, топос. В фильме место действия отличается большей закрытостью, камерностью, часто интимностью. Здесь практически отсутствует концептуально значимое для романной истории противопоставление широкого открытого пространства (венские улицы, парк Пратер, лес) и замкнутого, ограниченного пределами тесной квартирки, каморки уборщицы, туалета. О том, что место событий – Вена, в фильме известно благодаря табличке на консерватории, где работает Эрика. Съемки происходили в основном в помещениях, поэтому венская атмосфера в фильме не ощутима. Ис-

тория пианистки, по замыслу Ханеке, лишена национальной привязки – могла случиться в любой европейской стране.

Ракурс пространственного представления, выбранный режиссером, определяется еще одним принципиально значимым для концепции фильма соображением. Герои вращаются в обезличенном пространстве: большая часть действия происходит в общественных местах. Не случайно доминирующий цвет здесь – белый, символизирующий эмоциональный холод, безразличие, бесчувственность, а также бесплодность, духовный тупик, смерть. В этот безжизненный цвет окрашены в фильме классная комната Эрики; туалет, где она встречается с Клеммером; каток, на который ее, униженную и оскобленную, выталкивает молодой любовник; а также ванная в квартире Кохут.

Звуковым коррелятом белого цвета служит «Зимний путь» романтика Франца Шуберта, музыкального кумира Эрики. Шубертовское произведение играет в фильме сюжетообразующую роль сразу по нескольким причинам. Само содержание этого песенного цикла, представляющего трагическую историю неразделенной любви и бесцельных странствий лирического героя, – аллюзивная параллель страданиям пианистки и ее обреченным на провал попыткам бегства от самой себя. Вместе с тем, сопоставление Эрики с героем Шуберта, а также с самим композитором не лишено изрядной доли иронии. Неудавшаяся музыкантша пытается приобщиться к славе великого романтика, отыскивая сходства в его судьбе и в своей. В разговоре с Клеммером профессор Кохут смакует факт безумия Шуберта как знак его выделенности из серой массы: ведь и ее отец закончил дни в доме для душевнобольных, и она сама, будучи личностью незаурядной, не лишена известных поведенческих аномалий. Всесторонне разрабатываемая в романе проблема измельчания творческой интеллигенции, паразитирующей на чужой гениальности, заявлена и в фильме. Только если в книге ее озвучивал сам автор-повествователь, то в кино героиня, получающая право голоса, разоблачает самое себя.

Контраст белого и черного (белые и черные клавиши, белая блуза и черная юбка пианистки, белый кафель в туалете и черные костюмы героев, белый столик в кафе и черные стаканы на нем, белый лед катка и черные платьица одиноких фигуристок и т. д.), приобретаю-

щий характер символической детали-лейтмотива, передает центральную для Ханеке идею амбивалентной сущности мира во вне и внутри современного человека и сообщает еще большее внутреннее напряжение происходящему.

Не менее значим в фильме образ двери, символизирующий замкнутое ограниченное существование героини, не способной расстаться с собственными комплексами, пересмотреть свою жизнь, вырваться за пределы профессионального и семейного гетто. Образ ключа в замочной скважине двери, ведущей в квартиру Кохут, возникает в самом начале фильма как знак отгороженности от мира, некой скрываемой от него тайны. Дальнейшее развитие действия подтверждает правильность возникшего предположения: в по-бидермайеровски уютном, по-мещански обставленном жилище разыгрываются нешуточные баталии между двумя самыми близкими женщинами – матерью и дочерью, произрастают махровым цветом постыдные страсти и пороки. Стеклянная дверь консерватории также неоднократно возникает в фильме как указание на отсутствие широкого духовного простора, необходимого настоящему художнику, как символ внешней и внутренней несвободы пианистки, ненавидящей свою рутинную работу. Музыка и в фильме, и в романе, оказывается разменной монетой, используемой профессионалами как средство заработка или карьерного успеха, дилетантами – как способ повышения своего социального статуса. Не случайно эти псевдолюбители музыки предстают в произведении Ханеке довольно безликими.

Образ захлопывающейся перед носом Клеммера двери лифта, куда садятся Эрика и ее мать, намечает будущий конфликт героев, а опережающий бег Вальтера по лестнице служит метафорической антиципацией его победы. Решетка, сквозь которую пианистка смотрит на хоккейное поле – мужскую территорию, символизирует невозможность героини достучаться до сердца возлюбленного, быть понятой им и обрести долгожданное внутреннее освобождение.

Освобождение в фильме все-таки приходит, но не через любовь. Пережившая полный крах в отношениях с Клеммером, Эрика отказывается от выступления на важном концерте, нарушая тем самым заведенный ход вещей, вонзает себе в плечо кухонный нож – намек на последующую профессиональную непригодность, покидает изолгав-

шееся общество лицемеров и паяцев от музыки и распахивает стеклянную дверь консерватории в безлюдную улицу. Если в романе героине предстоит вернуться после совершенной эскапады в материнский склеп, что означает сохранение status quo, то в фильме отсутствуют указания на возвращение пианистки в свою пожизненную тюрьму. Героиня, наконец, осознает себя субъектом действия, что должно произвести переворот в ее судьбе. Ханековский финал оставляет надежду на изменение и выглядит гораздо более оптимистичным, чем концовка, предложенная Елинек.

Таким образом, режиссер Михаэль Ханеке не просто перелагает романную историю на язык кино, но вступает в плодотворный диалог – спор с писательницей Эльфридой Елинек, создавая самостоятельное оригинальное произведение, имеющее собственную концепцию. Отличия книги и фильма обусловлены всей совокупностью факторов, определяющих процесс и результат творения, как то индивидуальное видение автора (писателя или режиссера), харизма актеров, и, наконец, специфика эстетических средств разных видов искусства.

Библиографический список

1. Абдуллаева З. Зимний путь. «Пианистка», режиссер Михаэль Ханеке // Искусство кино. – №9. – Сентябрь, 2001 (

2. http://kinoart.ru/archive/2001/09/n9-article5).

3. Пианистка-феминистка. Изабель Юппер в Москве // Газета Коммерсантъ. – 05.07.2001 (http://www.kommersant.ru/doc/285995).

4. Haneke/Jelinek: Die Klavierspielerin. Drehbuch – Gespräche – Analysen / Stefan Grissemann (Hg.). – Berlin: Sonderzahl Verlag, 2002. – 224 S.

5. Löchel R. Verächtlicher Siegertyp. Elfriede Jelinek und Michael Haneke über die Verfilmung der «Klavierspielerin» (http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=4966).

A.E. Vorotnikova
(Russia, Voronezh)

THE DISCOURSE OF LITERATURE AND CINEMA (AS EXEMPLIFIED IN THE NOVEL "THE PIANO TEACHER" BY E. JELINEK AND THE SAME-NAME FILM BY M. HANEKE)

The peculiarities of the discourse of literature and cinema are investigated as exemplified in the novel "The Piano Teacher" by E. Jelinek and the same-name film by M. Haneke. The individual director's conception, backed up with charismatic acting and differences in the systems of aesthetic principles and means of two arts, produces an independent work not only developing and amplifying but also contradicting the main idea of the novel.

Keywords: discourse, conception, aesthetics, psychologism, realism, typification, individualization, free indirect speech, symbol, leitmotif, image, narration, author, subject, object

E.E. Evgrashkina
(Samara, Russland / Trier)

TOD IN ROM: ÜBER EINEN BIOGRAPHISCHEN MYTHOS UND SEINE LITERARISCHEN ERSCHEINUNGSFORMEN

Der Aufsatz befasst sich mit den literarischen Darstellungsformen eines biographischen Mythos (Tod der österreichischen Dichterin und Schriftstellerin Ingeborg Bachmann) und betrachtet die Besonderheiten des erwähnten Mythos und seine Konstituierungs- und Dekonstruktionsmöglichkeiten im Gattungskontext von einigen biographischen Texten und Vorworten zu Bachmanns Werken, sowie in einem Essay und einem Gedicht.

Schlüsselwörter: Ingeborg Bachmann, Biographie, Mythos, Thanatologie, Dekonstruktion, literarische Darstellungsformen des Mythos: Essay, Gedicht

Ein Tod, wie ein Leben, ist vor allem eine *Art und Weise*. Er ist auch ein Ereignis – und kann daher in einer Reihe von anderen (v.a. biographischen) Ereignissen betrachtet werden; ein Tod kann als ruhig, unerwartet, komisch, skurril oder geheimnisvoll vorkommen. Es könnten hier mehrere Beispiele angeführt werden, einige Todesfälle sind zu logisch, vom ganzen Leben determiniert – und deswegen auch verräterisch: sie bringen ins Licht was längst versteckt und gar nicht offensichtlich war. Andere entwickeln sich zu einer Groteske, sie erschüttern dadurch, wie unglaubhaft sie sind (es könnte hier das 13. Kapitel des zweiten Bandes von M. Montaignes «Essays» [vgl. die russische Ausgabe: Монтень 1992] erwähnt werden, das eine Reihe von geistreichen Lebens- und Todesgeschichten aus der philosophischen Perspektive darstellt).

Der Tod war schon immer ein sehr aufregendes Thema, und die Thanatologie schlägt eine Unzahl möglicher Dimensionen für die Todinterpretation vor (vgl. z.B. Sammelbände «Фигуры Танатоса», herausgegeben seit 1991 in St. Petersburg: Фигуры Танатоса 1991–2001). Dieser Aufsatz hat aber kaum eine richtige thanatologische Ausrichtung, er ist eher ein Versuch zu verstehen, wie sich ein konkreter Todesfall zu einem Todesmythos entwickelt und in welchen Formen er in Literatur erscheint.

Die Schlüsselfigur des mich interessierenden Mythos ist Ingeborg Bachmann, österreichische Schriftstellerin und Dichterin, deren Lyrik gewisse hermetische Tendenzen aufweist [Korte 2004: 58], aber auch Übersetzerin (sie hat u.a. Werke des Gründers der italienischen hermetischen Richtung, Giuseppe Ungaretti, ins Deutsche übertragen: Ungaretti 1977) und Autorin der Hörspiele. Ingeborg Bachmann ist 1926 geboren und 1973 wirklich in Rom gestorben.

Die Invariante der Todesgeschichte von I. Bachmann hat sich in verschiedenen Quellen zu einer Formel ergeben: «ist vor Brandwunden unter unklaren Umständen ums Leben gekommen». Eine genauere Information findet sich in ihrer Kurzbiographie auf einer Internetseite mit Fotos ihres Grabs:

Ingeborg Bachmann starb an den Folgen eines Zimmerbrandes, ausgelöst durch eine brennende Zigarette, die ihr nach dem Einschlafen aus der Hand gefallen war. [Zu Bachmanns Grabmal siehe: http://knerger.de/html/bachmannschriftsteller_42.html (11/02/2016)].

Ausführlicher werden die Todesumstände auf der Internetseite von Kunstraum Schwifting beschrieben:
In der Nacht vom 25. auf den 26. September 1973 erlitt Ingeborg Bachmann in ihrer römischen Wohnung schwere Verletzungen durch einen Brand, der beim Einschlafen mit einer brennenden Zigarette ausgelöst wurde. Aufgrund ihrer schon seit Jahren bestehenden starken Abhängigkeit von Beruhigungsmitteln (Barbiturate), von der die behandelnden Ärzte zunächst nichts wussten, starb sie an den tödlichen Entzugserscheinungen (Konvulsionen, die epileptischen Anfällen glichen) am 17. Oktober 1973 im Krankenhaus Sant'Eugenio. [Mehr zu Bachmanns Biographie: http://www.kunstraum-schwifting.de/Ingeborg Bachmann.htm (11/02/2016)].
P. Beicken führt in seinem Buch «Ingeborg Bachmann» ein Zitat von I. Bachmanns Bekannten, Alfred Grisel, an:
Ich war zutiefst erschrocken über das Ausmaß ihrer Tablettensucht. Es müssen an die 100 Stück pro Tag gewesen sein, der Mülleimer ging über von leeren Schachteln. Sie hat schlecht ausgesehen, war wachsbleich. Und am ganzen Körper voller Flecken. Ich rätselte, was es sein konnte. Dann, als ich sah, wie ihr die Gauloise, die sie rauchte, aus der Hand glitt und auf dem Arm ausbrannte, wußte ich's: Brandwunden, verursacht von herabfallenden Zigaretten. Die vielen Tabletten hatten ihren Körper schmerzunempfindlich gemacht [Beicken 1992: 213].

So verschiedene Quellen zu I. Bachmanns Biographie. Im berühmten Briefwechsel von I. Bachmann und P. Celan [Bachmann / Celan 2008; die russische Ausgabe: Бахман / Целан 2012] und zwar in P. Celans Brief vom 25. Oktober 1957 findet sich folgende Zeile:
Sei ruhig und rauch nicht zu viel! [Bachmann / Celan 2008].

Diese Worte, diese höffliche und rücksichtsvolle Warnung, wirken im Kontext der damals noch bevorstehenden, aber jetzt auch zu einer klaren Vergangenheit gewordenen Zukunft als eine Art Prophezeiung, was eigentlich schon in Bereich des Literarischen passt.

Ich habe meine Aufmerksamkeit auf die Art und Weise gelenkt, wie über I. Bachmanns Tod geschrieben wurde und zwar in den literarischen Texten, für die rein informative Funktion einer Mitteilung nicht primär ist. Daher dienen unzählige Vorworte zu I. Bachmanns Büchern eher als Ver-

suche, Leser auf eine bestimmte Interpretationsweise vorzubereiten, ihm den Stil und Besonderheiten der Lektüre näher zu bringen. Die Vorworte enthalten zwar mehr oder weniger knappe biographische Auskünfte zum Autor, viel mehr aber stellen sie eine subjektive Stellungnahme des Vorwortverfassers dar.

Eine biographische Auskunft im Rahmen eines Vorwortes ist nicht zuletzt mit der Rücksicht auf eine gewisse Ethik verbunden. Dafür kann man viele Beispiele finden, wenn «dunkle» und «fragwürdige» Seiten des Lebens eines Autors verschwiegen werden oder wenn es über diese nur noch trocken und neutral berichtet wird. Diese Tatsache knüpft sich natürlich an bestimmte Zeittradition, aber auch an die Persönlichkeit des Vorwortverfassers an. So sind einige Vorworte zu den russischen Ausgaben von I. Bachmanns Werke erwähnenswert.

Die wohl berühmteste Übersetzerin von I. Bachmanns Werke ins Russische [Бахман 1996], Serafima Schlapoberskaja (1921–2007) hat in ihrem Vorwort zu I. Bachmanns Erzählungen das Folgende über ihren Tod geschrieben:

Осенью 1973 года Ингеборг Бахман погибла от пожара в своей квартире в Риме, где она жила в последние годы. [Шлапоберская 1996].

Kein Wort über I. Bachmanns Zigaretten- und Tablettenabhängigkeit finden wir auch im Vorwort von Jelisaweta Sokolowa zum zweisprachigen Gedichtband «Воистину» aus dem Jahre 2000 [Бахман 2000], das aber schon eine deutliche Einschätzung des Geschehenen zum Ausdruck bringt:

А в октябре 1973 года Ингеборг Бахман не стало. Она погибла нелепо и страшно: получила многочисленные ожоги во время пожара в своей римской квартире и через три недели скончалась в больнице. [Соколова 2000: 18-19, die Seitenzahl hier und weiter nach der elektronischen Buchversion].

Das Vorwort trägt den Titel «Памяти саламандры» und gibt eine ausführliche Auskunft über I. Bachmanns Biographie und Schaffen sowie betrachtet einzelne Besonderheiten und Stil von I. Bachmanns Gedichte. Merkwürdig ist, dass J. Sokolowa über I. Bachmanns Vorwissen spricht, als ob die Dichterin schon immer eine bestimmte Todesahnung gehabt hätte, und diese habe sich auch in ihren Werken auf dem symbolischen Niveau widerspiegelt:

Странно, но она предчувствовала такой конец. Реальность всегда была для нее «горящим обручем», через который предстояло прыгнуть вниз («Синий час» / «Die blaue Stunde»). […] Смерть от огня — ужасная судьба и грозный символ. Но символ, как нельзя лучше отражающий трагизм этой неустроенной яркой жизни, отчаянье ее безнадежной борьбы с реальностью и с языком на подступах к невыразимому […]. [Соколова 2000: 19].

Die «Spuren» des Vorwissens und der ursprünglichen mystischen Verbindung mit Feuer und ins Feuer bringendem Wort findet J. Sokolowa u.a. in folgenden Gedichtzeilen:

[…]
wenn ich befeuert bin in der Nacht,
knistert's im dunklen Bestand
und ich schlage den Funken aus mir […] («Mein Vogel») [Бахман 2000: 84].

Vom «fatalen Feuer, das das Wort in ihr angezündet hatte», hat sie auch «im Wort nach ihrer Rettung gesucht», so J. Sokolowa, als Beispiel werden folgende Zeilen aus dem Gedicht «Rede und Nachrede» angeführt:

[…]
Eh Drachenblut den Widersacher schützt,
Fällt diese Hand ins Feuer.
Mein Wort, errette mich! [Бахман 2000: 106).

Nicht ohne Recht erwähnt J. Sokolowa in ihrem essayistischen Vorwort auch die Feuerphobie vom weiblichen Ich in I. Bachmanns Roman «Malina». Ich werde hier aber nicht über die (meiner Ansicht nach fehlerhaften) Verwechslung und Zusammenschmelzung vom lyrischen Subjekt, vom Subjekt aus «Malina» und der realen Autorin jeweiliger Texte sprechen: J. Sokolowas Vorwort gehört zu einer langen Tradition des biographischen Ansatzes, die Grenzen zwischen dem Realen und Fiktiven außer Acht zu lassen und dabei die Lebensantriebskräfte des Autors zwischen seinen Zeilen herauszusuchen. Vielmehr ist dieses Essay ein gutes Beispiel dafür, wie eine reale Person zu einem Mythos wird und wie dieser Mythos kultiviert werden kann.

Das Essay «Frau Bachmann» von der bekannten deutschen Dichterin und Schriftstellerin Ulrike Draesner (geb. 1962) ist dagegen ein Versuch der Dekonstruktion des Bachmann-Mythos und einer Aufklärung, wenn auch nach einer subjektiver, einzigartigen und präzedenzlosen Weise. Das Essay gehört zu einer Reihe von Essays über prominente Literaturfrauen, u.a. über Annette von Droste-Hülshoff, Virginia Woolf, Gertrude Stein, Friederike Mayröcker u.a. Alle Essays bilden das Buch «Schöne Frauen lesen» [Draesner 2007] zusammen und stellen die Rezeptionsgeschichten der Werke von erwähnten Autorinnen dar. Das Buch unterteilt sich in drei «Kapitel», das erste heißt «schön» und schlägt mehrere ironische und geistreiche Definitionen des Schönen vor. Das zweite, unter dem Titel «Frauen», kann als die «Visitenkarten» von jeweiligen Autorinnen betrachtet werden, indem diese «Visitenkarten» keine ausführlichen biographischen Auskünfte geben, sondern einen bestimmten Blickwinkel darbieten, unter dem jedes im dritten Kapitel vorhandene Essay seine konzeptuelle Entwicklung bekommt.

In Bachmann-Essay spricht U. Draesner über mehrere Bachmann-Konstrukte, die sich im Kontext von Bachmann als einer Frau, deren Privat-leben und Lebensweise ein reges Interesse findet, einer erfolgreichen Autorin, Berühmtheit, Medienfigur, Gerüchtgestalt usw. vermehrt haben. U. Draesner verweist immer wieder auf die «Spiegel»-Ausgabe aus dem Sommer 1954 mit dem Bachmann-Foto auf der Titelseite – und auf die vielseitigen Folgen immer wachsender Medialität, auf die unvermeidbare Verschmelzung von einer «aus Leben und Bild amalgamierten Gestalt» und einer zweiten, geheimeren, «die sich aus den literarischen Texten selbst erschließt» [Draesner 2007: 135] (U. Draesner betrachtet vor allem Erzählungen aus den Bänden «Das dreißigste Jahr» und «Simultan»). Auf der Suche nach einer Korrelation zwischen einer realen Person, einer Medienfigur und eines fiktiven Erzählers bildet sich der «Bachmann-Fall» heraus und wächst bei U. Draesner bis zu folgenden Überlegungen zum jeweiligen Problem:

[…] die Vorstellung, die wir uns vom Verfasser eines Textes machen, beeinflusst unsere Lesehaltung in nicht wenigen Fällen stärker, als uns (zunächst) bewusst sein mag.

Das ist so, obwohl (oder gerade weil?) Autoren schwergreifbare Wesen sind: mal eruptiv lebendig, dann wieder in den Medien für scheintot (oder tot) erklärt. Sterben sie schließlich tatsächlich, sterben sie nicht recht. Zwar glaubten wohl jene, die den Tod des Autors vor Jahren proklamierten, selbst nicht zur Gänze daran, wussten sie doch, dass wir Textverfasser doppelt brauchen: als juristisch-soziale Funktion und als Autoren-Figur im Buchbetrieb. Mit ihr ist das noch oder ehemals lebendige Ich gemeint, aus dessen Widerspiegelung in Fotos, Interviews, Selbstauskünften […] jene als „Autor" bezeichnete Person geschaffen wird, die wir zu kennen meinen. […] [Draesner 2007: 134-135].

In ihrem Essay stellt U. Draesner die Hauptfrage: «Was macht es mit Toten, dass wir sie konservieren, sie immer wieder anhören, aufzeichnen, sehen?» Die «Visitenkarte» von I. Bachmann in U. Draesners Buch enthält eine rigorose Schlussfolgerung über ihren Tod, ohne die die Mythosdekonstruktion eigentlich unmöglich wäre:

Von ihrem Ende haben alle gehört. Eine brennende Zigarette im Bett, Mitte September 1973. Tod in einem römischen Krankenhaus fast einen Monat später, auf Grund der Brandwunden. So die verbreitetste Version. Die andere: Bachmann war tablettensüchtig. Im Krankenhaus habe man dies aus Scham verschwiegen, so dass es auf Grund einer Nichtbehandlung der Abhängigkeit zu einem toxischen Schock kam, der Bachmann das Leben kostete. […] Insgesamt: traurige Geschichten und viele Gerüchte, Effekte auch einer (unserer) mediatisierten Gesellschaft und der darin zu führenden Autorenexistenz. […] [Draesner 2007: 18].

Und doch entsteht in U. Draesners Essay eine Art poetische Übertragung: So nennt sie Etappen ihrer Bachmann-Lektüre «Zündungsstufen» (es werden vor allem drei Jahre erwähnt: 1966, 1977 und 1984, zum letzteren Jahr macht sie eine Bemerkung «Wiederlektüre. Was als Feuertod Bachmanns galt lag elf Jahre zurück» [Draesner 2007: 136]). «Was als Tod galt»… was längst zu einem Mythos wurde.

Eine ganz andere, und zwar rein poetische Form gewinnt der Bachmann-Mythos im schon erwähnten Gedicht von B. Köhler. Der Titel lenkt das Interpretationsverfahren, wirkt aber im Vergleich zu dem eher hermetisch vorkommenden Text klar und abgesondert:

Ingeborg Bachmann stirbt in Rom

Ein Tod kommt
vor dem andern.
Atem und Rauch.
Und Rauch der Atem löscht.
Und Schweigen.
Manchmal ist aber eine Zigarette
der letzte Halt. Und hält
was sie verspricht auch schneller.
Zwischen vergilbten Fingern
brennts wie Liebe wird Asche
wie Verrat. Atem und Rauch.
Die Schwurfinger gekrümmt
um die Zigarette: um
nicht abzuschwören.
Giordano brennt auf dem Campo de Fiori.
Die Glocken von Santa Maria Maggiore
gellen noch immer zum Autodafé.
Atem und Rauch.
Und Rauch der Atem löscht.
Und mit verbrannter Hand
über das Feuer schreiben.
Und die Grenzen der deutschen Sprache
sind mit mörderischen Zufällen vermint.
Ein Tod kommt dem andern zuvor. [Köhler 1991: 42].

Die Präsensform im Titel markiert ein mythisches überzeitliches Geschehen, was im semantischen Kontext von «Sterben» noch deutlicher vorkommt: Der erwähnte Vorgang kann nicht endlos dauern. Die Atmosphäre der Einsamkeit, die man oft mit der Bachmann-Figur verbindet (egal ob mit einer realen Person oder einem ihrer mehrzähligen erzählenden Subjekte), ergibt sich aus dem tief intimen Rauchvorgang: Da ist «jemand», ein Raucher oder eine Raucherin, der fast völlig von den Rauchschwaden verborgen wird, und dessen Anwesenheit nur noch an seinen Fingern und Atem erahnt, aber nicht erfasst werden könnte.

Es kommt im Gedicht auch eine mythische Konstellation von zwei Toden, die nacheinander folgen, hier könnte unter einem bestimmten Blickwinkel eine Anspielung auf Brandwunden und Tablettenabhängigkeit als zwei Todesgründe gesehen werden. Im Text ragt auch Rom als eine selbständige poetische Gestalt hervor, die durch bestimmte Stadtorte, Personen und historische Ereignisse (Campo de Fiori, Santa Maria Maggiore, Giordano Bruno, Autodafé) erkannt werden kann. Das Feuer wird in diesem Kontext zum Inquisitionsfeuer und das Thema des Todes entwickelt sich zum Thema der Ketzerei: Es handelt sich auf dem symbolischen Niveau um die Grenzverletzungen und -zerstörungen in einer Sprache, um sprachlich-schöpferische Tapferkeit, die für I. Bachmanns Texte kennzeichnend sind und sie hermetisch wirken lassen, wobei sie im breiteren Sinne das Konventionelle im Allgemeinen unter Frage stellen. Solche Sachen bleiben nicht – mindestens in der Mythologie – unbestraft. I. Bachmann wird zu einem Mythos nicht nur wegen ihres geheimnisvollen Todes als eine Art Märtyrerin, aber auch als einer der mächtigsten Sprachdemiurgen jener Zeit.

Wenn wir jetzt an der Celan-Bachmann-Beziehung zurückdenken, können wir uns auch andere Richtungen für ihren gemeinsamen Mythos ansehen. Wie I. Bachmann im Feuer starb, so starb P. Celan im Wasser. Sein Selbstmord wird unter anderem zum Thema eines Gedichtes vom deutschen Literaturkritiker und Schriftsteller R.-B. Essig. «Jedem die Seine» platziert den biographischen Celan-Mythos unter mehreren Mythologemen zu Pariser Fluss Seine:

[...]
Die Seine schluckte auch Celan; mit
ihrem großen Bauch
und den mehr als neun neuen und alten Brücken [...] [Essig 2011: 51].

P. Celan und I. Bachmann hatten eine langjährige Beziehung, konnten jedoch nicht lange zusammen bleiben (erinnern wir uns z.B. an den gescheiterten Versuch, Anfang der 50er Jahre zusammen in Paris zu leben): wie ein Salamander und eine Undine, die in ihre Elemente zurückgekehrt sind, was kaum dem mythologischen Denken widerspricht und eigentlich sehr gut in den Bereich des Literarischen passt.

Literatur

1. Бахман И. Рассказы. К 70-летию со дня рождения / Пер. с нем. и вступление С. Шлапоберской // Иностранная литература, № 9, 1996. URL: http://magazines.russ.ru/inostran/1996/9/bachman. html (11/02/2016).

2. Бахман И. Воистину. Стихи. Пер. с нем., составление, вступительная статья Е. Соколовой. – М.: Независимая газета, 2000.

3. Бахман И., Целан П. «Время сердца». Переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана / Пер. с нем. А.В. Белобратова, Т.А. Баскаковой // Иностранная литература, № 10, 2012.

4. Монтень М. О том, как надо судить о поведении человека перед лицом смерти // Опыты. Книга 2. Перевод А.С. Бобовича и др. – М.: Голос, 1992. URL: http://psylib.ukrweb.net/books/monte01/txt070.htm (11/02/2016).

5. Соколова Е. Памяти саламандры // Бахман И. Воистину. Стихи. Пер. с нем., составление, вступительная статья Е. Соколовой. – М.: Независимая газета, 2000.

6. Фигуры Танатоса: непериодическое философско-культурологическое издание. Под редакцией А.В. Демичева и М.С. Уварова. – СПб.: СПбГУ, 1991–2001. URL: http://anthropology.ru/ru/periodical/almanah-figury-tanatosa (11/02/2016).

7. Шлапоберская С. От переводчика // Бахман И. Рассказы. К 70-летию со дня рождения // Иностранная литература, №9, 1996. URL: http://magazines.russ.ru/inostran/1996/9/bachman. html (11/02/2016).

8. Bachmann I., Celan P. Herzzeit: Ingeborg Bachmann – Paul Celan. Der Briefwechsel. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 2008.

9. Beicken P. Ingeborg Bachmann. – München, 1992.

10. Draesner U. Schöne Frauen lesen. – München: Luchterhand, 2007.

11. Essig R.-B. Übergangenes – Kontrapunkt: Gedichte / Übergangenes. – Bamberg, 2011.

12. Korte H. Deutschsprachige Lyrik seit 1945. – Stuttgart: J.B. Metzler, 2004.

13. Köhler B. Deutsches Roulette. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1991.

14. Ungaretti G. Gedichte. Übertragung und Nachwort von Ingeborg Bachmann. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1977.

Е.Е. Евграшкина
(Самара, Россия / Трир, ФРГ)

СМЕРТЬ В РИМЕ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФОРМЫ

В статье исследуются литературные формы биографического мифа (смерть австрийской поэтессы и писательницы Ингеборг Бахман), рассматриваются особенности упомянутого мифа и возможности его (де)конструирования в контексте биографического жанра на материале нескольких биографических текстов и предисловий к произведениям Бахман, а также в ее эссе и поэтическом тексте.

Ключевые слова: Ингеборг Бахман, биография, миф, танатология, деконструкция, литературные формы мифа: эссе, поэтический текст

В.В. Котелевская
(Россия, Ростов-на-Дону)

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО ДИСКРЕДИТАЦИЯ В ПОВЕСТИ ТОМАСА БЕРНХАРДА *ПЛЕМЯННИК ВИТГЕНШТЕЙНА*

В статье рассматриваются приемы дискредитации медицинского дискурса в повести Томаса Бернхарда Племянник Витгенштейна (1982). Язык медицины критикуется писателем как репрессивный механизм по отношению к личности, которая спасается от «дисциплинарного пространства» в эксцентрике и творчестве.

Ключевые слова: австрийская список, кризис языка, медикализация, медицинский дискурс, Бернхард, Витгенштейн, Фуко

Медицина – та область социального надзора, с которой Томас Бернхард (1931-1989) был связан самыми тесными узами с юности до смерти. Попав в больницу семнадцатилетним подростком с подозрением на туберкулез (как выяснилось, с тяжелейшей формой плеврита, *eine schwere sogenannte nasse Rippenfellentzündung* [Bernhard 2011: 247]), он на всю жизнь оказался связан с миром болезни, клиники, с отношениями врач – пациент. Болезнь легких и сердца приобрела хронический характер, и в словаре Бернхарда для нее были уготованы номинации, обыгрывающие идею пожизненной участи больного: это антонимы *Todeskrankheit* и *Lebenskrankheit*, с разных экзистенциальных ракурсов указывающие на смертельную, неизлечимую болезнь, которая становится судьбой человека и маркирует всю его жизнь [Bernhard 2015]. Для Бернхарда одним из симптомов собственной «смертельной болезни», приписываемый многочисленным персонажам, был пожизненный «страх задохнуться» (*Angst zu ersticken*) – лейтмотив его прозы и драматургии.

«Мученичество неизлечимой болезни» особенно обострилось на стадии развития саркоидоза, когда Бернхард уже осознавал, что обречен [Höller 2011: 129]. Именно в этот период рождается повесть «Племянник Витгенштейна» (*Wittgensteinsneffe*, 1982), в которой писатель обращается к столь чуждой ему в раннем творчестве автобиографической, исповедально-экзистенциальной форме вымысла. Этот текст стоит в одном ряду с автофикциональной пенталогией, над которой Бернхард работал в 1970-1980-е гг. Однако существенными особенностями повести являются редукция биографической фабуляции и риторизация дискурса, обретающего черты судебного и эпидейктического красноречия (собственно «биографическое», связанное с историей Пауля, разворачивается лишь с 73-й страницы, занимая в итоге ничтожно малую часть текста). В дискурсивной ситуации защиты и нападения, восхваления и уничижения медицинский «казус» Бернхарда / Пауля Витгенштейна получает статус приема наведения, т.е. индуктивного доказательства – примера и аналогии для аргументации автором его радикальной антимедикалистской позиции (анализ

риторических жанров и стратегий в «Племяннике Витгенштейна» см.: [Byron 2013]).

Протест бернхардовских альтер-эго против медицинского взгляда на человека (ср.: «Стужа», «Амрас», «Дыхание», «Холод», «Племянник Витгенштейна») связан с осознанием присущего медицине отчуждения, овеществления больного как «объекта» и его дегуманизации (см. об отражении «медикализации» культуры в литературе: [Русская литература и медицина 2006]). Концептуализация феномена *человек с позиции медицины* разрабатывается во второй половине XX века одновременно в художественном и научном дискурсе, чему подтверждение – работы Т. Парсонса, М. Фуко, Р. Лахманн, Р. Кезера и др.

Пожалуй, наиболее близкой Бернхарду можно считать позицию М. Фуко, исследовавшего истоки и формы институционализации болезни на рубеже XVIII-XIX вв. («болезнь в обществе очерчивается, блокируется, изолируется и размещается в привилегированных и закрытых областях или распределяется по местам лечения, приспособленным для того, чтобы этому благоприятствовать» [Фуко 1998: 40-41]). Именно ему принадлежит открытие аналогии медицины и языка, соотнесение сущности медицинского взгляда с проблемой номинации болезни, перевода симптомов в режим «знаков» [Фуко 1998: 143-151]. Диагностировать болезнь – значит, исчерпать означаемое в означающем («грамматика знаков заменила ботанику симптомов» [Фуко 1998: 20]), осуществить «идеал исчерпывающего описания»: «описательная строгость станет равнодействующей точности высказывания и правильности наименования» [Фуко 1998: 174], позволит трансформировать «индивидуальное в концептуальное» [Фуко 1998: 175].

Бернхард реинтерпретирует медицинский дискурс как такой тип высказываний о природе (больного) человека, в котором индивидуальная, неисчерпаемая правда об индивиде должна быть исчерпана в лексиконе диагностики (Фуко называет эту семиотическую процедуру сведения «сущности болезни» к именованию «номиналистической редукцией» [Фуко 1998: 182]). Развенчание недостоверности меди-

цинского дискурса смыкается у Бернхарда с критикой языка (Ницше, Гофмансталь, Маутнер, Витгенштейн, Беккет). Приемы дискредитации распределены по разным уровням поэтики, но функционируют в неразрывной художественной связи частей и целого – они работают не только в стилистическом (дискурсивном) плане, но и пронизывают фабулу, композицию мира персонажей и пространства. Вкратце они могут быть описаны следующим образом.

Структура мира персонажей антитетична. С одной стороны, выделяются анонимные «они» – иронично, а местами и саркастично сниженный коллективный образ врачей и медперсонала. Именно негативным портретом медиков открывается повесть о дружбе двух пациентов – автобиографического рассказчика и Пауля Витгенштейна, двоюродного племянника знаменитого философа. Лексика, характеризующая врачей, – негативно-оценочная: «безмозглость» (*Kopflosigkeit*), *Hilflosigkeit* (беспомощность), *Inkompetenz* (некомпетентность), *Scharlatanerie*, *Scharlatanismus* (шарлатанство). Ироническая риторика, сближающая представителя «медицинской науки» (*die medizinische Wissenschaft*) с адептом сомнительной магии, используется в оценке некоего медицинского светила, к которому больше всего боится попасть на операционный стол Бернхард: «профессор», «эта медицинская знаменитость» (*diese medizinische Berühmtheit*), «чудотворец» (*Wunderwirker*). Пациенты неоднократно называются в повести «жертвой» (*Opfer*), а в отношении целителей своего друга, у которого обнаруживается «так называемое душевное расстройство», «душевная болезнь» (*sogenannte Geisteskrankheit*) и против которой те применяли «палочную и шокотерапию», рассказчик выдвигает обвинение: «они разрушили его» (*die Ärzte liessen ihn, nachdem sie ihn zerstört hatten* [Bernhard 2015: 56]).

Отчуждение между «жертвой» и врачом дискурсивно выражено также «бегством» медиков в латынь, которой, по мысли повествователя, они пытаются «защитить и обезопасить» прежде всего себя, а не больного [Bernhard 2015: 13-14]. Специализации медицины в латинском (мертвом!) языке противопоставлена «специализация» двух дру-

зей в музыке (*Musik, seine und meine erste und oberste Spezialität* [Bernhard 2015: 38]) – живом пространстве антисциентистского, иррационального, индивидуального мышления и дискурса.

Бессилие языка медицины определить сущность болезни Пауля разоблачается Бернхардом в созвучном Фуко понимании «номиналистической редукции», однако Бернхард доходит до радикального отрицания притязаний медицинской лексики на истинность, или, если проследить истоки, до ницшеанского разоблачения риторической «лжи» языка [Nietzsche 2015]: *Die sogenannten psychiatrischen Ärzte bezeichneten die Krankheit meines Freundes einmal als diese, einmal als jene, ohne den Mut gehabt zu haben, zuzugeben, dass es für diese wie für alle anderen Krankheiten auch, keine richtige Bezeichnungen gibt, sondern immer nur falsche, immer nur irreführende, weil sie es sich letzten Endes, wie alle anderen Ärzte auch, wenigsten durch immer wieder falsche Krankheitsbezeichnungen leichter und schliesslich auf mörderische Weise bequem gemacht haben* [Bernhard 2015: 13-14].

«Лживые наименования болезней», согласно обличительному пафосу Бернхарда, – свидетельство не только невозможности найти «правильные» обозначения для конкретно «этого» человеческого случая (доказательство бессилия языка), но и подтверждение «убийственной» практики и этики врачей. «Лживость» медицинского дискурса выявляется также в эвфемизации табуированных тем – в первую очередь, «смерти». В противовес бюрократизированному дискурсу больничных институций (*der Sektor der Lungenchirurgie, die Lungenabteilung, Operationssaal, normalisieren*) Бернхард выдвигает дискурс, функционирующий в модусе достоверности: «действительно», «в самом деле» (*wirklich; tatsächlich*), «в принципе» (*im Grunde*), «поистине» (*in Wahrheit*). Эта модальность обязывает рассказчика называть вещи своими именами: «павильон легочной хирургии» обозначен как «отделение, освященное смертью» (*todgeweihte Station*), «пациенты» – «кандидаты в покойники» (*Todeskandidate*) и т. п.

Итак, с одной стороны – репрессивное анонимное «они», с другой стороны – «мы», «жертвы», я-рассказчик и Пауль, к которым уси-

лием писательского воображения присоединен и Людвиг Витгенштейн. На микрокомпозиционном уровне (лексические, грамматические, синтаксические повторы) «философствующие», «обвинители» (*Philosophierende; Bezichtiger*) фигурируют или как «мы» (wir; uns; uns beiden), или в форме сравнения-тождества: «Paul… wie ich», «wie der Paul…», «auch mein Freund Paul», «er hatte dieselbe auch…», «seine und meine» и т. п.

Анонимное маркируется у Бернхарда негативно, индивидуальное – позитивно. Антитеза отчуждающе-унифицирующего дискурса медицины и индивидуального выражена также на уровне художественного пространства. Медицина изолирует субъекта, превращая его в объект (портрет обессилевшего, обездвиженного, привязанного к кровати Пауля пластически воплощает эту идею), в то время как музыка, любовь, философия, страсть к наблюдению вдохновляют человека на движение, преодоление границ (показателен эпизод с Паулем, севшим у дома в такси и велевшим везти его из Вены в Париж). Медикаментозной и репрессивной «нормализации» душевнобольного противопоставлена полная жизни эксцентрика Пауля. «Дисциплинарное пространство» изоляции [Фуко 1997: 27]. обрекает «пациентов» общаться на скамье между двумя павильонами, психиатрическим и хирургическим, замыкая пространство свободы.

Таким образом, медицинский дискурс дискредитируется на уровнях авторской философии языка, предметного мира и стилистики. Художественная логика реинтерпретирует «порядок» чужого дискурса, помещая его в контекст, искажающий исходные ценностные настройки. Мир медицины предстает у Бернхарда как репрессивный по отношению к личности, которая спасается от «дисциплинарного пространства» в мире эксцентрики и творчества.

Библиографический список

1. Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. – М.: Новое изд-во, 2006.

2. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.

3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997.

4. Byron M. Scharfsinnige Sturzfluten bei Beckett und Bernhard // Wilm J., Nixon M. (Hg.). Samuel Beckett und die deutsche Literatur. – Bielefeld: transcript, 2013. – S. 139-155.

5. Bernhard Th. Wittgensteins Neffe. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2015.

6. Bernhard Th. Autobiographie. – St. Pölten – Salzburg: Residenz, 2011.

7. Höller H. Thomas Bernhard. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 2011.

8. Nietzsche F. Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinn / Hrsg., kommentiert u. mit einem Nachwort vers. von K. Sina. – Stuttgart: Reclam, 2015.

V.V. Kotelevskaya
(Russia, Rostov on Don)

MEDICAL DISCOURSE AND ITS DEFAMATION IN THOMAS BERNHARD' *WITTGENSTEINS NEPHEW*

The article deals with methods of medical discourse' defamation in Thomas Bernhard's Wittgenstein's Nephew (1982). Language of medicine is critically viewed by the writer as the repression machinery, which is applied to the person who is escaping "disciplinary space" for eccentricity and creativity.

Keywords: Austrian literature, crisis of language, medicalization, medical discourse, Bernhard, Wittgenstein, Foucault

Г.В. Кучумова
(Россия, Самара)

ДИСКУРС ТРАВМЫ: МЕМОРИЗАЦИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМКЦКОЯЗЫЧНОГО РОМАНА)

В данной статье исследуются новые стратегии меморизации травматического прошлого. Фигура свидетеля военных событий замещается в пространстве постмодернистской культуры игровыми фигурами: чтеца городского пространства (К.Крахт, Faserland), историка-детектива (Б.Шлинк, Чтец), страстного коллекционера (М.Байер, Летучие собаки), квест-игрока (К.Рансмайр, Болезнь Китахары).

Ключевые слова: дискурс травмы, новые стратегии меморизации, травматический опыт, фигура свидетеля, игровая фигура, постмодернизм, новейший немецкоязычный роман.

В актуальных гуманитарных исследованиях наблюдается новая волна интереса к травматическому опыту прошлого: дискурс травмы выходит на первый план. В своё время к травме обращались Вальтер Беньямин после Первой и Теодор Адорно после Второй мировой войны. С 1990-х и сегодня повышенное внимание к исследованию травматического опыта отмечается в рамках одного из самого динамично развивающегося междисциплинарного направления *trauma studies*.

Интерес к дискурсу травмы обусловлен многими факторами: сменой привычной матрицы биполярного мироустройства, разрушением в Европе «идеологических стен», крахом коммунистических режимов и последовавшим за ним разрывом поколенческих отношений, информационной средой, когда в ситуации засилья «означающих» происходит вторичная символизация и «живой» опыт, живое воспоминание становятся на грань исчезновения. В этом случае дискурс травмы получает осмысление через другие связанные понятия (боль, страдание, разрыв в историческом опыте).

Исследователь М. Ямпольский обращает внимание на новые стратегии меморизации травматического опыта, которые отражают

переход от одного типа рациональности (гегелевский субъект) к совершенно иному типу субъективности с размытой идентичностью в культуре постмодернизма [Поселягин 2013]. Более существенным в постмодернистском пространстве становится не сам субъект, переживший событие-травму (например, Холокост), а «означающее», след от этого события, который, не выступая реальностью, выдает ее присутствие (Э.Левинас).

Цель данного исследования – на материале новейшего немецкоязычного романа выявить разные способы осмысления и меморизации травматического опыта.

В 1990-е годы потребность во взгляде назад становится вновь актуальной. Дистанцированность по отношению к событиям прошлого усиливает интерес молодых авторов в их попытках сюжетного оформления военного опыта, монополизированного писателями старшего поколения. Если проследить травмографию в современной словесности, то во многих романах отметим яркое звучание мотивов военных лет, концлагерей и массовой смерти. Очевидно, что для нового типа субъективности война как «оживляющая боль истории», как форма возврата к сильным эмоциям, становится наиболее значимой и емкой метафорой экзистенциального опыта.

Молодые авторы 1990-х не копируют опыт старшего поколения. В силу естественных причин прошлое воспринимается ими скорее как система культурных знаков, «означающих», лишь указывающих на «означаемое». При описании событий Второй мировой войны они оперируют культурно считываемыми маркерами и узнаваемыми культурными знаками. Так, распространенная в современном и социокультурном пространстве метафора Освенцима превращается в универсальное «означающее» (*default signifier*), которое невозможно интериоризировать, ввести в пространство внутреннего опыта человека. [Агамбен 2012:42.] Указанная метафора позволяет лишь опознавать след от этой травмы, который как «означающее» вводится в область символизации и о нем можно уже говорить.

Фигура свидетеля нацистского прошлого (у Э.Юнгера, Г.Бёлля, В.Борхерта, М.Фриша, Г.Грасса и др.) замещается в пространстве постмодернистской культуры игровыми фигурами: фланёра-чтеца го-

родского пространства (К.Крахт *Faserland*), историка-детектива, идущего по следам событий войны (Б.Шлинк *Чтец*), страстного коллекционера (М.Байер, *Летучие собаки*) и квест-игрока (К.Рансмайр, *Болезнь Китахары*).

Бернхард Шлинк **(***Bernhard Schlink*, р.1944) первым преодолевает разрыв в поколениях. В его романе «Чтец» (*Der Vorleser*, 1995) тема Холокоста проигрывается в судьбах немецкого гимназиста, студента-юриста и взрослого человека Михаэля Берга и уже немолодой неграмотной женщины Ханны Шмиц, в прошлом надзирательницы в селекционном женском лагере близ Освенцима. Тема любви и тема преступлений нацизма сплетаются в необычный сюжет. Активность читателя здесь максимальна: он еще не сталкивался в своем опыте с подобной ситуацией. К тому же неграмотность главной героини (основная загадка текста) многое объясняет, но и многое запутывает в понимании текста. В повествование с самого начала вводится интрига: «перверсивная» любовь подростка к 36-летней женщине, посвящающей его во взрослую жизнь (инцест-мотив). Это дало основания для неоднозначной оценки романа в немецкой критике: от *Kulturpornographie* и *Holo-Kitsch* [Lewis 2006: 554] до «современного романа воспитания» [Graf 2001: 24].

Молодой юрист Михаэль Берг, вовлеченный в судебный процесс над военными преступниками, собирает «знаки» войны, формирует пространство устных и письменных свидетельств о травматическом опыте Холокоста. Травматическое пространство дополняет в романе и собранная Ханной библиотека (документальная литература о концлагерях, автобиографические записки Рудольфа Гессе, дневники, написанные жертвами нацизма). Итогом осмысления Ханной своего прошлого становится смертный приговор, который она выносит себе сама (самоубийство в тюремной камере накануне освобождения).

Карту «следов» военного прошлого составляет и путешествующий по Германии рассказчик романа *Faserland* (1995) Кристиана Крахта (*Christian Kracht*, р.1966). Фланирующий герой прочитывает «знаки» войны, восстанавливает по ним нацистское прошлое Германии, с болью отмечая степень разрушения войной немецких городов

[Jung 2001:67]. Так, история Гамбурга связана с ночными воздушными налетами (*Bombennächte im Zweiten Weltkrieg*). Герой романа представляет себе шквальный обстрел Гамбурга (*Hamburger Feuersturm*), думая о том, как выглядел город, когда буквально все было снесено с лица земли, *alles ausgelöscht wurde* [Kracht 1997:43]. Гейдельберг рождает ностальгию по добрым временам. «Старый Гейдельберг, старина Гейдельберг. Здесь я сойду». *Old Heidelberg, Old Heidelberg. Hier steige ich aus* [Kracht 1997:81]. После окончания войны американцы планировали сделать Гейдельберг своей ставкой, поэтому город ни разу не подвергался бомбардировкам и сохранил свое историческое лицо. *Die Amerikaner wollten Heidelberg nach dem Zweiten Weltkrieg zu ihrer Hauptquartier machen, deswegen ist es nie zerbombt worden* [Kracht 1997:81]. Рассказчик отмечает: в этом красивом немецком городе, куда быстрее всего приходит весна, радостно жить. И «такой могла бы быть вся Германия, если бы не случилась война и евреев не жгли бы в газовых камерах» [Крахт 2001: 124].

В романе Крахта текст войны присутствует незримо (упоминания о военных фильмах «Триумф воли» Лени Рифеншталь, «Небо над Берлином» Вима Вендерса, о военных дневниках Э. Юнгера «В стальных грозах» и др.). Вот герой романа видит афишу фильма «Сталинград». Его голова, отражаясь в стеклянной витрине, оказывается в стальном шлеме немецкого солдата, воевавшего под Сталинградом. <…> *mein Kopf trägt plötzlich einen Stahlhelm* [Kracht 1997: 93]. Каждого пожилого немца герой наделяет историей, неизменно связанной с травмой войны. Так, беспалому хозяину отеля он приписывает участие на Восточном фронте, где тот, будучи совсем ещё юным солдатом, в зимние холода отморозил себе пальцы.

Чтец урбанистического пространства, герой фиксирует знаки войны, как бы просвечивающие сквозь текст-палимпсест современной культуры потребления. Так, сокращения «ханута» (Haselnußtafel – шоколад с лесными орехами) или «Хафраба» (Hamburg-Frankfurt-Basel – название гитлеровского шоссе) вызывают у него ассоциации с мрачными временами фашистской диктатуры. По его мнению, современная безумная мода на сокращения впервые изобретена нацистами (*Gestapo, Schupo, Kripo*). Здесь Крахт провокационно и смело сравни-

вает идеологию рекламных фирм с пропагандой гитлеровской Германии, акцентируя мысль о том, что потребительская идеология нового времени подспудно соотносится с политической тоталитарной идеологией.

Укажем далее на размышления В. Беньямина в области работы с визуальной репрезентацией того или иного травматического события (фотография, кинематограф), лежащие в основе теоретических установок *trauma studies*. [Беньямин 1996]. Формой свидетельствования о войне становится и акустическая техника, позволяющая остановить поток времени, зафиксировать уникальные моменты. Тем самым, акцентирует В.Беньямин, аудиозапись, как и фото/киноаппаратура, выполняет функции медиа с расширенными полномочиями свидетельства.

О важности такого свидетельствования говорит роман Марселя Байера (*Marcel Beyer*, р. 1965) «Летучие собаки» (*Flughunde*, 1995). Работая в стилистике жанра военного дневника, писатель создает «топографию» и «топофонию» фашизма [Erb 1998:115]. События Третьего Рейха перед поражением в войне автор помещает в необычный контекст. Инженер-акустик Герман Карнау, от лица которого ведется дневник, коллекционирует звуки и аккорды Второй мировой войны. Он фиксирует как парадную сторону нацистской диктатуры, так и ее страшную изнанку. Пространство войны звучит здесь в мощных аккордах человеческого страдания, бравурных маршей и непрекословного повиновения власти. На магнитную ленту Карнау записывает командные голоса, солдафонский лай офицеров, злобные выкрики гестаповцев, истеричные голоса вождей Рейха. Его коллекция содержит тысячи записей: человеческие крики от нестерпимой боли на пытках-допросах у гестаповцев, на операционном столе во время медицинских экспериментов в концентрационных лагерях, предсмертные стоны и хрипы солдат на полях сражения. Цитата: *Я стал вором, я краду голоса <…> Записываю и распоряжаюсь их последними звуками по своему усмотрению. <…> На моих пленках законсервировано то, что я украл*. [Байер 2004:125]. Карнау необычайно горд своей миссией военного хроникера: он может присваивать, сохранять для вечности всю глубину души отдельного свидетеля войны, выраженной в голосе.

В финале романа коллекция Карнау получает зловещее завершение. Помимо редких записей голосов нацистских вождей, его архив содержал и страшную запись последних минут жизни шестерых детей Геббельса, которые вместе с родителями скрывались в бункере фюрера. Бесстрастная аппаратура фиксирует притихшие голоса детей, интуитивно чувствующих настроение матери и врача, приготовивших смертельный напиток, звуки глотания, повторяющиеся шесть раз, затем сбившееся дыхание детей, которое постепенно слабело, и сменялось мертвой тишиной.

Следы войны архивирует и австрийский писатель Кристоф Рансмайр (*Christoph Ransmayr*, р.1952) в своем романе «Болезнь Китахары» (*Morbus Kitahara*, 1995). Игра с историей и в историю соответствует здесь постмодернистскому переписыванию травматического прошлого в жанре альтернативно-исторической прозы, «рожденной из духа» компьютерной игры «квест». Квест-игрок бродит по всему социокультурному пространству, выбирая любую понравившуюся ему историю. Выбранная из «пучка возможных исторических альтернатив» (Ю.Лотман) история «застывает» в линейном сюжете альтернативной истории.

В «Болезни Китахары» автор дает апокалиптическую картину возможного варианта исторических событий. Действие романа разворачивается в течение 25 лет после Второй мировой войны в деревушке Моор. Главное альтернативное допущение в романе связано с политикой страны-победительницы в американской зоне послевоенной Австрии. Американские оккупационные власти реализуют здесь план Маршалла (1947) в его негативном варианте (план Стелламура): вместо экономической помощи для восстановления страны осуществляется тотальная деиндустриализация страны. В результате страна разорена, лишена электричества, фабрики и железные дороги демонтированы, немцы выращивают свеклу и в принудительном порядке строят мемориалы жертвам Холокоста.

В романе представлена торжественно-гротесковая симфония войны. Чудовищно выглядит картина всенародного искупления нацистской вины. Используя «код цинизма» (П.Слотердайк), Рансмайр описывает «покаянное шоу» (*Rituale der Erinnerung*) [Ransmayr

1995:44], которое раз в год организуется американскими властями по всем правилам политического шоу. «Места памяти» и «театры памяти» создаются искусственно. Так, всех жителей поселка Моор снабжают картонными лопатами и камнями из папье-маше, сгоняют в каменоломню, где они должны разыгрывать сцены из лагерной жизни. *Major Elliot befahl den Statisten aus Moor, sich als Juden, als Kriegsgefangene, Zigeuner, Kommunisten oder Rassenschänder zu verkleiden* [Ransmayr 1995:45]. Майор Элиот заботился о том, чтобы знаки войны были размещены на плакатах и рекламных щитах, а документальные фильмы показывали кадры из кинохроники с горой трупов, лежащих перед открытой и дышащей огнем печью крематория. *Leichenstapel in einem weiß gekachelten Raum und einen Krematoriumsofen mit offener Feuertür* [Ransmayr 1995:145]. Кроме того, всех жителей деревни насильно вовлекают в натуральный обмен: в ход идут колющее и огнестрельное оружие, стальные шлемы, планшеты, железные кресты, котелки, фляжки, сухие пайки солдат, упаковки с зелеными кофейными бобами и прочие материальные свидетельства войны [Ransmayr 1995:109].

Территорию травматического опыта осваивает и «серьезная», экзистенциальная проза молодых авторов. В этом плане интересен роман Катарины Хакер **(***Hacker Katharina*, р.1967) «Смотритель бассейна» **(***Der Bademeister, 2000*). Дискурс травмы, характерный для Германии конца XX века, предполагает два основания для травмы: 1) события второй мировой войны, Холокост, травматический опыт немецких евреев; 2) травма раздела Германии, особо травмирующим здесь считается социалистическое прошлое ГДР, опыт восточных немцев в связи со «StaSi». В романе через язык нацистской диктатуры (1933-1945) К.Хакер говорит и о так называемой «второй диктатуре» (ГДР, 1949-1989), подспудно их сравнивая. Метафора «Освенцим» становится в романе определенным способом осмысления, меморизации, «ухватывания» и перекодирования более поздних по времени событий, язык которых еще не нашел в актуальной культуре собственных уникальных средств выражения.

Роман «Смотритель бассейна» повествует о судьбе «маленького человека», о событиях последних 7 дней жизни Хуго: со дня закрытия

городского бассейна в Восточном Берлине, где он проработал 40 лет, до своей добровольной смерти от одиночества и безысходности в стенах заброшенного, медленно разрушающегося здания. В прежние времена коллеги уважительно называли его «властителем бассейна» (*Da kommt der Schwimmhallenkönig*!) [Hacker 2006:47]. После объединения Германии (1989) Хуго становится свидетелем спокойной агонии мира, страны, истории. Бассейн закрыт, он уволен, ему приказали спустить воду.

Народный бассейн предстает в романе метафорой ГДР, общества тоталитарного и закрытого, со своей иерархией, тайной жизнью и системой наблюдения. Как отмечает сам герой, пространство бассейна с его четкими пределами идеально подходило для слежки *StaSi* за посетителями. Однако у этого мирного учреждения здоровья страшное прошлое: за его столетним фасадом обнаруживаются стертые следы зверских преступлений. Смотрителю бассейна категорически запрещалось спускаться в подвальные помещения, в которых когда-то были заперты люди, исчезнувшие затем навсегда. Подвалы бассейна хранили страшную тайну, на которую указывает сохранившаяся табличка: «Евреям вход воспрещен!»

В тексте романа следы травмы сигнализирует о себе повсеместно: выразительные детали, фотоархив, коллекция обуви. Еще школьником Хуго тяжело переживал комплекс вины за своего отца, нацистского преступника. В семейном архиве он видел фотографию отца, стоящего у края ямы, в которой лежали трупы детей. Сверстники дразнили Хуго «фашистским ребенком», они рассказывали, что во время войны его отец расстреливал детей и сваливал их тела в ямы. *Ein Kamerad sagte es mir, mein Vater hätte das getan, Kinder erschossen … in einer Grube hat er sie erschossen* [Hacker 2006: 113].

Обращает на себя внимание и хранившаяся в подвале дома родителей Хуго странная коллекция обуви, почти неношеной и непонятно откуда появившейся. Герой многократно упоминает о маниакальной страсти отца к чистой обуви. Вынимая тело отца из петли, он замечает на нем тщательно начищенные ботинки. Коллекция обуви отсылает читателя к страшному прошлому Освенцима, в музейных

витринах которого сегодня выставлена обувь (зримый след человека) узников концлагеря, уничтоженных в печах крематория. И в послевоенное мирное время Хуго продолжает платить по счетам отца. Как сын фашистского преступника, он был лишен в ГДР возможности университетской учебы, к которой он так стремился. Молодой человек был вынужден устроиться на работу в народный бассейн, после того как старого смотрителя арестовали по доносу службы безопасности.

В семье Хуго царил строгий запрет на чтение книг. Отец приходил в бешенство, когда видел сына читающим, бил и вырывал книги из его рук. *Duckmäuser und Stubenhocker, brüllte er, wenn er mich über meinen Büchern sah* [Hacker 2006: 92]. Мать тоже не терпела книг в доме, однажды она собрала их в ящик и велела вынести вон из квартиры. (Несомненно, здесь отражены исторические факты: массовые акции чистки собственных библиотек от «вредных» печатных изданий и публичные акции сожжения книг, которые практиковались в нацистской Германии с 1933 года.)

В духовной биографии героя выжженный травматический след определил всю его дальнейшую судьбу. Не способный теперь сформировать новое, пригодное для жизни ценностное время-пространство, изъятый из субстанционального содержания жизни, он обречен на страдания из-за тех уродливых форм, в которых протекала его жизнь. Средством его самозащиты становится «эмиграция в себя». Ситуация самоопределения в новой реальности запускает механизм рефлексии. Герой вопрошает: кто я теперь и как намерен жить?

Роман «Смотритель бассейна» оставляет читателя в тягостном, гнетущем настроении. Нарочито тавтологичный внутренний монолог героя вращается вокруг его самого, окружает, заключает, делает пленником истории, которая не оставляет выхода. Лишь смерть как кульминация (затопление бассейна и смерть самого смотрителя) становится внутренним стержнем этого бесконечного повествования. Максимального уровня драматическое звучание достигает в конце романа-монолога, когда смотритель устраивает «всеобщий потоп», он

открывает краны, провозглашая, что «настал день несчастья» [Хакер 2005: 215].

Интересно, что сама метафора следа объединяет в себе категории времени, пространства и телесности. Разрушающееся тело бассейна, этого памятника социалистической культуры, вбирающее в себя следы времени (трещины на фасаде, внутри, отваливающаяся штукатурка, осыпающиеся кафельные плитки) выступает в романе как идеальный хронотопический объект, сочетающий в себе пространственную метафору Холокоста, временной и телесный след.

В игровом пространстве постмодернистской культуры метафора «Освенцим» служит также для осмысления новых форм диктатуры. Австрийская писательница Эльфрида Елинек (Elfriede Jelinek, p.1946) в своем романе «Дети мертвых» (*Kinder der Toten*, 1997) связывает язык телевидения и язык Освенцима в чудовищном гротеске. Печи концентрационных лагерей по своему воздействию она приравнивает к кинескопу *Ofenröhre – Fernseheröhre* [Jelinek 1997: 227]. Телевидение, как и ненасытные печи крематория, преуспевает в деле «пожирания» людей, начисто лишает людей возможности серьезного проникновения вглубь жизненных проблем настоящего и прошлого. Власть и диктат «экранной культуры», констатирует Елинек, приводит к «скорбному бесчувствию», к духовной смерти.

Отдельной территорией будущих *trauma studies* выступают художественно-литературные высказывания, использующие особые стратегии меморизации травматического опыта. Здесь проблема легализации травмы переносится в дискурс, в котором происходит постоянная ресемантизация и реактуализация переживаний. Многочисленные «первичные» и «вторичные» свидетели «второй диктатуры» в Германии формируют, например, целый архив иронических, гротескно-карнавальных высказываний о травме. С юмором и иронией травма социалистического прошлого ГДР обыгрывается в «романе поворота» («Комнатный фонтан» Йенса Шпаршу, «Солнечная аллея» Томаса Бруссига и др.) и связана она, прежде всего, с созданием новой реальности (демифологизация, деконструкция) [Кучумова 2015: 33-

55]. Язык гротеска и карнавальный смех, уничтожающие «вторую диктатуру», отмечен также в анекдотическом нарративе Томаса Брусига (роман «Герои вроде нас», 1995). Но это уже тема отдельного исследования.

Библиографический список

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что останется после Освенцима: Архив и свидетель / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой и П. Соколова; науч. ред. Д. Новиков. – М.: Европа, 2012.
2. Байер М. Летучие собаки. / Пер. с нем. А.Кацур. – СПб.: Амфора, 2004. – 304 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю. А. Здорового. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
4. Крахт К. Faserland. Роман. / Пер. с нем. Т. Баскаковой. – М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2001. – 238 с.
5. Кучумова Г.В. Эстетическая реальность немецкого «романа поворота» // Искусство романа на рубеже XX-XXI столетий: 1990-2015: коллект.моногр./ авторы: ВА.Пестерев, Н.С.Бочкарева, Г.В.Кучумова и др. / Под ред. В.А.Пестерева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – С. 33-55.
6. Поселягин Н. Международная конференция XXI Большие Банные чтения «Неофициальная меморизация травматического опыта». (Москва, Международное общество «Мемориал», 5-6.04 2013 г.) // «НЛО» 2013, № 123. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/33p-pr.html.
7. Хакер К. Смотритель бассейна. Роман / Пер. с нем. М.Зоркой. – М.: Андреевский флаг, 2005. – 216 с.
8. Erb, Andreas. Baustelle Gegenwartsliteratur: Die neunziger Jahre. – Opladen/Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – 233 S.
9. Graf, Guido: „Was ist Luft unserer Luft?“ // Der Deutsche Roman der Gegenwart / Hrsg. von Wieland Freund; Winfried Freund. – München: Fink, 2001. – S. 17-29.
10. Hacker, Katharina. Der Bademeister. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2006. – 207 S.
11. Jelinek, Elfriede. Die Kinder der Toten. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997. – 667 S.

12. Jung, Thomas. Trash, Cash oder Chaos? Populäre deutschsprachige Literatur seit der Wende und die sogenannte Popliteratur // Alles nur Pop? Anmerkungen zur Popliteratur seit 1990 / Hrsg. v. Thomas Jung. – Frankfurt am Main: Peter Lang 2001.

13. Kracht, Christian. Faserland. – Der Goldmann Verlag. Berlin, 1997.

14. Lewis, Alison. Das Phantasma des Masochisten und die Liebe zu Hanna // Weimarer Beiträge. Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Ästhetik und Kulturwissenschaften, № 4, 2006. – 560 S.

15. Ransmayr, Christoph. Morbus Kitahara. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1995. – 440 S.

G.V. Kuchumova
(Russia, Samara)

TRAUMA DISCOURSE: THE NEW STRATEGIES OF MEMORIZATION IN THE CONTEMPORARY GERMAN NOVEL

This paper explores the new strategies of traumatic experience memorization in the contemporary German language novel. Postmodern culture replaces the figure of the war witness by playful figures of the reader of urban space (K. Kracht, Faserland), the historian detective (B. Schlink, Der Vorleser), the collector (M. Bayer, Flughunde), the quest player (K. Ransmayr, Morbus Kitahara).

Keywords: trauma discourse, new strategies of memorization, the witness of the war, the playful figure, postmodernism, contemporary German language novel

Е.Е. Стефанский
(Россия, Самара)

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «KLASICKÁ HUDBA» ‘КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА’ – «POP MUSIC» ‘ПОП-МУЗЫКА’ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОМАНА М. КУНДЕРЫ «КНИГА СМЕХА И ЗАБВЕНИЯ»

Концепт музыки представлен в романе «Книга смеха и забвения» в виде бинарной оппозиции музыки классической и поп-музыки, что на лексическом уровне чешского языка отражено путем противопоставления *klasická hudba – pop*. Показывая взаимосвязь политики и искусства в тоталитарном обществе, Кундера вводит в роман эпизоды, героями которых являются «президент забвения» Густав Гусак и «идиот музыки» Карел Готт.

Ключевые слова*: *Милан Кундера, концепт музыки, художественный дискурс

Музыка и музыканты занимают особое место в художественном дискурсе Милана Кундеры. Например, в романе «Шутка» нотная запись моравской народной музыки составляет неотъемлемую часть дискурса романа, а фольклорист Ярослав является одним из его центральных героев. В романе «Вальс на прощание» в центре сюжета оказывается трубач Клима. Музыка Бетховена актуализирована на страницах «Невыносимой легкости бытия».

Но особенно ярко концепт музыки представлен в романе «Книга смеха и забвения». Автор выводит на страницы романа своего отца, знаменитого профессора-музыковеда, а музыка предстает перед читателем как бинарная оппозиция музыки классической и поп-музыки, которое пунктиром намечается уже во второй части. Во время первого свидания Карела и Евы девушке приходится показывать своему возлюбленному стриптиз под музыку Баха:

Да, проигрыватель был, но у друга имелась лишь ***классическая музыка (klasická hudba)****, Бах, Вивальди, оперы Вагнера. Карел счел бы*

странным, начни девушка раздеваться под арию Изольды. Ева тоже была недовольна пластинками. «Нет ли здесь какой-нибудь ***поп-музыки (pop)****?» Нет,* ***поп-музыки (pop)*** *здесь не было. Делать нечего, в конце концов ему пришлось поставить фортепианную сюиту Баха. Он сел в угол комнаты для лучшего обзора.*

Следует обратить внимание, что для обозначения музыки в чешском языке существует национальный термин *hudba* (ср. русск. *гудеть* ‘играть на музыкальных инструментах’, *гусли-самогуды* (< *gQd-sl-i)). Соответственно понятие ‘классическая музыка’ передается словосочетанием *klasická hudba***.** Что же касается понятия ‘поп-музыка’, то, судя по данным Национального корпуса чешского языка, термин *hudba* для его обозначения в чешском языке, как правило, не используется, уступая место английскому *pop music* или просто *pop*. Таким образом, в чешском языковом сознании поп-музыка – это даже и не совсем музыка.

Бинарная оппозиция «Klasická hudba» – «Pop music» весьма точно отражает отмечаемый музыковедами и специалистами по семиотике контраст между массовым и элитарным музыкальным искусством. Как отмечает Н.Б.Мечковская, массовая музыка и элитарная опус-музыка «чужды друг другу и, соседствуя во времени, почти не влияют друг на друга» [Мечковская 2004: 338].

Исследовательница полагает, что возможности воздействия музыки на человека заключены в нескольких ее свойствах. Во-первых, «музыка превосходит все другие семиотики по своей проникающей психической силе – по способности воздействовать на человеческое сознание, включая его глубинные (подсознательные) области. Человек слышит музыку не только «ухом», но и телом, самим организмом: восприятие музыки есть скрытое (внутрителесное) рефлекторное воспроизведение слышимого звучания». Во-вторых, «музыка может восприниматься без участия интеллекта и “отключать” интеллект» [Мечковская 2004: 314-339].

Эти свойства применительно к поп-музыке очень показательно проявляются во время пребывания Тамины на детском острове и даже по пути на остров:

Они поменялись местами. Теперь он [мальчик] сидел на корме и смотрел, как Тамина гребет, а чуть погодя вытащил из-под сиденья маленький магнитофон. ***Зазвучал рок: электрогитары, пение. Мальчик начал слегка извиваться в ритме музыки****. Тамина смотрела на него* ***с отвращением****: этот ребенок кокетливо, по-взрослому вилял бедрами. Его движения казались ей* ***непристойными****.*

Чтобы не видеть его, она закрыла глаза. Тут ***мальчик усилил звук магнитофона и сам стал тихо напевать****. Когда Тамина снова подняла на него глаза, он спросил: – А ты почему не поешь?*

- Я не знаю этой песни.

- Как так не знаешь? ***Ее знают все****.*

Размышляя о причинах воздействия поп-музыки на широкие массы людей, Кундера видит их в легкости восприятия («стереотипная гармония, затасканная мелодия и ритм, действующий тем сильнее, чем он монотоннее»), в элементарности передаваемых такой музыкой смыслов («На этих простых комбинациях нот могут объединиться все, ведь это само бытие, что кричит в них свое ликующее *я здесь!*») и в апелляции к ритуальным функциям музыки («изначальное состояние музыки, состояние, предшествующее ее истории, состояние до первой постановки вопроса, состояние до первого раздумья, до начала игры с мотивом и темой»). В итоге он приходит к неутешительному выводу:

История музыки смертна, но нелепость гитар вечна. Музыка сейчас вернулась в свое изначальное состояние. Это состояние после последней постановки вопроса, состояние после последнего раздумья, состояние после истории.

Столь же неутешительный приговор современному состоянию музыки выносит и теряющий память и речь отец Кундеры:

Сделав над собой усилие, он сосредоточился, чтобы выразить свою мысль, а потом медленно, с натугой проговорил:

- Нелепость музыки (Blbost hudby)*.*

В оригинале понятие ‘нелепость’ передана гораздо более экспрессивно. Чешск. *blbost* (ср. русск. *балабол*) означает ‘слабоумие’,

‘идиотизм’, ‘глупость’ и лишь в первом, медицинском, значении стилистически нейтрально. В остальных случаях оно является разговорным и даже грубым [SSČ: *32*; ЧРС: *I; 60*].

Показывая взаимосвязь политики и искусства в тоталитарном обществе, Кундера вводит в роман эпизоды, героями которых являются Президент ЧССР Густав Гусак и известный чешский поп-певец Карел Готт. Для Кундеры он становится символом забвения в истории музыки, когда «чем грустнее становились люди, тем громче ревели репродукторы». И если творчество Карела Готта олицетворяет собой *blbost hudby*, т.е. ‘нелепость, идиотизм музыки’, то его самого Кундера называет *идиотом музыки*. Гусак и Готт объединяются в эпизоде приема «президента забвения» в почетные пионеры:

Говорят, что, когда Гусак кончил свое обращение к детям <...>, Карел Готт взошел на подиум и запел. У Гусака текли по щекам слезы умиления, и солнечные улыбки, сиявшие со всех сторон, слились с этими слезами. В эту минуту великое чудо радуги изогнулось над Прагой. Дети запрокинули головы, увидели радугу и, засмеявшись, стали аплодировать.

Идиот музыки допел песню, а президент забвения распростер руки и возгласил: «Дети, жить – это счастье!»

Апокалипсическую картину разрушения поп-музыкой привычного мира, построенного на ценностных бинарных оппозициях, уничтожения смыслов, десемантизации и распадения языка и культуры создает Кундера во время пребывания Тамины на детском острове:

Тамина прячется за толстым стволом платана, она не хочет, чтобы ее видели, но и ***глаз оторвать от них не может****. Они ведут себя с таким же вызывающим кокетством, как взрослые, двигая бедрами взад и вперед, словно имитируют совокупление. Непристойность движений, наложенная на детские тела,* ***разрушает контраст скабрезности и невинности, чистоты и порочности****. Чувственность обессмысливается, невинность обессмысливается,* ***словарь распадается на части****, и Тамине становится дурно: словно в желудке образуется* ***пустота****.*

Здесь задолго до своего самого известного романа Кундера создает знаменитый оксюморон о невыносимой легкости бытия:

*А **идиотизм (blbost) гитар** продолжает греметь, и дети танцуют, кокетливо выставляя вперед животики. Все эти вещи, что **ничего не весят**, вызывают в Тамине **тошноту**. В самом деле, эта **пустота** в желудке порождена именно этим **невыносимым отсутствием тяжести**. А поскольку крайность способна в любой момент превратиться в свою противоположность, **максимальная легкость стала чудовищной тяжестью легкости**, и Тамина знает, что она уже не в силах вынести ее ни на минуту дольше. Она поворачивается и **бежит**.*

Всеми силами передавая читателям свою неприязнь к «идиотизму гитар», Кундера тем не менее считает благом не господство классической музыки, а равновесие в мире, построенном на бинарных оппозициях:

*Но в башне, где царствует мудрость музыки, человек подчас **испытывает тоску** по тому монотонному ритму бездушного крика, который доносится извне и в котором все люди братья. **Постоянно общаться только с Бетховеном опасно, как опасны все привилегированные положения**.*

Библиографический список

1. Кундера М. Книга смеха и забвения / Пер. Н.Шульгиной. — СПб.: Азбука-классика, 2003. – 336 с.

2. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. курс лекций. – М.: Академия, 2004. – 432 с.

3. Чешско-русский словарь: в 2-х тт. – Изд. 2-е, стереотип. – М. – Прага, 1976. (ЧРС)

4. Kudera M. Kniha smíchu a zápomnění. – Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1981.

5. Slovník spisovné češtiny. – Praha: Akademia, 2004. – 648 s. (SSČ).

E.E. Stefanski
(Samara, Russia)

THE BINARY OPPOSITION «KLASICKÁ HUDBA» 'CLASSICAL MUSIC' – «POP MUSIC» 'POP' IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF M. KUNDERA'S NOVEL "THE BOOK OF LAUGHTER AND OBLIVION"

The concept of music is represented in the novel "The Book of Laughter and Forgetting" as a binary opposition of classical music and pop music, which is on the lexical level of Czech language reflected by contrasting *klasická hudba – pop*. Showing the relationship of politics and art in a totalitarian society, Kundera's novel introduces characters of the "president of forgetting" Gustav Husak and the "idiot of the music" Karel Gott.

Keywords: Milan Kundra, concept of music, artistic discourse

Ю.П. Хорошевская
(Россия, Ростов-на-Дону)

МОТИВ ИСКУПИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ КАК ДИСКУРСОФОРМИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕТРАЛОГИИ ДЭНА СИММОНСА *ПЕСНИ ГИПЕРИОНА*

В статье рассматривается интерпретация архетипического мотива искупительной жертвы в тетралогии Дэна Симмонса Песни Гипериона. Искупительная жертва как необходимое условие возрождения мира, является одним из важнейших элементов, унаследованных литературой из мифа

Ключевые слова: миф, жертвоприношение, научная фантастика, «Песни Гипериона», сакральное, профанное, космос, хаос

Фантастическая литература способна далеко уходить за границы воображения и прикасаться к вещам, которые испокон веку считают-

ся важнейшими составляющими духовной жизни человеческого общества. Мифологизм, как явление в литературе и, шире, в искусстве в целом, повлек за собой возможность выхода, как за социально-исторические, так и за пространственно-временны*е* рамки. Фантастика же может формально или морфологически восходить к мифическим аналогам, при этом мифом не являясь. Очевидно, говорит об этом Дарко Сувин, что фантастика может быть «мифоморфичной в некоторых своих основных сюжетах, как и любой другой жанр художественной литературы» [Suvin 1979: 26]. Более того, фантастика (в том числе и ее разновидность, именуемая *science fiction*) разделяет вместе с мифом вымышленное отчуждение условности, так называемые «внешние границы желания», и эта их формальная близость выходит за рамки сюжета для слишком многих персонажей и ситуаций.

Одним из архетипических конфликтов, унаследованных фантастикой, отмечает В. Лашкевич [Łaszkiewicz 2013], является оппозиция космоса и хаоса, выразившаяся в конфликте добра и зла. Исход этого конфликта обычно зависит от морального выбора героя, более того, он предполагает наличие фигуры спасителя, способного пожертвовать собой для будущего блага общества.

В художественном пространстве тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона» (*Hyperion Cantos*, 1989-1997) мотив жертвоприношения выполняет роль пресловутой красной нити, соединяющей в единое целое всю символику и философскую тематику романов. В настоящей статье мы рассмотрим один из аспектов названного мотива – это *искупительная жертва Мессии* во имя человечества. Он связан с образом Энеи, основного персонажа третьей и четвертой книг тетралогии, дочери земной женщины и ИскИна (в художественном пространстве «Песен» ИскИны выполняют функции нуминозных субъектов, сакральных существ, обладающих сверхъестественной силой и возможностями).

«Песни Гипериона» в целом можно рассматривать сквозь призму эсхатологического мифа с его основными стадиями: угроза существующему миропорядку, погружение мира в хаос и возникновение

нового мира. То есть от космоса через хаос к новому космосу. Мотив искупительной жертвы как необходимого условия возрождения мира, космизации хаоса, в данном случае является одним из важнейших элементов эсхатологического мифа. Кроме того, здесь просматривается и мотив искупительной жертвы умирающего/воскресающего бога, обеспечивающий обновление мира и движение времени, характерный для календарных мифов. Ритуальная жертва при этом должна привести к преображению существующего миропорядка, поскольку сама цель этого жертвоприношения заключена в обеспечении благополучного рождения нового человека, нового мира, нового космоса из неструктурированного хаоса.

Энея обладает рядом черт, характерных для архаических культурных героев. В частности, это ее сверхъестественное происхождение и способности, роль медиатора между сакральным и профанным мирами. Мать Энеи – обычная человеческая женщина, одна из семи паломников к Шрайку в первых двух книгах тетралогии. Отец – нуминозный субъект, принадлежащий сакральному пространству Техно-Центра, ИскИн. С учетом этих факторов, Энею можно считать существом полубожественного происхождения. Ее рождение было тщательно спланировано и спровоцировано как Связующей Бездной, так и Техно-Центром, а в эмпирическом пространстве Гегемонии предсказано церковью Шрайка, чьи представители поют матери Энеи при встрече: «*БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ*
БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ МАТЕРЬ НАШЕГО
СПАСЕНИЯ
БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ ДЛАНЬ НАШЕГО
ИСКУПЛЕНИЯ
БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ НЕВЕСТА НАШЕГО
СОЗДАНИЯ
БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ» [Симмонс Гиперион 2014: 384].

Штейн [Steyn 2011] в своей работе считает, что мать Энеи может выступать символом непорочного зачатия, поскольку она беременна ребенком нуминозного субъекта, ИскИна, а не в результате

сексуальных отношений с другим человеческим существом. Являясь гибридом человека и машины, Энея символизирует две космические вещи: независимо от того, как далеко продвинулось прежнее поколение, грядущее всегда превзойдет его, как если бы люди действительно могли достичь божественности; независимо от того, как далеко продвинулось человечество, процесс эволюции продолжается, и даже высшее сознание должно развиваться дальше и глубже. Энея способна совершать «чудеса», недоступные человеку в мире, лишенном покровительства Техно-Центра. Еще до своего рождения она общалась со своим отцом и сакральным пространством Техно-Центра. В возрасте 12 лет вошла в одну из Гробниц Времени на Гиперионе и вышла оттуда спустя 264 года. Энея проходит сквозь неработающие порталы, перемещаясь с одной планеты на другую, нарушая законы физического пространства и времени. Она способна проникать в сакральное пространство Техно-Центра и Связующей Бездны. В крови Энеи содержатся частицы, вызывающие отмирание крестоформа.

Являясь связующим звеном между ИскИнами и людьми, Энея представляет собой опасность для гегемонии Ордена. *От Техно-Центра я получила генетически доступ к Бездне, от человечества – редчайшую способность эмпатического восприятия Вселенной*, – объясняет Энея свою уникальность [Симмонс Эндимион 2014: 733]. Символично и метафорично само имя героини, представляя собой женский вариант мужского имени – Эней. В эпосе Вергилия легендарный герой Эней покинул горящую Трою, вынеся на своих плечах престарелого отца, и после долгих скитаний основал Рим. Энея, по сути, тоже основывает метафорический новый Рим – без иллюзий и кощунственных целей Техно-Центра.

В первых двух книгах тетралогии люди, в поисках внутреннего врага, обратились против своих богов и разрушили порталы, связывающие их с сакральным пространством Техно-Центра. После падения порталов мир погрузился в хаос. Гегемония человечества превратилась в теократию во главе с Орденом и Папой при тайном пособничестве отдельных элементов всё того же Техно-Центра. Люди, под-

давшиеся соблазну вечной жизни и воскрешения физического тела, приняли крестоформ, нано-механизм, созданный ИскИнами. Человеку естественно обожествлять мироздание, наделять магическими свойствами вещи и явления. Человеку характерно познавать бога, или же создавать его, если первое не удастся. В попытках создать искусственный интеллект, человек, еще не создав, уже мифологизирует его, возводя собственное творение в статус божества. В «Песнях Гипериона» искусственный интеллект обособился от своего творца, более того, поменялся с ним ролями. Техно-Центр сначала подарил человечеству сеть порталов, а вместе с ней возможность властвовать над физическим временем и пространством.

Следующим даром ИскИнов стал крестоформ, дарующий своему носителю возможность воскрешения после смерти физического тела и фактическое бессмертие. Справедлив вопрос: насколько искренни подарки этих богов-машин? Ведь дарованный крестоформ представляет собой паразитирующий механизм в форме креста, его нано-волокна прорастают во все клетки человеческого тела, считывая и копируя ДНК. Строго говоря, смерть и рождение – неотъемлемое условие эволюции, поэтому спекуляция Техно-Центра на страхе людей перед смертью, в результате чего большинством населения бывшей Гегемонии было охотно принято дарованное «чудо» крестоформа, ведет человечество к стасису и последующей деградации. И для того, чтобы изменить устоявшийся порядок, запустить архетипический процесс смены старого поколения молодым, вернуть движение застывшему миру, потребовался мессия.

Мессия – девочка (и молодая женщина в дальнейшем) по имени Энея, заблудившаяся во времени. Капля ее крови заставляет человека лишиться крестоформа – нано-устройства, способного даровать физическое бессмертие. Причастие же Энеи обеспечивало человеку истинную смерть, единственную и необратимую. *Это не метафизика, друзья мои. Это мутагенный вирус. <…> Это причастие вам не подарит бессмертия. Оно гарантированно обеспечит вам самую обычную смерть*» [Симмонс Эндимион 2014: 770]. Но, как и тысячи лет

назад, мессия объявлен смутьяном и еретиком. Как некогда сын ветхозаветного Бога, дочь ИскИна и обыкновенной женщины становится врагом существующего порядка, неизменного векового уклада. И ради того, чтоб привести застывший мир в движение, дать возможность старому, наконец, уйти, а новому родиться, Энея должна умереть. Она приносит себя в жертву во имя грядущего миропорядка, выступает едва ли не в роли первосущества, на крови которого зиждется новый лучший мир. Эволюция – это изменение, возможность приспосабливаться к условиям и развиваться. Поступок Энеи совершается во имя того, чтобы у человечества была возможность выбора: как жить, как умирать, чему верить. Она выбирает эту искупительную смерть во имя грядущего человечества. *А потом жар усилился, боль умножилась, ее ощущение жизни, любви и долга вознеслось над пламенем, уходя в небеса, – и Энея умерла* [Симмонс Эндимион 2014: 921].

Жертва Энеи в данном случае выступает как необходимое звено в процессе космизации хаоса, поскольку в момент ее смерти люди по всему миру воспринимали ее мысли и чувства. Всё человечество пережило некий момент «просветления», который Симмонс называет моментом «Сопричастности». Человеческий мир был на грани смерти, но у него появилась надежда на возрождение. Жертвенная смерть Энеи стала началом нового мира. Энея, отмечает А.Сергеев, дала человеку не воскресение, не вечную жизнь в райской обители – вместо всего этого люди обрели любовь, сопереживание, понимание и возможность начать жизнь с чистого листа, начать и прожить ее поновому, а также прочувствовать ее и понять тоже совершенно поновому [Сергеев 2013].

Само учение Энеи основывалось на теории эволюционирующего бога, эмпатии и Связующей Бездне. Симмонс здесь недвусмысленно противопоставляет два сакральных пространства своей художественной реальности: пространство Техно-Центра и Связующую Бездну. ИскИны – боги-машины неизменности – не способны к эмпатии, а с точки зрения автора (и Тейяра де Шардена), лишенным эмпатии разумным видам никогда не стать частью единства тех, кто ушел, и тех,

кто жив. На это способна Связующая Бездна, представляющая собой авторскую интерпретацию Точки Омега в философии Тейяра. Пьер Тейяр объединил идею космической эволюции и христианства в образах эволюционирующего бога. Он выдвигал идею конечной эволюции, приводящей ко всеобщему слиянию, при котором историческое (отдельное сознание отдельного человека) сливается с трансцендентным. Именно это понимает Симмонс под образом Связующей Бездны, которая содержит в себе мысли и чувства всех, когда-либо живших разумных существ. Смерть Энеи и момент Сопричастности открывает человечеству, лишившемуся контактов с сакральным пространством Техно-Центра, возможность соприкасаться с пространством Связующей Бездны.

В теории ноосферы Тейяра де Шардена, которая лежит в основе всей тетралогии, отчетливо просматривается осознание родственной связи человечества со всей эволюционной цепью жизни, но вместе с тем и понимание человека как существа еще растущего, неоконченного, превозмогающего свою еще далеко не совершенную, противоречивую природу. Путь к достижению мирового космоса зависит от способности к эмпатии и саморефлексии человека как в мировом масштабе, так и в личной судьбе. «Я думаю, вряд ли у мыслящего существа бывает более великая минута, чем та, когда с его глаз спадает пелена и открывается, что он не утерянная частица, а пункт сосредоточения и гоминизации универсального стремления к жизни» [Тейяр де Шарден 2002: 40]. Каждому отдельному человеку, утверждает в тетралогии Симмонс, необходимо осознавать всю глубину своей ответственности равно как перед прошлым, так и перед будущим. Поэтому идея спасения человечества, даже с учетом искупительной жертвы мессий, обречена на провал, до тех пор, пока в истории эволюции мировой разум не достигнет этапа всеобщего прозрения, пока каждый субъект посредством рефлексии не придет к мысли о том, что от каждой отдельной жизни зависит дальнейшее развитие всего человечества.

Библиографический список

1. Сергеев А. О мире «Песней Гипериона». – Екатеринбург, 2013 http://www.bogoslov.ru/text/3673556.html (дата обращения: 10.01.2016)

2. Симмонс Д. Гиперион. Падение Гипериона. – М.: АСТ, 2014. – 970 с.

3. Симмонс Д. Эндимион. Восход Эндимиона. – М.: АСТ, 2014. – 970 с.

4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.

5. Łaszkiewicz W. Finding God(s) in Fantasylands: Religious Ideas in Fantasy Literature. – Bialystok, 2013. – http://www.crossroads.uwb.edu.pl/finding-gods-in-fantasylands/ (дата обращения: 21.01.2016)

6. Steyn H. J. Protean Deities: Classical Mythology in John Keats`s "Hyperion Poems" and Dan Simmons`s *Hyperion* and *The Fall of Hyperion*. – University of South Africa, 2011. – 142 p.

7. Suvin D. Metamorphoses of Science Fiction. – New Haven & London, Yale University Press, 1979. – 336 p.

Y.P. Khoroshevskaya
(Russia, Rostov-on-Don)

THE MOTIF OF ATONING SACRIFICE IN DAN SIMMONS`S *HYPERION CANTOS*

The article deals with the interpretation of the archetypal motif of atoning sacrifice in Dan Simmons`s Hyperion Cantos. Atoning sacrifice as a necessary condition for the revival of the world is one of the most crucial elements inherited by literature from myth.

Keywords: myth, sacrifice, science fiction, Hyperion Cantos, sacred, profane, cosmos, chaos

Ю.Л. Цветков
(Россия, Иваново)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО МОДЕРНА (DIE MODERNE)

Изучаются различные аспекты возникновения, становления, описания, классификации, оценки и объяснения противоречивой природы немецкоязычного термина «модерн» (die Moderne), имеющего в триаде современного гуманитарного знания «модерн-модернизм-постмодернизм» определенное семантическое наполнение – предмодернизм.

Ключевые слова: die Moderne, культурно-исторический дискурс, стиль модерн, модернизм, постмодернизм

В XXI веке яснее стали проявляться кризисные черты и тупиковые ситуации постмодернизма, которые стали результатом постструктуралистской практики и деконструктивистской методологии [Тульчинский 2001:7]. Для прояснения сложившейся культурной ситуации необходимо изучение модерного, модернистского и постмодернистского дискурсов. У отечественного гуманитария понятие *модерн* ассоциируется с периодом развития мировой культуры конца XIX–начала XX веков, прежде всего, со *стилем модерн*, а также с *архитектурой, живописью и прикладным искусством модерна*, ставшими важными терминами в российском искусствознании. Их объединяет стилевая доминанта, то есть формальная категория, *«ибо она означает общность пластического языка, общность художественной формы»* [Сарабьянов 2001: 28]. «Стиль модерн» в искусстве охватывает почти все европейские национальные культуры: во Франции и Бельгии – *ар нуво*, в Германии – *югендстиль*, в Австрии, Чехии и Польше – *стиль сецессион.*

Стиль модерн не был единым художественным направлением, а объединял множество различных стилевых течений, противостоящих академическому историзму и эклектизму: ... *в целом модерн несет на*

себе груз прошедшего времени – особенно всего XIX века. Он «утомлен» тем, что зародилось раньше и видоизменялось на своем пути, – романтизмом, панэстетизмом, поисками красоты [Там же: 25-26]. Стиль модерн оказал влияние на некоторые содержательные стороны и принципы организации художественного текста. Ярко выраженное орнаментальное начало стиля модерн воздействует, например, на композицию и стиль художественного текста. Так, элементы флореальной орнаментики приобретают в текстах произведений Оскара Уайльда (1854–1900) декоративную и стилеобразующую функцию: *Выстраивание пространственной модели сада, откликающейся в зависимости от контекста новыми смыслами, обнажает установку автора на выявление семантической многоплановости мотива. В произведении модерна трактовка пространства «становится не реально-предметной, а, скорее, ассоциативной (Д.В.Сарабьянов),* отсюда отсылка к различным культурным пластам [Ковалева 2002: 161-162].

В отличие от искусствоведческого толкования термина и его бытования в области литературоведения модерн (*die Moderne*) в культурном сознании носителей немецкого языка представляет собой ключевой феномен, обозначающий *эпоху и идеологию*. Решить проблему конституирования модерна от его истоков до современности, по словам Ж.-Ф.Лиотара (1924 – 1998), «состояния постмодерна» как *«недоверия в отношении метарассказов» можно благодаря тому, что эксплицируются ранее неявно подразумеваемые трактовки, связи и ассоциации исторических дискурсивных микроэпох, приобретающие при однонаправленном развитии макромодерна свое содержание и актуальность»* [Лиотар 1998: 10].

Произвольность конструкта интерпретатора в дискурсивном анализе модерна заметно проявляется, во-первых, в широко дискутируемой проблеме зарубежной культурологии о точке отсчета, например, *литературного модерна* (*die literarische Moderne*). Немецкие философы В. Беньямин и Т. Адорно, немецкий эстетик Г. Фридрих и французский литературовед Р. Барт связывают появление модерна с духовным кризисом после 1848 года. Немецкие литературоведы

Г. Зедльмайр, Г. Маттенклотт и С. Виетта фиксируют зарождение модерна со времени после поражения Великой французской революции и крушения рационалистической идеологии.

Во-вторых, неясной остается принадлежность к модерну многих известных писателей XIX и XX веков. У В. Беньямина, Т. Адорно и Г. Фридриха имя Генриха Гейне прочно ассоциируется с модерном. Для Адорно первым романом модерна является «Воспитание чувств» (1869) Гюстава Флобера. Лирика Гуго фон Гофмансталя для Г. Фридриха не относится к модерной поэзии, а его же новелла «Письмо лорда Чэндоса Фрэнсису Бэкону» (1902), свидетельствующая о кризисе языка отправителя письма, признается эпохальным документом литературного модерна. Если для Г. Фридриха модерн представляет собой «антиромантическое движение», то для литературоведов К.Х. Борера и Х. Зедльмайра он близок к романтическим идеям.

В-третьих, Т. Адорно считает примечательным признаком модерна отдаленность от реализма, напротив же, американский философ Ф. Джеймисон и немецкий литературовед С. Виетта рассматривают реализм в рамках модерна [Bürger 1997: 1287]. Противоречивость и многообразие точек зрения в восприятии ценностного статуса *модерна*, несмотря на изучение различных дискурсов, определяют остроту современных дебатов на эту тему, неисчерпанность которой могла бы стать для отечественных исследователей самостоятельным проблемным полем.

Специфические формообразования культуры, такие как наука, мораль, искусство и литература легитимируют научный дискурс модерна, в котором модерные проблемы концентрируются в точках пересечения специализированных систем деятельности: истории, социологии, философии, эстетики, морали, художественного творчества и критики. Термин *модерн* (*die Moderne*) как комплекс саморефлективных дефиниций широко функционирует во всех перечисленных системах деятельности, приобретая в каждой из них универсальные основания человеческого опыта. Следуя теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса (р. 1929), можно с большой долей убеди-

тельности говорить о продуктивности его модели языкового взаимопонимания: *«С одной стороны, субъекты всегда уже обнаруживают себя в некоем мире, структурированном языком и раскрытом в языке, и действуют на основе смысловых взаимосвязей, авансированных грамматикой. Тем самым язык выступает как нечто первичное и объективное относительно говорящего субъекта — как определяющая структура условий возможности. С другой стороны, раскрытый в языке и структурированный языком жизненный мир находит точку опоры только в практике взаимопонимания внутри языкового сообщества»* [Habermas 1988: 51]. Поэтому представляется целесообразным вести речь о научном культурно-историческом дискурсе модерна, понимая под *дискурсом* определенный способ диалогической аргументации в споре, направленной, по Хабермасу, на достижение коммуникативного согласия: *В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования* [Habermas; Luhmann 1971: 115].

Культурно-исторический дискурс модерна располагает конкретными формами генезиса. Об этом убедительно писал в своих исследованиях

Г.-Р. Яусс. Концепция модерна охватывает период Нового времени, начиная с эпохи Возрождения. Этимология слова *модерн* отсылает нас к поздней античности. Образованная от латинского слова *modo* (*только что, сейчас*) форма имени прилагательного *modernus* (*одновременный, теперешний, новый*) зафиксирована в конце V века у Геласиуса [Freund 1957: 5]. Первое противопоставление *antique–moderni* Кассиодора означает, что Древний Рим и античная культура рассматриваются как законченное прошлое [Jauss 1970: 11]. В эпоху Каролингов (IX век) слово приобретает важное смысловое ограничение: оно стало обозначать эпоху после римской античности как новое идеальное государство «Град Божий» франкского короля и императора Карла Великого *seculum modernum* [Ibid: 18].

Времяисчисление XII века, как считают историки, было типологическим, что можно пояснить следующим образом: новое время «поднимает» старое, а старое время «живет в новом». Философ-схоласт Бернар Шартрский (ум. до 1130) создал запоминающийся образ времени: гномы, символизирующие настоящее (*moderni*), сидят на плечах великанов — воплощениях прошлого (*antiqui*). В этой иллюстрации настоящее время «видит» дальше, чем прошедшее [Ibid: 21]. Естественно, что в средневековых представлениях «*moderni*» могли и не противопоставляться античности, отчего складывалось впечатление, что новое и старое существовали одновременно. Не удивительно поэтому, что, например, в народной литературе средневековья античные сюжеты органично вплетались в ткань актуального событийного повествования [Ibid: 26].

Итальянский Ренессанс впервые осознал себя как особую культуру Нового времени, линейно направленного в будущее и метафорически соотносящегося с совершенством произведений древних. В XV веке во французском языке в обиход вошло слово *moderne* со значением *новый, свежий, модный.* Немного позже это слово было зафиксировано в английском языке и обозначало *происходящее сейчас*. Лишь в XVII веке *modern(e)* заимствовался из французского языка в немецкую словесность, а его смысл тесно соприкасался со значением *модный.* Гуманисты широко использовали антитезу *antiqui–moderni* для того, чтобы заглянуть в далекое прошлое, игнорируя «темное» для них время средневековья. В связи с развитием естественных наук в европейском Возрождении (Д. Бруно, Г. Галилей, И. Кеплер) и в XVII веке (И. Ньютон, Ф. Бэкон, П. Гассенди), модерн стал ассоциироваться с прогрессивным мышлением.

В европейском культурном обиходе слово *модерн* широко бытовало благодаря «Спору древних и новых», который возник в 1687 году между Шарлем Перро (1628-1703) и Французской Академией. Как известно, в стихотворении «Век Людовика Великого» Перро выразил сомнение в авторитете античных писателей и противопоставил им но-

вую французскую литературу. Понятие *модерна* предвосхищает, по мнению Г.-Р. Яусса, новое историческое сознание Просвещения, а партия *модерных* во главе с Перро высказала мысль о прогрессе, которую выработали естественные науки [Ibid: 29].

Антитеза *античность – модерн* получила в Германии большой резонанс благодаря рецепции «спора древних и новых». Подражание древним защищали И. Бодмер, И. Брайтингер и К. Геллерт. Сохранял в своем сознании превосходство образцов античности И.Винкельман. Он был убежден, что подражание древним – единственный путь стать неподражаемым [Winkelmann 1962: 3]. У К.М. Виланда наблюдался более дифференцированный подход: он признавал величие греческого искусства, но выступал против некритической идеализации греков. И.Г. Гердер в труде «О новейшей немецкой литературе» (1767) вступил в «спор древних и новых» и разработал важный принцип историзма, не отдавая предпочтения ни тем, ни другим [Herder 1978: 30].

Немецкий эстетик Фридрих Теодор Фишер (1807-1887) считал, что говорить о единстве Нового времени и модерна можно до середины XIX века, после чего начинается эпоха мировых кризисов . Авангард начала XX века, как считают многие культурологи, – это крайнее проявление энергетики модерна, направленной в социальную сферу и разрушающей общепринятые эстетические нормы. В это же время появляется термин *модернизм*, сложившийся в англо- и русскоязычной культуре как аналог модерных инноваций с начала XX века. Его можно рассматривать в общем развитии модерна как период наиболее смелых и удачных экспериментов писателей, художников и композиторов XX века, начиная с М. Пруста, Д. Джойса, Ф. Кафки, П. Пикассо, В. Кандинского, А. Шёнберга, А. Берга и др. Модернизм принципиально не принимал одномерную и конечную картину мира и раз и на всегда данного человека. По мнению А.М. Зверева, модернизм противостоял «принципу репрезентации»: *Ситуация отчуждения, с которой человек сталкивается и в общественной, и в частной жизни, постоянно убеждаясь в невозможности реального взаимопо-*

нимания и диалога с другими, порождает комплекс «несчастного сознания», воссозданный во многих наиболее значительных произведениях модернизма, начиная с творчества Ф. Кафки [Зверев 2001: 568]. Современное отечественное литературоведение, обходясь, большей частью, без термина модерн, предполагает наличие подготовительной эпохи модернизма, а именно *романтизма*, в котором обнаруживаются многие сходные идеи и мотивы. Такое понимание романтической эпохи, в которой начинают складываться предмодернистские тенденции, можно полным правом назвать «модерными».

Модерн не отрицает сложившиеся исторические литературные и художественные направления и школы, так называемые «измы»: «романтизм», «реализм», «символизм» и др. Многие из них обнаруживают модерные или даже постмодернистские черты, которые могут вскрываться сразу или спустя много лет: *«Нигде историческая сущность любого искусства не выражается с такой силой и яркостью, как в качественной необоримости «модерна»*, – писал Адорно [Адорно 2001: 53]. Модерн и постмодернизм – это самостоятельные и одновременно тесно связанные между собой категории культуры. В культурно-историческом контексте *постмодернизм* можно рассматривать как коррелят модерна, в эстетическом же плане постмодернизм – контрагент модерна. Культурно-исторический дискурс модерна в немецкоязычных странах предполагает изучение качественно различных культурно-исторических дискурсов, развивающихся во всей диахронно-синхронной сложности, начиная с *раннего модерна*: романтическая эпоха XIX века, *зрелого (или исторического) модерна*: рубеж XIX – XX веков, *модернизма (или классического модерна*) в общепринятом в нашей культурологии понимании и *постмодернизма* последней трети XX века [Цветков 2003: 124] .

Библиографический список

1. Адорно Т.-В. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – 527 с.

2. Зверев А.М. Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НРК «Интелвак», 2001. – С. 566-571.

3. Ковалева О.В. О.Уайльд и стиль модерн. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 168 с.

4. Лиотар Ж.- Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейа, 1998. – 160 с.

5. Сарабьянов Д. В. Модерн. История стиля. – М.: Галарт, 2001. – 343 с.

6. Тульчинский Г.Л. Возможное как сущее // Эпштейн М. Философия возможного. – СПб., 2001. – С. 7-21.

7. Цветков Ю.Л. Понятие литературного модерна // Цветков Ю.Л. Литература венского модерна. – М.; Иваново: МИК, 2003. – С. 101-127.

8. Bürger P. Moderne // Fischer Lexikon Literatur. Frankfurt am Main: Fischer, 1997. – Bd. 2. – S. 1286-1294.

9. Freund W. Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. Köln; Graz: Böhlau, 1957. – 114 S.

10. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken: Philosophische Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. – 285 S.

11. Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971. – 404 S.

12. Herders Werke in 5 Bänden. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1978. Bd. 2. – 424 S.

13. Jauss H.-R. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1970. – 251 S.

14. Winkelmann J.J. Kunsttheoretische Schriften. Baden-Baden; Straßburg: Heitz, 1962. Bd. 1. – 172 S.

J.L. Zwetkow
(Russland, Ivanovo)

DER KULTURHISTORISCHE DISKURS DER DEUTSCHSPRACHIGEN MODERNE

Im Artikel werden verschiedene Aspekte der Entstehung, des Werdens, Beschreibung, Kategorisierung, Bewertung und Erklärung der widersprüchlichen Natur des deutschsprachigen Begriffs «die Moderne» untersucht, die in der Triade des modernen humanitären Wissens «Moderne-Modernismus-Postmodernismus» eine gewisse semantische Füllung wie Vormodernismus hat.

Stichworte: die Moderne, kulturhistorischer Diskurs, Jugendstil, Modernismus, Postmodernismus

Н.В. Шарышова
(Россия, Тула)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА МУЗЫКАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ «ГОТИЧЕСКИЙ РОК»

В данной статье метод критического дискурсивного анализа был применен для исследования эволюции песенного дискурса музыкального направления «готик-рок» и выявления признаков влияния предшествующей субкультуры «панк-рок».

Ключевые слова: дискурс, социолингвистика, готический рок

В последние десятилетия песенный дискурс как особый вид текста привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных

лингвистов, поскольку подобные исследования помогают глубже понять роль данных текстов в формировании эстетических и нравственных ценностей личности и проследить влияние песен на мышление и сознание слушателей.

Термин «дискурс» – одно из наиболее сложных понятий современной науки. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136-137].

Как правило, для дискурса характерна соотнесенность с целым слоем культуры, социальной общностью и конкретным историческим периодом. Согласно концепции Т.А. ван Дейка, дискурс представляет собой социальное явление: «это язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [Цит. по: Миронова 1998: 13].

Метод критического дискурсивного анализа позволяет анализировать тексты не только с позиции его значения и используемых в нем приемов, но и с учетом всех социокультурных факторов, оказавших влияние на заданный дискурс.

В качестве объекта исследования был выбран англоязычный песенный дискурс музыкального направления «готический рок». Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть роль и место социокультурного компонента в формировании данного дискурса, а также проследить влияние идеологии панк-рока на творчество групп первой волны готик-рока.

Принято считать, что темой песен готик-рока в основном являются внутренние переживания авторов, однако нельзя забывать, что данное музыкальное направление зародилось в среде панк субкультуры, для которой характерно открытое выражение социального и политического протеста.

По мнению британского социолога Дика Хебдиджа, субкультуры возникают в ответ на ситуацию в обществе и политические события эпохи. В 1960-х годах Великобритания пребывала в сложном экономическом положении. При внешнем благополучии общественные ожидания постепенно рушились, национальная самооценка все больше снижалась, а вера в равные возможности людей вне зависимости от их класса и расы практически исчезла. Хотя общество в целом сохраняло пассивность, определенные негативные изменения в настроениях людей стали неизбежными. Растущая безработица затруднила интеграцию иммигрантов в общество, способствовала их дальнейшему отчуждению и процветанию дискриминации. К концу 60-х неофашистские группировки объединились в Национальный фронт. В 70-х возросло число радикальных движений, кроме того ситуация усугублялась и из-за угрозы террористических атак со стороны Ирландской республиканской армии. Результатом реформ правительства М. Тэтчер стала массовая безработица в большинстве регионов Великобритании и раскол в обществе.

Именно нестабильная и напряженная ситуация и мрачные взгляды на будущее страны послужили причиной обращения молодежи к панк- субкультуре, влияние которой проявлялось не только в моде и музыке, но затрагивало и такие общественно-политические движения как анархизм, радикализм «зеленых» и в некоторых случаях даже неофашизм. Из-за роста популярности Национального фронта, преступления на почве расизма стали обыденностью, что не могло не повлиять на творчество музыкантов. Многим группам пришлось отказаться от использования свастики в своей символике, так как возросли нежелательные ассоциации с нацистской идеологией. Именно эта ситуация нашла отражение в песне «Metal Postcard (Mittageisen)» группы the Siouxsie and the Banshees, которая с самого начала своей карьеры заигрывала с символикой Третьего рейха.

К лету 1977 года произошел кризис панк-рока, повлекший за собой возникновение пост-панка, представители которого позже сформировали так называемую первую волну готического рока. Основной

чертой лирики этих групп стало описание внутренних переживаний, не отличавшихся оптимизмом. Анализ лирики подтвердил, что исполнители практически отбросили прямолинейную критику политики и общества, присущую панк року и предпочли вести повествование через призму собственных чувств.

В ходе изучения текстов творчества групп того времени, было выделено несколько основных тем: противостояние власти, обществу и навязываемой идеологии, индивидуализм и неспособность найти свое место в мире. В качестве материала исследования послужили тексты песен исполнителей, относившихся к начальной стадии формирования готической субкультуры – Joy Division, the Siouxsie and the Banshees, UK Decay, Sex Gang Children.

Стилистический анализ текстов показал, что ключевым стилистическим приемом песенного дискурса готик-рока является метафора, несущая негативную коннотацию, например окружающий мир у Joy Division превращается в ледниковый период: *«I'm living in the Ice age»*, а у UK Decay становится танцем декаданса: *«You can be your own king in the dance of decadence»*. Для описания действий в песне «Metal Postcard» the Banshees используются такие слова как *clockwork, jerk, pluck, recoiling, machinery*, что превращает героев в подобие запрограммированных машин. О том, что эти действия были навязаны извне, свидетельствует предпочтительное употребление пассивного залога (*«Flints light up the eyes of the seated family»*).

Задача данного исследования состояла в том, чтобы выяснить, в какой степени готический рок перенял социально-политическую направленность песенного дискурса своего прародителя – панк-рока. Трудности в ходе анализа были связаны, прежде всего, с неоднородностью данных музыкальных стилей и отсутствием расширенного контекста в большинстве песен. В последнем случае немаловажную роль сыграл метод интертекстуального анализа, который помог интерпретировать метафоры и воссоздать контекст песен исходя из их взаимосвязи с другими произведениями искусства.

Помимо неоспоримого сходства двух дискурсов были выявлены существенные трансформации, произошедшие после окончательного обособления стиля готик-рока. Во-первых, песни панк-рок исполнителей были автобиографичными, повествование велось от первого лица, что производило дополнительный шокирующий эффект на слушателя. В песнях готического рока постепенно на первое место вышла манера написания текстов от третьего лица, создающая впечатление наблюдения со стороны. Особенно ярко это проявляется в творчестве группы the Siouxsie and the Banshees.

Во-вторых, все чаще действие в песнях готик-рока стало переноситься из реальной жизни в вымышленный мир, в котором имеют место сверхъестественные явления и существа. Зачастую используются аллюзии на фильмы ужасов, литературные готические и фантастические произведения.

В результате исследования было установлено, что песенный дискурс первой волны готик-рока, сформированной под влиянием панк-рока, действительно отражает многие проблемные аспекты общества и изменения в социальной сфере. В первую очередь, авторов волнуют такие проблемы, как радикальные нацистские движения, домашнее насилие и ущемление свободы мысли и слова.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136-137.

2. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М.: Тезаурус, 1997. – 158 с.

3. Hebdige D. Subculture: the Meaning of Style. – Taylor & Francis, 2002.

4. Hurmerinta S. “BRITISH SOCIETY IN GOTHIC ROCK: Siouxsie and the Banshees 1978–1979”, Master’s thesis. – University of Jyväskylä, 2014.

N.V. Sharyshova
(Tula, Russia)

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE EVOLUTION OF GOTH ROCK LYRICS' DISCOURSE

This research uses the critical discourse analysis to study the evolution of lyrics' discourse of the first wave of Goth rock and looks at the signs of Punk rock's discourse influence.

Keywords: discourse, sociolinguistics, Goth rock

Е.С. Шевченко
(Россия, Самара)

ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА

В статье отмечается экспериментальный характер театрального дискурса Мейерхольда; прослеживается его трансформация от авторской установки на театральную архаику до новейшего метода «биомеханики».

Ключевые слова: театральность, театральный дискурс, Мейерхольд, балаган, ярмарочный театр, метод «биомеханики»

В театральном искусстве Вс. Мейерхольд ощущал себя изобретателем, экспериментатором и сохранял за собой статус театрального лидера и новатора на протяжении сорока лет творческой деятельности. За это время его взгляды на театр претерпели ряд существенных трансформаций.

На раннем этапе творческой деятельности, во второй половине 1900-х – начале 1910-х годов, театральная теория Мейерхольда резонирует с неоромантическими и символистскими теориями, тем не ме-

нее, не сливаясь ни с одной из них и не теряя собственной оригинальности. Программу новейшей драмы и условного театра Вс. Мейерхольд впервые изложил в сборнике «О театре» (1913) и двух «Балаганах», один из которых написан совместно с С. Бонди. Романтические и символистские корни расположенности Мейерхольда к старинному театру и гротеску очевидны; гротеск властвует в его театре – и неподвижном, застывшем, «мистериальном», над которым довлеют Рок и Судьба, и стремительном, динамичном, «балаганном», где распоряжаются непреднамеренность и случайность. *Искусство гротеска* он связывает не со сценическим оформлением (как и в ярмарочном, площадном театре антуражу отводится весьма скромная роль), но с *искусством актёра*. В своих взглядах на театр Вс. Мейерхольд исходит именно из *актёра* как средоточия театрального процесса – процесса преображения. Он полемизирует с Г.Э.Г. Крэгом, основателем «безмолвного» театра, превратившим актёра в идеального исполнителя воли режиссёра, в «сверхмарионетку». За режиссёром Мейерхольд оставляет знание законов театра, за актёром же – мастерство (владение техникой) и импровизацию. Законы собственного театра, как и актёрскую технику, он выводит из многовековой истории народного театра – балаганной традиции, а именно: древнегреческих ателлан, итальянской commedia dell’ arte и испанского театра эпохи позднего Возрождения, а также французских ярмарочных театров XII-XVIII веков, располагавшихся на площадях Сен-Жермен и Сен-Лоран в предместьях Парижа. В полемике с поклонником литературных неомистерий А.Н. Бенуа театр Вс. Мейерхольда обретает культовую фигуру: это *cabotin – странствующий комедиант*, с помощью которого западный театр XVII-XVIII веков достиг небывалого расцвета, впоследствии тем же самым театром незаслуженно забытый; *мим, ателлан, шут, гистрион, жонглёр, менестрель* – его близкие и дальние родственники. Что для Бенуа лишь «обман» – для Мейерхольда бесценный дар; в его представлении *каботин* – «владелец чудодейственной актерской техники, в которой так нуждается современный театр. Однако Мейерхольд не сводит каботинаж к набору технических

приёмов, которые будущему театру необходимо перенять у площадного театра прошлых эпох. Он понимает *каботинаж* предельно широко и отождествляет с *театральностью*. Театр обязан каботинажу фактом своего рождения: «Начало театра надо искать именно во временах расцветающего каботинажа. Было бы ошибочно думать, что, например, театр в госпитале св. Троицы возник из мистерий. Нет. Он возник из среды уличной мимики при торжественных въездах королей» [Мейерхольд 1968: 213].

Мейерхольд настаивает на строгом разграничении двух областей публичных действ – *театральной* и *мистериальной*. С его точки зрения, именно каботинаж обнаруживает разницу между *театром* и *мистерией – искусством* и *священнодействием*. Символистская концепция соборного театра не оказала на Мейерхольда какого-либо существенного влияния, так что и к работам Вяч. Иванова он обращался в поисках не соборности, но репертуара для нового театра. В отличие от символистов, культивировавших древнюю мистерию Элевсиса, мистерию-таиство, мистерию-посвящение, он ориентировался на мистерию Средневековья, связанную с церковной службой (ministerium) и, как следствие, назидательную и наглядно-демонстративную. Среди «серьёзных» форм старинного театра именно мистерия, а также родственные ей миракль и моралите привлекали Мейерхольда более всего. Средневековая мистерия не могла обойтись без каботинажа как элемента народности, но, вбирая его в себя в виде фарсов, лацци и интермедий, она отдалялась от амвона церкви и, утрачивая исконные ритуальные смыслы, сближалась с площадью, более напоминая зрелище, нежели таинство. Реконструкция мистерии интересовала Мейерхольда преимущественно в плане выявления в ней *субстрата каботинажа* и овладения *техникой старых комедиантов*. Эту цель Мейерхольд преследовал в постановке по П. Кальдерону «Поклонение Кресту», которая была разыграна в марте 1910-го года в «Башенном театре». Обращался он и к стилизациям современных авторов – самым значительным опытом инсценировок подобного рода стала мистерия А.М. Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а

также прение Живота со Смертью». Более заметное место, чем реконструкция мистерии, в теоретических изысканиях и в режиссёрской практике Мейерхольда занимала реконструкция балагана. В конце 1900-х–начале 1910-х годов в его экспериментальную лабораторию, наряду с мистерией и мираклем, оказались вовлечены такие традиционные формы и жанры площадного театра, как фарс, клоунада, пантомима, commedia dell'arte, а также родственные площадному театру фьябы К. Гоцци. Он поставил в «Териоках» и в Студии на Бородинской несколько арлекинад, в числе которых и «Арлекин – продавец палочных ударов», цирковое представление «Уличные фокусники», сцену-пантомиму «Мышеловка» из шекспировского «Гамлета», клоунаду-фарс с предметами «Две корзины» в духе К. Гоцци; в «Доме интермедий» (под маской Доктора Дапертутто) – знаменитую пантомиму «Шарф Коломбины».

По мысли В.Э. Мейерхольда, *каботин* может быть вне театра (подтверждением тому – его союз с мистерией), но нет театра без *каботинажа*. В качестве первичных элементов театра он называет *маску*, *жест*, *движение* и *интригу*, основанную на приёмах народной игры. *Театральность* Мейерхольд противопоставляет *литературности,* поскольку *мимизм* и *движение* в театре либо *предшествуют слову*, либо полностью *вытесняют слово*. На территории условного театра каботин вступает в схватку с ритором и выходит из неё победителем, благодаря аргументу более вескому, чем слово, – благодаря движению. Для Мейерхольда обращение к движению и жесту было попыткой избавить современный театр от беллетризма и привить ему «иммунитет театральности», поскольку в условиях сцены *реальное действие*, *зрелище* обладают неоспоримыми преимуществами перед словами, которые «лишь узоры на канве движений».

Модели театра, выстроенной в начале творческого пути, Мейерхольд остался верен до конца, поскольку видел в ней залог «будущего гиганта – всенародного театра». И в дальнейшем авангардизм его спектаклей, будь то революционный, как в «Мистерии-буфф», или конструктивистский, как в «Великодушном рогоносце», «Учителе

Бубусе» или «Ревизоре», смыкался с театральной архаикой. Однако в 1920-е годы эта модель существенно трансформировалась благодаря разработанному Мейерхольдом понятию «биомеханики».

Кинесика, *эвритмия* и *мимизм*, уподобленные древнему искусству *мима*, *марионетки* и *маски*, легли в основу разработанного Мейерхольдом в начале 1920-х годов метода «биомеханики», в котором собственные наблюдения сомкнулись с предшествующим опытом футуристического театра. Основным инструментом «биомеханики» Мейерхольд объявляет напоминающее *машину* или *механизм* тело актёра и его динамику в сценическом пространстве. В «биомеханике» актёр ставится в положение человека, постоянно организующего свой материал (тело) при помощи «телесного дренажа»; он держит в уме не образ, а запас находящихся в его распоряжении технических приемов. О новаторстве этого театрального метода исследователь И.М. Сахно пишет следующее: «Невербальная коммуникация в театре В. Мейерхольда превращается в игру знаков, каждому образу тела соответствует своя телесная схема, своя семантика поз, мимических жестов и жестов головы и ног. Человек как “бессловесный сценарий” становится важнейшим составляющим театрального действа, в котором коммуникативный акт – символический знаковый процесс и одновременно яркое зрелище синтетического характера» [Сахно 2008: 656]. Между тем, реализация стратегии движения и жеста в теории и практике авангардного театра Мейерхольда указывала на его связь с кинетической и эвритмической стратегией различных форм фольклорного театра, их наивной «машинерией».

Подводя итоги, отметим, что Вс. Мейерхольду принадлежит одна из ключевых ролей в становлении русского авангардного театра и открытии оригинальной методологии и приёмов, повлиявших на практику мирового театра не только первых десятилетий, но всего XX века.

Библиографический список

1. Мейерхольд В.Э. Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. В 2-х ч. М.: Искусство, 1968. Ч. 1 (1891-1917).
2. Сахно И.М. «Стратография тела» в футуристическом театре // Авангард и Театр 1910-х – 1920-х годов. М., 2008.

E.S. Shevchenko
(Russia, Samara)

EVOLUTION AND TRANSFORMATION OF VSEVOLOD MEYERHOLD'S THEATRICAL DISCOURSE

The paper studies the experimental character of Vsevolod Meyerhod's theatrical discourse. The author traces its transformation from author's theatrical archaic character to the newest method of "biomechanics".

Keywords: theatricality, theatrical discourse, Meyerhold, buffoonery, fair theatre, "biomechanics" method

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абрамова Ирина Евгеньевна**, д.ф.н., зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета lapucherabr@gmail.com;
2. **Балашко Роберт**, преподаватель кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия;
3. **Балашова Елена Сергеевна**, МГУ им. Н.П. Огарева balashovalena85@mail.ru;
4. **Безбородникова Елена Васильевна**, магистрант филологического факультета Самарского университета lebephoebe@gmail.com;
5. **Безрукова Анна Андреевна**, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, декан филологического факультета Самарского университета annabezrukova_ssu@mail.ru;
6. **Беспалова Екатерина Викторовна**, к.ф.н., доцент кафедры немецкой филологии Самарского университета bespalowa@mail.ru;
7. **Борботько Людмила Александровна**, к.ф.н., преподаватель кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета ludmilaborbotko@gmail.com;
8. **Бутылов Николай Васильевич**, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова butylovnv@rambler.ru;
9. **Васильева Эльвирина Петровна**, к.ф.н., доцент кафедры английской филологии Самарского университета samgueng@mail.ru;
10. **Викулова Лариса Георгиевна**, д.ф.н., профессор кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета vikulovalg@mail.ru;
11. **Вольф Норберт Рихард**, д.ф.н., профессор кафедры немецкого языкознания университета г. Вюрцбург, ФРГ NRWolf@t-online.de;

12. **Воротникова Анна Эдуардовна,** д.ф.н., профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежского государственного педагогического университета vorotn@rambler.ru;

13. **Герасимова Светлана Анатольевна,** к.ф.н., ст. преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики института иностранных языков МГПУ gerasvetlana@yandex.ru;

14. **Голубкова Ирина Васильевна,** аспирант кафедры немецкой филологии Самарского университета iriko13@yandex.ru;

15. **Гончарова Мария Анатольевна,** к.ф.н., доцент кафедры немецкой филологии Самарского университета mgontcharova@gmail.com;

16. **Гринштейн Алла Семёновна,** к.ф.н., доцент кафедры английской филологии Самарского университета alla-grinshtein@yandex.ru;

17. **Данилова Нина Константиновна**, д.ф.н., профессор кафедры немецкой филологии Самарского университета danilova_nina@mail.ru;

18. **Денисов Никита Вячеславович**, аспирант кафедры английской филологии Самарского университета, учитель английского языка МБОУ СОШ №36 nickadidass01@yandex.ru;

19. **Дубинин Сергей Иванович**, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Самарского университета doubinin@mail.ru;

20. **Евграшкина Екатерина Евгеньевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры немецкой филологии Самарского университета, научный сотрудник института славистики университета г. Трир (ФРГ) evgeka87@gmail.com;

21. **Ейкалис Юлия Аркадьевна**, аспирант кафедры немецкой филологии Самарского университета juliaey@mail.ru;

22. **Есенска Петра**, Ph.D, доцент кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия Petra.Jesenska@umb.sk;

23. **Иноземцева Надежда Владимировна**, к.ф.н., доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета vvvictoria2008@mail.ru;

24. **Копшукова Екатерина Валерьевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры английской филологии Самарского университета katia-kopshukova@ya.ru;

25. **Кострова Ольга Андреевна,** д.ф.н., профессор кафедры немецкого языка ПГСГУ Olga_Kostrova@mail.ru;

26. **Котелевская Вера Владимировна,** к.ф.н., доцент кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета, luga17@rambler.ru;

27. **Кривченко Ирина Борисовна**, к.ф.н., ст. преподаватель кафедры английской филологии Самарского университета irina_krivchenko@mail.ru;

28. **Кучумова Галина Васильевна**, д.ф.н., профессор кафедры немецкой филологии Самарского университета gal-kuchumova@mail.ru;

29. **Морозова Алевтина Николаевна,** д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английского языка и методики преподавания иностранных языков ПГСГУ alevtina.morozova@gmail.com;

30. **Никитин Василий Николаевич,** доцент кафедры немецкой филологии Самарского университета, директор ЦНЯ ин-та Гёте niva@samsu.ru;

31. **Пецникова Яна**, Ph.D, ст. преподаватель кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия jana.pecnikova@umb.sk;

32. **Пичкур Анна Ивановна,** к.ф.н., доцент кафедры немецкой филологии Самарского университета pitschkur@mail.ru;

33. **Плисов Евгений Владимирович**, к.ф.н., заведующий кафедрой теории и практики немецкого языка НГЛУ им. Н.А. Добролюбова e_plissov@mail.ru;

34. **Плотницкий Юрий Евгеньевич**, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков Самарского университета yuriplo@mail.ru;

35. **Рассоха Марина Николаевна**, к.ф.н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета mrassokha@gmail.com;

36. **Савелова Яна**, Ph.D, преподаватель кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия jana.savelova@umb.sk;

37. **Слатинска Анна**, Ph.D, ст. преподаватель кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия anna.slatinska@umb.sk;

38. **Стефанский Евгений Евгеньевич,** д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Самарской гуманитарной академии estefanski@rambler.ru;

39. **Стулайтерова Алена**, Ph.D, зав. кафедрой кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия Alena.Stulajterova@umb.sk;

40. **Сычёва Мария Александровна**, учитель французского языка Многопрофильного технического лицея № 1501, г. Москва maria372@yandex.ru;

41. **Толстова Татьяна Витальевна**, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков и русского как иностранного Самарского университета tvtolstova@yandex.ru;

42. **Трофимова Юлия Михайловна**, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии МГУ им. Н.П. Огарева primavera49@list.ru;

43. **Тузлаева Елена Анатольевна,** к.ф.н., преподаватель кафедры английской филологии Самарского университета zenon06@rambler.ru;

44. **Харьковская Антонина Александровна**, к.ф.н., профессор кафедры английской филологии Самарского университета aax2009@mail.ru;

45. **Хорошевская Юлия Павловна,** соискатель кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета armaiti@inbox.ru;

46. **Цветков Юрий Леонидович,** д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Ивановского государственного университета jzvetkow@mail.ru;

47. **Чертоусова Светлана Викторовна**, преподаватель кафедры теории речи и перевода МГУ им. Н.П. Огарева pippi-langstrumpf@yandex.ru;

48. **Шарышова Наталья Викторовна,** аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого shkipper666@inbox.ru;

49. **Шевченко Вячеслав Дмитриевич**, д.ф.н., зав. кафедрой английской филологии Самарского университета slash99@mail.ru;

50. **Шевченко Екатерина Сергеевна**, д.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета slash99@mail.ru;

51. **Яворчикова Яна**, Ph.D, доцент кафедры англистики и американистики Университета им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия jana.javorcikova@umb.sk;

Научное издание

ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСОВ

Выпуск 1

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Титульное редактирование *Т. И. Кузнецовой*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 05.04.2016. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать оперативная. Усл.-печ. л. 24,75; уч.-изд. л. 26,5. Гарнитура Times.
Тираж 200 экз. Заказ № 2726
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. 8 (846) 334-54-23
Отпечатано с готового оригинала-макета
на участке оперативной печати СГАУ